Ахиллес
или Мир
Аль-Азифа
Бурбуля Р.Л.

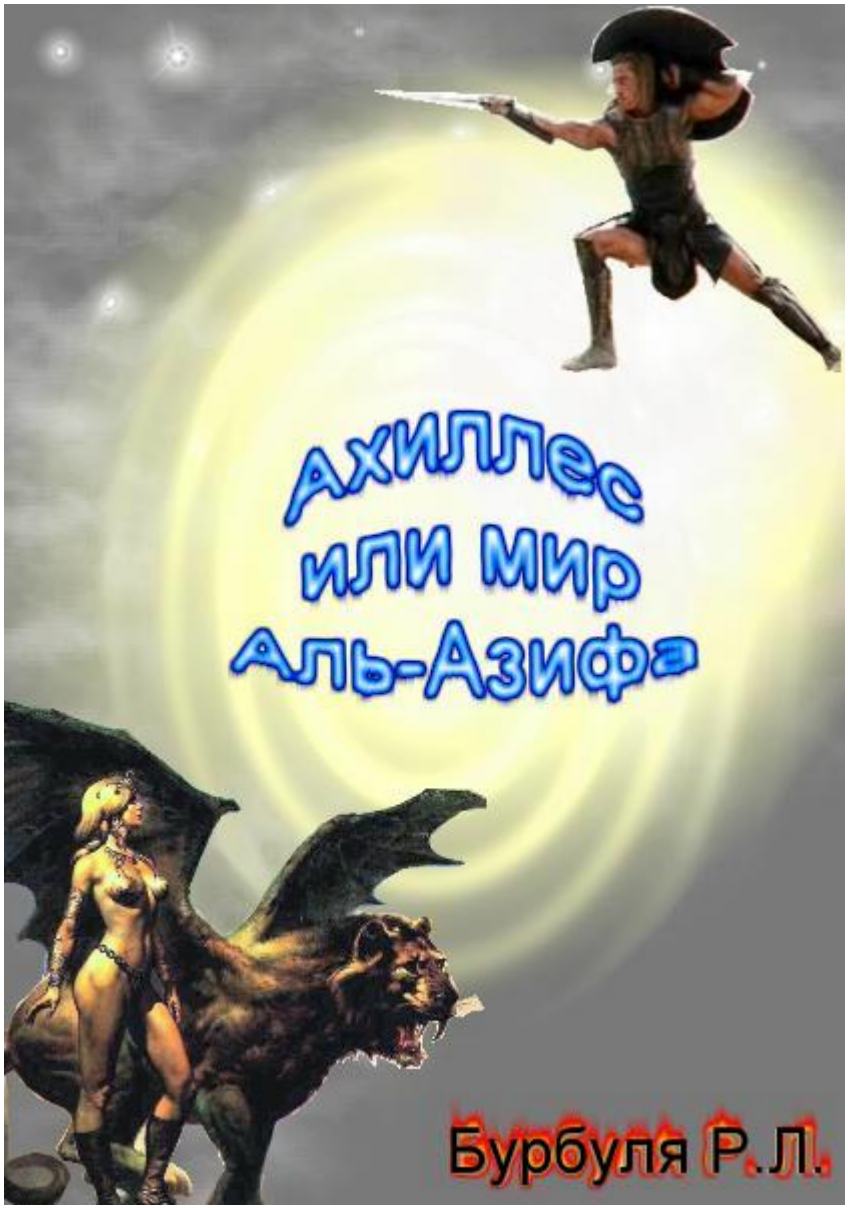
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мир, которому суждено пройти через последнюю битву, еще не знает того, что его судьба предначертана. И не происки Богов, не суть избранного, не в силах изменить судьбу МИРА ДЕМОНОВ. Мира, который тьму веков носил гордое имя АЛЬ-АЗИФ.

- Бурбуля Руслан

Бурбуля Руслан
Ахиллес или мир Аль-Азифа



Создание.

ОН появился во временна, когда в мироздании из первичного, образовался упорядоченный хаос.

Изначально, первичный Хаос пожирал самого себя. Это процесс занял не года и не века, и даже не тьму тысячелетий — это заняло ВЕЧНОСТЬ, так как само понятие как время, в тот период отсутствовало. Хаос пожирал самого себя и при этом уплотнялся, копя в своей структуре, огромное количество первичных энергий. И вот, наступил момент, когда его тело было настолько сжато то размеров атома и в то же время настолько уплотнено, до тяжести Веленной, что в его сущности произошли изменения. Качество перешло в количество. Его тело разорвало на неописуемое количество составляющих и именно благодаря этому, Вселенная обрела жизнь.

Первичное перетекло в упорядоченное.

Из духа Хаоса, образовался тонкий мир. Из его тела — материальный. В тонком мире появились примитивные поля. Их было множество. Все они отличались друг от друга, как по содержанию, так и по структуре. Но со временем, из всего этого многообразия полей, выделились две группы, которые обрели возможность накапливать информацию. Информацию они получали из противоборства двух своих начал. Янь и цинь, + и — назовите это как хотите, все равно описать это не возможно. От соприкосновения двух противоположностей, образовывалась третья константа, которая в скором временем, сама по себе стала организовываться в отдельный вид энергии и имя ей Любовь. С процессом эволюции тонкого мира, торс ионные поля, приняли форму спирали. Для материи — эта форма станет знаком развития вселенского разума. Его изначальной формы. В спиралевидном состоянии, торс ионным полям было легче усваивать и накапливать информацию матрицу. Отличием двух противоборствующих торс ионных полей заключалось в том, что поля со знаком + (условное обозначение), были более приспособлены к слиянию друг с другом посредством своего объединения с энергией Любви. Все это приводило к улучшению защиты от своих антиподов (торс ионных полей со знаком — , суть которых разрушение). Ведь то поле, что оказывалось слабее своего 'соперника' растворялось в его матрице, тем самым, обогащая собой, внутреннюю составляющую своего 'врага'. Их образования, или как потом их назовут БОГАМИ (Быстро Объединяющиеся ГаллА Матрица Изначального), успешнее

других, противостояли единичным антиподам. Со временем Боги стали объединяться в одно огромное информационное поле, которое постепенно поглотило все энергетические противоположности и замерло в своем развитии.

Так была одержана первая битва Упорядоченного Добра над упорядоченным Злом.

Но этот факт и стал тем фактором, который заставил это огромное торс ионное поле, принять единственно верное решение — освоить материю. Ведь смыслом существования единого Бога, стало накапливание и систематическое освоение полученной информации. Без прогресса в этом, само его дальнейшее сосуществование становилось бессмысленным.

На ряду с эволюционным развитием тонкого мира, точно такие же процессы протекали и в материальной составляющей Единого Бытия. Мельчайшие частицы преобразовывались до состояния атома и электронов, те в свою очередь, уплотнялись в первичные массы, из которых, в дальнейшем и образовывался весь этот мир. Звезды, планеты, энергии и так далее. Когда материя окончательно сформировалась, Единый решил воссоздать свое начало в материи. Он познал, что материя — неустойчивая переменная, склонная к самоуничтожению. Если поместить в материю часть своего духа, то рано или поздно, эта часть начнет перевоплощаться в первичный антипод (торс ионное поле со знаком —). Антиподы при слиянии с Изначальным, снова вступят в противоборство, которое принесет новое познание окружающего Бытия и само собой, приведет к дальнейшему развитию единой информационной матрицы.

Так были созданы первые сущности, которые были напрямую связанны с тонким миром, но в то же время они могли реализовываться в первозданной материи. И дано было им определение — Дух. Однако в скором времени Единый Бог осознал, что такая форма познания, несет в себе угрозу самоуничтожения. Каждая его частичка стремилась самостоятельно возродиться в материи, что бы став Духом, перевоплотиться в антипод и после возвращения в материнское лоно, привнести своим перерождением, новое знание. В скором времени, в теле Бога, накопилась огромная отрицательная количественная масса, которая в конце концов, могла привести к самоуничтожению единого информационного поля.

И тогда было создано Время.

Оно регламентировало срок жизнедеятельности Духов в материальной составляющей Вселенной. Однако, точно зная временной предел своего пребывания в материи, некоторые Духи создали элементариев, в которых они могли оставлять часть своей личности перед тем как слиться с Единым. Этими элементариями стали ЛЮДИ и им подобные существа. В своем развитии, они полностью зависели от своего создателя, так как именно Он (то есть Дух) направлял, учил и давал жизнь своим детям. При своем сотворении человечество было сконструировано таким образом, что для полноценного рождения из тонкого мира забиралась маленькая частица Единого и названо это было Душой.

По началу, все это было угодно Единому Богу.

При возвращении души в первичное лоно, справиться с ней было очень просто, а качество обретенной информации, вполне хватало на то, что бы чувствовать постоянное развитие. Но настал момент, когда элементариев стало столь много, что поток антиподных частиц усилился в многократное количество раз. И снова Единство Целого было поставлено под сомнение. Тогда Бог разделил единый мир на многочисленные составляющие. Посредством изменения структуры пространства и времени, и единый материальный мир, был разбит бесконечное множество. Но как и следовало ожидать при прошествии некоторого времени, все повторилось с начала. Тогда Бог принял решение об уничтожении по сути своих же творений.

И названо это было — Армагеддоном.

Уничтожались правда не сами миры, а их обитатели. Когда приток антиподных душ становился настолько мал, что все это могло привести к торможению развития единого информационного поля, Бог снова населял миры духами и все начиналось с начало.

И названо это было круговоротом.
Таков жизненный цикл.
Нет Добра нет Зла — есть только Познание и Само Совершенство.

Пробуждение.

Его Я блуждало в материнском начале. Ему было приятно и хорошо. Нет, даже не так. Нет просто таких слов, что бы описать то великолепие и умиротворение, которые царили в его сущности. Он осознавал, что он индивидуален и в то же время, что он часть всего, что его окружает. А окружал его Абсолют. Он не знал, сколько продолжалась эта нега, но наступил момент, когда кто-то властный и настойчивый в своем желании, позвал его помимо его же воли обратно. Он знал, что место, куда его призывают, зовется ТАРТАР. И что будь на то его воля, он бы туда никогда больше не возвращался.

***

В голове стало проясняться. Ахилл приподнялся на правый локоть и попытался сфокусировать свое зрение на окружающей его действительности. Было темно и сыро.

— Не уж-то я в темнице? — удивленно подумал он — Быть того не может.

Он сел и посмотрел на свое ложе. Оно было каменным, но покрыто травами, с сильным дурманящим запахом.

— Ни чего не понимаю.

Он попытался вспомнить кто он. Получилось как-то странно.

Он осознал, что он Ахиллес, царь Мирмидонцев, лучший воин Эллады (своей родины), Ахейского корня, но вот как он здесь очутился, и как он жил до этого — Вспомнить не удалось. Он попытался возродить в своем воображении лица родителей, но в голове было пусто. Попытался вспомнить своих друзей, опять ничего. Свои битвы — пустота. Но как бы это странно ни было, он помнил, что рожден от союза земной женщины и божества, не проиграл ни одной битвы, и что его воинской доблестью восхищался весь цивилизованный мир.

Ахиллес встал с ложа и внимательно осмотрел свое тело. Ни каких видимых ранений, порезов или кровоподтеков.

'Может меня по голове чем-то огрели и поэтому я ничего не помню?'

Помещение было не большим и с очень причудливо отделанными стенами. Подойдя к одной из них поближе, его глазам предстали картины не вероятных битв людей с еще более не вероятными персонажами — монстрами. Ахилл дотронулся рукой до стены и отметил про себя, что стены мраморные и сразу подивился.

' Как это возможно? На куске цельного мраморного блока, вылепить такие фигурки?'

Все они были словно родными частями этого материала, так как обработки типа шлифовки или резьбы, ахеец не заметил. Мастер словно расплавил мрамор до состояния глины, вылепил из него нужную сцену, разгладил нетронутую поверхность и потом, заставил все это стать обратно сплошным монолитом.

Сзади, в спину ударил яркий луч света. Он не стал разворачиваться… Он знал, если там враг, то он уже мертв, если нет, тогда надо показать, что он ничего не боится и умеет контролировать как свое тело, так и разум.

— О прекрасный Ахиллес. Любимец богов и своих соплеменников. Ты действительно так же хорош, как о тебе отзывалась моя мать Афина? — последнее выражение, скорее было вопросом нежели утверждением.

'Так вот оно что. Я умер и сейчас нахожусь в загробном мире Богов!'

Он не спеша посмотрел и увидел перед собой лишь ослепительный свет, которое постепенно трансформировалось в облако. Оно было с рост среднего человека и понемногу стало уплотняться, пока не приняло форму человеческого тела.

Какое это было лицо! Оно было таким же прекрасным, как утренняя песнь соловья Геи.

— Я умер? — просто спросил он.

— О нет, мой дорогой и прекрасный избранный. Я в тайне от всех людских богов выкрала твою бессмертную душу и воссоздала тебя в своем мире, так как мне нужна помощь героя!

Ахилл стал прохаживаться в зад в перед, разминая затекшие суставы. Богиня с восхищением смотрела на обнаженного воина. И там действительно было на что посмотреть. Он был не столь уж высокого роста, около четыре локтя и два пальца в высоту (примерно 198 см.) Его торс был, как и у всех атлетов античности, развит равномерно и рельефно. Каждая мышца его тела, была четко выделена и развита пропорционально всем остальным. Его красота, для многих истинных ценителей совершенства человеческого тела (художников и философов), была соизмерима с прекрасным и даже совершенным женским телом Елены Прекрасной, из-за которой и вспыхнула Троянская война.

Его русые волосы ниспадали на обнаженные плечи, темно синие глаза, притягивали к себе, как Вселенский океан, что простирался за Столбами Геракла.

— Все твое вооружение и еда в другом помещении, следуй за мной — Богиня направилась в проем через, который в комнату попадал тусклый свет ночного небосвода.

Ахилл вышел из помещения и посмотрел на небо. Оно

сверкало бесчисленным множеством звезд и созвездий, не знакомых ни одному человеку Земли.

— Как звать тебя Богиня и для чего тебе я нужен? — выйдя из арки, он посмотрел назад и увидел, что вышел из пирамидального строения.

Оно имело около пятьсот локтей в высоту. Кругом простиралась безграничная степь.

— Я, о мой доблестный воин, Я дочь богини. У Вас ее называют Афиной в других местах по другому, но здесь ее знают, как Сияющая и это не ее имя, но качество. У нас нет имен, но есть сущность, которая и определяет нас как индивида. Ты же, зови меня Рея. Этим именем меня наделили здешние обитатели степей.

— Хорошо прекрасная Рея, а как насчет меня и моего здесь пребывания? — Ахиллес втянул горький запах полыни и почувствовал, что здесь немного прохладно.

— Для начало мой герой, ты должен поесть для того, что бы набраться сил и только после этого я тебе сообщу, для чего ты здесь!

Мир Аль-Азифа.

Если начертить на песке то, что предстало внутреннему взору Ахиллеса, то получилось бы примерно следующая картина:

Посреди вселенского Океана, находился громадный континент. Посреди него находилось Средиземноморье (название внутреннего моря). В него впадали три полноводных реки: Восточная река ХУН или желтая река, на берегах которой обосновалась одноименная империя (Хуны люди их прозвали гоблинами). Северная река Стикс или черная река, у ее истоков обитали племена Торритов (низкорослая раса походившая на летучих мышей), Сурги — ящероподобные, облюбовавшие северо-западную часть континента и Паны — существа жившие по правую стороны от 'Черной реки'. Они походили на одноименного бога эллинов, царя лесов и скотоводства. 'Южная река' Сириус или голубая река, самая полноводная. Рядом с ней обитали так же несколько рас — Кентавры; Вурды или как их все называют люди — вурдалаки. Дэви — существа без плоти. Обитали на Вечных болотах.

(Некоторые маги этого мира верили, что Болота являются вратами, из которых в этот мир, пришли все проживающие здесь расы. Однажды, из их чрева, появиться предвестник Богов и своим

появлением, ввергнет Мир в Хаос.)

Континент имел форму разорванного круга. Место, где внутренние море Аль-Азифа соединяло свои воды с Вселенским Океаном Мрака, называлось СТОПАМИ МИРА. На всем своем протяжении, континент был окружен горной грядой, поэтому холодные ветра 'Вселенского Моря Мрака' не могли влиять на жаркий климат континента. Ахиллес сейчас находился на самой западной точке — в Гремлинских степях. Из-за того, что горная гряда здесь была невысока, иногда сюда прорывалось холодное дыхание 'Моря МРАКА', по этой причине, здесь и образовалась бесконечная степь, постепенно переходящая в савану.

Степи населяли гремлены. Поселения и города людей, располагались на всем континенте. Однако их раса была разъединена, и каждый город или племя жило обособленно. Ко всему прочему они вырождались. Все это и привело к тому, что все людские территории были покорены теми или иными расами.

Во внутреннем море обитали Нейры (нейриды) существа живущие в водной среде, хотя около трех суток, способные жить вне ее пределов на открытом воздухе.

На островах внутреннего моря обитали Мины, которые своими кровожадными набегами, держали в страхе практически все расы Аль-Азифа.

Самые крупные людские города, которые до сих пор славятся своей мощью и не зависимостью это: СИД — граничащий с ареалом обитания Сургов; АРГОС — расположенный на побережье внутреннего моря и граничащий с землями подвластными империи Хун; Гивейн — леса которого простираются среди владений Кентавров.

Хуны (гоблины) — проживают непосредственно около берегов своей реки. Занимаются охотой и рыболовством. Пищу употребляют в сыром виде. Пользуются огнем только в бытовых целях. Оружие: дротики с наконечниками из костей рыб и животных. Не большие луки, плохо выделанные модификации мечей из меди.

Торриты (ДЕМОНЫ) — селятся в пещерах питаются мясом людей и животных.

Мины — (минотавры) — самая воинственная раса. Человеческое тело, но голова быка. Два с половиной метра роста и большая животная сила вот, что отличает этот вид от всех остальных. Занимаются грабежом. Зачастую их Тэйпы (семьи) нанимают правители, как наемников для разрешения спорных вопросов со своими соседями. Питаются исключительно растительной пищей. Владеют луком, секирой и деревянным щитом.

Сурги (ящероподобные) — из всех рас, эта больше всех отстает в умственном развитии. Они скорее животные нежели разумные существа, но тем не менее имеют свой язык и свои странные города, которые воздвигают из земляных комьев цементируя их своей слюной. Сурги возводили города — муравейники.

Кентавры — Полу люди полу лошади. Обладают обширными угодьями и постоянно враждуют со степняками гремленами. Оружие: большие луки; палицы; арканы.

Гремлины — Почти что люди, за исключением того, что питаются исключительно человечиной. Ведут кочевой образ жизни.

Вурды — кровососы или вурдалаки — прекрасные стрелки из лука живут на гигантских деревьях, которые растут непосредственно на берегах Сириуса. Считаются самой красивой расой Аль-Азифа.

Деви — Бестелесные создания, которые могут предсказывать судьбу. Некоторые расы им поклоняются им как Богам, например — Торриты и Хуны.

Паны — (создания с человеческим телом, но обладающие козлиными ногами и роговыми отростками на черепе. Земледельцы. Возделывают поля, живут оседло. Воюют дубинами, дротиками с каменными наконечником.

НЕВРЫ — проживают все одной колонией в своем городе Мирте. Прекрасные следопыты и бойцы. Уничтожают Сургов, враждуют с Торритами и недолюбливают Панов. После Минов считаются лучшими войнами Аль-Азифа.

Люди. Проживают по всему континенту. Независимыми городами являются Аргос; Гивейн; Сид. Имеют каждый свою армию. Ведут постоянные войны для того, чтобы не быть уничтоженными остальными расами.

Миссия.

Ахиллес слушал всю эту историю в пол уха. При этом, он поглощал неимоверное количество пищи, так как после своего пробуждения, почувствовал звериный голод. Еда была простой, но очень сытной и главное, что ее было много.

На большом, видимо жертвенном камне, расположенным перед входом в пирамиду, были сложена нехитрая снедь. Большая амфора молочной сыворотки, ломтики провяленного мяса неизвестного животного, сыр, хлебные лепешки и миска с темной жидкостью. После того, как Ахилл обмакнул свой палец в миску и поднес к своему носу, он убедился, что это свернутая кровь.

Утолив свой голод и выслушав в пол уха рассказ Реи, он попросил ему показать обещанное оружие. Богиня лишь скривила свои прекрасные губы и с высокомерием изрекла:

— Ты я вижу Человече совсем не боишься Богов и даже питаешь к ним чувство презрения.! А между тем, я в мгновение ока, могу превратить тебя в полоумного калеку и обречь тебя на страшные мучения.

— Ну, если я правильно понял, ты этого не сделаешь, так как я нужен тебе для выполнения какой-то миссии. А раз так, то и не стоит тратить попусту наше с тобой время. Где оружие? — Ахилл посмотрел на дочь Афины и на его лице отразилась тень ужаса.

Существо из прекрасной девы, перевоплотилось в страшного монстра о двух головах. Теперь оно походило на крылатого змея.

— Та как ты смеешь раб так разговаривать с твоей госпожой. Пади ниц и взмолись о прощении, или же умри, как навозный червь.

— Я, хоть и человек, но Я мужчина и воин. Более того… Я признанный герой всей Эллады, и пусть я не помню того, чего я добился в прошлой жизни, зато не помню и того, что бы Ахиллес преклонял колени перед кем бы то ни было. — он с вызовом уставился на беснующуюся тварь и стал хоть и со страхом, но не теряя при этом своего достоинства, ожидать своей смерти.

Змей перестал скалиться и снова перевоплотился в прекрасную деву.

— Что ж, а ты и впрямь хорош. То, что мне, как раз и нужно. Но запомни, если ты еще раз посмеешь меня перебить или своими речами осквернить мою сущность, знай же, что пощады тебе не будет… Иди за мной ЧЕЛОВЕЧЕ.

Они обошли пирамиду с левой стороны и Ахилл увидел, как открывается потаенная дверь. Богиня рукой показала, что бы тот вошел внутрь. Помещение было громадным. Ахилл не смог разглядеть потолка над своей головой и поразился, так как с наружи пирамида казалась на много меньше чем изнутри. На стенах и мощных деревянных столах, располагалось большое количество всевозможного оружия. Ахилл стал неторопливо прогуливаться и выбирать то, что ему было бы по душе. Множество доспехов поражали своей формой, размерами и ковкой (некоторые были созданы явно не на человеческое тело). Здесь были всевозможные щиты, начиная от плетеных щитов покрытой бычьей кожей и заканчивая деревянными, которые были обиты медными пластинами. Мечи также были удивительной формы. Одни были обоюдоострыми и имели в длину около трех локтей, другие имели форму полумесяца. На столах грудами лежали фалькаты, секиры, копья и дротики, как

говориться на любой вкус и под любую руку. Наконец после получасового путешествия по этому поразительному арсеналу, Ахилл выбрал именно то что искал. Бронзовый шлем обитый черной кожей неизвестного животного. По гребню он был украшен черным подстриженным конским хвостом. Боевой килт, который был изготовлен из того же материала, что и обивка шлема (юбка была обшитая бронзовыми бляхами.) Герой подобрал и бронзовые пластины, которые надевались на плечи и защищали только лопатки и грудь война. В качестве оружия Ахиллес выбрал бронзовый меч. Он имел в длину два локтя и был обоюдоострым. Гарда отсутствовала, однако его форма надежно защищала руку воина от того, чтобы в бою не поранить кисть. Один локоть острия был заточен как обычный меч. От кончика меча он расширялся и имел форму наконечника стрелы, но затем сужался ближе к рукояти. Причем в этом месте лезвия его края были не обработаны, что означало, что такое оружие было предназначено не только для прямых колющих ударов, но и для отражения меча противника. Затем лезвие опять расширялось и плавно переходил в рукоять, обрамленную мягкой кожей. Щит, вот что стало основной проблемой Ахилла. Ему не нравились ни легкие плетенные щиты, которые могли защитить лишь воина от стрел, ни тяжелые деревянные, обитые листами неизвестного метала. Такое средство защиты после двух ударов секиры должно было развалиться на глазах. Но наконец он нашел то что искал. На стене висел круглый шит. Если его перекинуть себе за спину, то он закрывал бедра и шею воина. По бокам имелись срезыв форме полумесяца луны. Ахилл сразу догадался о предназначении этих срезов. В ближнем бою, когда множество воинов не имеют достаточного пространство для широких размашистых движений, такая форма щита, давала его обладателю преимущество над противником, вооруженного обычным круглым или прямоугольным щитом, так как он даже в толчее битвы, мог наносить колющие удары, не раскрывая при этом своего тела. К тому же, так как щит не был плоским, а мел выгнутую форму, с его внутренней стороны были два паза, где можно было при желании расположить свой меч. Так же щит имел кожаный ремень, для того что бы носить его на спине. К тому же он был целиком вылит из меди и покрыт бронзовыми пластинами, которые изображали солнце. Настала очередь метательного оружия. Лук Ахиллес не любил. От стрел можно было легко уклониться или же прикрыться щитом а вот копье или дротики это другое дело. Из всей груды метательного оружия, ахеец выбрал небольшое копье. Оно было средней длины и так же имело бронзовый наконечник. Таким копьем было удобно

действовать, как в боевом построение, так и применять его в качестве дротика.

После того, как Ахиллес вооружился, он почувствовал себя намного уверение.

— Я готов выслушать тебя о дочь Афины. Что мне суждено совершить? Однако для начала объясни мне где я? И почему, я ни чего не помню о своей прошлой жизни, кроме пожалуй боевого опыта владения оружием. Ведь я чувствую, что это искусство до сих пор сохранилось в моем теле.

Рея слащаво улыбнулась и переместившись (она передвигалась словно плыла над землей) к Ахиллу, стала медленно кружить вокруг невозмутимо стоящего воина.

Мир в котором тебе предстоит блеснуть своей доблестью называется Аль-Азиф. Это мир, который существует параллельно и не посредственно в тесном взаимосвязи с твоим домом — Землей. Это ее двойник. Многие твои соплеменники называют ее обителью БОГОВ или Олимпией, но это не так. Здесь действуют те же законы и те же силы, что и там откуда ты родом. После того, как ты погиб от укуса змеи ужалившая тебя в пятку, я переместила твою бессмертную душу в этот мир. Отличие этих двух миров лишь в том, что здесь до сих пор живут и размножаются множество разумных рас и народов. Твоя миссия состоит в том, что бы спасти двух чистокровных — представителей рода Людей. Один человек, имеет женское начало, другой — мужское. Ты должен сделать так, что бы эти два существа нашли друг друга и возродили чистокровную человеческую линию этого мира.

Она — заточена в темнице города МИРТ где правят существа, которых вы люди, называете Нервами. Эти существа быстрее и хитрее людей. Их тела покрывает густая шерсть и несмотря на то, что строением тела они похожи на людей, на месте человеческой головы у них расположена голова волка.

Он — заключенный расы Вурдов. Самой красивой, но и самой кровожадной расы Аль-Азифа.

Где же находятся эти страны и какие земли мне предстоит пересечь?

Рея улыбнулась.

— Тебе не нужно будет освобождать их непосредственно из их мест заточения, так как через три месяца они поедут со своими хозяевами на великий торг Гивейна где и будут выставлены в качестве приза тому, кто станет сильнейшим бойцом турнира. А теперь закрой свои глаза воин и ты увидишь своим внутренним взором то, что вы называете картой этого мира. Ты ее запомнишь до окончания отмеренного тебе судьбою рока.

После того, как в голове Ахиллеса появилось видение Аль-Азифа в виде пергамента с точным расположением всех государств и подвластных им территорий, ахеец решил выяснить у богини, кое что пока ему непонятное.

— Что тебе в том, что род людской вымирает Рея? Разве это так важно для вас Богов этого мира. — Ахилл посмотрел на богиню и усмехнулся.

Богиня снова стала деформироваться в змея о двух головах, но уже через мгновение, обрела первоначальную соблазнительную форму безупречного женского тела. Однако ее лицо было перекошенным маской негодования и ярости.

— Не тебе задавать вопросы о том червь! Иди и встреться со своей судьбою! И помни если к положенному сроку, ты не сумеешь совершить то, что тебе предначертано или же эти два человеческих существа погибнут… Я приду и низвергну твою душу в вечное небытие.

И все…

Она пропала.

Ахеец постоял немного перед выходом из пирамиды и стал обдумывать, что же ему делать. Согласно карте-образу, которую он поразительным образом сохранил в своей голове, самым быстрым способом, для того, что бы попасть в этот город Нервов, можно было пойди от этого места — на север. Он бы вышел на побережье и там, при удачном стечении обстоятельств, смог бы попытаться соорудить себе лодку и по крайней мере попытаться переплыть через пролив разъединяющий две части единого континента. Однако попасть потом во владения каких-то Сургов — ящероподобных созданий, для него было малоприятной вещью. Что ж, придется все-таки топать на этот турнир.

' Перед тем как соваться в логово зверя, необходимо или стать таким же как он, или же сильнее его, а потому… — решил он сам для себя — Для начала необходимо посмотреть на себя в деле и лучшее, что можно придумать в данной ситуации, это схватка с себе подобными созданиями. Что ж… Раз гремлины — люди, просто пожирающие себе подобных… Решено, иду к кочевникам!'

Ахилл захватил с собой кусок грубо выделанной кожи и вернувшись к жертвенному камню завернул в него остатки своей трапезы. После чего, поставил меч в отведенное для него место с внутренней стороны щита и перекинув его через правое плечо, осмотрел окрестности. По степи гулял западный ветер, колыша волны спелой и сочной травы. Надев на голову шлем и взяв в одну руку свое копье, а в другую свою нехитрую снедь, он направился в направлении, откуда стали появляться первые лучи

Аполлона.

***

Ту что называли в этом мире РЕЯ была довольна. Вот уже почти целый век она голодает. Люди, ее создания — вымирают. Остатки поклоняются другим богам. Одни гремлены еще до сих пор чтят ее имя. Но для того, что бы утолить свой нестерпимый голод ей было нужно не почтение. Нужна кровь и эмоции жертв и желательно, как можно больше страха и ненависти. Иначе она больше не сможет удерживать свою сущность в материи и сольется с Изначальным. А она этого не хотела. Ой как не хотела и поэтому, РЕЯ сделала ставку.

Вопреки всем канонам небожителей, ее Дух преступил Закон. Ведь извлекать душу из тела Бога, без его на то ведома — нельзя, а тем более душу, которая после отмеренного ей срока, по закону Бытия обязана вернуться к Единому. Душу, которая не прошла перерождение, а значит не обогатившая высший разум новым знанием. Душу, которую была снова низвергнута в ТАРТАР.

Степь.

Заканчивались вторые сутки его непрерывного бега. Ахилл останавливался только для того, что бы попить из найденного источника или для того, что бы немного утолить свой физический голод из захваченной им нехитрой снеди. Непрерывный бег по непрекращающейся равнине, укрепил его мышцы и заставил его тело вспомнить, как можно было при помощи своего желания, становиться божественным (то есть не испытывать по долгу чувство голода и усталости, замедлять ход времени).

За эти два дня и две ночи Ахеец покрыл около 700 стадий и в этом ни чего удивительного не было, так как бежать по ровной плоскости равнины было одно удовольствие. Животные, которых он встречал во множестве, частью были обыкновенными представителями земной фауны (косули, полосатые лошади, огромные стада рогатых буйволов), но порой попадались и воистину удивительные экземпляры. Например помесь льва и птицы. Такое существо не могло летать, зато быстро бегало и после прыжка, некоторое время могло парить над землей. Поразили его и местный вид шакалов. Они были ростом с приличного борова. Однако толи все попавшиеся хищники были сыты, толи человеческий дух для них ассоциировался с опасностью, как бы там ни было, ни кто не посмел напасть на

одинокого бегуна. Хотя они могли его и не учуять. Больно далеко было расстояние.

Ахилл заметил огромный ствол местного дерева. Эта порода обладала огромным стволом. Для того, что бы его обхватить, не хватило бы пожалуй и десяти воинов. Он уже встречал такие на своем пути и понял, что в их мощных кронах находят себе приют крылатые львы и тревожить такие места без особой на то необходимости было по меньшей мере не разумно. Но сейчас ахеец решил сделать привал. Поохотиться и дать своей физике немного восстановиться. Поэтому весь оставшийся путь он проделал спокойным шагом восстанавливая свое дыхания и осматривая в очередной раз свою амуницию. В таких вещах перепроверить оружие ни когда не вредно. Неожиданно из под его ног, выскочило небольшое существо и устремилось в противоположную от него сторону. Рефлекс воина, сработал сам по себе. Стремительное движение правой руки и животное в прыжке было насквозь пригвождено к земле. Пронзительно крича, оно несколько раз дернуло своими конечностями и испустило дух. Подойдя к своей добыче, Ахиллес удивился увиденному. Животное напоминало ежа, но было намного крупнее своего земного сородича. Его иглы в отличие от последнего, были очень большого размера и с них капала, неприятная на вид, темная жидкость.

'Отравленные' — подумал Ахилл — 'Мда! Таким и перекусить не очень-то хочется'.

Тем не менее он водрузил свое копье с пронзенной добычей на правую сторону кромки щита и направился к громадному дереву. Там ахейца ждал сюрприз. Под Стволом гигантского древа, лежал большой лев. Он был один и это было странным. Даже земные львы жили семьями, значит выходило, что недалеко могли находиться остальные члены его семьи или же этот экземпляр был изгнанником или… Тяжело раненным животным. Действительно, когда Ахиллес приблизился на расстояние броска, он увидел, что у животного перебита левая передняя лапа. Да и вообще все его тело выглядело так, словно было побито огромной дубиной. Ахеец отложил в сторону копье, снял с плеча свой щит и прикрываясь им, стал не спеша приближаться к властелину степей. Тот еще издали утробно зарычал, предупреждая непрошенного гостя о том, что здесь лежит хозяин и что дальнейшее приближение, чревато для наглеца последствиями. Несмотря на рык, ахеец продолжал приближаться к грозному хищнику. Настал момент, когда между ними оставалось всего каких-то несколько десяток локтей. Лев видимо был все-таки сильно слаб. Даже после того, как между человеком

и крылатым хищником, расстояние сократилось до нескольких шагов, животное не соизволило даже попытаться наброситься на нарушителя своего лежбища.

'Ну что ж ты ждешь червь… Прикончи того, перед кем бы в страхе удирал поджав хвост, будь я чистом свете силы.' — эти мысли вторглись в мозг Ахиллеса помимо его воли.

'Выходит он разумное существо???' — удивился он.

'Жалкий шакал, поедатель падали… Чего же ты ждешь? Убей меня!

— Я тебе не враг. — в слух произнес Ахилл. — И если тебе нужна помощь, и ты готов ее принять, то я в свою очередь, готов ее оказать.

С минуту Ахиллес и крылатое существо пристально всматривались друг другу в глаза.

'Ладно человече, можешь временно делить со мной мое логово'.

Ахиллес, на всякий случай пятясь задом, вернулся на то место, где он оставил свое копье и добычу. Подобрав его, он осторожно, стараясь не производить резких движений, направился к логову льва. Крылатый хищник лежал, не в силах видимо пошевелить даже кисточкой хвоста.

'Потерял сознание' — констатировал Ахилл.

Херувим.

Существо звали Арест, что на языке единого межрасового языка Аль-Азифа означало — СМЕРТЬ. Оно было разумным и более того утверждало, что его раса была создана старшими богами. Его племя называло себя Херувимами. Херувимы стали первой разумной расой Аль-Азифа и после эпической битвы за право на существование с полуразумными рептилиями, открыли этот мир для других народов. Они жили семьями или как они сами называли — прайдами, по двенадцать особей в каждом. В каждой семье, есть вожак, которого все уважают и даже если, тот доживает до глубокой старости, его не бросают на произвол судьбы, но содержат до его естественной смерти. Жизненный цикл этих созданий, как узнал удивленный Ахиллес — составлял три тысячи лет. Однако по закону Херувимов, тот кто получил травму на поле боя или охоты и не мог претендовать на полноценную жизнь в своей семье — Прайде, должен умереть, так как он оказался слабее своего противника или жертвы и значит не имел право на продление рода. Как разъяснил Арест, все это делается для того, что бы сохранить лучший генофонд семьи. Ахеец правда не понял значение такого понятия, как генофонд, но

переспрашивать что это такое, не стал. И так понятно. Желают сохранить кровную линию победителей.

Поначалу Арест не приходил в себя почти трое суток. Его тошнило. Для того, что бы хоть как-то облегчить страдания этого странного создания, Ахиллу пришлось поить этого монстра, что называется с ладошки. Пока крылатый был в без сознательном состоянии, Ахиллес наложил на его лапу что-то вроде шины.

'Что ж, это пока единственное чем я могу тебе помочь… Если у тебя все так же быстро заживает, как на кошках финикийцев, тогда это тебе в недалеком будущем вернет способность жить как и прежде'

Когда пришел день пробуждения, Арест долго не мог понять, что он делает под сводами святым дерева, в обществе ЧЕЛОВЕКА, который ко всему прочему, развел под святой тенью — красный цветок и жарил на его углях громадную вырезку Антилопы Хну. Однако ГОЛОД дал о себе знать. Арест физически чувствовал, что ослаб до такой степени, что не в силах сейчас даже пошевелить лапой. Посмотрев на свои ребра он ужаснулся. Те напоминали сгоревший остов корабля Минов.

Через еще четыре дня, он волей не волей привык к человеку. Как тут не привыкнешь, коли тебя чуть ли не каждое мгновение поднимают и заставляют лизать с ладони воду!?! Кормят кусками очень вкусного мяса. В общем, обходятся с тобой, как с котенком.

Через неделю, когда Арест почувствовал, что ударом лапы, способен разорвать презренного человека на куски, а ментальным ударом — превратить это существо в живого мертвеца, ему пришлось все-таки смириться с присутствием возле своей персоны самого слабого существа Аль-Азифа.

'В конце концов, он мог бы меня просто прибить, но ведь не сделал этого!? Ладно, пусть живет'

Так прошли еще пару недель. Человек ходил на охоту. Арест залечивал свои многочисленные травмы. Правда иногда в нем все-таки просыпался инстинкт Высшего и в эти моменты, он был готов растерзать наглого двуногого. Странным было же то, что в эти мгновения, когда они встречались друг с другом взглядами, Арест отмечал про себя, что человек не только не трепещет перед ним, но даже наоборот, иногда ведет себя по отношению к крылатому властелину, как бы снисходительно.

***

В один из вечеров Ахилл пришел с очередной охоты с добытой антилопой. Кинув ее невдалеке от баобаба, он с издевкой прокомментировал.

— Может уже пора самому выходить на охоту? Вижу, что твои бока Арест округлились. Выглядишь ты уже довольно прилично. В следующий раз пойдешь со мной. Будешь, по крайней мере, хоть дичь загонять.

Арест гневно произвел угрожающий рык и махнул своей гривой. Ахилл вытащил свой меч из щита и не спеша перекинул его за спину.

(Перекидывание щита, так же, как впрочем и владение искусством меча, Ахиллес обладал особым, так как сам их и придумал. Таким мастерством введения боя в последствии не смогли овладеть даже спартанцы, удививших самого Креза своим искусством ведения войны под Фермопилами. Щит он не закидывал, как все ахейцы и дорийцы на правое плечо, а перебрасывал его. То есть он просовывал свою голову и правую руку через кожаный ремень щита. В битве, щит так хорошо прилегал к бронзовым пластинам панциря, что позволял проделывать любые маневры и не в коем мере не стеснял движения воина. Эллины же, при отступлении, просто закидывали свои тяжелые гоплоны на плечо, прикрывая тем самым спины от дротиков и стрел. Если бы воин решил в таком виде драться в индивидуальной схватке, такое ношение гоплонов, лишь стесняло бы движение воина).

— Послушай Арест. — Ахиллес обратился к соседу хмуря брови. — Не вздумай нарушить наш договор. Я бы тебя и при здравии мог бы без проблем пригвоздить к земле, а в данном случае и подавно запросто перережу глотку. Так что перед тем как тебе захочется попробовать мое тело на вкус, помни о том, что только что услышал.

По мимике звериной морды Херувима было видно, что тот шокирован. Затем в мозгу Ахиллеса проявилась звериная ярость.

— Да знаешь ли ты человече, что я с тобой сделаю, если только этого пожелаю. Твоими останками я сейчас разукрашу это святое дерево.

Ахиллес ни чего не ответив, положил возле себя свой бронзовый меч и осмотрел его лапу. Она почти зажила.

— Да кстати. Невдалеке я заметил огромных псов. Они опасны для нас, как думаешь?

После продолжительного молчания Арест все-таки ответил.

— Да человече.

Ахиллес осмотрелся вокруг и просто вымолвил

— Ну, вот и хорошо.

***

Прошел месяц с тех пор, как Ахилл встретил Ареста. За это время он не раз был поражен причудливым характером это злобного и независимого существа, которое считало себя царем не только всего животного мира Аль-Азифа, но и всех разумных рас. Было ли у него больное самомнение насчет своей персоны или же оно и в самом деле имело такую силу в этом мире, как бы там ни было, Ахиллес решил подружиться с херувимом и по возможности приручить. Он добывал еду, охотясь в основном на длинноногих сайгаков и антилоп, крылатый лев… Все время сидел ничего не делая лишь изредка прохаживаясь в тени баобаба.

К концу месяца они привыкли к присутствию друг друга и стали спать по очереди, сторожа друг друга от возможных агрессоров. У херувима лапа практически зажила, однако быстро бегать и в полноценной мере опираться на нее, по его заверению, он еще не мог. Однажды вечером сидя у небольшого костра, на котором Ахилл каждый вечер готовил себе пищу (топливо он брал прямо с места своей стоянки, основательно порядив этим крону баобаба), Арест довольно мурлыкая после поедания ляжки сайгака, 'сказал':

— Знаешь Ахиллес (вот уже пол месяца, как он обращался к человеку по имени отказавшись от эпитета — ЧЕЛОВЕЧЕ), когда я совершу предназначенное, я возьму тебя жить в свою семью. Ты будешь в моем прайде моим советником.

— Нет уж. Спасибо. Я как-то сам определюсь, как мне дальше жить.

Ты что считаешь, что жить в семье херувимов, это постыдная участь? — он привстал и начал угрожающе бить кончиком хвоста из стороны в сторону.

— Слушай Арест… — Ахилл блаженно потянулся и вымолвил подавляя зевоту — …Свои кошачьи замашки оставь для представителей своего племени, а меня ими не рассмешишь. Да кстати… — он направился к своим доспехам и стал их энергично надевать. — Сейчас, в скором времени я тебе продемонстрирую, что бы я с тобой сделал, не уступи ты мне… К примеру тропу на водопой.

Он надел шлем поднял свой щит и взял прислоненное к стволу копье. Посмотрев на север он изрек:

— Скоро у нас появятся непрошенные гости. Сколько бы их ни было, ты должен оставаться на этом месте. Если мне и понадобиться твоя помощь, то я незамедлительно дам тебе знать.

Херувим посмотрел в ту сторону куда был устремлен взор человека и приглядевшись, как всегда мысленно заметил:

— Это племя гремлинов. Быть может кочевье Синих.

— Ты что их знаешь!? — удивился Ахилл.

— Охотился на них как-то для забавы.

Ахеец удивленно уставился на Ареста, но промолчал. Выйдя из под тени баобаба, он стал выдвигаться в сторону движения возможного противника. Сначала точки приближались довольно долго, но уже через несколько десятков мгновений, стали прямо-таки нестись, в сторону одинокой человеческой фигуры. Это были всадники, численностью, суммы пальцев двух рук.

Гремлины действительно походили на людей, но были небольшого роста и с заостренными зубами, наподобие острия ахейского меча. Одеты, эти 'хозяева степей', были в некое подобие набедренных повязок. Степняки управляли животными, которыми оказались большие птицы с длинной шеей и небольшой головой. Вооружены всадники были подобием дротиков с каменными наконечником и длинными тростниковыми пиками.

Ахилл спокойно остановился и стал ждать их нападения. Оно не заставило себя долго ждать. Два всадника с ходу устремили бег своих птиц прямо на одинокую фигуру. Тот даже и не подумал уклониться от стремительно надвигающихся в его сторону пик. В последний момент, ахеец поставил перед собой щит. Причем его кисть расположилась на уровне глаз, а локоть уперся в поясницу. Такая манера защиты называлась глухой. Она применялась если нападающий метал тяжелое копье или происходила атака конного воина. От удара о бронзовые пластины щита, пики разлетелись в мелкие щепки. Причем один из наездников, по-видимому переоценил свои силы. Он был настолько уверен в том, что поразит своего противника насквозь, что от отдачи, его просто выбросило из седла и он как мешок с промокшей мукой, смачно шлепнулся прямо перед человеческими стопами. Ездовая птица стремительно пронеслась дальше. Второму нападавшему повезло не более чем первому. После того, как и его пика разлетелась на мелкие щепки, а его птица, понеслась со своим седоком по прямой. Стремительно развернувшись он подкинул копье в верх и перехватил его захватом для метания. После чего… В спину стремительно удаляющегося противника, последовал молниеносный бросок. Тяжелое копье, пронзило насквозь оба тела, как седока, так и его животного. Коротким движением, ахеец выхватил свой меч и полоснул по горлу, начинавшего было приходить в себя первого седока. Затем… Быстро переместившись к пронзенному всаднику и установив в пазы щита свой меч, одним рывком вытащил окровавленное копье из груди гигантской птицы. Развернувшись, ахеец стал ждать дальнейшего развития событий. На этот раз

наездники пернатых, видимо осознав, что имеют дело с настоящим воином, а не каким то проходимцем, решили действовать по-другому. Они стали охватывать Ахиллеса с флангов, желая взять своего противника в кольцо, из которого тому было бы уже не вырваться.

Он разгадал намерения гремлинов. Если бы острозубым удался их маневр, то он бы оказался окруженным со всех сторон. А там уж… Каким бы ты ни был выдающимся воином, уклониться от одновременно брошенных со всех сторон дротиков, не было практически ни какой надежды. Однако, он позволил гремлинам завершить свой маневр.

В тот момент, когда противникам ахейца удалось окружить свою 'дичь', он опять застал их всех врасплох.

Почувствовав своим воинским чутьем, что именно в этот момент, гремлины метнут в него свои дротики, он первым запустил свое копье в близ находящегося всадника, к которому до этого стоял спиной. Затем выхватив меч из паза щита, и перекинув его через голову и правое плечо себе за спину, Ахиллес стремительно понесся на встречу ошарашенным врагам. Из всех, с сзади находившихся воинов, только один не струсил, и сильно ударив пятками в бока своей птицы, героически понесся на наглого человека. Но, как оказалось, напрасно!

Ахиллес отметил, что остальные пять воинов, испугавшись его действий, отступили на приличное расстояние и оставили его один на один с незадачливым малорослым созданием. Не задумываясь ни секунды, он понесся, что было мочи навстречу оставшемуся в гордом одиночестве, единственному всаднику. На этот раз, он решил не прикрываться щитом. Когда между ним и наездником расстояние сократилось до нескольких метров, ахеец высоко прыгнул в правую сторону и быстрым росчерком смертоносной бронзы, полоснул по шее стремительно пронесшегося мимо него животного. Обезглавленная птица пробежала еще около сорока метров и с оглушительным треском переломанных костей, повалилась в высокую траву. Своей тушей она естественно переломала хребет и своему бывшему хозяину. К удивлению всех присутствующих, человек даже не посмотрел чем закончился бег обезглавленной твари. Не сбавляя своего бега, он подбежал к пронзенному всаднику и выдернул из его глазницы свое метательное оружие.

Скинув со спины щит и выставив его перед собой, он успел как раз к тому моменту, когда пришедшие в себя от удивления гремлины, разом метнули в его сторону, свои небольшие дротики. По большей части они все пролетели мимо цели. Лишь три из них отскочили от брони щита и остались лежать у ног

своей предполагаемой жертвы.

Воткнув острие своего оружия в землю, Ахиллес быстрыми и скупыми движениями, возвратил своим противникам их же оружие.

Для физически развитого человека, вес дротиков гремлинов, вообще не ощущался, поэтому дротики, были выброшены с такой силой, что каждый из них, поразил сухопарые тела жертв навылет.

Итог боя, длившегося не более трех минут, был для 'повелителей степей' воистину ужасающий. Восемь всадников и шесть птиц, навсегда покинули эти степи и предстали перед очами своих богов. Против Ахилла, осталось стоять всего два степняка.

Для него же самого этот бой был просто разминкой. Он это осознал после того как поянл, что не прибегал к возможности своего дара — берсека.

(Берсек — человек который во время боя впадал в неосознанное состояние мировосприятия окружающей действительности. Такие люди видят свой поединок как бы в замедленном действии, поэтому любой удар противника для них представляет, как некое вялое, а порой даже через чур замедленное движение.)

Все это указывало на то, что его техника единоборца все так же великолепно как и в прошлой жизни.

Посмотрев на притихших невдалеке противников он подумал, что пожалуй всех убивать не стоит. В конце концов, ему нужна крыша над головой, еда и время для изучения межрасового языка. Он демонстративно воткнул копье в землю и в очередной раз перекинул за спину щит. Подняв ладони вверх, он дал понять, что не желает больше убивать оставшихся в живых соперников.

Гремлины, находящиеся на расстоянии полета стрелы, стали о чем то оживленно переговариваться.

— Эй Арест. Ты меня слышишь?

— Я хоть тебя и слышу но, что толку мне в твоем писке. Важнее то, что я могу даже с с этого расстояния, обмениваться с тобой мыслями!

— Выйди из тени дерева и будь любезен, подойди ко мне.

— Зачем это?

— А затем, что ты поможешь мне пообщаться с данной мразью!

— Так они же все разбегутся, как только узреют мой облик!

— Ну, сбегут, так и тьма с ними.

Через секунду Ахилл почувствовал шестым чувством, как за его спиной, из-за ствола баобаба, мелькнула быстрая тень и уже

через каких-то нескольких мгновений, Арест был рядом с ним. Как и предполагал Арест, увидев херувима, гремлины подняв дикий шум, стали, как сумасшедшие уноситься в ту сторону, откуда собственно и появились. Правда один из них, отъехав на приличное расстояние, все-таки остановил свою длинноногую птицу и долго рассматривал две одинокие фигуры, стоявших друг от друга на расстоянии вытянутой руки. После чего, толкнув грязными пятками в бок птицы, понесся догонять своего обезумевшего от страха собрата.

Осмотрев физиологию поверженных врагов, Ахилл убедился, что они ему не соперники. Уж больно сухопары были тела низкорослых гремлинов. В открытом бою, таких соперников, он бы пожалуй смог перебить не менее сотни.

— Ну что Арест двигаем?

— Куда? — Херувим посмотрел на него своими желтоватыми зрачками и негромко рыкнув, опустил голову на свои передние лапы.

— Лично у меня план таков. Двинуть в стойбище этих гремлинов и заставить их кормить себя, всячески ублажать и заодно обучить здешнему межрасовому языку.

— А мне то, с какой стати сопровождать тебя?

— Как с какой? Ты ведь сам мне объявил, что пока по каким то причинам, не можешь вернуться в свой прайд! И должен теперь скитаться по этому миру в поисках своей славы или смерти… Можешь поскитаться в моем обществе. Я не против.

Не поднимая головы Арест долгим взглядом посмотрел куда-то в даль. На горизонте двигалось громадное стадо буйволов.

— Наверное ты прав. Умереть мне все равно придется в бесчестии, так какая разница, как это произойдет? А твое общество, по видимому, не самое постыдное для такого случая… Пожалуй я соизволю тебя сопровождать!

— Ну вот и хорошо. Поверь мне Владыка… — улыбаясь сказал Ахилл — …Ты не пожалеешь, что принял это решение и даже на оборот. В скором времени, твое имя будет знать весь здешний мир… Более того, лишь при одном его произношении, все будут падать ниц.

— Да? И это все произойдет лишь только из-за того, что я буду находиться рядом с тобой? Выходит твое имя будет столь же славное, как и имена всех Богов нашего мира?

— Я думаю, что и по более.

Пообедав на дорогу мясом убитых страусов, дождавшись заката, они отправились искать стойбище синих гремлинов.

***

Прошло двое суток с тех пор как Ахилл и Арест отправились в путь. За это время на них дважды нападали стаи степных шакалов. В последней стычке, ахеец, что называется воочию увидел, как силен и страшен Арест в своей ярости. Шакалов привлек, к их импровизированной стоянке, запах свежего мяса. Остатки, добытой Ахиллом, небольшой двуногой бестии, славившейся в этих местах своей неимоверной скоростью и очень вкусной плотью, валялись неподалеку от их места отдыха и хищники напали, как раз в тот момент, когда после сытного обеда, оба приятеля разлеглись в тени очередного баобаба. Шакалы подошли с подветренной стороны и потому Арест не сразу учуял их запах. Но в последний момент он все-таки успел предупредить своего попутчика о предстоящем нападении. Стая насчитывала около тридцати особей. Все они были размером с большого дикого кабана, а проворством и злобой, ни чуть не уступали своим сородичам, которые жили в саваннах родного мира Ахиллеса.

Арест был великолепен. Ни один клык или коготь не коснулся шкуры херувима. Помимо обычной грации, которой обладают все представители кошачьих, Арест был страшен и тем, что в моменты, когда он оказывался в гуще врагов, он мощным толчком задних лап оказывался в воздухе над противниками, после чего, херувим начинал усердно работать своими перепончатыми крыльями. Зависая над спинами врагов, Арест грациозно выхватывал из лавы нападавших, свою очередную жертву и ухватив ее за холку своими огромными когтями, играючи подбрасывал в желтое небо этого мира. После приземления, шакал обычно ломал одну из своих конечностей, а иногда и хребет. Ахеец, успел прикончить лишь двух этих мерзких созданий и вот… Битва окончена. Вокруг места побоища кучами валялись трубы истерзанных жертв херувимова гнева. Внутренности шакалов валялись в радиусе ста локтей.

Крылатый, как того и следовало ожидать, был помимо всего прочего прекрасным охотникам. Он всегда заранее знал, кто и через сколько времени появиться в обозримом пространстве. Легко находил источники.

Стоянку гремлинов они обнаружили на третий день. Вернее даже не обнаружили. Арест просто предупредил Ахилла, что до их цели, осталось всего несколько часов быстрого бега.

— Скорее всего, мы в скором времени столкнемся с одним из стражей стойбища. Гремлены не смотря на то, что не являются бог весть какими воинами, охранять покой своего стана, все-таки научились не хуже чем мой народ.

— Хорошо бы. А то мне надо позарез, как можно быстрее, научиться владеть этим вашим единым языком.

— Зачем тебе это Ахилл?

Ахеец прищурил глаза и обнаружил, что на горизонте за ними наблюдают несколько всадников.

— Ну давай тогда так. Я отвечаю честно на твой вопрос, а ты ответишь на мой. Идет?

— Хорошо. — согласился херувим.

— Дело в том, что я пришел в этот мир для выполнения миссии. Она заключается в том, что мне предстоит освободить из плена Нервов и Вурдов две человеческие жизни. Более того, именно они, будут родоначальниками новой чистокровной расы людей.

— Рррррр… Люди! Знаешь Ахилл, я до сих пор, пока не повстречал тебя, ни за что бы не поверил, что в твоей расе вообще есть необходимость. Сам посуди. Мало того, что вы слабы, не умеете воевать и являетесь практически сырьевым придатком для других народов Аль-Азифа, так еще ваш род жесток и безжалостен к представителям своего же вида. Мой наставник объяснил мне, что среди всех разумных существ нашего мира, только Человеки с радостью предаются тому, что угнетают и издеваются над представителями своей же расы.

— Да?… Ну ни чего, я тут наведу порядок… Не будь я Ахиллес!

Ахеец стал снимать с плеча щит, так как точки постепенно стали приближаться и то что они принадлежали всадникам гремлинов, у него не было ни тени сомнения.

— Ну а теперь мой милый Арест, объясни мне простому ЧЕЛОВЕКУ, как же ты повредил свою лапу?

Арест злобно прорычал во весь объем своих легких.

— Я не хочу об этом думать. Тем более у нас гости.

— Да сам вижу. Но это Арест не по мужски…

— Что значит не по мужски?

— Ну, это выражение, применяется для обозначения того, что каждый м-м-м — самец, в ответе за обещание произнесенное или данное им кому бы то ни было. Люди обозначают это понятие как Честь. Так что после того, как мы разберемся с нашими гостями, я все-таки хочу услышать твой рассказ. В противном случае ты существо без чести, а значит не можешь называться достойнвм… э-э-э самцом. Вот!

— Тем временем к ним приближались около сотни всадников. Птицы явно видели, к кому их, заставляют приближаться их хозяева. Поэтому было заметно, что они в любой момент готовы 'унести' свои ноги, в сторону куда глядели их

раскосые глаза. Когда между армией гремлинов и двумя странниками оставалось около трех перелетов стрелы, толпа остановилась. Через мгновение трое всадников спешились и направились пешей цепочкой в их сторону. Приближались они явно с неохотой и было понятно, что не по своей воле.

— А я было подумал, что нам предстоит с тобой, не много размять свои косточки… Видать ошибся. — Ахиллес скрочил недовольную гримасу.

— Ну не знаю. Ты что и в правду считаешь, что мы бы справились с таким количеством воинов.

— Не мы Арест. А я!

— Рррр…. - презрительно прорычал херувим, косясь на стоящую рядом с ним фигуру человека.

Услышав рык троица тут же встала как вкопанная.

— Арест… Ты их испугал. Все, больше не рычи. Идем сами подойдем к ним и узнаем их планы на сегодняшний вечер.

Ахилл не спеша направился в сторону трех парламентеров. Арест последовал его примеру. Когда между ними осталось не больше пятидесяти шагов, Ахилл остановился и воткнув в жирную почву свое копье, обратился к херувиму:

— Ты понимаешь их мысли Арест?

— Конечно! Я же тебе уже объяснял, что понимаю всех живых существ этого мира.

— Отлично обратись к ним и спроси чего им надо!?

Через несколько мгновений все трое гремлина словно подкошенные боевым серпом, повалились в высокую траву.

— Ты чего с ними сделал?

— Я им передал, что они встречают своего повелителя не пристойно. Вот они и повались в траву.

— Ну, Арест… Спасибо за такое представление моей скромной персоны!

— А я не тебя имел в виду.

— Да-а? А что ты им сказал про меня! Что я твой слуга что ли? — Ахилл покосился на херувима и нахмурил брови.

Арест посмотрел в свою очередь на ахейца, пошевелил усами и снова уставился в сторону трех перепуганных существ.

Гремлины были худощавы, на их теле полностью отсутствовал какой-либо волосяной покров. Цвет кожи действительно отдавал синевой. На лысой башке, торчком (словно крылья летучей мыши) торчали два больших перепончатых уха. Из одежды, данные существа признавали лишь набедренные повязки.

— Арест. Ты мне тут не шути. Объясни им, что если они признают во мне…. Ну и в тебе соответственно, своего хозяина,

то я… то есть мы… обязуемся не причинять им ни какого вреда. Более того! Их стан, будет некоторое время находиться под нашей защитой и в случае если на них будет совершен набег, я, тьфу ты… Мы, обязуюсь лично защищать его своим мечем… и клыками. В замен же, всего этого, они должны научить меня еденному языку Аль-Азифа и кормить меня… как впрочем и тебя, так, как нам того захочется.

Некоторое время, Арест видимо объяснял испуганной тройке условия мирного договора, после чего один из них шустро поднялся и бросился бежать к толпе своих соплеменников.

— Чего это с ним?

— Побежал объявить нашу волю. К стати приготовься, сейчас может начаться бойня.

— Я всегда готов. Только навряд ли она начнется. Если бы эти твари хотели нас прикончить, то попытались бы это сделать сразу же.

Через непродолжительное время гремлин вернулся и принял исходную позу.

— Они согласны на проявление воли своих повелителей.

— Что ж Арест. Повелителей это уже лучше, чем повелителя! — усмехнувшись, отметил Ахиллес мысленный перевод своего спутника.

Стан Синих Гремленов.

Гремлены были кочевым народом и практически не общались с представителями других рас Аль-Азифа. Оттенок их кожи служил признаком, по которому родившийся гремлин по достижению совершеннолетия отправлялся на поиски того стана, в котором и проживали его одноцветные сородичи. В любой семье хоть голубых, хоть синих или черных гремлинов, дети рождались постоянно с цветом кожи не совпадавшим с кожей его родителей и это при том что межродовые браки запрещались. Ребенок рожденный с цветом кожи не совпадавшей с цветом стана, по истечение совершеннолетия (то есть тогда, когда старейшины признавали в нем воина и он зарабатывал себе право на воспитания своей ездовой птицы) отправлялся на поиск своего истинного клана.

Ахилл в месте с Арестом попали в стан синих. Стойбище располагалось на открытом месте. Жили эти существа выкапывая в земле, что то вроде землянок. Питались они исключительно человечиной. Для этого, они совершали набеги на поселения людей, которые начинались в землях кентавров. Гремлины

захватывали взрослых особей и заставляли людей жить в своем стойбище для того, что бы те размножались и плодились на радость своим хозяевам. Когда Ахиллес узнал и увидел обоз домашней скотины синих, то был настолько шокирован увиденным, что долгое время не мог произнести ни слова. Подойдя тогда к людям и всматриваясь в их лица, он отметил, что данные представители человеческого рода, действительно ни чем не отличались от животных. Они были наги. От них разило нечистотами, в точности, как от крупного рогатого скота. Что ж, помочь им он не мог даже при большом желании, так как спасать было явно не кого. Эти люди, были настолько забиты в своем развитии, что даже не представляли, как можно жить по другому.

Первое время все население стана косилось на Ахилла, а некоторые молодые воины, иногда даже пытались спровоцировать его на ссору. Однако всех желающих Ахиллес в скором времени быстро приструнил. Он предложил местным воинам, сразиться с ним и при этом объявил, что будет сражаться голыми руками, тогда как противникам, предлагал вооружится их излюбленным оружием.

Для схватки был скошен большой круг. Сразиться с человеком, который утверждал, что справиться с любым количеством гремлинов всего лишь голыми руками, вышло двадцать воинов. Все они были молоды и неопытны. Ахиллес пообещал сам себе, что постарается сохранить молодежи жизнь, правда, предварительно сделает из них калек.

'Хоть таким образом отомщу за род людской, с которым здесь обходятся как с скотом'.

Солнце лениво скрывалось за бескрайний горизонт степи. Противники Ахилла сгрудились толпой возле кромки скошенного круга и по видимому решали, кому из них первым представится честь разделать человеческую свеженину. Все ждали старейшин, которые и должны были дать сигнал к началу схватки.

Вокруг импровизируемого растилалища, собрался по всей видимости весь клан. Большинство с ненавистью, но и не скрывая своего страха перед ахейцем, смотрели на человека, племя которого, вот уже неисчислимое количество веков привыкли употреблять в пищу.

Ахиллес посмотрел в сторону Ареста, лежащего сейчас невдалеке от места предстоящей схватки. Возле него были сложены его оружие и доспехи. Ахеец был обнажен. Разминая на ходу свои суставы, он направился к своему приятелю. Херувим, лениво помахивавший хвостом, отгоняя назойливых насекомых, уставился на подошедшего Ахиллеса своими черными полосками зрачков в золотистой оболочке, глубокомысленно заметил:

— Знаешь человече, ты конечно выглядишь по сравнению с представителями своего рода очень внушительно и аппетитно… Но я бы посоветовал тебе прикрыть чем то свои половые органы. И дело даже не в том, что они до смешного малы… Просто среди здешней расы, на этот счет существуют, что-то вроде табу.

— Да ты у себя меж ног посмотри… То же мне, Титан нашелся! И мне все равно, что они по этому поводу думают. Я ведь не собираюсь с ними заниматься любовью, так что мне их мнение безразлично.

— Брарррр — удрученно выразил свое недовольство Арест. — Ведаешь ли ты, что в данный момент, тебя здесь терпят лишь по той причине, что именно я и не кто другой, находится с тобою рядом. Как ты уже знаешь, херувимов в этом мире считают лучшими и самыми сильными созданиями и именно по этому, тебя до сих пор не растерзали.

— Арест!!! — Ахилл улыбнулся и присел возле льва. — Ты по-видимому так до сих пор не понял с кем тебя свела судьба. Я чувствую, что был неординарной личностью, как в жизни, так и на поле боя. Поэтому не путай меня с теми людьми, которые было суждено родиться здесь.

С минуту помолчали, смотря, как из стана синих гремлинов приближается кучка старейшин.

— Ты точно уверен в своей силе? Все-таки Ахилл ты один, а их намного больше и причем все вооружены. Насколько я понимаю, ты не способен, как я, регенерировать свои органы… Стоит ли так рисковать?

— Спасибо за заботу, но мне просто необходимо размять свое тело и укрепить свой дух. Как ни как, в дальнейшем придется сражаться с более сильными нелюдями. Так что пора проверить, помнит ли мое тело в полной мере то искусство единоборства, которого я достиг в своей прошлой жизни.

— Ну, тебе виднее… Все, старейшины ожидают твоего появления на арене.

— Будешь наблюдать с этого места или переберешься поближе?

Пожалуй, что мне стоит расположиться возле места схватки. Глядишь моя помощь понадобится, хотя признаться, я это сделаю с большой не охотой. Как ты сам выразился, ты дал Слово или как ты там это охарактеризовал — Слово Чести!

— Ну, тогда я пойду. — Ахиллес поправил свои доспехи, кивнул херувиму и направился к неугомонной толпе.

Наступило гробовое молчание. Стало слышно, как в траве передвигаются насекомые. На середину импровизируемой арены, вышло три старых гремлина. Они были самыми пожилыми

жителями этого Клана, а значит и самыми почтенными. Речь старейшин по всей видимости была пылкой. Так как из рта каждого оратора то и дело капала слюна. А когда она достигла своего апогея, слюна прямо таки разбрызгивалась на несколько метров. Ахиллес со скучным видом ожидал, когда представление окончится. Дождавшись, повернулся к Аресту.

— Ну и чего они здесь наговорили? Придется тебе пока быть моим личным переводчиком. Сам понимаешь, языком пока не владею.

— Ну откровенно говоря, тебе не очень будет приятен дословный смысловой образ, но если ты настаиваешь, то прошу… Старейшины восхваляют свою богиню Рею и просят ее о снисхождении на их клан ее благодати. Так же, они высказывают желание, что бы твои противники, разорвали на куски презренное человеческое тело, осмелевшего кинуть вызов непоколебимому воинскому мастерству воинам их клана… Ну, и так далее.

— Понятно. Что ж, подумывал над тем, что может все-таки стоит всех противников с честью отправить в мир иной, но видать все-таки придется их всех покалечить… За исключением пожалуй двух воинов. Пусть помнят о своем позоре, всю отмеренную им провидением жизнь.

— Ты что это Ахилл, хочешь сказать, что не просто их одолеешь, а разгромишь их отряд и при этом, ты настолько уверен в своих силах, что даже способен заранее предсказать точное количество убитых и раненых?

— Вот именно Арест. Вот именно.

На морде Херувима отразилось, что-то вроде злобного оскала, заменявшую ему улыбку.

— Ну что ж, давай посмотрим, как тебе удастся воплотить это в реальность.

Прохладный вечерний ветерок, обдавал обнаженное тело ахейца непривычной для него свежестью.

Войны клана приготовились к атаке.

И вот, старейшины вышли за периметр растилалища и громким свистом подали знак всем присутствующим, что схватка начата.

Гремлины так и остались в нестройном строю. По видимому они не знали ни какого пешего построения, а может и не рассчитывали на то, что безоружный человек окажет серьезное сопротивление. Как бы там не было, но первым движение начал именно ахеец. Он помчался навстречу неорганизованной толпе своих врагов, словно спущенная с тетивы стрела.

Трое гремлинов, из первого ряда, тут же метнули в него свои

дротики. Уклон туловища на полном ходу в лево, и все три брошенных снаряда, пролетели от ахейца в нескольких сантиметров от туловища. Еще один дротик, выпущенный одним из противников, был на лету перехвачен правой рукой, после чего, голубоглазый воин с опорной правой ноги, сделал в движении разворот на сто восемьдесят градусов, через правое плечо и метнул вражеское оружие наугад в центр первой шеренги. Небольшое копье, на вылет пронзило тело первой жертвы, насквозь прошило сзади стоящего воина и застряло уже в пахе у третьего. Больше метнуть уже ни кто не успел, так как человек, оказался в самой гуще врагов.

В тесноте, гремлены не могли использовать метательное оружие, а пока они сообразили, что враг среди них, и что стоит начать использовать свои дубины, было уже практически поздно.

Первого врага, Ахилл отправил на землю с разбитой в дребезг челюстью. Второго — его кулак настиг в области грудной клетки. Незадачливый воин с удивлением в глазах повалился в траву, хватая ртом не поступающий в легкие воздух. Следующих двух, ахеец столкнул головами, да так, что у тех по видимому треснули черепные коробки. В этот момент опомнился близ стоящий противник, вооруженный шипастой дубиной. Взмах его оружия пришелся в никуда. Более того, переместившись на пол шага в сторону, ахеец одним небрежным движением вывел из битвы еще двух соперников. Одного из них он ударил своим левым локтем в область виска, другого, огрел по голове отобранной у нападавшего дубинкой. Обезоруженного соперника, он повалил на землю ударом ноги в коленную чашечку. Не прошло и нескольких мгновений, а в траве уже лежало половина отряда. Оставшиеся не удел воины, сразу смекнули, что в ближнем бою, их всех ждет столь же позорная участь, как и их сородичей и попытались было рассеяться для того, что бы уже на расстоянии, попытаться поразить своего врага, своим метательным оружием. Однако успели не все. Крайне правый воин, был снесен ударом правого кулака под дых. Еще один остался лежать с широко открытыми глазами после того, как после проведения бойцовского приема, оказался брошенным на своих же соплеменников, придавив при этом двух незадачливых собратьев, с которыми Ахиллес разобрался совсем уж по свойски. Оказавшись подле кучи барахтающихся врагов, он на ходу, ударом ноги, переломал торчащую из кучи — малы чью-то левую руку, а ударом своих двух сцепленных в замок кулаков, прогнул грудную клетку второго противника.

После начала схватки прошло, что-то около минуты. От отряда в двадцать воинов осталось всего шесть испуганных

существ, которые больше и не помышляли о продолжении схватки.

Переведя дух Ахилл посмотрел на другую сторону арены где сгрудились в кучку оставшаяся гремленская молодежь.

— Ну и…Чего уставились лысые? И это все, на что способна ваша хваленная раса?

Провидимому Арест передал смысл вышесказанного одному из оставшихся воинов. Крайне правый гремлен, с диким, ожесточенным криком кинулся на встречу своей судьбе. За ним ринулась и вся оставшаяся пятерка. Встретиться им всем пришлось, опять же с приемами греческой кулачной борьбы.

Еще пара секунд и на арене, остался стоять только Ахиллес. Он со скучным видом посмотрел на свалку из переломанных костей и ребер.

— Ну что гремлены? — Ахилл посмотрел на собравшийся клан — Кому еще хочется помериться силами с презренной человечиной!?? Что? Больше ни кого?

Ахиллес прошелся по кругу вглядываясь в лица тех, кто еще минуту назад орал и улюлюкал, ожидая скорой расправы над презренным человечишкой. Все жители стана, потупив взор разглядывали свои босые ноги. Все были шокированы только что увиденным. Не смотря на то, что никто не понимал слов этого человечешки, все без исключения поняли, что тот выкрикивал.

Желающих стать очередными жертвами не нашлось. Ведь человек неведомого народа в бою оказался равен самим Богам.

Подойдя к херувиму Ахиллес увидел, как тот лежал с приоткрытой пастью из которой выглядывали мощные клыки.

— Закрой Арест рот, а то мошкара залетит ненароком и передай старейшинам, что из двадцати воинов, только двум больше уж не понадобиться помощь их знахарей! — Ахилл еще раз посмотрел на место схватки. — Остальных, они еще в силах спасти для того, что бы до конца их дней, заботиться о них, как о новорожденных.

Арест.

Арест был рожден от лучших охотников своего прайда. Вырастили его, как в прочем и всех котят, которых могла позволить себе семья, силами всех семи самок прайда. Воспитывал же, сам глава, а вот учил уму разуму — старейшина семьи.

Ему повезло. Прайд в котором он был рожден, обладал могуществом. У него была самая сильная генетическая линия, среди всех семей херувимов, а значит, все члены семьи, были

лучшими воинами их расы. Из-за того, что херувимы, с точки зрения остальных разумных, были практически бессмертны, дети рождались в прайде исключительно по строгой необходимости для занятия свободных мест в иерархии семьи. Когда кто-либо из семьи погибал, или же получал в ходе схватки очень серьезные повреждения, при которых херувиму на регенерацию своей органики потребовалось бы не меньше недели (таких оставляли погибать под священным деревом), глава прайда разрешал самцам и самкам спариваться. Конечно перед этим пара должна была пройти все необходимые обряды. Смысл обрядов заключалось в том, что оба партнера по несколько дней погружались в свой собственный внутренний мир. Они улучшали и корректировали свой организм для того, что бы на свет смог появиться например именно самец и обязательно с выраженными способностями охотника или же воина. Или например самка с генетически заложенными данными для того, что бы стать лучшей воспитательницей и так далее.

Арест был выращен как охотник. Конечно же, каждый член прайда, от главы до самой древней самки, были исключительными воинами.

Самому же Аресту по человеческому летоисчислению 'стукнуло' всего пятьсот лет. Наступило тот период, когда он должен был отправиться в мир, для того что бы покрыть свое имя славой. Херувимы редко появлялись в Мире по той простой причине, что они редко рождали детенышей. Арест в своем прайде был первым за последние две тысячи лет, которому суждено было выйти в большой мир.

Глава семьи напутствовал его угрюмыми образами:

— Арест, наша семья уже долгое время по местному летоисчислению рас, не отправляли своих детей для подтверждения их зрелости. Поэтому будь осторожным, но ни когда не отступай ни перед чем и ни перед кем. Ты знаешь условия странствия. До твоего возвращения, слава о тебе должна опередить твое возвращение в прайд. Поэтому будь бдителен, но помни правило расы херувимов… Если не способен противостоять — УМРИ, но не покорись.

— Да Глава. Я сделаю все, что от меня зависит, что бы слава нашего прайда и расы, небыли посрамлены ни моими деяниями, ни моим образом мышления.

— Да будет так Арест, но не забывай, что мир Аль-Азифа разнообразен и много гран. В нем живет, как ты знаешь множество разумных рас. Не мне тебе напоминать их достоинства и недостатки, ты это все можешь узнать погрузившись в свою генетическую память, но тем не менее помни всегда одну

вещь… — Глава расправил свои перепончатые крылья и закончил свою мысль — …Мы Перворожденные, должны остаться самой сильной расой, когда свершиться пророчество и наступит последняя битва. Поэтому от каждого, кто выходит в Мир, зависит то, чему он научится и что передаст через свою линию своим потомкам.

— Я все понял. Буду осторожен и не позволю своему страху посрамить Великое Имя прайда.

Арест вышел в мир на закате дня. Его провожала Зари. Самка прайда, которая была его физической матерью. Они непринужденно семенили до границы их владений, постоянно обмениваясь мысле — образами.

— Арест, я хочу, чтобы ты запомнил одну вещь. Глава прайда конечно же хочет семье только хорошего, но помни и то, чему учила тебя Зари. Не жди и не проси в большом Мире ни от кого помощи, но если ее тебе окажут, то ни когда не пренебрегай ею. Херувимы хоть и были созданы первыми, но и они не единственные высокоразвитые существа этого мира. Так что помни, не смотря на то, что большинство рас боятся и ненавидят наш род, есть и такие, которые преклоняются перед нашей сутью, как перед Богами. Уважай их чувства и тебе, всегда будет сопутствовать удача.

— Да мать. Я ни чего не забыл из того чему ты меня учила… — после некоторой паузы, Арест продолжил — Даже не смотря на то, что твою точку зрения и не одобряет глава семьи.

— Зари забежала в перед и остановившись посмотрела прямо в глаза своему первенцу.

Сила может привлечь только три вещи Арест. Страх, Ненависть и Преклонение. Бесстрашие же — Уважение и Зависть. Снисхождение — только МЕСТЬ. Не будь снисходительным, как к своим друзьям так и врагам. Не опирайся на слепую силу и будь осторожным, как в общении, так и в бою. Если ты все это запомнишь и будешь всегда помнить в своем странствии эти три правила… — Зари нежно потерлась своим загривком о могучую грудь ее любимчика — То вернешься в прайд самым прославленным херувимом за последние пять тысяч лет после странствия Итара.

Они попрощались у могучего баобаба, священного дерева херувимов пред которым преклонялся их род. Этот вид растительности, как и сами херувимы, был олицетворением мощи и долголетия, непоколебимости и несокрушимости прайда.

Первая схватка, как и предполагал Арест, произошла у водопоя. Ему не захотели уступить дорогу стая двуногих плезавров. Они были очень древними созданиями. Бегали на двух

задних конечностях, причем способны были развить приличную скорость. Охотились большими стаями и кроме всего прочего считались самыми ненавистными хищниками степей. Каждый из плезов был не выше груди Ареста. Они имели гибкие тела и обладали прекрасной реакцией. От продолговатой башки до кончика хвоста, плезы имели шипастый гребень, который был покрыт выделениями потовых желез их организма. Если поранить любую часть тела об эти шипы, то организм постепенно начинал пробирать столбняк. Жуткие твари, считались самыми презренными представителями животного мира этих просторов, за то, что нарушали основы бытия своей жестокостью и непредсказуемостью.

Арест знал, что плезы нападают на обессиленных существ даже у водопоя. А ведь в животном мире это считалось, чем-то вроде табу.

'Если ты рожден хищником и этим гордишься, то будь любезен искать себе пропитание в истинной среде обитания своей жертвы. А нападать на существо, которое обессилило от недостатка жидкости? Это жестоко и не правильно, так как такое отношение может привести к вымиранию определенного вида добычи. Это повлечет уменьшение численности другого вида и так далее' — Так учил Ареста его наставник Ару, которому было более двух с половиной тысяч лет. Он был уже в таком возрасте, когда семья его обеспечивала, как пищей так и защитой, а его обязанностью стало воспитание подрастающего поколения. Старый самец учил молодежь, как постигать глубины своего Я, лечить с помощью регенерации свое тело, извлекать из генетической памяти нужную информацию, переданную для потомков их предками.

Стая насчитывала тридцать особей и это свидетельствовало о том, что в данный отрезок времени плезы бедствуют. Обычно они сбивались в стаи, которые насчитывали не меньше ста особей. Возле водопоя не было заметно ни одного живого существа. В мутных водах озера, правда была видна деятельность подводных плотоядных, но плезы не умели охотиться на них, а по сему, видимо дожидались стадо буйволов, маячивших на горизонте своей огромной черной массой. Буйволы пожалуй были единственными травоядными, которые из-за жажды, были готовы сразиться даже со стаей ящеров и потеряв при этом некоторое число больных или же молодых особей, все-таки утолить свою жажду.

Подойдя к тропе, которая вела к водопою, Арест приготовился к схватке. Он еще ни когда не выходил биться с превосходящими силами плезов, так как те, понимая истинную

силу херувимов, вообще редко когда позволяли себе даже близко приближаться к месторасположению семьи, и по сему, Арест немного нервничал. Вспомнив напутствие главы прайда, он решил отринуть прочь все страхи и сомнения и начать само утверждаться в этом мире. Пренебрежительной походкой он спустился к водопою.

Заметив еще издали херувима, плезы тут же подняли перекрестное шипение. Большая часть этих древних охотников, тут же уступило обширную площадь возле вод озера. Стараясь даже не смотреть в сторону возможных противников, Арест остановился у самой кромки воды и внимательно всмотрелся в мутные воды. Плезы, плезами, но и о водных хищниках не стоило забывать. Посмотрев на воду своим внутренним Я, и не заметив ни каких признаков агрессивности со стороны местных обитателей, Арест стал не спеша лакать мутную озерную жижу. Выйдя из состояния внутреннего отражения, Арест краем глаза покосился на своих беспокойных соседей и сразу же все понял. Плезы, все-таки решили атаковать. Несколько ящеров, перекрыли единственную тропу, отрезая херувима от единственного пути отхода.

'Видать сначала просмотрели окрестности для того, что бы убедиться, что я здесь в гордом одиночестве. И убедившись в этом, решили, что я больной и брошен своим прайдом.' — догадался молодой херувим.

Прекратив лакать для того, что бы тяжесть в желудке не мешала в бою, Арест решил первым показать кто здесь хозяин положения. Дождавшись пока трое самых наглых представителя стаи, подойдут на удобную дистанцию, он атаковал первым. Сделав два быстрых скачка и на третьем, оторвавшись от земли, херувим заработал крыльями. Расстояние в тридцать скачков, Арест преодолел за три мгновения и испустив самый яростный рык, молнией повалился на свои первые жертвы. Первый же плез, был впечатан в мокрый песок под тяжестью мощного тела херувима. За шипы и их парализующее действие Арест не переживал. Способность регенерировать любые ткани организма, сделали из их вида бесстрашных бойцов.

Оставшихся двух, он в миг разорвал на куски одним ударом левой лапы. Повторив свой вызов, он с удовольствием отметил, что оставшиеся ящеры, от страха прижались к земле. Однако не зря их вид просуществовал в этом мире несколько сот тысячелетий. Эти твари отличались тем, что несмотря на свой страх, всегда отвечали ударом на удар.

Через несколько долгих мгновений, уже вся стая неслась на Ареста сверкая своими злобными глазками. Дождавшись когда

большинство атакующих приблизятся на расстояние прыжка, Арест что было силы прыгнул в верх и двумя мощными взмахами своих крыльев, оказался за спинами нападавших. Перед ним остались только три плеза перекрывавших единственную тропу водопоя. Один из ящеров метнулся к горлу Ареста. Херувим даже не изменил траектории своего движения. Он на лету разорвал того своей пастью, а ударом правой лапы, смел оставшихся противников куда-то в лево.

Плезы сделали роковую ошибку. Во-первых, они решили, что херувим струсил и пытается улизнуть от своей смерти и поэтому решил прорваться к единственной тропе. Во-вторых, они так и не поняли, что Арест не слабый и не брошенный херувим, а молодая и жаждущая славы машина убийств.

Заняв высшую точку на возвышенности, херувим резко развернулся и ударом правой лапы разорвал в клочья тела сразу трех плезов, которые были уже в прыжке.

Вся масса ящеров, тупо пыталась прорваться на равнину.

Дело в том, что небольшое озерцо находилось в впадине. Когда-то, на это место упал небольшой осколок звезды, который на ровном теле степи, сотворил котлован. Метеорит пробил верхний грунт и освободил при этом грунтовые воды. Именно на склонах таких вот мест и любили произрастать хищные растения. Херувимы их назвали Сор'н'хи, что на межрасовом означало — паутина смерти. Любое существо, которое попадало в зону досягаемости щупалец Сор'н'хи было обречено на медленную и страшную смерть. Растение опутывало своими щупальцами свою добычу и начинало высасывать из своей жертвы его жизненные соки. Мучения могли продлиться несколько дней.

В общем, Арест своим маневром, отрезал плезам единственную возможность выйти на оперативный простор, при помощи которого, плезы могли бы использовать свое численное превосходство.

Тупо напирающая масса ящеров в считанные секунды была разбросана по обе стороны тропы. Ими сразу же занялись ростки 'паутины смерти'. Атака плезов прекратилась. Шесть оставшихся в живых ящера, ретировались к берегам озера, дрожа при этом всем своим телом.

Желания уничтожить под корень эту стаю у Ареста не возникло. Как ни как, он все-таки помнил о хрупком живом балансе сущего мира. Уничтожь этих ящеров и тут же в этой части степи может начаться мор. Ящеры не гнушались падалью и были здесь чем-то вроде чистильщиков.

Погрузившись на несколько мгновений в созерцание и не заметив ни каких патологических повреждений тела, Арест с

поистине царской грацией спустился обратно к водопою. Оставшиеся в живых ящеры, тут же воспользовались возможностью и с удивительной скоростью ринулись к свободной тропе.

Утолив наконец в полной мере свою жажду и бросив последний взгляд на остатки своих обреченных врагов, большинство из которых были еще живы, но уже намертво опутаны щупальцами Сор'н'хи, Арест решил отправиться своей дорогой.

Огласив окрестности своим победным рыком, он засеменил на восток.

Несчастье постигло Ареста, именно тогда, когда он меньше всего ее ожидал. Семь раз восходило и заходило жаркое солнце Аль-Азифа прежде чем херувим оказался жестоко искалечен. Виной тому были буйволы. Арест, как раз охотился на стадо численностью в тысячу голов.

Лежа на брюхе, притаившись в высокой сухой траве, он ожидал момента для стремительного броска. К стаду, Арест подкрался, как и следовало ожидать от лучшего охотника этого мира, совершенно незаметно. Осталось только выбрать свою жертву. И в тот момент, когда все его тело было уже готово устремиться в смертельном броске к выбранной им жертве, херувим с удивлением отметил, что вся эта многотысячная живая масса, в считанные мгновения, пришла в движение. Причем на ее пути оказался не кто иной, как сам херувим.

Уже после того, как он дотащил свое израненное и избитое тело, до ближайшего святого места и погрузился в созерцание, для того, что бы попытаться хоть как-то унять неимоверную боль, а за одно и понять, что же произошло, ему открылась истинная картина всего произошедшего.

С другого конца, стадо буйволов подверглось нападению многочисленной стаи степных шакалов. В своем безумстве от страха и жажды выжить, вся эта живая лавина пришла в движение. И кто же виноват, что сам Арест подкрался так искусно, что его присутствия не почувствовали даже опытные самцы.

Поняв, что огромное стадо несется в его сторону, херувим инстинктивно попытался уйти из под копыт обезумевшего стада. В первые минуты, ему даже удавалось своим присутствием оказывать на впереди мчащихся особей определенное влияние, но в выносливости и скорости передвижения, херувим все-таки уступал жвачным.

В скором времени он оказался практически раздавлен под копытами диких буйволом. Непродолжительное время, он еще

пытался хоть как-то бороться с лавиной парнокопытных. Страшными ударами своих лап, он переламывал конечности того или иного животного, образовывая тем самым хоть иногда небольшое пространство, для того, что бы хоть изредка подниматься на своих крыльях над лавиной рогов. Но все было тщетно…

Уже лежа в тени заброшенного баобаба и проанализировав свой организм, Арест ужаснулся. Он обнаружил, что кости обеих передних лапы превратились в кашу. Было сломано шесть ребер. Уничтожена печень и селезенка. Из всех внутренних органов казалось, только его сердце избежало повреждений. Прикинув сколько его организму надо для того, что бы хоть как-то восстановить и регенерировать разорванные внутренние органы, он пришел к выводу что это конец! На восстановление поврежденных внутренних органов по его подсчетам ушла бы неделя, для восстановления всех костных тканей — не меньше трех. И это при том, что ему был необходим полный покой и к тому же обильная пища.

Он провалялся тогда в беспамятстве три дня. Его спасло то, что на четвертый день, его баобабу, решили посетить охотники одной из местных семей херувимов. Их было четыре особи. Один самец и три самки. Узнав, кто он и что произошло, самец приказал оставить Ареста и продолжить охоту. Только глубокой ночью одна из самок притащила тушу убитой косули и ни чего не объясняя скрылась в ночи. Это было очень странным поступком для любого перворожденного. Ведь любому крылатому еще с детства объясняли, как необходимо поступать с теми, кто оказался слабее своего врага или обстоятельств. Он не достоин жить, так как своими генами может испортить генный пул прайда и вообще всей расы.

Как бы там не было, но в четвертую ночь, Арест наелся до отвала свежего мяса. Полученные питательные вещества ускорили восстановление его организма, однако нестерпимо хотелось пить. Кровь косули быстро свернулась и потому жажда мучила тело Ареста даже больше чем не прекращающая и безумная боль в каждой клеточке его тела. И тогда он потрясал окружающее пространство своим рыком. Но так, казалось только его больному разуму. На самом деле он мог издавать тогда всего лишь слабые стоны, а вот разум, выдавал их за рык хозяина степей, который был настолько страшен, что мог ввести любое живое существо в ступор.

Постоянно погружаясь в свое отражение Арест видел, что ему не успеть восстановить физику организма и в конечном итоге его все же ждет мучительная смерть.

'Как все-таки все получилось глупо и нелепо.' — эта мысль точила его изнутри не давая окончательно сдаться. Ему так хотелось отпустить свое Я на волю и прекратить эту страшную боль. Вот уже в шестой раз после это постыдного происшествия, солнце садилась за горизонт.

'А вот и падальщики.' — Несмотря на затуманенное сознание, ему удалось ощутить, что какое-то существо пытается подкрасться к его беспомощному телу. Выйдя из созерцания, он получил новую порцию боли, но заметив, что к нему приближается человек, попытался собрать воедино свои мысли.

'О Тьма! Вот уж действительно ты меня наказываешь по заслугам. Из всех живых существ этого мира, ты послала мне избавление от руки самого презренного вида Аль-Азифа. Уж лучше бы мне перегрыз глотку любой, пусть даже самый шелудивый шакал. Что ж, эта тварь долго будет гордиться тем, что освежует мою тушу. Он станет наверняка самым популярным охотником своего племени, после того, как наплетет как будто сразился с самим херувимом и победил его в честном бою.' — Арест еще раз посмотрел сквозь слезившиеся от боли глаза на того, кто оправит его сущность в бесконечность.

— Ну что ж ты ждешь червь… Прикончи того, перед кем бы в страхе удирал поджав свой хвост, будь я чистом свете силы. — он решил перед смертью показать, что даже в таком состоянии как сейчас, херувим выше этого выродка.

— Жалкий шакал, поедатель падали. Чего же ты ждешь? Убей меня.

— Я тебе не враг. — в слух произнес человек, но Арест прекрасно уловил смысловой образ двуногого выродка. — И если тебе нужна помощь и ты готов ее принять, то я в свою очередь готов ее тебе оказать.

С минуту Человек и Крылатое существо пристально всматривались в глаза друг друга.

— Ладно Человече. Можешь делить со мной мое логово. — и сознание Ареста вернулось к созерцанию. Терпеть боль было просто не выносимо.

Как ему было противно его помощь! О Тьма!!! Лизать его ладони… Есть с его рук… Замотал вокруг его лапы какие то палки и сказал, что это поможет быстрее срастись раздробленным костям. Р-р-р-р.

Арест был сильно поражен тем, что человек оказался вообще не знаком с расами Аль-Азифа. Более того, он был поражен даже тем, что херувимы разумны.

Некоторое время крылатый лев даже усомнился в здравом ли уме этот двуногий. Поначалу, он решил вытерпеть все унижения,

а уж после того, как восстановит свою физиологию, наказать этого презренного червяка.

Однако проходили дни, складывающиеся в недели, Арест постепенно восстанавливал свои жизненные силы и при этом поражался этому человеку все больше и больше. Ни какого преклонения перед ним. Ни какого раболепия и страха в поведении и психике. Более того, иногда этот червь позволял себе столь привольное к нему обращение, что этот факт просто шокировал сознание Ареста. После таких моментов, он был не в силах наказать выродка, за столь высокое непочтение к своей персоне. Затем херувим понял, что этот странный представитель человеческой расы, попал в мир Аль-Азифа откуда-то с запредельных земель и решил, что стоит разобраться в том и узнать с кем же свела его судьба.

И вот теперь ОН — АРЕСТ, смотрит открыв пасть словно малый котенок, который впервые увидел мощь своего прайда, на Человека, который умеет биться как сама ТЬМА. Человека, который даже исходя из чисто физиологических параметров, не способен на то, что бы так двигаться. Но тем не менее, вот он. Обнажен. Не возмутим. Даже дыхание не сбито, а ведь он голыми руками вывел из строя двадцать гремлинов. Конечно гремлены не такие уж и великие воины, но ведь странно не это! А еще странно и то, что этот человек, который называет себя Ахиллесом, заранее определил сколько противников он отправит в бесконечность, а скольких искалечит!

— Закрой Арест рот, а то мошкара залетит ненароком и передай старейшинам, что из двадцати воинов, только двум больше уж не понадобиться помощь их знахарей. — Ахилл еще раз посмотрел на место схватки — Остальных, они еще в силах спасти для того, что бы до конца их дней, заботиться о них как о новорожденных.

Кентавры.

Прошел почти цикл (месяц) с тех пор как Арест и Ахиллес пересекли свои жизненные тропы и ступили на совместный путь. Арест замечал, что человек к концу цикла, стал заметно раздражительнее. Он уже довольно сносно общался на едином языке этого мира, но почему-то каждый вечер, не прекращал своего обучения до наступления ночи. Общались они мало. Арест предпочитал жить в степи. Человек, соответственно в персональной землянке. Частенько херувим ловил себя на мысли, а не покинуть ли своего спутника, и каждый раз после мучительных размышлений приходил к мысли, что сделать этого он просто не в состоянии. Слишком уж сильно привлекала его сущность этого существа, имя которому — Ахиллес. В общем, жили они оба припеваючи. Кормили их как на убой. Херувиму изредка сам выходил на охоту, но только для того, что бы не растерять своих охотничьих навыков и держать свое тело в постоянной боевой готовности.

И вот долгожданный день настал.

Ранним утром, видя еще сладкие сны, херувима потянули за кисточку хвоста. Рефлексы на то и рефлексы, что бы не зависимо от того, где находится сознание, защитить твое тело.

Резкий бросок и чье-то податливое, мягкое тело оказалось погребенным под двести пятидесяти килограммовым телом херувима.

— Да слезь ты с меня кошак ты бестолковый. Я же специально тебя попытался разбудить тихо, что бы не испугать твое внутреннее Я, или, как ты там это называешь. — прошептал кто-то под ним.

Арест с удивлением узнал оттенок разума своего попутчика.

— Еще раз попытаешься проделать со мной это… Я клянусь вездесущей тьмой, что больше не буду сдерживать свою челюсть и перекушу твою наглую башку.

— Да убери ты свою морду Арест. Исслюнявил мне все лицо.

Херувим не хотя, мягко отскочил в сторону. Тяжело вздохнув, Ахиллес встал на ноги, потирая ушибленное плечо.

— Чуть не придушил тьма тебя возьми.

— Нечего искушать бесконечность. — хмуро ответил Арест.

— Нечего спать словно гремлен. Ты же говорил, что выращен охотником. — Ахиллес был, как всегда, обнажен.

'Действительно что это со мной? Как это я мог проглядеть его появление. Мда Арест! Совсем ты потерял сноровку. Видел бы тебя сейчас хоть кто-то из твоей семьи… Вот позору-то было!' — сам себя пожурил херувим.

Он недовольно зевнул, продемонстрировав человеку все великолепие своих клыков и пристыженный самим собой, послал человеку вопрос:

— Чего не спиться?

Ахиллес стряхнул с тела прилипшую траву.

— Да вот… Решил, что пора сменить обстановку. Будем отсюда двигать.

— Почему заранее не предупредил? — Арест покосился на спутника и сладко потянул задние лапы.

— Так сам только недавно определился. Всю ночь не мог сомкнуть глаз вот и решил, что пора нам отправляться в путь. Язык с горем по полам я выучил, так что нас здесь больше ничего не держит.

— Ну-ну. — херувим красиво выгнул спину. — Так чего пришел без своих побрякушек.

— Оружие и припасы я уже приготовил. Так что пошли. Нас ждет почет и слава.

' Что-то мне подсказывает, что я сейчас совершаю большую ошибку. Ну да тьма меня возьми. Я сам того заслуживаю.'

Тряхнув своей роскошной гривой и скинув остатки липкого сна, Арест согласился:

— Ну, что человек… Тогда в перед!

От восхода до захода солнца, странники покрывали не меньше чем тысячу лиг. По началу Арест всегда отставал от человека. Ахеец в ходя в ритм, порой и не замечал, что на много сот локтей опережал своего попутчика. Херувима же этот факт просто поражал! Как мог херувим уступать в выносливости такому созданию, как человек? Однако это происходило ежедневно. Как только раним утром, они начинали свой бег, ко времени когда солнце располагалось, в своем пике, ахеец как правило уже на две сотни лиги опережал своего спутника. Более того, когда херувим находил место очередной стоянки, то убеждался, что помимо обустройства лежбища, голубоглазый уже успевал поохотиться и ко времени появления Ареста, того уже ждал долгожданный отдых и ужин в тени одного из баобабов.

Не заметно степь перешла в настоящую савану. Изредка по ходу движения спутников попадались небольшие лесные массивы, где обычно располагались поселения людей. Здешние жители существовали, как дикие животные. Многие даже не знали огня. Межрасовым языком практически никто не владел. Более того, большинство жителей этих убогих племен, вообще не могли общаться как разумные существа и в общении между собой прибегали к языку мимики и жестов. Питались кореньями, жили

или в земляных норах, по типу гремленских жилищ, или же устраивали свои дома, свивая их в кронах небольших деревьев. Любое поселение принимало херувима за страшного Бога, который обрел плоть для того, что бы покарать своих нерадивых детей. Если перед Арестом все падали в пыль и с покорностью ждали своей смерти, то Ахиллеса они принимали за проводника или слугу крылатого божества. Ахилла же все это очень угнетало. В периоды отдыха они с Арестом частенько спорили насчет того, стоит ли этих существ вообще причислять к разумным. Арест утверждал что да, так как большинство людей Аль-Азифа, существовало именно таким вот образом. Правда он всегда отмалчивался по поводу тех людских народов, которые сумели самоутвердится и еще с давних времен основать великие человеческие города. Херувим объяснял это тем, что в достижениях тех людей, главную роль сыграла кровосмесь последних с расой вурдов. Именно последние и дали по его мнению, толчок к развитию человеческих государств. Однажды отдыхая в тени дерева и наблюдая, как вокруг них суетились представители очередного племени, Ахилл задал Аресту неожиданный вопрос.

— Арест, вот скажи мне, как по твоему, какая раса этого мира, ну за исключением конечно же твоей… - с усмешкой на губах произнес ахеец. — Считается у херувимов самой сильной, самой образованной и самой достойной в этом мире?

— Ты странно ставишь вопрос Ахилл. — Херувим плотно поел свежего мяса здешней разновидности кабана и теперь зевал во всю ширь своей пасти. — Если не брать во внимание херувимов, которые и являются высшими существами, то после нас, дело выглядит следующим образом.

Ахилл не скрывая своего интереса, поменял свою позу и облокотившись на ладонь, внимательно уставился в глаза херувима.

— Самой сильной расой на мой взгляд являются мины. Мины лучшие бойцы, которые в одиночку выходят против целых армий и всегда с победой возвращаются в свои тэйпы. Они немного выше тебя, но зато намного массивнее и из-за этого слегка неповоротливые. Их голова похоже на голову буйвола. Живут на островах внутреннего моря. Питаются исключительно растительной пищей. В бой идут вооруженными обычно большими секирами и огромными круглыми деревянными щитами. Ими управляет Конунг, выбираемый посредством голосования всех достойнейших ярлов. Срок правления Конунга — три года. Однако минов, как и херувимов мало. В отличие от нас, они рожают детей более чем часто. Просто при родах их

детеныши зачастую убивают своих матерей, и как следствие умирают сами.

— Это по чему же? — удивился Ахилл.

— Ну, находясь еще в материнском лоне, детеныш уже имеет острые рожки, которыми и увечит утробу и половые органы роженицы.

— Понятно. А что насчет образованных и достойных?

— Подожди, я еще не окончил отвечать по первому признаку. — херувим не довольно посмотрел на человека и продолжил. — Конечно мины очень сильны, но при этом их мало, да к тому же их чудовищной физической мощи не достает скорости и грации. А вот этими качествами, как раз и обладает раса вурдов. Питаются они кровью. Причем их организм в этом отношении неприхотлив. Им все равно чью кровь употреблять в пищу. Вурды очень похожи на людей внешне, да и внутренне не сильно отличаются. Сильное отличие между вами заключаются в структуре пищеварительных органов и метаболизме. В индивидуальных схватках нет страшнее противника, чем самка вурдов, или как они ее называют — Защитницы Клана.

— Что у них воинским делом занимаются самки? А самцы тогда чем заняты? С детьми нянчатся?

— Не самки Ахиллес, а Самка! Их раса поделена на три клана у каждого клана всего одна единственная Защитница. Их же самцы совокупляются исключительно с людскими особями. Когда развитие детеныша окончено, он убивает свою мать разрывая ее брюхо изнутри. А воспитывают свой выводок действительно самцы.

Ахиллес даже привстал от удивления.

— Подожди Арест. Ты что, хочешь сказать, что во всей их расе всего три воина.

— Вот именно. Поэтому сам понимаешь насколько эти создания опасны. Самцы конечно то же многое что могут, но обычно они воюют или голыми руками или на расстоянии, при помощи своих огромных двухметровых луков, изготовленных из молодых побегов бамбука.

— Поверить не могу….

Тут их беседу прервал громкий шум, поднятый жителями племени, у которых остановились человек и херувим. Племя было многочисленным, но как и все предыдущие жили первобытнообщинным строем, не зная огня и ремесел. Питались они исключительно рыбой.

Племя селилось на краю живописного озера. Женщины хватали своих чад и устремлялись к воде, где их уже ждали мужчины племени. Погрузившись на большие плоты и орудуя

прямыми шестами, они быстро, отчаливали от родного стойбища.

— Что происходит Арест? — Ахиллес стал стремительно надевать на обнаженное тело свои доспехи, понимая, что весь этот шум не спроста.

— Да что тут может случиться… Мы на землях кентавров. — Арест принюхался и подытожил — И сейчас, нам придется познакомится с ними поближе.

Прячась в зарослях невысоких кустов, взору человека и херувима предстала поразительная картина. На берег озера, из-за ближайшей возвышенности, выскочили пять существ. Кентавры были грозными созданиями. Спереди, не большого лошадиного тела, красовались мускулистые человекоподобный торс. Правда кожа у этих созданий была не человеческая, а скорее лошадиная, так как даже издали, было видно, как лоснились на солнце их красиво сложенные тела. В набеге участвовали две мужские особи и три женских. Небольшие, но очень упругие груди этих фурий, при каждом скачке, красиво колыхались над мускулистым торсом. Все кентавры, имели короткие курчавые волосы, а на лбу каждого из них красовался красивый бронзовый обруч. Женщины-кентавры были вооружены мощными луками сделанными из рогов какого-то степного травоядного. Через их правое плечо был перекинут колчан с длинными стрелами. Мужчины были вооружены лассо и внушительными дубинами, которые были укреплены за их спиной.

Одним из самцов был взрослой особью. Его волевое лицо украшала густая черная борода. Другой же, был по-видимому юн.

Нападение было столь стремительным, что большинство людей просто не успели избежать своей горькой участи. Женщины кентавров, умело отсекли всю толпу от спасательных плотов и жестокими ударами своих луков стали избивать беззащитные головы своих жертв. Пара мужчин людей, попытались было защитить своих детей и женщин от неминуемого плена. Не скрывая животного страха в глазах, они хватили речные валуны и с устрашающими криками ринулись на выручку своих соплеменников. Однако положительного результата это не возымело. Один, был тут же повязан петлей аркана молодого охотника и оттащен в сторону схватки. Второго сбил с ног, бородатый кентавр, после чего растоптал своими копытами. Тем временем с плотов в сторону нападавших полетели костяные остроги. Однако женские особи четвероногих охотников, мигом отбили желание у людской массы, что-либо предпринимать. Их тугие луки со страшной скоростью спустили по три стрелы, каждая из которых пронзали по две цели.

Ахиллесу стало не по себе в тот момент, когда на его глазах одна из женщин-кентавров знаками приказала утихомирить испуганной женщине ее человеческое дитя. Младенец от испуга орал во всю силу своих маленьких легких. Когда это не возымело должного эффекта, лучница вырвала ребенка из рук матери и подбросила того высоко в воздух. Встав на дыбы, она ударом своих передних копыт, отбросила младенца далеко в воду, где он уже навсегда обрел свой вечный покой.

Даже Ареста эта сцена заставила в гневе прижать уши.

— Стерва… — выпалил Ахилл и метнул свое копье, после чего устремился на своих новых и теперь уже ненавистных противников.

Арест бросился следом. Уже в прыжке, он произвел один из своих устрашающих рыков.

Тяжелое копье, пробило насквозь грудную клетку жестокой самки, после чего пронзило и ее круп. В нелепой позе лучница завалилась наземь. Надо отдать должное… Кентавры не были малодушными созданиями.

Увидев, что на них напали, все мигом перестроились в ожидании приказа своего бородатого спутника, благо расстояние, между нападавшими и четвероногими позволяло это сделать. Выкрикнув на своем языке пару резких фраз, оба самца, мигом разъехались в разные стороны.

Ахилл бежал не сбавляя скорости. Он вошел в транс. Время уплотнилось и теперь ахеец видел окружающую реальность, как во сне. Все движения его врагов обрели текучесть и стали медлительными, словно сватке теперь предстояло произойти не на открытом воздухе, а где-то глубоко под водой.

Вот, в его сторону метнулись две быстрые молнии. Даже в этом состоянии Ахиллес отметил, что скорость полета стрел была просто потрясающей. Ему пришлось остановиться и выставить перед собой свой тяжелый щит. Наконечники у стрел были костяными. Только из-за этого стрелы не смогли пронзить бронь щита. С сухим треском, они разлетелись на мелкие щепки, почле чего, Ахиллес продолжил движение.

Тем временем за его спиной начался бой Ареста с двумя самцами. Самый молодой решил пленить врага арканом, за что и поплатился.

Херувим даже не подумал увернуться в сторону от удавки, которая мигом стянула его мощную шею. Наоборот, он специально позволил сделать это молодому кентавру, для того, что бы тот потерял бдительность. Так и случилось. Как только петля змеей обвила шею херувима, в глазах молодого Кентавра вспыхнул огонек торжества.

Самец понадеялся на свою скорость и силу рук. Его задачей, теперь стало как можно быстрее рвануть в разрез движения херувима и увеличив скорость, просто задушить это страшное, легендарное существо. Однако произошло обратное.

В тот момент, когда голова кентавра отвернулась в сторону, для того, что бы посмотреть себе под копыта, Арест одним движением своих перепончатых крыльев, взмыл в воздух и всей своей массой обрушился на круп противника. Еще секунда и челюсти играючи оторвали курчавую голову от шеи, черного, как смола, человеческого торса. Дальше…. Фонтан кровавых брызг и обезглавленное тело по инерции понеслось в сторону ближайшего дерева. Удар… И обезглавленный кентавр, с глухим стуком повалился наземь.

Видя неудачу своего молодого собрата, бородатый предводитель охотников, решил что разумнее всего, воевать с таким противником на расстоянии. Он что было мочи припустил к холму, из-за которого еще пару минут назад, так эффектно появилась все их честная компания. Не сбавляя скорости, бородатый кен прокричал что-то двум самкам, по-видимому, советуя последовать его примеру.

Проделать тот же маневр, не удалось ни одной из них.

За считанные мгновения Ахиллес преодолел разделяющее его расстояние от его двух противниц, и высоко выпрыгнул. Самки кентавров находились друг от друга на расстоянии вытянутой руки. Причем та, что была с лева, стояла на пол корпуса ближе к Ахиллу чем вторая лучница. Ахиллес применил свой излюбленный удар. Первая жертва была поражена нижней кромкой щита, а вторая познакомилась с его бронзовым мечом. Тяжелый бронзовый щит словно лезвие гигантского топора снесло пол головы с лева стоящей самки.

Та же что была по правую от ахейца руку, повалилась наземь, с торчащим из центра своего лба, бронзовым мечом.

Дуновение потока воздуха и рядом с Ахиллом, мягко по кошачьи, приземлился херувим.

Гур.

Оставшийся в живых кентавр, не скрывая ужаса в своих глазах, уставился на две одинокие фигуры.

'О великая бездна и ты праотец! Это же человек и херувим?' — В голове все перемешалось.

'Да как такое возможно?' — ощутив, как из глубины сознания, поднимается животный ужас, Гур, что было силы пустился в

самый настоящий галоп.

Он скакал практически не различая перед собой дороги. Кентавр даже не отдавал себе отчета в том, что на такой скорости можно запросто переломать себе все четыре конечности… Да что конечности — шею! Стоит лишь только угодить хотя бы одним из четырех копыт, в норку равнинного сурка и считай конец. Но Гур ни чего не мог с собой поделать. Его внутренний взор показывал сознанию лишь две безмолвные фигуры. Фигуры, которые пришли будто бы из самого небытия. Фигуры, которые только что, убили на его глазах, ВСЕ императорское поголовье правящей Алы. Принца и трех его сестер.

Проскакав не останавливаясь не меньше лиги, Гур выдохся и с шумом повалился в густую траву. Два сердца, чуть ли не выпрыгивали из его грудной клетки. Лоснясь от липкого пота, он широко открытым ртом, пытался пропустить в свои легкие хоть немного воздуха. Наконец, он восстановил дыхание и попытался встать на все четыре копыта. Кое как восстановив равновесие, кентавра стошнило. Шатающей из стороны в сторону рысцой он засеменил в сторону восточной малой гряды. Туда где находилось сердце империи кенов. Туда, где ему, главному царскому фуражиру, предстояло предстать перед грозными очами Императора Черной Алы. Туда, где скорее всего его ждет страшная смерть из-за того, что он, не смог уберечь вверенное ему поголовье дерзких юнцов.

***

Ассара — Золотой престол Кенов. Оплот и мощь расы, которая еще тысячелетие назад, держала в страхе весь мир Аль-Азифа. Столица располагалась в живописнейшей местности. Среди холмистой долины, располагался высокий холм, на котором и покоились великолепные постройки Ассары. Ни одна иноверная душа (за исключением рабов) не попирала землю престола кенов. Золотой престол кентавров до сих пор не удавалось завоевать ни одной из рас этого жестокого мира. Кены не соизволили даже укрепить ее крепостной стеной. В этом не было нужды. Все битвы, как бы они не заканчивались, кентавры вели в дали от своего сердца империи. Даже если враг и разбивал войска их расы, ни у одного полководца и мысли не возникало о том, что бы вторгнуться в исконные территории четвероногих и тем более разорить их оплот. Слишком уж малыми силами воины империи встречали многотысячные войска и уж совершенно невообразимыми потерями врагу доставались столь редкие победы. Все постройки столицы были возведены из черного

дерева, произрастающего в близи одного из соседей империи — Гивейна.

Город-государство чернокожих людей, всегда славился тем, что его окружали непроходимыми леса где и произрастало дерево маол, древо которого с трудом поддавалось ударам даже бронзовых топоров гивейнцев. Стволы этого могучего растения валили при помощью больших ящероподобных существ.

Императорский дворец возвышался над всеми другими постройками кентавров. Кены жили под просторными навесами, открытых всем ветрам и взорам. Эта раса не признавала семьи. Каждый из самцов мог взять и покрыть любое количество самок. Естественно если того желала его партнерша. Навесы были разукрашены причудливой резьбой, созданной рабами людьми из другого независимого города государства — Аргоса. Этот город торговцев, издревле славился своими ремесленниками.

Только здание императорского дворца было построено по типу человеческого строения и его размеры могли поразить сознание любого искушенного строителя, как своей красотой, так и размерами.

Император Кариз, с первыми лучами солнца был раздражен и встревожен. Ему приснился страшный сон. Страшное существо, до селе неведомое в этих краях, преследовало его, в течении всего сновидения. Император решил поохотиться на своих охотничьих угодьях, а оказалось, что он сам стал дичью для неизвестно откуда появившегося монстра. Кариз напрягал все силы ради того, что бы успеть добраться до своего охотничьего стана, где его ожидала вся придворная свита и его дети. Оплот и цвет всего имперского войска.

Когда наступило утро, Кариз проснулся от осознания того, что он благополучно добрался до своего лагеря, но вот его детей, пожрало ЗЛО. Полностью очнувшись император приказал прислуге позвать своего придворного толкователя снов.

Мэнг славился своими магическими способностями даже за пределами империи. Колдун не заставил долго ждать своего повелителя. Он явился практически мгновенно.

— Такое впечатление маг, что ты всю ночь простоял возле покоев своего императора. — Волевое лицо Кариза было хмурым, под стать расцветке его шкуры и таким же черным, как и его настроение.

— Мой повелитель я лишь смиренный слуга, который жаждет всем своим естеством служить вашему трону.

Это было правдой. Именно Мэнг помог нынешнему императору вскочить на Золотой трон Кенов. Давным-давно, когда император был еще лишь молодым самцом, который и не

загадывал о том, что бы занять трон принадлежащий тогда поголовью серебряной Аллы, именно придворный маг, возвеличил его и с помощью интриг и большой смуты, продвинул ни кому тогда не известного кентавра, на престол Ассары. Кариз хоть и был потомком древнего рода, однако не являлся непосредственным приемником почтенного императора Туаора, в крови которого текла чистая кровь изначальных императоров Кенов.

— Мой верный слуга. — голос Кариза дрогнул. — Послушай мой сон и дай мне ответ что он означает.

Мэнг с достоинством процокал по мраморному настилу великолепной спальни императора и приблизившись на расстояние, максимально позволяющее этикетом, раболепно изрек.

— О достойнейший среди великих. Я весь во внимании.

Император оценивающим взглядом оглядел своего старого слугу и с трепетом в голосе поведал тому о своем странном сне.

— Повелитель! — голос Мэнга дрожал. — Это плохой сон и он не сулит ничего хорошего твоему поголовью. Прикажи своим воинам разыскать отпрысков и повели им находиться все ближайшее время, рядом со своей персоной.

Император подошел к громадному столу, на котором рабы из расы людей, уже успели поставить завтрак.

— Раздели со мной мою пищу и скажи неужели какая-то из Алл Кенов, готова силой пойти против своего повелителя?

— Я не достоин мой император такой чести. — Мэнг даже не двинулся с места. — Что касается угрозы свержения власти императора… Ни со стороны врагов черной Аллы, ни ваших противников в нутрии нее, нет веских причин для заговора. Скорее всего бедствия ожидает лишь детей императора.

В покои Кариза ворвался начальник дворцовой стражи, что было неслыханной дерзостью. С дрожью в голосе он выпалил:

— Мой император. Только что вернулся ваш фуражир Гур… — было заметно, как по побледневшей коже война пробегают мурашки, а значит, он являлся черным вестником.

— Говори. — со страхом в голосе произнес Кариз.

— Гур вернулся один. Во время охоты на людское поселение, они были атакованы и все ваши дети мертвы.

Дичь.

Вытерев об лоснящуюся шкуру самца-кена свой меч, Ахиллес посмотрел на своего спутника и тихо изрек:

— Ну что Арест… Как думаешь через сколько прибудут мстители?

Арест не скрывая своего восхищения разглядывал тела поверженных ими врагов.

— Это трудно определить. — мысленный ответ, возникшей в мозгу Ахилла, был с оттенком озабоченности.

— На твой взгляд как далеко может находиться лагерь этих охотников? — Ахилл тоже подошел к одной из своих жертв и стал внимательно изучать физиологию убитой им самки.

— Вообще-то, мой юный друг, я как и ты в первые вышел в этот мир и также как и ты, толком не знаю все привычки и повадки представителей разумных рас. Конечно, я могу войти в созерцание и углубившись в генетическую память узнать все, что было ведомо моим предкам об этой расе, но на это уйдет большой отрезок времени. А на мой взгляд времени у нас, как раз в обрез. — Арест раскрыл свои крылья и удобнее сложил их у себя на спине. — Нам надо как можно быстрее покинуть это поселение. Кентаврам понадобиться не так уж и много времени для того, что бы вернуться сюда и нашпиговать нас своими стрелами.

Он подошел к одному из трупов и оторвал от его плоти небольшой кусок кровавого мяса.

— Арест да ты что делаешь? — человек с трудом подавил тошноту. — Он ведь в конце концов разумен. Это же равнозначно каннибализму!!!

Херумим проглотив кусок мяса и слизнул из раны кентавра стекавшую кровь пояснил:

— Видишь ли. Информация генетической памяти, это конечно хорошо и даже очень полезна. НО!… Для того, что бы в дальнейшем знать все тонкости организма врага, я должен его распознать самолично. Этот кусок плоти и его кровь, позволит моему телу самостоятельно разобраться в том, как лучше себя вести в очередном бою с этими созданиями.

— Мда… Тебе конечно виднее, но скажу прямо, меня это немного шокирует. А начет того, что бы побыстрее отсюда свалить… Я не согласен. Судя по их скорости, они нас смогут настигнуть где бы то ни было и причем довольно легко. Выследить наши следы, для здешних охотников, сам понимаешь, тоже не составит особого труда. Лучше уж входи в свое состояние и узнай у памяти предков все, что только можно. — Ахиллес посмотрел на остатки поселенцев, которые ни чем не выражая своей благодарности, поспешно погружались на свои деревянные конструкции остатки своего примитивного скарба. — Познание своего врага, ведет к возможности избежать поражения в

будущем. Если мы будем знать, как ведут себя здешние правители и чем они нас могут удивить, есть шанс направить положение вещей в нужное нам русло.

— Что-то мне подсказывает, что наше будущее практически предначертано.

— Ты не скули, как степной шакал, а отправляйся на свидание со своими предками, а то ты уже заранее готов поставить наши жизни на закланье здешним хозяевам саваны.

Мгновенный бросок и Ахиллес оказался погребенным под тушей херувима.

Послушай меня Человече… — глаза Ареста оказались на расстоянии пальца от глаз ахейца и не предвещали тому ничего хорошего — …Если ты еще хоть раз позволишь себе обратиться к повелителю этого мира таким постыдным образом… Будешь умерщвлен незамедлительно!

— Арест… — грудную клетку Ахиллеса сперло от тяжести херувима — Ты меня уже во второй раз заставляешь валяться в пыли словно земляного червя… Это я тебя предупреждаю, обуздай свою гордыню и делай то, что тебе говорят, а то ведь и я могу в один прекрасный момент решить, что ты не разумное существо, а какое то бестолковое животное…

Договорить Ахиллес не смог. Громадная пасть херувима потянулась к шеи заносчивого человека и в седеющее мгновение, была откинута назад сильным боковым ударом человеческого кулака. На мгновение херувим потерял контроль над ситуацией и ослабил давление своего тела. Ахиллес тут же этим воспользовался. Освободив свою правую руку, он локтем, в пол силы, двинул крылатого меж его желтых глаз. Морда херувима снова откинулась на зад. В тот же самый момент, согнув в коленях свои ноги, ахейцу удалось оттолкнуть от себя эту тяжеленную тушу. Ареста отбросило назад всего лишь на каких-то пол метра. Буквально в ту же секунду он разинул свою пасть для того, что бы перекусить пополам в конец обнаглевшего человечешку, которого еще минуту назад называл своим другом. К своему удивлению херувим был вынужден остановиться. В нескольких сантиметрах от его правого зрачка застыло бронзовое острие меча.

— Арест я не хотел тебя оскорбить ни помыслом, ни действием и уж если, тебя и в за правду оскорбили мои слова, то смиренно приношу свои извинения.

Голубые глаза человека, бесстрашно уставились на золотистые зрачки херувима. Херувим ни на сантиметр, не отводя в сторону своей головы, с угрозой послал мысленный ответ:

— Запомни Ахилл еще одно такое же постыдное сравнение и

ты станешь пищей для стервятников.

— Запомнил Арест, запомнил. — заверил он херувима.

Ахиллес убрал в сторону свой меч и с улыбкой на устах произнес

А теперь если ты не против отправляйся на свидание со своей генетической памятью, а я пока раздобуду в поселении что ни будь перекусить. Кто его знает, когда нам еще доведется нормально утолить свой голод.

***

— Итак Арест, на сколько я понял, дело обстоит следующим образом. — взяв очередную прожаренную на костре тушку местной рыбы, Ахиллес продолжил. — Кентавры делятся на Аллы. Алла это масти к которой принадлежат те или иные кены. Тех, кого мы прикончили, судя по твоим умозаключениям, являются представителями Черной Аллы. И насколько я понял обручи на их головах это знак, что поверженные нами враги, являются не простыми воинами, а скорее всего, являются отпрысками царствующего поголовья.

— Да. — подтвердил херувим.

— Значит мы отправили в бездну, души отпрысков самого императора!?!

— Скорее всего это так. — хмуро подтвердил спутник человека.

— Тогда прав ли я? Убегай или не убегай, кентавры не оставят нас в покое даже если им придется преследовать нас через все земли этого мира.

— Да…это так. Того требует зов крови. Император не успокоится до тех пор, пока самолично не снимет шкуру с тех, кто посмел умертвить его отпрысков. — Арест, только что закончил поедать тушу просто огромной черной рыбины, которая славилась тем, что практически не имела костей.

— Ну и судя по данным твоих предков, император будет нас загонять именно при помощи своей Черной Аллы и не может в силу традиций, обложить нас словно степных шакалов, всей своей армией.

— Да. Ведь то, что погибло его поголовье, не означает, что всем Кенам угрожает опасность или же их расе брошен смертельный вызов. Более того, исходя из полученных мной знаний, кены довольно эгоистичная и жадная до самовыражения раса. А из всего этого следует, что остальные Аллы даже в каком-то смысле будут нам благодарны за то, что все так и произошло. И еще… Исходя из древних традиций государства кенов,

император обязан самолично или же через своего доверенного воина сразиться с тем, кто его оскорбил. Пролитая кровь в этой схватке, полностью смывает вражду и ненависть с обвиняемого и не важно, кто при этом умрет.

— Выходит… — Ахиллес тоже решил прилечь после сытного обеда.

Не церемонясь он устроил свою голову прямо на животе Ареста. Тело херувима по началу напряглось, словно тетива кенского лука, но уже через несколько мгновений Арест видимо смирился с этой неземной, человеческой наглостью.

— Выходит мой могучий спутник, нас ждет смертельный бой всего лишь с одним противником.

— С двумя… Но каждый со своим. Ты что забыл, что и я приложил свой скромный вклад в умерщвление этих парнокопытных.

— Вот видишь Арест, а ты меня сожрать хотел! Вот пустились бы в бега, нас точно бы разорвали на части. А так, мы, как и подобает воинам, дождемся своих противников и не скрывая своего уважения к их обычаям, укокошим еще одну парочку здешних хозяев и при этом после всего этого, сможем без опаски отправиться дальше.

— Не думаю Ахилл, что все произойдет именно так, как ты расписываешь.

— В любом случае. По началу, не будем спешить покидать этот лесной островок. Здесь мы в праве рассчитывать на победу даже при условии, что против нас выступит вся Алла императора.

— Это почему же? — удивился херувим.

— Ну ты как котенок! На открытом месте, как думаешь сколько бы мы продержались учитывая скорость и дальнобойность луков кентавров!? А так, среди древесной листвы, я тебя уверяю, пока они поймут что к чему, я оправлю на свидание с их ними праотцами не одну особь. — приподнявшись и цепким взглядом осмотрев ближайший пейзаж, Ахилл задумчиво изрек:

_- Кстати Арест ты притаишься вон в том кустарнике. Он одного цвета с твоей шерстью. К тому же если император окажется не приверженцем древних традиций своего племени, ты нападешь на них с тыла, тем самым, отрезав им дорогу для отступления.

— Я думал об этом и сам. Но как бы там ни было, я постоянно поражаюсь твоему большому самомнению насчет своей персоны. Кены знаешь ли не гремлины. Тут ты с голыми руками не выстоишь даже против одного бойца, а если справишься, то считай что это благо.

Ахилл снова прилег на теплый живот своего боевого друга.

— Благо так благо! Слушай Арест? Чего ты их называешь кенами, а не кентаврами. А?

— Кены на языке Аль-Азифа означает 'Северный Ветер' приносящий со свистом проливные дожди. Первыми их так прозвали гивейнцы, подразумевая скорость этой расы и неудержимость. Дословно, кентавры можно понять как — 'Оседлавшие северный ветер'.

— А красиво… Не находишь? Арест?

— Ну, чего тебе еще? Может в последний раз в жизни вот так вот довелось полежать на солнышке после приятного пира, а тут ты со своими вопросами…

— И все же Арест. Почему в этом мире столь много разумных рас и все кто имеет гортань и разум, общаются на едином языке. — После паузы, ахеец закончил мысль — Мне это кажется странноватым. Не находишь?

— Признаться, когда я был еще совсем котенком, я тоже поражался этому обстоятельству. Более того, в поисках ответа на этот вопрос, я сутками проводил в самосозерцании, обращаясь к памяти своих предков. И вот что любопытно. Ни чего путного по этому поводу я не нашел. Более того, наша раса, как я уже объяснял тебе ранее, была первым разумным народом этого мира. Затем появились кены. Потом паны и так далее. Последними, кто пришел в наш мир, оказались вурды.

— Ты хочешь сказать, что все разумные появились в Аль-Азифе откуда-то извне. Вроде как я?

Что думал по этому поводу Арест Ахилл не узнал, так как херувим резко вскочил, после чего человек больно ударился головой об каменное крошево.

— Я чувствую приближение врагов.

— Вот спасибо тебе. Чуть голову не разбил… Ладно Арест, действуем, как договорились.

— Хорошо. — мягкими кошачьими прыжками, херувим направился в сторону желтоватого кустарника.

— Арест! — окликнул херувима ахеец.

Тот остановился и уставился на человека своими чуть раскосыми желтоватыми глазами.

— Ты это… Будь поосторожнее там.

Херувим лишь пренебрежительно фыркнул и направился дальше. Посмотрев в след удаляющейся фигуре, Ахиллес улыбнулся и направился в лес.

***

— Поднять всю Аллу, мы отправляемся на имперскую охоту. — Кариз был просто в бешенстве.

Рабы не знали, куда спрятаться в этом огромном дворце от взора своего разгневанного владыки. Даже стража дворца старалась лишний раз не попадаться на глаза своего императора.

— Мой повелитель. Смею Вам дать скромный совет. Не участвуйте в охоте самолично. Отправьте всю Аллу под предводительством доблестного Сарака, вашего командира. Он опытен и искусен, и проверен в походах.

Император гневным взором окинул своего придворного мага, с головы до копыт и выпалил:

— Достопочтимый Мэнг. Не уж то ты и впрямь думаешь, что я нарушу древний закон кенов. Кровь семьи, должна быть отомщена верховным предводителям ее Аллы. Меня же подымут на смех все кены. А некоторые Аллы даже могут потребовать смены правящего поголовья.

— Я все это прекрасно понимаю мой повелитель. — Мэнг аж побледнел под грозным взором императора. — Но вот чуют мои сердца, что нас всех ждет беда. По крайней мере, не участвуйте в ритуале самолично. Ведь обычай позволяет вам, как императору выбрать любого представителя вашего поголовья. Так пусть за честь и кровь правящей Аллы выступит Сарак.

Император неуверенно переминал своими копытами. Кариз прекрасно понимал, что те кому удалось убить четверых воинов, которые даже в войске кенов, считались не последними воинами, стоят того, что бы не делать скоропостижных решений. А он уже стар. Да, его время, как могучего воина давным-давно прошло и с этим ни чего не поделаешь. А вот Сарак в данной ситуации, лучший выход из сложившейся ситуации. К тому же в последнее время он через чур амбициозен и это не к добру.

— Действительно законы наших предков позволяют выбрать императору заступника. — Кариз погладил свою посеребренную бороду — Но вот кто выйдет вторым заступником. Ведь если верить рассказу Гура, поголовье погибло от двух существ. Херувима и Человека! — Последнее слово он произнес с нескрываемым презрением.

— Вторым воином могла бы стать… Гетрана.

— Хм-м-… Что ж решено. Вели позвать мне дворецкого.

Слушаюсь мой повелитель — Мэнг низко склонил свое человекообразное туловище и с довольным видом засеменил к выходу из покоев.

Император направился к северной стене, где были развешаны все его боевые палицы. Внимательно рассматривая развешанные на стене боевое оружие, Кариз услышал звон копыт о мраморный

пол его покоев.

— Слушаюсь мой повелитель — дворецкий принадлежал к поголовью белой Аллы.

Их масть ни когда не отличалась воинственностью, а по сему, всегда считались верными слугами для любого правящего поголовья.

— Прикажи еще до заката собраться моей Алле на центральной площади Ассары… Мы выступаем на охоту.

— Слушаюсь повелитель.

По шороху, император догадался, как его дворецкий раболепно склонил перед ним свое тело и передние копыта.

'Все-таки прав маг. Не стоит рисковать самому. Пусть честь масти будет отомщена лучшими воинами Аллы. А вот детей не жалко. Я еще не старик… И до того, как меня призовут тени святых предков, с лихвой смогу покрыть еще не одну самку. Ведь все дети были буйного нрава и зачастую норовили унизить его своим скрытым неповиновением. Но вот человек и этот херувим, должны быть распотрошены как дикие аланы, а их головы будут не один год красоваться на черных шестах родной Аллы.'

Император вздохнул и на конец выбрал небольшую, но прочную булаву, рукоять которой, была сделана из черного древа маол, а на набалдашнике красовались бронзовые шипы.

'Ни чего скоро великий торг. Там я в волю отдохну от всей этой суеты'.

Довольный собой и принятым решением, Кариз направился к выходу из покоев.

Алла собралась в считанные минуты. Император объявил им свое решение и цель их похода. Когда новость облетела и достигла сознания каждого воина, по рядам чернокожих Кенов прошел удивленный вздох, который тут же сменился звериным блеском в черных глазах. Каждый из воинов теперь мечтал собственноручно растерзать тела презренных убийц всего поголовья императора.

Они выехали из Ассары в полном молчании. Попадавшие на глаза поданные империи, с удивлением смотрели в сторону удаляющихся воинов правящей Аллы. Двадцать три воина, включая и самого императора, безмолвно устремили бег своих копыт к озерному поселению, которое издревле считалось самым излюбленным охотничьим уделом их масти.

Гуру остался в столице. Представителю других Алл запрещалось даже присутствовать при столь древнем обычае предков. Поэтому отряд сейчас вел молодой кен, который не хуже своего повелителя ориентировался в данной местности.

Гул девяносто двух копыт сотрясали землю.

Алла двигалась соблюдая боевое построение. Впереди скакал впереди смотрящий. По бокам, от него, располагались самки, вооруженные большими дальнобойными луками. По приказу императора из вооруженной сокровищницы Аллы, лучницам были выданы полные колчаны с закаленными медными наконечниками. В центре боевого клина располагался сам император Кариз. Покрыв к полудню двенадцать лиг, разделяющих охотничий надел и золотой престол Кенов, Алла преодолела последний холм и выскочила на место предстоящей схватки.

***

Ахиллес решил расположиться в зарослях высокого кустарника. По объяснениям Ареста, это растение родило ядовитые ягоды, причем шипы кустарника, также были опасны для кожи любого живого существа. При попадании сока в кровь, этого не миролюбивого кустарника, который просто капал с колючек 'хру', у любого несчастного начинался нестерпимый зуд.

За спиной Ахиллеса находились первые стволы лесной просеки, за которыми он и решил укрыться, конечно, в случае крайней нужды. С левой стороны, примерно в двадцати шагах, располагались первые шалаши здешних обитателей. Кентавры наверняка должны были для начала обследовать именно поселок, а затем уж решать, куда могли подеваться их обидчики. Арест затаился где-то чуть правее. Желтоватые кусты, полностью сливались с телом херувима. Сколько бы не пытался разглядеть ахеец своего спутника, это ему ни как не удавалось. Естественное покачивание верхушек растения, от легкого ветерка и ни какого лишнего движения.

'Ну уж если я не могу ни бельма рассмотреть, копытным и подавно не удастся'.

С такими приятными мыслями, ахеец встретил новое эффектное появление двадцати трех кентавров, которые будто бы буря в безоблачную погоду, ворвались в безмятежную тишь окружающей действительности.

Не смотря на предположения ахейца, Кены не спешили исследовать местный поселок. Они стройными рядами выстроились спиной к глади озера и стали о чем-то совещаться. Через непродолжительное время, из их стройного строя выдвинулась одинокая фигура молодого самца, который с опаской, стал приближаться к тому месту, где валялись трупы их собратьев. Внимательно осмотрев место схватки кентавр вернулся в общий строй и что-то стал объяснять своему бородатому

спутнику, чей лоб был охвачен красивым инкрустированным, железным обручем.

'А вот и император.' — догадался Ахиллес.

Он старался даже не дышать. Несмотря на то, что заросли прекрасно скрывали как его самого, так и его черно-золотые доспехи, рисковать раньше времени не стоило. Через еще какое-то непродолжительное время, вперед выдвинулся все тот же молодой кентавр. На едином языке Аль-Азифа он громко объявил:

— Я обращаюсь к тем, кто убил имперское поголовье правящей Аллы. Если в ваших жилах течет кровь воинов, а не моча степных шакалов… — Он сделал паузы видимо для того, что бы смысл слов дошел до тех к кому он обращался — … Покажитесь и мы согласно обычаев нашей расы и славной памяти своих достопочтимых предков, клянемся, что не причиним вам ни какого, преждевременного вреда.

Ахиллес краем глаза заметил небольшое шевеление в кустах где притаился херувим.

'Надеюсь у него хватит ума не идти на поводу своих эмоции'.

Ахиллес решил немного выждать для того, что бы убедиться в искренности произнесенных слов. Арест по видимому сумел преодолеть свой гнев.

Вспомнив, как херувим относится к подобного рода оскорблениям, Ахиллес решил, что дни этого молодого Кентавра сочтены. Тем временем кен продолжил.

— Мы знаем что вы… человек. — он произнес это слово бут то бы подавился какой-то гадостью — …и херувим — не покидали места схватки. Поэтому еще раз повторяю. Выходите и примите честный бой, как и подобает истинным воинам. Если человек не знает единого языка, мы подождем не которое время для того, чтобы херувим объяснил своему рабу — опять кислое лицо — …Все что было выше сказано.

Кентавр опустил голову и замолчал.

— Почему же сразу рабу!?! — это подал голос Ахиллес, который решил, что кентавры все-таки решили выяснить с ними отношение, через свой древний ритуальный обычай. — Я ему не раб, а он мне не хозяин, как в прочем и на оборот.

В ту же секунду, в сторону зарослей Ахиллеса, были устремлены смертоносные жала десяти длинных стрел. Тем временем ахеец продолжил.

— Исходя из рассказа моего друга херувима… - опять кислые мины теперь правда у всех участников карательного отряда — .Вы раса, которая умеет держать данное вами СЛОВО, а так, как у меня до сих пор не было ни одного повода для того, что бы усомниться в его знании, мы принимаем вызов.

Закончив свою речь, ахеец стал осторожно выбираться из своего укрытия. Спереди он увидел, как красивым прыжком, из своей засады выбрался и его крылатый спутник. Несколько стрел тут же уставились на новую цель. Подойдя в плотную к Аресту, Ахилл остановился и продолжил:

— То что произошло, ни каким образом не означает, что кентавры наши враги. Скорее наоборот, мы высоко ценим воинскую доблесть ваших воинов.

Арест краем глаза косо покосился в сторону своего спутника.

'Вот ведь заливает, как степной соловей. А ведь по интонации и впрямь можно во все это поверить.'

Из-за спин воинственных самок, появился пожилой Кен.

— Я Кариз. Император кенов и всех здешних земель на сотни сотен лиг в окружности. С кем я разговариваю? — его глаза были жестокими и в них угадывались искры ненависти.

Ахиллес выразительно посмотрел в сторону херувима и про себя подумал

'Давай Арест, начнем с тебя. Ты как ни как коренной житель этого бедлама, к тому же царь всего сущего в конце концов.'

В голове Императора и нескольких Кенов, стоящих возле него появился ответ херувима:

— Император ты имеешь честь общаться с одним из прямых потомков Царей этого мира. Мое имя Арест. Имя же моего прайда — РаАрест — Солнечная или Сияющая СМЕРТЬ.

'Ну и название' — весело подумал Ахиллес и после того, как на него уставились недовольные зрачки херувима, хитро тому подмигнул.

— Кто этот человек… Он расскажет сам.

Ахиллес склонил голову и представился:

— В моем мире, откуда я родом, меня нарекли Ахиллом. Я царь племени Мирмидонцев, что проживали в славной Элладе и рожден от союза земной женщины и божества. Меня признали во всем ахейском мире, да и в других странах, как лучшего воина всего мира.

Херувим теперь сам в свою очередь с озорством в глазах покосился на рядом стоящего человека.

Кариз лишь не довольно усмехнулся и выпалил:

— То, кем себя считают херувимы, мне прекрасно известно. А вот то, кем себя возомнил ты — червь, меня не касается. Согласно нашим традициям, каждый из вас сейчас сразиться с одним из моих воинов. Если кто-то из вас и победит… — его аж покоробило только от одной этой мысли — С того будет снята груз кровной мести. Поэтому приготовитесь… А сейчас, вы встретитесь со своими предками, канув навечно в

бесконечность…

Лицо Ахилла после этих слов, приобрело нехарактерную для него бледность. Арест понял, что императору не жить.

— Кен! — вызывающе начал Ахиллес, опустив сознательно титул и имя пожилого кентавра. — Перед тем, как отправить на встречу с бездной твоего воина, я хочу тебе сказать следующее…

Кариз аж посерел от такого оскорбления, а все его воины недовольно загудели то и дело переминая своими копытами.

— То, что произошло между твоим кровным поголовьем и нами, было следствие того, что одна из твоих дочерей, на моих глазах жестоко расправились с человеческим детенышем этих людей. — Ахиллес кивнув за спины Кентавров, указывая на видневшиеся в далеки плоты. Эти люди дали нам кров и пищу, а по закону моего мира, были в праве рассчитывать на мое покровительство, на время моего здесь пребывания…

Император, как обыкновенный конь произвел недовольное фырканье.

— …Но! В знак уважения к традициям твоей расы и нанесенного тобой мне оскорбления, я буду сражаться не только с выбранным тобой воином, но и с тобой лично. Хотя если ты, прямо сейчас возьмешь свои слова обратно… Я тебя великодушно прощаю…

— Да как ты смеешь презренный кал, пугать того, перед кем уважительно склоняют голову все владыки этого мира.

Глаза Ахилла, заволокла уже так знакомая Аресту пелена боевого транса.

— Значит я правильно понял? Ты дашь мне удовлетворение или же ты привык только на словах показывать свою силу.

Кариз в гневе растолкал своих воинов и с бешенством в голосе прокричал:

— Слушайте все. Первый поединок произойдет между мной, Сараком и этим выродком. Второй между Херувимом и Гетраной. Мою дубину и аркан. — последние слова, император адресовал одному из воинов.

— И пусть каждый из здесь присутствующих воинов могучей черной Аллы, запомнит, как бы не сложились поединки, Закон предков не рушим.

— Айша. — хором подтвердили все без исключения воины императора.

А теперь приготовься червь… Если будешь повержен, то умрешь мучительной и долгой смертью.

***

Когда пространство для поединка было очищено от всех трупов детей императора, один из кентавров дал сигнал и поединок начался.

Ахиллес и два кентавра разошлись на расстояние полета стрелы. После поданного сигнала, кентавры пошли в атаку. Они, как и в случае с Арестом, решили для начала зайти человеку в тыл, а потом уже с безопасного расстояния заарканить свою жертву. Ахиллес прекрасно понял замысел своих противников. Да и как было не понять, когда кентавры были вооружены лишь дубинами, да своими плетеными арканами. Стоять на месте не имело ни какого смысла, поэтому закинув за спину свой щит Ахиллес сам устремился на своего первого противника. Для начала он решил разобраться с императором. Расстояние разделявшее человека и императора сокращалось прямо на глазах. Молодой Кен, видно первым осмыслил замысел двуного. Он перестал скакать тому за спину и помчался прямо поперек движению человека.

Подождав, когда между императором и им, появится фигура молодого кена, размахивающая у себя над головой арканом, Ахилл выпрыгнул и метнул копье. Оно словно черная молния прочертила в воздухе неуловимую для глаза линию и коснувшись волос впереди стоящего врага, насквозь поразило правую глазницу Кариза. Копье торчало прямо по середине черепной коробки.

Император умер мгновенно. Его тело еще некоторое время стремительно неслось по прямой после чего, столкнулось с телом своего заступника.

Это и спасло Ахилла от не минуемого пленения. Вокруг, пронесся удивительный вздох удивления всех присутствующих воинов Аллы, который уже через секунду, сменился воплями ужаса и негодования.

Сарак в первые секунды боя сделал все, как его и учили бывалые воины.

Оставив императора у себя за спиной, он стремительно поскакал стремясь зайти противнику в тыл. Однако человек повел себя не адекватно. Вместо того, что бы выжидать первой атаки, он сам, ринулся на встречу императору. Испугавшись за жизнь своего владыки, Сарак решил первым встретить это заносчивое отродье тьмы. В тот момент, когда между Сараком и человеком, расстояние сократилось на столько, что появилась первая возможность наконец-то метнуть петлю аркана, человек резко подпрыгнул и метнул свое копье выше его головы.

'Тоже мне воин. С такого близкого расстояния и то метнул

мимо цели'.

В миг, когда его пальцы были готовы выпустить петлю, со всех сторон раздался удивительный вздох. Краем глаза Сарак увидел, как исказились лица, стоящих поодаль воинов его родной Аллы. Когда же он наконец сфокусировал все свое внимание на своем противнике, тот уже совершал еще один стремительный прыжок, но на этот раз, уже в непосредственной близости от самого Сарака.

Как только ноги Ахиллеса коснулись земли, он тут же выхватил свой меч, рукоять которого торчала из среза щита. Еще несколько метров неудержимого бега и вот его тело снова взмывает в воздух. В поединках с противниками, которые превышали его рост, Ахиллес всегда прибегал именно к этому излюбленному приему. Когда между ними оставалось несколько метров, Ахилл подбегал в плотную к своему противнику, после чего выпрыгивал и уже в воздухе, находясь практически за его спиной, наносил тому смертельную рану. Обычно удар был направлен в область левой лопатки. Такие удары были исключительно смертельны для людей, так как поражали само сердце. В этот раз вышло наоборот. Нет, конечно же он успешно засадил в тело кена все острие меча, но так как Арест, еще задолго до появления кентавров объяснил, что здешние хозяева обладают двумя сердцами, Ахиллес не сбавляя скорости понесся дальше. Скинув на ходу со спины свой гоплон, он приняв оборонительную стойку и сдал ждать атаки раненого Сарака. И она последовала практически сразу.

Кентавр, не смотря на то, что из его рта и ноздрей ручейком стекали темные ручейки собственной крови, а из области лопатки, брызгал настоящий кровавый фонтан, все-таки был еще полон сил и решимости. Скачками приблизившись к человеку он провел стремительную атаку.

Ахиллес успел первым делом отразил своим щитом удар передних копыт Сарака. Удар получился настолько сильным, что ахейца отбросило на несколько шагов назад. Однако он устоял и это опять спасло ему жизнь. Тяжелая булава, уже была готова обрушиться на его голову.

Шит выдержал, однако бронзовые шипы, булавы взбешенного кентавра, насквозь пронзили его бронзовую броню. Резко опустив свой гоплон, ахеец тем самым заставил застрявшее оружие Кена, опуститься за ним следом, после чего, он сделал выпад своим мечом.

Сарак был на чеку. Он подался чуть назад, вырывая тем самым свое оружие из пластин щита. Быстрые росчерки меча

человека, заставили его податься еще немного в сторону, для того, чтобы избежать неминуемых порезов.

Несколько мгновений, человек и кен, осматривали друг друга, планируя свои дальнейшие действия.

На этот раз первым начал атаку ахеец.

Сделав два длинных прыжка в перед, Ахиллес снова стал описывать напротив кентавра смертоносные узоры бронзового меча. Причем дуги заточенной бронзы описывали полукруг, как перед телом Сарака так и перед его передними копытами. Кентавр постоянно пятился. И вдруг, человек в третий раз взмыл в воздух, приподнимаясь над своим противником, прикрывая при этом левую сторону своего тела — шитом, резко выкинул вперед свою правую руку.

Бронза лишь слегка поранило плече четвероногого воина, однако буквально через мгновение, последовал удар снизу.

Ахиллес, как только встал на землю, ударил по передним конечностям своего противника, нижней кромкой своего щита. Левая нога Сарака, переломилась, как сухой тростник. Объемная лошадиная туша, тут же повалилось на левый бок.

Не медля ни секунды, ахеец прикончил своего врага быстрым росчерком меча. Удар пришелся в согнутую шею, разрезав ту практически пополам.

Над местом схватки повисла гробовая тишина. Кены не раз сходились в битвах с людьми. Обычно с гивейнцами, которые также дрались прикрывая свое тело деревянными продолговатыми щитами и были вооружены серпообразными мечами. Однако ни кто не мог даже припомнить случая, в котором при индивидуальной схватке, хоть один человек смог бы противостоять кентавру! А то, что сейчас предстало перед подавленными представителями черной Аллы, поражало воображение и пугало своей нереальностью происходящего. Один человек, смог в течении не полных двух минут, уложить двух истинных воинов непобедимой расы и при этом не получить, ни одного ранения!?!

Ахиллес перевел дыхание и обратился ко всем присутствующим:

— Славные воины… Как видите, то к чему стремился ваш император и взывали законы ваших славных предков, свершилось! Он тяжелым взглядом осмотрел четвероногих воинов. — Поэтому у меня к вам личная просьба, как вашего гостя (после прохождения ритуала существо победившая в нем на три дня становилась полноправным почетным гостем Аллы).

В перед выехала Гетрана.

— Говори человек.

— Я призываю вас к благоразумию. По законам вашей страны, только что, произошел бой Очищения, в котором уже погибли достойнейшие из вас. — Гетрана для тебя не обязательно выступать против херувима.

— Ты что это возомнил о себе… Человек!?

'Ну, уже лучше. А то Червь да червь'.

Тут в разговор вступил Арест. Его мысли-образы появлялись в шести головах одновременно, не считая конечно человеческого сознания.

— Гетрана. В твоем боевом опыте и силе ни кто не сомневается. Не даром ведь именно на тебя пал выбор твоего владыки. Но на мой взгляд, еще одной лишней и бессмысленной смерти ни кому не нужно. Подумай об этом… — после не большой паузы он продолжил — Мой друг Ахиллес отправил на встречу с праотцами уже двоих. Смерть Сарака и вашего императора, я думаю, с лихвой покрывают требуемую цену обряда Очищения.

Было заметно, что Гетрана нервничает. Она конечно была смущенна. С одной стороны внутренне, она была уже готова, как погибнуть, так и растоптать тело своего противника. Но глубоко в душе, она понимала — херувим, о расе которой она раньше слышала лишь легенды, не тот с кем можно было бы храбриться. В-общем, она была готова уступить, однако ждала, когда вынесет решение старший черной Аллы. Молчание затянулось и тут Гетрана осознала, что старшим во всей Алле теперь считают именно ее. Так как именно она была ближайшим кеном, который состоял в прямом родстве с императором.

Хорошо херувим. В твоих словах нет непочтения, как в прочем и сомнений в мощи и силе моих воинских способностях, а по тому я объявляю, что обряд Очищения завершен… — Она склонила немного голову и закончила. — На три дня, человек и херувим, становиться нашими самыми желанными гостями в золотом престоле Ассары.

Золотой престол Кенов.

Столица Кенов, удивила не только Ахиллеса, но и херувима. Ее монументальные здания-навесы, ухоженные улицы и их многолюдность, поразила ее невольных гостей. По улицам неторопливо перемещались множество жителей. Среди пестрой толпы попадались представители практически всех рас Аль-Азифа. Как потом объяснила Гетрана, все иноразумные расы проживающие в Ассаре, являлись рабами кенов. Ахиллеса поражал тот факт, что кентавры сами не могли или не хотели

заниматься ничем другим кроме, как ведением своего большого приусадебного хозяйства. Но самым важным для каждый из них, считалось конечно воинское ремесло. Все что вокруг строилось, ковалось или производилось, было результатом кропотливого труда межрасовых рабов. Как и рассказывал Арест, в стране существовали три правящих поголовья. Черная, серебренная и белая Аллы. Вот три поголовья, чья масть была гордостью Империи. Каждый самец, мог спариваться с любым количеством самок и иметь столько своего семейного поголовья, сколько мог прокормить и обеспечить. Подавляющее количество подданных империи составляли те, чья масть хоть чем-то отличалась от трех стандартов. Все они были изначально обречены на то, что бы их воспитывали как слуг, которыми руководила белая Алла. Чистокровные черные Кены составляли правящую воинскую аристократию. Серебряная Алла, обычно порождала самых изысканных кентавров, по руководством которых и облагораживалась столица империи. Путем проведением силовых единоборств, три Аллы решали чье поголовье каждые пять лет будут править во дворце Империи. После занятия лидирующей позиции, Алла выбирала своего Императора. Сейчас вместо умерщвленного Ахиллом Кариза, эту роль временно выполняла Гетрана, которая по мнению Аллы на данный момент была самым сильным и разумным членом их масти.

Разместили херувима и человека, во дворце императора. Им выделили две громадные комнаты. Роскошь в которую попал Ахилл, поражала и более того, немного угнетала человека. Мраморные полы здания, громадные помещения и высокие потолки на которых можно было разглядеть искусно вырезанные барельефы прошлых побед этой расы, приводили его в трепет. Несмотря на то, что кены были очень воинственны и жили исключительно за счет набегов и грабежей своих соседей, они довольно сносно относились именно к цивилизованным людям. И не потому, что их здесь было намного больше, чем представителей всех остальных, просто именно люди и создавали тысячелетиями все это великолепие, а кентавры умели ценить только две вещи. Боевое мастерство и предметную Красоту.

Питались кентавры исключительно растительной пищей. Их организм был настолько прожорлив, что редко когда можно было увидеть кена, который бы хоть что-то не жевал. Прогуливаясь по мощенным черными мраморным плитам, покрывавшим весь пол дворца, ахеец обращал внимание, на то, что праздно гуляющие кены, носили перекинутые через плечо большие кожаные сумы, из которых то и дело доставали всевозможные фрукты и овощи.

Херувим, долго копаясь в своем созерцании признал, что еще

никому из его расы, не доводилось побывать в столице этой Империи, поэтому он в первый же день настоял на том, что бы им позволили осмотреть достопримечательности этого странного, но удивительно красивого города.

Для безопасности путников, была выделена стража, состоящая из двух молчаливых самцов. Вооружены они были только своими личными арканами.

Гуляя по красивым улицам и пытливо рассматривая здешний быт, ахеец помимо своей воли стал причастен к скандалу, после которого, наместница запретила им дальнейшее изучение столицы и ее жителей. А произошло это вот как.

Отдохнув несколько часов после ночного бега и плотно перекусив уже поздним утром, Ахиллес наконец-то растормошил ушедшего в созерцание херувима. Ему было скучно. Арест очнулся не хотя, но после недолгого раздумья тут же предложил человеку совершить прогулку по Ассаре. Ахиллес даже опешил, так как сам намеревался предложить своему другу то же самое. И вот через полчаса нудных переговоров с Гетраной, друзья стали медленно прогуливаться по широким улицам города. В эти часы, жизнь только начинала пробуждаться и путникам долгое время попадались лишь одинокие рабы спешившие по каким-то делам своих хозяев. Эта прогулка дала Ахиллесу возможность увидеть, и что самое главное, расспросить херувима о всех представителей того или иного разумного вида Аль-Азифа. Больше всего, как отметил Арест, раньше в Ассаре было рабов людской расы. Однако это были уже не те бестолковые и практически ни чем не отличающиеся от зверей представители человечества, которые до сих пор попадались ахейцу. В Ассаре он смог в первые рассмотреть темнокожих гивейнцев, которые красотой своих пропорционально развитых тел, поразили даже ахейца. Представители свободного Сида, наоборот были невысоки и сухопары. Их жилистые тела, позволяли предположить Ахиллесу, что представители Сида, были опасными бойцами. Сидцы имели желтоватый цвет кожи и в отличие от гивейнцев, которые заплетали свои длинные волнистые волосы во множество косичек, предпочитали носить их распушенными и причесанными на пробор. Люди с еще одного свободного города-государства Аргоса, были более похожими на самого Ахиллеса. Они также обладали оливковым загаром, но белые, как горный снег волосы и брови, явно указывали на то, что между ахейцем и аргосцами, находилась пропасть различий. Их зрачки пугали красны как человеческая кровь! Ахиллес заметил Аресту, что таких людей в его мире называли альбиносами.

Повстречали они и одного ящероподобного сурга. Эта встреча

тут же насторожила херувима. По его объяснению, это самый жестокий и бездарный народ во всем Аль-Азифе. Действительно когда, Ахиллес повнимательнее рассмотрел этого монстра, то и сам удивился жестокому и бессмысленно отталкивающему взгляду, которым наградили боги это странное существо. Ростом оно было немного ниже самого ахейца. Фигура сухопара, однако невооруженным взглядом было понятно, это существо, очень проворно. Его острые двадцатисантиметровые когти, могли, по рассказу Ареста, запросто пробить даже бронзовую броню Ахиллесова щита.

Вот так, мило и непринужденно прогуливаясь по прямым улицам Ассары, они стали предметом для домыслов и догадок здешних жителей. Ахиллес понимал, что уже к полудню, весь город будет гудеть от новости, что в городе появилась странная парочка, которая охраняется представителями правящей Аллы.

'Вот удивится весь здешний народец, когда узнают, что те, кто так мило прогуливался сегодняшним утром по улицам столицы империи и есть те самые, что отправили на тот свет самого императора и весь его выводок'.

Пока это было не то, что бы тайной, просто по объяснением Гетраны, поданные узнают об схватке только в полдень, когда распорядитель дворца, через глашатаев, огласит на центральной площади последние события.

Неожиданно, с правой стороны, донесся оглушительный крик. Вся четверка невольно повернула свои головы в сторону одного из деревянных навесов, откуда и доносились пронзительные крики и стоны боли. Навесы таких размеров указывали на то, что данное помещение использовалось, как трактир. Кены не употребляли ни вино, ни каких либо других хмельных напитков, зато любили вдыхать дым полученный при тлении одного из разновидностей степного ковыля. Это средство разжигало страсть, а при частом употреблении, уводило сознание в неведомые и иллюзорные миры. Взору открылась довольно жуткая картина. Уже не молодой, кентавр, который однако был прекрасно сложен и без сомнения принадлежащий к военной касте (тех кто имел не чистую масть, но обладал прекрасными задатками воина, становились стражами границ империи). Кентавр был плодом кровосмеси чистокровной серебряной и черной масти. Этот самец жестоко избивал своего молодого раба. Мальчик, по всей видимости был захвачен при набеге на город-государство Аргос. Он был хил и жалок. Его хозяин вцепился в его белые волосы и с садисткой ухмылкой на своей обкуренной физиономии, держал того на своей вытянутой мускулистой руке. Исхудавшее тело содрогалось от невыносимой боли. Но и этого

провидимому не удовлетворяло его садистских наклонностей. Изредка он тыкал в грудь своего юного раба, небольшим заточенным гвоздем.

— Ну, что Аргоская слизь!? Нравиться объедать своего господина и спать при этом до первых криков гаргул. — напутствовал его Кен на межрасовом. — Не будь я Сваррат если не замучу тебя сейчас до смерти.

Вдруг его крупа коснулась чья-то рука, а молодой, но со странным акцентом человеческий голос, попросил его оглянуться. Сваррат так и сделал, желая тут же наказать раба-человека за такую невиданную дерзость.

В империи касаться кожи своего хозяина, не имел права ни одни раб.

— Отпусти малого на землю или клянусь всеми духами бездонной тьмы, я вышибу из тебя все твое дерьмо.

Сваррат некоторое время пристально присматривался к человеческому существу, которое посмело так нагло обращаться к самому защитнику границ. И после того, как через пелену дурмана, ему все-таки удалось разглядел статную фигуру и холодные голубые глаза незнакомца, он громко и во весь голос загоготал. Мальчик по прежнему беспомощно висел на вытянутой руке своего хозяина, болтая в воздухе своими худыми ногами.

Может со стороны это и выглядело забавным, но ему, так точно не казалось. Но по крайней мере он затих, так как инстинктивно осознал, что спасение пришло и мучения скоро закончатся. Закончив смеяться, Сваррат все же опустил своего раба на землю, но лишь для того, что бы нанести стоящему перед ним человеку, страшный удар, своих передних копыт, в область грудной клетки.

Чего-то подобного, ахеец и ожидал, а потому был готов. Резкий скачок в право. Опорная правая нога с силой выбрасывает тело своего хозяина в верх. Затем последовал удар человеческого кулака.

Ахеец понимал, что в кулачном бою против такого противника ему долго не выстоять, именно поэтому он вложил в свой единственный удар, всю свою ненависть и силу.

Удар получился отменный. Носовая кость кентавра, словно, медный гвоздь вбитый ударом кузнечного молота, с неприятным хрустом пробила мозг бородатого противника.

Хрэ-э-к….

Тело кена некоторое время жило само по себе. Его мощный круп крушил всю мебель и нехитрую утварь, даже после смерти самой сущности этого существа.

Вокруг все замерли.

Рабы, спешащие по делам своих господ, немногочисленные кентавры всех мастей и расцветок. С каждым мгновением, вокруг местной таверны, стало скапливаться все больше и больше праздно бредущих четвероногих зевак и их двуногих рабов. Самые воинственные кены, даже попытались наказать того, кто осмелился убить в самом сердце империи не просто свободного гражданина, а воина!

Ситуацию разрядили пришедшие в себя два сопровождающих.

После этого происшествия, Гетрана приказала обоим гостям ни под каким предлогом не покидать пределов дворца. Человеку и херувиму ни чего другого не оставалось, как высыпаться и в неимоверных количествах употреблять всевозможные растительные блюда. Аресту это конечно было не по душе. Он с хмурой мордой растолковал ахейцу, что для нормального функционирования его организма, ему конечно приходиться употреблять в пищу некоторые виды трав и кореньев, но всему ведь есть предел.

Вот так и прошли все три дня проведенных во дворце императоров золотого престола империи Кенов. Ни каких вопросов, ни каких упреков. Даже расставание произошло очень уж обыденно. После трех дневного перехода до границ Империи, три кентавра склонив в не очень почтительном поклоне свои кудрявые головы и не говоря при этом ни слова, просто развернулись и стремительно унеслись в свои тучные травяные просторы.

Караван.

Сайра была в не себя от возмущения и обиды. Как ее могли променять на какую-то молодую выскочку… За девчонку, которая без году неделя. Будто бы она только овладела боевым искусством расы вурдов. Неужели эти самцы так глупы, что не осознают, что оставили весь клан без защиты. Что не только другие семьи, но и даже презренные люди, кены, да и хуны теперь смогут при желании вырезать весь их клан.

'О бездна. За что ты определила именно самцам решать, что хорошо, а что плохо для семьи!'

Караван плелся, как назло чрезвычайно медленно. Сайра сидела в большой деревянной кибитке, которую лениво тянули тягловый животные хунов. Это были большие и очень глупые ящерозвери. Для них целью существования являлось лишь пища и продолжение рода. На все остальное, они тупо взирали с шестиметровой высоты своих маленьких голов. В караване было три кибитки. Каждая из них была в четыре метра высоты и имела

два яруса. На первом хранился весь багаж торговцев, включая конечно же и загоны для рабов. Второй использовался лишь для свободных пассажиров и самих хозяев каравана.

Сайра посмотрела на двух хунов, которые вот уже неделю, испуганно косились в сторону ее персоны. Она как бы невзначай зевнула, позволив двум гоблинам рассмотреть свои четыре небольших резца, которые явно отличались от ослепительных зубов остальной челюсти.

Конечно же, в этом мире существуют расы, которые могут похвастаться и еще большими размерами своих клыков, вот только резцы Сайры, были резцами боевой защитницы вурдского клана 'Алой Лилии'. А значит существа, которое в одиночку на протяжении вот уже ста пятидесяти лет, достойно уничтожала любых непрошеных гостей, посмевших вторгнувшиеся на семейный удел клана. Существа, которое выходит биться против целых армий. И чем? Всего лишь двумя стальными иглами. Сайра посмотрела на свои Кхэши, безобидно висевшие на ее боевом поясе. На вид это орудие могли бы вызвать лишь улыбки несведущих. Улыбки, могли позволить себе лишь те, кто не знал во, что превращаются эти тонкие клинки в руках защитницы клана. Удобная рукоятка переходила в вилку. Разветвления, были необходимы для захвата меча или копья, а вот длинное обоюдоострое лезвие, для колющих и режущих ударов. Хуны, видать были наслышаны об способностях защитницы, хотя никогда ее раньше не видели, поэтому и сидели словно два безвольных чурбана, готовых в любой момент выполнить любое из требований своего молчаливого пассажира.

Прошел практически месяц после того, как она была направлена тремя древнейшими на этот проклятый гивейнский торг. И для чего? Для того, что бы на турнире завоевать право обладания какой то принцессы далекого Сида. После, ей было строго наказано доставить человеческую самку под своды ее родного гнезда.

Уввв — Сайра сама не заметила как вздохнула.

Один из гоблинов аж подпрыгнул от страха.

Чего желает госпожа?

'Выпить твою силу' хотелось выпалить Сайре. Но ей к сожаленью этого не хотелось. Она питалась раз в неделю, а ее пища еще вчера безвольно дергала ногами, перед тем как стать выжатым и бездыханным мешком костей обтянутой кожей.

Когда мы наконец доберемся до этого поганого города?

Госпожа вы же сами слышали. — гоблин, как только мог корчил свою отвратительную рожу, стараясь тем самым выказать ей наибольшее почтение. — предводитель передового отряда

гивейнского войска, объяснил, что на их город надвигается огромная толпа объединенных степных племен.

Да помню я, что он говорил! — Сайра вспомнила короткий разговор, при котором начальник отряда чуть не обмочился от своего животного страха.

'Ох уж эти люди. Безвольные и бестолковые создания. Но к сожаленью нам без них нельзя.'

Скажи лучше сколько дней мы потеряли, отправившись именно по этому пути в для того, что бы избежать места схватки?

Не больше трех дней госпожа.

Женская фигура устало откинулась на свое ложе. Ну что ж, придется потерпеть. Она закрыла глаза и предалась воспоминаниям.

Пришедшие в этот мир, древние обладали неимоверной мощью. Они имели облик ужасных созданий, в телах которых и перешли через междумирье. Однако быстро освоившись в новых реалях, древние решили поменять свою телесную оболочку и их конечный выбор пал на людей. Конечно тела этих созданий были мягки и неимоверно ущербны с точки зрения воина. НО! Зато их самки легко вынашивали естество Вурдов и к тому же обладали столькими рецепторами для получения всевозможных плотских наслаждений, что тогдашние праотцы, не могли устоять от этого соблазна и были попросту совращены человеческой конституцией тела, после чего и узаконили свой новый облик. И вот теперь, все три клана на грани вымирания. Нет людей все еще хватало, но вот от кровосмешения, болезней и вырождения, их род стал гаснуть, как последний уголек некогда могучего костра. Дошло до того, что пришлось созывать великий совет и на нем уже выработать дальнейшую стратегию. И надо же! Решение принято. Вурды обязаны возродить людской род для того, что бы в свою очередь самим не сгинуть в этом мире. Один из кланов, разорил одно из далеких поселений, последних чистокровных, обосновавшихся на великих Болотах Дэви, но пленить к сожалению удалось лишь одну мужскую особь. Уж больно воинственны оказались болотные жители. Вырезать все поселки было бы расточительством. Поэтому после этого похода, был отправлен вопрошающий к Дэви. Когда было совершенно безмерно большое жертвоприношение, после которого на жертвенных столбах остались висеть несколько десятков жертв всех рас и возрастов, одни из Дэви смиловался и предрек, что в мире осталась еще одна чистокровная женская особь, которая наиболее подходит по генетическим данным для вурдского пленника и имя ей Мия. Она была принцессой Сида и именно она могла дать полноценное потомство от совокупления с пленником,

захваченного вурдами. После собрания очередного великого совета, было принято решение идти войной на этот город-государство. Однако вурды не успели. Как то на охоте, принцесса стала добычей невров. Хорошо еще, что ее сразу признали и не употребили в пищу. В Мирт, были направлены послы, с просьбой о продаже ценной пленницы, но нервы есть нервы. Их верховный вожак постановил, что принцесса станет призовой порукой, которую они намерены выставить в качестве приза, тому, кто победит в самом престижном турнире всего Аль-Азифа. И вот она здесь. Трясется в деревянной кибитке, под взорами насмерть перепуганных торговцев, которые молятся всем своим многочисленным богам, лишь бы те помогли отвести нависшую над их головами бездну и имя этой бездны Сайра.

***

Арест!

Ну чего тебе еще надо? — мысли херувима были словно холодный клинок, резкими и не предрасполагающими для непринужденной беседы.

Что то мне здесь не нравиться. Ты ни чего не чувствуешь?

Херувим то и дело косил своими золотыми глазами в разные стороны. Они вот уже второй день, как натолкнулись на пусть и невысокие, но все же горы. Ни человеку ни Аресту не хотелось перебраться через нагромождения камней и скал. Но после ознакомления херувима с информацией полученной, как обычно от погружения в созерцание, Арест объявил, что самый короткий путь в Гивейн, лежит именно через эти скалы. Можно было конечно и обойти эту гряду, но в таком случае они потеряли бы три недели и попали бы на игрища, прямо к началу состязаний. А этого Ахиллес не мог себе позволить. Он стремился, как можно быстрее достичь странного, но по описанию Ареста, очень красивого человеческого города-госсударства. Перед состязаниями, ахейцу хотелось, что называется, осмотреться и по ближе познакомится с расами тех, кто решится выставить своих лучших воинов на арену громадного искусственного амфитеатра. Поэтому, подойдя к горам, они оба решили, что будет проще и быстрее, если они переберутся через эти невысокие нагромождения скальных уступов. Но как оказалось, все было те так уж и просто. По началу, как херувим, так и человек, без особых трудностей лезли все выше и выше. Часто Арест находил тропы горных козлов, по которым взбираться на очередную вершину вообще не составляло ни какого труда. Но вот с пропитанием и топливом стало совсем худо. Кроме мхов, здешние

скалы больше ничем порадовать не смогли. Вот уже третьи сутки, как ахеец не ел прожаренного мяса. Питались они по большей частью тем, что удавалось добыть спутнику человека. Всего лишь один раз херувиму, удалось разглядеть на вершине очередного уступа, полноценную добычу. Это был горный козел. Но пока лев до нее добирался, прибегая при этом к силе своих перепончатых крыльев, добыча провалилась как сквозь землю. Друзьям пришлось питаться мясом ящериц и змей, которые во множестве грелись на жарком солнце этого мира. Вот только охотился на эти создания, исключительно херувим, так как в первые жизни, Ахиллес почувствовал, некоторый страх перед кем бы то ни было. И этими существами оказались змеи.

Заканчивались третьи сутки их тяжелого восхождения. Смеркалось. Тяжелый огненный шар Аполлона, нехотя уходил куда то за горизонт. Впереди карабкался херувим. Ахиллес сознательно попросил выбрать именно такой порядок и теперь Арест заблаговременно предупреждал своего спутника, о тех местах, где его острый взор, различал логово очередного пресмыкающегося. Обоим надоело питаться пусть и сладким, но все равно отталкивающим мясом этих ползучих гадов. Однако альтернативы до сих пор не было. И вот теперь, оба уставших приятеля, почувствовали исходящую со стороны последней вершины нескрываемую угрозу.

Арест….мать твою так пере этак. — устало произнес ахеец. — Хватить карабкаться, как будто тебе десять лет. Дай передохнуть хоть немного, а то чует мое сердце, что в скором времени нас ждет схватка.

Нет, вы только послушайте его боги Бесконечности. Он чует!! Это же надо!? — мысли херувима до сих пор не излучали доброжелательности.

Нет Арест. Ну в самом деле. Нам стоит перевести дух. На вершине этих проклятых гор нас кто то ожидает и я даю руку на отсечение, что тот, кто там притаился, хочет полакомиться нашими уставшими телами.

На этот раз херувим остановился и улегшись прямо на острые грани уступа, стал внимательно рассматривать последний оплот неприступной вершины.

Это не кто то, а здешняя разновидность Дракона.

Какой еще дракон? — Ахиллесу стало стразу не до отдыха и он решил вскарабкаться, как можно ближе к херувиму. Кое как опираясь на тупой конец копья, он перебрался на новое место.

Какой, какой….Огнедышащий вот какой.

Да ну тебя…ночь ведь скоро. Полно пугать меня своими больными фантазиями.

Арест даже не соизволил ответить на столь обидное замечание. Он пристально всматривался в наступавшие сумерки, настраивая свои глазные яблоки для того, что бы видеть в тепловом спектре.

Вот он — наконец то он нашел того, кто, как и херувим, пристально наблюдал за приближающейся добычей.

Где??? Что б мне пусто было! Я ни бельма не вижу. — тело Ахиллеса приняло боевую стойку. Рука с копьем уже занесена для молниеносного броска.

'Для молниеносного ли Ахилл' — подумал сам про себя человек.

А тебе и не увидеть. Он прячется на вершине и видит нас, как и я его, при помощи исходящего от наших тел тепловых выделений организма.

Да каких выделений Арест. — почему-то тихо прошептал ахеец. — Я испражнялся час тому назад.

Заткнись дурак.

Ахиллес не возражал.

Жди меня здесь и ни чего не предпринимай. Понял? — от мысли херувима веяло холодом и решительностью.

Да что ж тут не понять. Понятнее и быть не может.

Дальнейшие события развивались, как в туманном сне. От которого хочется избавится, но при этом ни как не удается проснуться. Херувим так же медленно, как и до этого, стал карабкаться на последнюю вершину горы. Как только мощное тело крылатого льва перевалило хребет горы, тут же послышался пронзительное шипение и мощный рык. Полыхнуло так, что на мгновение в глазах Ахилла зарябило от всевозможных радужных дуг и сплетений. Звуки борьбы не стихали ни на мгновенье. Наконец-то шум борьбы сошел на нет. Через еще одну минуту, на вершине воцарилась гробовая тишина.

Арест….Ты как там?

В ответ тишина.

'Вот же угораздило а?' — решительными движениями ахеец скинул свой щит и прикрывая им свое уставшее тело, стал как можно быстрее приближаться к месту схватки.

Когда человек оказался на вершине, его взору предстала довольно жутковатая картина. Тело херувима было зажато в капкане могучих тисков змееподобного тела. Кольца дракона продолжали сжимать свою жертву. Но жертву ли? Подскочив к двум переплетенным в тугой узел телам, человек разглядел, что мощные клыки херувима были сомкнуты на толстой шее чудовища.

Освободи…..меня…..быстрее. — мысли возникшие в голове

ахейца, казалось с каждым мгновением таяли и растворялись словно лед на солнцепеке. Однако образ того, как и что надо было сделать, заставили ахейца ни медлить больше ни секунды. Кинув не нужное копье, человек выхватил свой меч и с остервенением стал кромсать толстые жгуты змеевидной твари. Когда все было кончено, оба приятеля, отползли в сторонку от искромсанной туши дракона. Осмотрев тело херувима Ахиллес отметил два больших и глубоких пореза.

Ничего человек. Посторожи сегодня мой сон, а завтра, вот нажрусь до отвала его мяса, сразу на ноги встану.

Так они и поступили.

***

Наконец-то закончилась эта монотонная саванна, разделявшие владения вурдов от лесов гивейнцев. По заверению главного хуна (предводителя каравана, которого избирает весь караван до его путешествия.) до того, как караван вступит в тень первого лесного исполина, осталось не больше одного дневного перехода.

Что ж, это было хорошей новостью. Сайру не могли развлечь ни многочисленные стада всевозможной четвероногой живности, ни частые схватки здешних хищников и их жертв. Ей было до омерзения противен этот однотонный пейзаж, состоящий из высокой желтоватой травы и бескрайнего простора. От такой действительности, Сайру даже однажды стошнило. Ну по крайней мере так это действие называют расы, которые употребляют твердую органику. Харкалась защитница конечно же не кровью, а слизью, что помогает быстро усваивать все необходимые вещества поступающее в пищевод в виде крови жертвы. Для ее глаз, которые привыкли созерцать лишь непроходимые дебри семейного удела, этот безграничный простор, был с родни кощунству. Все свое путешествие Сайра провела не выходя из кибитки Хунов. На землю она спускалась, только на стоянках и привалах, которые устраивали гоблины для того, чтобы отпустить своих тягловых животных на прокорм. Эти неприхотливые создания поражали Сайру свей выносливостью и неприхотливостью. Пищей для них служило все, что только могла найти их тупоносая морда. Они с удовольствием пожирали любую растительную органику. Причем в неимоверных количествах. Их размеры и физическая мощь, позволяла хунам, не опасаться нападения хищников и предаваться всю дорогу их излюбленной игре в кости. Каравану следовало опасаться разве, что разумных представителей этого мира. Но за весь проделанный путь, на них

не напали ни быстроногие кентавры, от которых хуны обычно откупались частью их живого товара, ни другие представители разумных рас, и по заверению возниц Сайры, такое спокойное путешествие было скорее исключением из правил.

Неожиданно до заостренного уха защитницы, донесся тихий свист сигнального свистка. Оба торговца тут же оставили свою бестолковую игру и принялись суетливо вытаскивать из сундуков дубины и пращи.

— Что происходит? — удивленно спросила защитница.

— Этот свист госпожа означает только одно. Впереди идущий заметил опасность.

Не проронив больше ни слова, Сайра открыла дверцу ненавистной кибитки и мягким движением соскользнула вниз.

Так умели двигаться только вурды. В своих прыжках они могли совершать невероятные кульбиты, как воздухе так и на земле. Эта способность уже давно стала притчей воязытце у всех рас Аль-Азифа. Считалось, что их раса умела управлять своим телом, заставляя его, как бы парить над землей, используя при этом, силы самой земли. Конечно, на открытой местности, против секир и щитов целого отряда Минов, или несколько сотен хорошо вооруженных людей, такое ведение боя было не эффективно, но вот когда дело доходило до лесных баталий или честного поединка… Сильнее и страшнее вурдов, просто не существовало в природе. Хотя это право, извечно оспаривали невры.

'Ну что ж, турнир покажет кто чего стоит.' — ответила она своим же мыслям.

Ее взгляд уперся в безграничный горизонт где, то и дело, стали появляться пока не четкие, но быстро приближающиеся силуэты возможного врага.

— Как думаешь хун. — обратилась защитница к своей вознице — Кто это? Кентавры?!

— Да нет госпожа. Скорее, это один из отрядов или гивенцев, или же их врагов.

— Племя Волков?

— Госпожа очень проницательна….

'Вот набитый дерьмом дурак. Что же тут прорицать, если черный воин еще двое суток назад предупредил, что на их земли напали объединенные племена Волков.'

— Ты встречался раньше с их видом?

— Да какой там вид госпожа!? Это обыкновенные люди, только вырождающиеся. Живут кочевой жизнью, приручили степных волков, вот и кочуют с места на место вырезая под корень все встречные людские поселения.

'Понятно'

Она стала готовиться к бою. Вытащив свои кхэши, защитница сделала парочку пробных выпадов. Понемногу распаляясь, Сайра приступила к демонстрационному ритму. Эти приемы вводили тело вурда в боевой транс, заодно, хорошенько разминали затекшие суставы.

Хуны открыв рты, рассматривали то быстро приближающихся воинов племени Волка, то все больше распаляющуюся защитницу клана Алой лилии. Воинов на первый взгляд было с два десятка. Когда приблизилась основная лавина лающих бестий, хуны заметили, что за спинами возниц, были расположены еще одно сиденье, с которых попрыгали низкорослые и кривоногие создания.

— Матерь прародительница! — испуганно выпалил возница. — Это же дикие Сурги.

Сайра мгновенно оценила ситуацию. И так ее противником были три вида живых и очень опасных существ. Первостепенную опасностью конечно надо было считать, человекообразных наездников. По слухам степной союз был создан совсем недавно. В него вошли разные вырождающиеся человекообразные племена, что проживали на бескрайних просторах саванны между гивейнскими и вурдскими лесными массивами. Они поклонялись разным богам и у каждого из вошедших в союз Волков, были свои обычаи и вероисповеданья. Объединяло их одно. Все они вели кочевой образ жизни. Их стойбища кочевали на территории подвластной расе кентавров. Именно с кенами и вело это сообщество свои кровопролитные битвы. Предводителем племен стал вождь Согх, племя которого сумело приручить степных волков. Остальные племена передвигались исключительно на повозках, которые были запряжены небольшими ящерозверями и воевали исключительно в пешем строю.

Взору Сайры сейчас предстал по видимому передовой отряд Волков, чье прозвище и дало название всему остальному, степному сброду.

Итак первостепенной задачей для защитницы, стало уничтожение наездников, затем диких сургов, а уж потом степных волков.

Сайра оглянулась. Гоблины испуганно глазели со своих громадных кибиток и с первого взгляда можно было определить, что они ей не союзники. Их громадным ящерам, волки были не страшны. А с наездниками, ведь всегда можно договориться.

'Что ж придется, как всегда рассчитывать только на свои силы.'

Защитница удлинила свои верхние резцы и приняв изначальную стойку стала ждать нападения. Однако толи

предводитель быстро разобрался с тем, что за противник оказался перед его взором, толи просто решил, без крови, собрать прилагающуюся ему дань и отправиться дальше по своим делам!? Как бы там ни было, нападать никто из степняков не спешил.

— Вольные воины степных просторов. — голос предводителя отряда был хриплым и таким же противным, как и его внешность. — Посмотрите! Перед нами представитель расы вурдов и так как это самка, могу смело предположить, что это Защитница одного из клана.

Всех члены отряда, сразу же как-то сникли. Хотя ни кто из них никогда в жизни и не побывал в запретных лесах Сириуса, однако слухами земля полнится. Все прекрасно разбирались в том, кто такая Защитница и что она из себя представляет.

Между тем уродец продолжал:

— Не знаю твоего имени Защитница, да и не очень то хочется, поэтому просто спрошу тебя. Твой ли это караван?

Сайра прошипела свою боевую песнь и открыв свой рот продемонстрировала всем желающим свою новую улыбку. От свиста и просмотра пусть не больших, но все таки клыков, все волки поджали хвосты и жалобно заскулили. Они, как никто другой из всех здесь присутствующих, сразу смогли разглядеть в самке вурдов настоящего хищника, который превосходит их племя во всем, а значит такому существу, не грех и уступить дорогу.

— Нет смертный. — ледяным голосом ответила женщина.

— Великолепно… Защитница, я прекрасно осознаю, кто сейчас находится передо мной, поэтому не могу не высказать своего восхищения!

Сайра промолчала.

— И поэтому… — продолжил урод — Позволь мне объяснить цель моего здесь появления. Эти земли, наше племя считает своей вотчиной и все караваны следующие в Гивейн должны платить нашему народу дань. Если этот караван не принадлежит лично тебе…. - вождь глубокомысленно почесал свой плешивый затылок — То значит и вражды между нами быть не может.

Защитница и на этот раз не удостоила его ответа.

— В общем пусть эти вонючие черви — вожак степняков кивнул на испуганных хунов — Отдадут положенную долю и мы вас больше не задерживаем.

— Конечно, конечно господин (всех кто хоть в чем-то превосходил хунов — гоблины называли господином). Мы не против. — закончил свою сбитую речь глава каравана.

— Ну вот и отлично. Разгружайтесь.

Сайра все так же безучастно стала смотреть на то, как

проворные гоблины по слезали со своих кибиток и открыв двери нижнего яруса, стали выводить из него свой живой товар. Некоторые выносили всевозможные украшения и утварь. Когда вожак тыкая своими спаренными пальцами, указывал на понравившуюся его взору ту или иную вещь, старший хун недовольно морщился, но перечить степняку не решался. Наконец степняки, водрузив на крупы своих волков все, что выбрал их вожак, стали ждать его дальнейших приказов.

— Ну что ж. Мы удовлетворенны десятиной. — теперь он ковырял ногтями в своей прогнившей пасти. — Однако у меня личная… Так сказать просьба! — он посмотрел ей прямо в глаза.

Сайра в свою очередь смерила выродка презрительным взглядом черных как уголь зрачков и вопросительно кивнула головой.

— Мы все наслышаны о боевом превосходстве вурдов над всеми остальными расами Аль-Азифа и конечно же в первую очередь их Защитниц… — Он многозначительно сделал паузу, после чего уже не скрывая железных ноток в своем голосе, закончил:

— Не продемонстрируешь ли ты о Сильнейшая нам свое искусство?

— Каким это образом смерд!? — голос Сайры явно указывал на то, что вожаку степняков осталось жить считанные мгновения.

Тот видимо и сам это понял и поспешил объяснить:

— Если Защитница не против, то я готов пожертвовать всеми своими сургами, только ради того, что бы лично лицезреть вурдское боевое искусство. Но если защитница против… Мы конечно же не смеем больше никого задерживать.

Она быстро обмозговала это предложение. Вожак, безусловно надеется на то, что в ходе схватки она может получить ранения, которые позволят его воинам добить раненную самку вурдов, то бишь ее, без особых проблем, и тем самым увековечить свои имена в истории своего народа… а еще точнее и в истории всего этого мира. Ведь еще ни кому, не удавалось, не то что бы убить — даже нанести маломальские ранения в поединке, любой Защитнице одной из трех Кланов!.

'Что ж скот, придется тебя разочаровать'.

— Хорошо. Я согласна. Но запомни если я только почувствую, хоть малейшую опасность, которая станет исходить от твоих воинов… К своим очагам, ни кто из вас сегодня не вернется.

— Мы не какие-то там гивейнцы, защитница. Мы, вольные воины степей, не привыкли нарушать свое слово. — по голосу вожака было заметно, что тот как раз и надеялся на обратное.

— Ну что ж, тогда отдавай приказ своей своре. Мне уже

надоело целыми циклами сидеть в этой деревянной коробке. Отчего же не размяться!?

Вожак степняков подал звуковой сигнал и их дикие сурги, начали атаку.

Сайра решила не убивать одомашненных монстров, а просто всех покалечить причем так, что бы степнякам пришлось бросить своих 'псов' прямо здесь и сейчас… Что бы вся свора, стала пищей для местных хищников.

Защитница была облачена в облегающий костюм из кожи истинных древних драконов. Эту одежду практический невозможно было порезать. Кожа была не по зубам даже таким представителям Аль-Азифа как херувимы. Единственно чего должна была опасаться Сайра, это ударов боевых молотов, секир и дубин. Оружия, которое изначально предназначено для того, что бы крушить кости, а не резать плоть.

Сурги попытались раз сосредоточиться и захватить свою жертву в смертоносное кольцо. Она именно этого и ждала. Гоняться за каждым уродцем, ей не очень-то хотелось, а вот покромсать всех за один присест — было лучшим вариантом.

Когда туповатые хищники окружили, как им казалось, свою жертву, все скопом ринулись на одиноко стоящую, почти человеческую фигуру. Фигуру их излюбленной пищи.

Дождалась атаки — она начала действовать!

Молниеносный скачок вверх, и несколько тварей столкнулись своими телами друг о друга. Приземлилась защитница уже на колени, причем на спины двух нападавших. Послышался хруст переломанных ребер. Крутанувшись вокруг своей оси, Сайра полоснула кхэшами всех близ находящихся двуногих бестий. К тонкие лезвиям, тут же прилипла маслянистая масса.

Краем сознания, самка вурдов заметила две фигуры, которые были уже в воздухе. Как бы не были быстры ее противники, противостоять в скорости защитнице клана, не могла ни одна живая сущность этого мира. Снова прыжок и прямо в воздухе, морды сургов разбиты от двух ударов носков ее невысоких сапог, облицованной ребристой сталью. При приземлении, защитница поразила еще двух нападавших. Одному из существ, стальной клинок снес половину головы, другой, остался лежать пригвожденный к земле левым клинком Кхэша.

Снова опасность с права.

На этот раз, она поразила нападавшего ударом задней стороны тяжелого сапога, который оканчивался острым шипом. Затем сальто через голову, в процессе которого, сург потерял правую конечность… Приземление на шпагат…. Выпад вперед и…

Очередной противник поражен в дето-рождаемый орган.

Прием 'Колесо', при котором, все кто находился в пределах досягаемости ее ног, были подкошены точно трава под косою земледельца… Упор на безоружную левую руку и тело Сайры на мгновение зависает в положении свечи…

Одному из самых крупных самцов, такая поза показалось соблазнительной и вот его тело вытянулось в дугу, а челюсти практически сомкнулись на беззащитной конечности. Опрокинувшись на спину защитница выставила правый каблук и тело самца откинуто назад… Присела и из-за спины совершила еще один прыжок. Защитница выставила в верх кончик левого Кхэша и перед ее взором, приземлилось уже распоротая по полам туша. Под ногами оказался второй Кхэш, торчащий из плечевого сустава сурга, пронзенного в середине схватки. Выхватив его из обливающегося кровью тела, она снова описала вокруг себя смертоносные дуги. Последние три сурга повалились наземь, разбрызгивая из отсеченных конечностей свою черную кровь.

Исходная позиция. Скрещенные на высокой женственной груди Кхэши и вот Сайра находиться в первоначальной точке боя.

Вокруг то, что осталось от двадцати низкорослых хищника. Те которым посчастливилось отделаться переломами, теперь пытались выбраться из под тел своих сородичей.

***

Ахиллес просидел не смыкая глаз до первых лучей солнца. Под самое утро, он наконец-то позволил себе расслабится и погрузиться в чуткий сон. За всю ночь, ни кто из здешних хищников даже не соизволил приблизиться к логову дракона. Арест лежал с закрытыми глазами. Его мощная грудная клетка равномерно подымалась и опускалась, словно меха заправского кузнеца. За ночь два страшных шрама, практически затянулись. Сейчас на их месте красовались две белых полоски, которые уже к концу этого дня, полностью пропадут.

'Везет же некоторым! Что бы меня так полоснули!… Лежал бы уже холодным трупом.'

Дремать было все-таки как-то жутковато. Пришлось снова открыть глаза и оглядевшись, ахеец приметил невысокое деревце, росшее недалече норы дракона. Уже через пол часа на месте их вынужденного лагеря, подымался веселый дымок разгорающегося костра.

— Арест! Как ты там? — Ахиллес по привычке обратился к своему другу в слух.

Шевеление тела и вот уже на человека глядят, два золотых

блюдца, красивых глаз херувима.

— Бывало и лучше.

— Так вроде раны затянулись?

— Эта тварь мне повредила строение скелета… А раны?… Раны меня не действительно не беспокоят. — Арест произведя тихий рык и перевернулся на другой бок.

— И что теперь? Долго будешь восстанавливать свой скелет?

— Раньше завтрашнего утра в дорогу мы не отправимся. Это точно.

Ахилл вздохнул и с сожалением заметил.

— Вот тебе и выбрали короткий путь.

— Да уж! — хмуро согласился херувим.

Человек поднял над костром тонкий прут на котором были нанизаны куски приятно пахнувшего мяса дракона.

— Так поешь тогда что ли. Глядишь быстрее отойдешь.

— Если принесешь мне пару кусков этой твари, то с удовольствием.

Отложив прут, Ахиллес поднялся и пошел к распотрошенному дракону.

— Ну и шкура у этой твари. Ели разрубил эту тушу.

— Нам еще повезло, что здесь живет выродок. Вот если бы мы натолкнулись на древнего!… Тогда бы ты не то что его чешую, крылья бы не смог отсечь.

Ахеец принес две большие вырезки и поставил их возле головы Ареста.

— А что есть и другой вид этой нечисти?

— Вид может и тот же, да вот качество другое. Я же объясняю тебе, что это выродок их рода. А вот с древними драконами, можно встретиться только в настоящих горах, а не в этих подобиях.

Так они и провели целый день за неспешной беседой из которой Ахилл уяснил следящее. Еще до появления в Аль-Азифе расы крылатых львов, этот мир принадлежал драконам. Их вид разделялся на несколько подвидов. Те которые жили в горах, обладали мощными перепончатыми крыльями и держали в страхе все живое. В дальнейшем, херувимы тысячелетиями оспаривали свое право на жизнь. Победить древнего дракона было возможно лишь при помощи магии. Причем справляться с одним древним удавалось лишь при соотношении пять крылатых львов на одного огнедышащего. Если бы драконы могли плодиться хотя бы как херувимы, их бы ни кто, никогда не одолел. Но их раса была малочисленной и к тому же была подвержена быстрому восприятию болезней других народов. Именно благодаря болезням панов, пришедшим на Аль-Азиф после появление в нем

херувимов, летающих пресмыкающихся, удалось если и не истребить, то по крайней мере свести их численность до минимума. Такие вот ящеры, как вчерашний — это вырождающаяся ветвь некогда могучего рода.

К вечеру Арест почти полностью пришел в себя и стал понемногу осматривать владения выродка. Зайдя в пещеру дракона, он долго и настойчиво метил все углы и выступы его логова.

— Когда вернется его самка пусть знает, кто разорвал тело ее самца.

— А скоро вернуться должна? — забеспокоился ахеец.

Биться с новой тварью, которая могла плеваться огнем, и обладала столь крепкой шкурой, ему как-то не хотелось.

— Что! Испугался великий воин?

— Да как тебе сказать. Не боятся только мертвые. Я именно этим и отличаюсь от всех остальных людей, которые никогда ничего не боялись.

— Чем же? — не понял херувим.

— А тем, что свой страх могу обратить себе же во благо.

— Р-р-р! — херувим глумливо разинул свою огромную пасть. — Прилетит самка только после сезона дождей. Именно в это время она залетает в логове самца для кладки яиц.

— А до этих пор где ее носит?

— Где, где. Охотиться… Тварь!

— Понятно.

Ночь прошла также спокойно. Поблизости не нашлось ни одного хищника желающего оспорить драконово логово. Видать вся окружающая живность чуяла… С теми, кто смог его отвоевать у самого хозяина здешних гор — шутки плохи.

В этот раз на страже остался херувим. Однако всю ночь, из-за чавканья и громкого урчания живота крылатого льва, Ахиллесу пришлось спать в пол глаза.

Новый день он встретил совершенно разбитым и с недовольным лицом поинтересовался у своего спутника.

— Что… Все сожрал?

— Нет. — спокойно ответил Арест. — Мозги оставил тебе. Глядишь после завтрака поумнеешь.

— Очень смешно.

Тут их назревающую ссору прервал странный шум раздавшийся откуда-то с низу.

— Ну что? Спустись хоть посмотри что да как. — Ахиллес стал собирать свой нехитрый скарб.

Арест и без назидания спутника решил исследовать предмет шума. Он с кошачьей грацией исчез за ближайшим уступом и

стал осторожно спускаться по пологому склону горы. Несмотря на то, что уклон скелета этой твердыни был очень удобен, как для спуска так и для подъема, острое каменное крошево, однозначно давало понять, зазеваешься и сорвешься — смерть!

После того, как херувим оказался на скальном уступе, его взору предстала странная картина. Прямо под ним находилось ущелье каньона, в котором стояли на изготовку две группы существ. Одна из них включала в себя двадцать всадников под седлами которых находились презренные пожиратели падали — степные волки. Всадниками были людьми, но вот сзади, на волчих крупах располагались… Сурги!!!

Конечно, это были не полу разумные истинные сурги, которые жили далеко на севере континента. Существа, которые предстали удивленному взору херувима, уступали последним, как в физической мощи своих организмов, так по всей видимости и в интеллекте. Скорее всего, у этих тварей он вообще отсутствовал, так как истинные, никогда бы не стали слугами людей. А судя по их виду и манере обращения с ними, последние именно таковыми и были. И тем не мене, сам факт такого сотрудничества, был просто поразителен. Немного в стороне от странных воинов, стоял караван. Три громадных ящерозверя молча пожирали окружающую их растительность. Из кибиток, явно гоблинского производства, выглядывали испуганные представители этой хитрой и многочисленной расы.

— Ахиллес… Спускайся. Здесь что-то затевается. — херувим послал человеку свой мысле-образ, обрисовав при этом всю увиденную им картину.

— Иду, иду Арест. Если там затевается бой, попроси, чтобы без меня не начинали. — выкрикнул ахеец.

Ахиллес осторожничал при спуске. Проявлять без особой надобности свою шустрость на острых как лезвие меча гранях гранитной крошки, ему не хотелось. Наконец-то он оказался возле херувима и удивленно уставился вниз.

— Что это за существа? — он сложил свое оружие рядом и уселся на внешнюю сторону щита.

— Те что запрягли ящеров, гоблины или хуны, как они себя сами называют. Видать представители торговой гильдии. Те же которые на волках, вроде люди, хотя и с некоторыми отклонениями. Наверняка выродки твоей расы. Больно уж у них нездоровый вид. Вон видишь невысоких существ с зеленоватой кожей?

— Ну.

— Это дикие сурги. Прародители двуногой яшерообразной расы, что проживает на севере Аль-Азифа.

— А что за фигура стоит перед караваном. Я что-то ни бельма не могу различить.

Действительно расстояние между спутниками и двумя группами было приличным. Ахиллес со своим зрением, видел лишь фигуры, которые с такого расстояния были размером с человеческий палец.

— Ух ты! — Арест аж подался немного в перед.

— Знаешь ли человек чью фигуру тебе угораздило узреть?

— Знал бы не спрашивал Арест. Кончай ломать комедию. Объясняй толком, что еще за фрукт перед нами.

Херувим немного помолчал, наслаждаясь своим положением. Ведь он прекрасно видел даже на таком расстоянии. Немного откорректировать структуру глазного яблока. И вот пожалуйста. Он видит все, так же отчетливо, как если бы события происходившие в низу, разворачивались прямо перед его носом.

— Это Ахилл не кто иной, как представитель расы вурдов. И сдается мне, что это самка, а значит, защитница одного из кланов этой расы.

— Ты хочешь сказать, что это как раз та женщина, что и является ударной мощью одного из кланов.

— Вот именно Ахиллес. Дело в том, что самцы вурдалаков, редко выбираются из своих древесных чертогов. Это происходит в двух случаях. Если на клан совершенно нападение или же когда их клану нужно решить глобальные задачи, которые напрямую затрагивают всю расу целиком.

Из пояснений Ареста, Ахиллес уяснил и другие странные характеристики вурдов. Например излюбленным оружием самцов вурдалаков является лук. Способность изменения структуры своего зрения позволяла им по рассказу херувима поражать цель с точностью до нескольких сантиметров на расстоянии в двести шагов. А вот защитница кланов, сражалась только при помощи ритуальных кинжалов, которые они называли Кхэшами, что означает — несущие освобождение. Спаривались самцы исключительно с человеческими особями. Плод такого союза, всегда уничтожал свою матерь, самостоятельно выбираясь 'на свет' через ее живот. Дети рожденные от таких родителей были чистым порождением расы вурдов. Проблема этого племени заключалась в том, что от таких союзов рождались практически исключительно мальчики. На сто мальчишек приходилась лишь одна девочка, и то, которая по физиологическим особенностям своего организма не могла стать матерью при соитии со своими самцами. Именно такие вот самки и становились защитницами клана, но для этого, их пол жизни обучали всем возможностям своего тела и после полувековых тренировок, лучшая из выводка

и занимала почетное звание Защитницы клана.

— Выходит Арест, если люди вымрут, погибнет и раса вурдолаков?

— Нет конечно. По преданиям их раса пришла в Аль-Азиф последней. Первоначальная физическая оболочка вурдов сейчас неизвестна, зато вот доподлинно известно, что до того, как их старейшины решили принять человеческий облик они экспериментировали даже с расой Сургов. Некоторые даже утверждают, что цивилизация истинных сургов, возникла именно после того, как с их дикими сородичами поработали именно вурды. Так что если человечество вымрет, они скорее всего примут новый облик… — Арест прервал свой рассказ и стал еще пристальней вглядываться на то, что в данный момент происходило у подножия невысокой горы.

— …Мне кажется Ахиллес, нам сейчас предоставляется случай, что называется воочию убедиться в том, что не даром клану для защиты членов семьи, требуется всего лишь один боец… Смотри начинается битва.

Ахеец стал, как только мог, напрягать свое зрение. Ему как никогда стало интересно, что же за воин это порождение тьмы, существо, которое питалось кровью живых существ и считалось одним из лучших бойцов всего этого мира. Однако ему не повезло. Все-таки сказывалось расстояние. Ахиллес увидел что, дикие сурги, как их называл Арест, кольцом окружили одинокую фигуру. Самка вурдов при этом даже не шелохнулась. Вот наступил момент, когда сразу несколько зеленокожих особей, метнулись, к казалось бы беззащитной фигуре и…

Уже через пол минуты, вурдская самка оказалось в исходной точке. Причем в точно такой же позе, как и в начале боя. Вот только все ее двадцать противников на этот раз лежали грудой окровавленных туш. Как видимо сцена боя поразила даже херувима. Однако первым признался в этом человек.

— Слушай Арест! А ты можешь передать мне мысленно картинку только что тобой увиденного. А то я ни бельма не разглядел, а чувствую, что поглядеть было на что.

— Могу. Более того я и сам с удовольствием посмотрю все это заново.

После того, как образы, посланные Арестом, улеглись в память человека, херувим подытожил.

— Не знаю как тебе, а вот я не слишком бы спешил, вызывать такую особь на честный поединок.

Ахиллес промолчал, но внутренне был с ним абсолютно солидарен.

— Ладно человек, полезли в низ. Караван идет в Гивейн, а в

такой компании, мы быстрее доберемся до нашей с тобой цели.

***

Приняв исходную позицию, Сайра посмотрела на вожака степняков. Тот широко открытыми глазами, в которых читался страх и раболепие, уставился на своих поверженных 'псов'. Ничего больше не предпринимая, он дал сигнал и весь отряд сорвался с места.

На землю спустились низкорослые хуны. Окружив защитницу, они на перебой стали выражать свое поклонение и восхищение божественным даром самки вурдов. Сайра покосилась на окруживших ее гоблинов и усмехнулась.

'Вот так и рождаются легенды и предания о непобедимости и воинской доблести моей расы.'

— Когда мы отправляемся в путь глава? — Она уставилась на вожака гоблинов.

— Как только того пожелает моя госпожа.

— Госпожа желает не медленно.

Гоблин принялся расталкивать собравшихся сородичей и криками на своем внутреннем языке — отдавать, какие-то распоряжения. Гоблины не теряя ни секунды, принялись дружно загружать с свои кибитки все разложенные товары. Двое загоняли рабов, остальные носили в багажное отделение неживой товар.

— Как тебя звать глава?

— Михруаб госпожа. — теперь, рядом с ней остался только глава каравана.

— Как думаешь, откуда здесь взялись степняки. Ведь ты говорил, что эти просторы находятся под властью кентавров.

— Я считаю, о великая из великих, что выродки человеческой расы, решили перекочевать на эти просторы по единственной причине. Ведь через две недели начало великого Торга. Сейчас в эти края направляются торговые караваны всех рас и их народностей. Кто же упустит такой шанс? Имея великую силы, за одну неделю можно награбить столько, что хватит всему племени не на один год безбедного существования.

Сайра промолчала. Однако отметила про себя, что не уж-то так слабы, как кентавры так и гивейнцы, раз позволяют таким вот людским шайкам хозяйничать на своих территориях?

— Мы ведь госпожа пошли окольным путем — тем временем продолжал гоблин — ..Потому и встретили этот отряд. Когда нас остановил патруль гивейнцев еще на подступе к их главному тракту, их предводитель объяснил мне, что главные силы степняков находятся севернее, поэтому-то он и посоветовал зайти

в великие леса Гивейна именно с южного прохода.

— Но ведь ты сам видел. Перед нами предстал наверное лучший отряд этой швали. Ведь весь этот сброд передвигается на повозках и только это вот племя имеет своих верховых воинов. Выходит племя перекочевало в южные степи?

— Я торговец госпожа, а не воин, и в передвижении войск, ничего не смыслю. Для меня сейчас важен факт, что эти выродки поняли, что среди моего бедного каравана находиться настоящее сокровище… — это Вы госпожа! Поэтому даже несли нам преградит дорогу все степное войско, после этого славного боя, сориться с защитницей вурдов, теперь все равно ни кто не решиться.

Сайра скривила свои красивые губы в недружелюбной усмешке. Гоблин даже подался назад, когда на солнце ослепительно блеснул один из ее клыков. Между тем сборы каравана практически завершились. И тут один из возниц снова подал тихий на слух, но пронзающий сознание, сигнальный свист.

Все разом стали вертеть своими головами в поисках новой напасти, замеченной глазастым хуном. Сайра закрыла глаза и отдалась свободному течению своего сознания. Разум очистился и вот все тело снова налилось силой.

Заработал инстинкт боевого транса. Кто-то приближался с правой от нее стороны. Существа не высказывали ни какой агрессии. Их помыслы были чисты от злобы и жажды убийств. Правда сознание одного из них было укрыто мощным ментальным щитом.

'Что-то здесь не так. Ни когда не слышала, что бы хоть одна раса Аль-Азифа могла так искусно защищать свою сущность от проникающего взора. Разве что херувимы. Но они ведь практически ни когда не покидают пределов своей семьи. Тем более рядом с этим существом сейчас находится разум, который хоть и своеобразен, но безусловно принадлежит человеку.'

Сайра вышла из транса и сфокусировала зрение на приближающихся фигурах.

'О Боги междумирья. Да ведь это и правда человек и херувим?'

Мысли Сайры метались словно в клетке. Она не знала, что и думать. Херувимы по преданиям покидали свои семейные уделы лишь в случае когда Прайд терял одного из своих членов. Тот кто займет его место должен выйти в мир и покрыть свое имя славой и ужасом. Только в этом случае, он мог вернуться и занять в семье подобающее ему место. Зрачок защитницы принял вертикальное положение. С помощью изменившегося фокуса

зрения Сайре предстала поистине странная картина. На расстоянии в пятьсот локтей, со стороны горного хребта, в их сторону приближались две фигуры. Одна была, как и предполагала Сайра именно херувимом. Мощные перепончатые крылья, спокойно покоились на его широкой спине. Цепкий и всепроницающий взгляд золотых зрачков сканировал окружающее его пространство.

Сайра в первое мгновение даже подумала, что может херувим преследует человеческую добычу. Однако нет, оба шли практически друг около друга.

'Может быть он болен или ранен?'

Однако и эта мысль оказалась ложной. Тело перворожденного, не имело каких-либо явных следов ранений или увечий.

'Да что же здесь происходит во имя святого имени Неназываемого!?!'

Человек выглядел вообще поразительно. Соломенных цвет длинных волос подчеркивали волевые, но не в коем случае не резкие черты его загорелого лица. Странный, но притягательный цвет кожи. Идеально сложенная фигура. Холодный блеск голубых глаз. Странные доспехи. Большой круглый щит перекинут за спину. Небольшое копье, на бронзовом наконечнике которого, висит черный шлем, покоилось на его правом плече, облаченное в бронзовые платины. Весь вид этого самца, кричал о его самоуверенности и вере в свое боевое совершенство. Больше того, весь путь свободная рука странного человека то и дело опускалась на спутанную гриву рядом идущего херувима.

Гоблины были поражены не меньше чем Сайра. Они с разинутыми ртами, смотрели, что называется во все глаза, пока эта странная парочка, приближалась в их сторону небыстрым размеренным шагом. Их морды лучше всяких слов, отражали всю гамму чувств, что в данный момент сейчас роились под их черепными коробками.

Тем временем, оба путника подошли на расстояние полета стрелы и остановились. Человек поднял в верх свою праву ладонь и со странным акцентом, поприветствовал весь караван на едином языке Аль-Азифа.

— Мы приветствуем представительницу великой расы вурдов, а также почтенных торговцев принадлежащих к расе хун. — Ахеец старался, что б в его голосе не возникло ни тени иронии. — Мы просив вас об небольшой услуге. Не позволите ли мне и моему другу, сопроводить ваш караван в человеческий город Гивейн? Ведь насколько я понимаю именно туда направлены стопы ваших великолепных животных!

— Твои слова льстят наш слух, представитель человеческой расы… И для нас будет честью появиться на великом торжище Гивейна в сопровождении столь могучих воинов этого мира. — Михруаб решил опередить уже было сорвавшиеся с губ защитницы резкие слова. Судя по лицу самки вурдов, та была хоть и заинтригована всем происходящим, однако не склона сюсюкаться с кем бы то ни было. И горе тому, кто без ее повеления, решит первым обратиться к ней пусть даже и косвенным образом. А ведь судя по тому, что этот человек путешествовал в обществе херувима, было очевидным. Человек очень опасен! Хотя все это и странно.

— Однако… — продолжил глава каравана — …МЫ — он покосился в сторону Сайры. — Хотели бы знать имена героев и конечную цель вашего пути.

— Меня зовут Арест. Я дитя прайда РаАрест. — мысленный ответ херувима коснулся сознания защитницы, главы каравана и конечно же Ахиллеса.

— А мое имя — Ахилл! — в свою очередь решил представиться ахеец. — Я выходец из далекого мира и мы стремимся попасть на великий Торг Гивейна, который проводится, насколько я понял, один раз в пять лет.

Гоблин про себя удивился. Ведь он доподлинно знал, ворота междумирья находится совершенно не в той стороне откуда появилась эта парочка. А значит или этот человек врет или же он выходец из другого континента, который по преданиям минов располагается где-то за Вселенским Морем Мрака. Однако он ни чем не высказал своего недовольства по этому поводу и с почтением изрек.

— Мы будем рады всем нашим караваном — предоставить для вас достойные места, делится своим кровом и пищей, если конечно господа изъявят на то свою волю.

— Решено достопочтенный хун, мы принимаем твое приглашение и тем самым объявляем, что берем ваш караван под свою защиту от любых недостойных на то посягательств с чьей бы то ни было стороны.

Ахиллес заметил, как после последних слов, скривилось лицо защитницы. Помня о том кто перед ним находится, он принялся изучать физиологию своей будущей противницы. Он чувствовал, что эта особь в скором времени станет ему если уж не врагом, то по крайней мере достойным соперником.

Самка вурдов на первый взгляд была обыкновенной человеческой женщиной. Но безусловно, некоторые физические особенности, прямо кричали о себе и бросались в глаза. Ее красивое женская фигура была облачена в обтягивающий костюм.

Этот странный наряд наглухо закрывал все ее тело, вплоть до шеи. Не прикрытыми оставались лишь голова и кисти рук. Но даже этот наряд изготовленный по заверению Ареста из крыльев древнего дракона, не могли скрыть потрясающие формы ее тела. Высокая грудь. Стройные ноги и тяжелые берда, как будто специально созданные для удовлетворения мужского естества, просто приковали к себе его взгляд. Пальцы ее рук оканчивались небольшими, но очень острыми ногтями выкрашенными в красный цвет. Позднее Ахиллес узнает, что эти ногти на самом деле были настоящими когтями, которые могли пробить даже медные пластины добротного панциря. У защитницы были черные, как безлунная ночь волосы, расчесанные по середине головы на пробор и ровно остриженные до ее мускулистых плеч. Глаза были неопределенного цвета, но вот черные зрачки имели возможность как и у Ареста сужаться до вертикального состояния. Черты лица были хоть и резкими, однако обладали, как говориться не земной красотой. Неприятное впечатление производили лишь четыре небольших и явно не человеческих резца ее верхней и нижней челюсти.

Не проронив ни слова защитница повернулась спиной к обоим путникам и на ходу приказала Михрабу выступать. Гоблин встрепенулся и услужливо предложил человеку расположиться в любой из деревянных кибиток его каравана. Тот любезно отказался.

Через несколько минут, караван направился в сторону едва различимой полоски лесного массива. Туда где среди многовековых исполинов деревьев Маол, покоился один из великих человеческих городов.

Древесные драконы.

Караван размеренным шагом приближался в сторону гигантского лесного массива. Даже издали было видно, что деревья этого леса не обычны. Они чем-то напоминали пальмы, но были намного стройнее и выше своих земных аналогов.

Их дорога шла в гору. Великие леса Гивейна располагались на плато, которое возвышалось над всей остальной местностью.

Смеркалось.

Ахиллес и Арест всю дорогу провели во главе каравана. Животные непринужденно тянули за собой тяжелые кибитки, однако их скорость была неимоверна низка. Оба путника, то и дело останавливались для того, что бы подождать далеко отставший караван. Когда в очередной раз, медленно плетущиеся кибитки, поравнялись с человеком, Ахиллес поинтересовался у

Михруаба, как хочет поступить глава каравана, когда они достигнут лесного массива. Тот ответил, что конечно на ночь глядя не сунется в эти неприветливые леса.

— В таком случае почтенный Хун, мы с моим другом отправимся в перед и приглядим место для стоянки.

— Да будет так. — Мируаб был доволен своими сопровождающими. Шли впереди, отпугивали своим видом местных хищников. К тому же за целый день ни кто из них не потребовал пищи. А теперь вот готовы отыскать удобное место для ночлега.

'Нет, определенно мне везет в этом походе.'

Михруаб радостно потер свои ладони.

— Остановите ваших тягловых ящеров!

Обращаться таким тоном к почтенному главе, могла только защитница.

'Чего там ей еще взбрело в голову?'

Михруаб кивком головы отдал своему вознице приказ об остановке. Сам в то же время свистнул с другой стороны свистка. Этот звук означал привал.

Ахиллес посмотрел на второе деревянное сооружение на колесах из которого выглянуло красивое лицо защитницы. Та почувствовав его взгляд, тут же уставилась своими тонкими зрачками на наглого человека.

'Он у меня доиграется. Придется видимо на привале преподать ему урок.' — с такими приятными мыслями Сайра спрыгнула наземь.

Как всегда ее полет завораживал. В этот раз она позволила себе плавное скольжение.

Херувим так же, как и Ахиллес, заворожено смотрел на вурдскую красавицу.

'Хороша. Наверняка в бою перед тем, как разорвать ее тело, придется как минимум пять раз попробовать на вкус ее ритуальное оружие!?!' — досмотрев эффектное приземление, херивим снова погрузился в собственные думы.

Подойдя к странной парочке, Сайра сознательно обратилась именно к херувиму, причем в слух.

— Почтенные воины… Я хочу присоединиться к вам и вместе выбрать место для ночлега. Мне признаться, до осточертенья надоело, лицезреть эти местные достопримечательности.

Арест не возражал. Ахиллес тем более. Ему очень хотелось побыстрее сойтись с этой защитницей. Как бы там ни было, но она была человекоподобная, а значит могла бы стать не только интересной собеседницей…

Когда они достигли первых деревьев, солнечный диск начал

свое неумолимое скольжение за причудливые очертания горизонта. До леса шли молча. Никто почему-то не хотел первым нарушить затянувшееся молчание. Когда же пред взором путником предстали исполинские стволы местных пальм, Ахиллес решил первым нарушить молчание.

— Ну что люди добрые и не очень делать-то будем? Разделимся или вместе будем искать какую-нибудь полянку в этих дебрях?

Оба его спутника, как по команде скривились в презрительной гримасе. И на этот раз Сайра промолчала, хотя видит Тьма ей очень сильно захотелось огреть этого наглеца чем-то тяжелым. Она было даже нагнулась за первой попавшейся ей на глаза веткой, но потом сообразила. Раз херувим молчит? Чего ей нервничать.

'Надо получше разобраться в этом индивиде. Уж больно он много себе позволяет. А раз так, то наверняка все это неспроста. Ведь он думает что имеет на это право!'

— Нет Ахиллес разделятся мы не станем. В здешних трущобах живет многочисленное племя древесных драконов. — херувим поделился своими мыслями с обоими спутниками, при этом ни на секунду не отрывая своего взора от древесных исполинов.

Лес был действительно поразителен. Самые высокие деревья когда-либо видимые ахейцем, просто угнетали создания. Их кроны, смыкаясь высоко над головой, плотно соприкасались друг с другом, отчего даже в самый солнечный и безоблачный день, под сводами этого леса царил полумрак. Расстояние между каждым стволом, которые к стати не смогли бы обхватить взявшись за руки три человека, было около пяти метров.

Ахилл углубился немного в глубь и тут же ощутил себя находящимся в грандиозном храме. Уж больно сильно, стволы местных исполинов, напоминали ему мраморные колонные залы обителей богов.

Они решили, что углубляться в лес не разумно и что надо искать место для стоянки около Гивейнсих владений.

Втроем, не спеша, исследуя кромку леса они через двадцать минут, обнаружили то, что и искали. Площадка была идеальной. Она являлась гигантским уступом и имела форму лезвия широкого ножа. В ширину этот уступ достигал около двести локтей. С него открывался прекрасный вид на лежащие, как на ладони степные просторы.

— Что ж место для кибиток хоть отбавляй. Мне думается это то, что нужно! А Арест? Как мыслишь? — ахеец с интересом отметил, что в этом месте даже ночь приходит намного быстрее

чем хотелось бы. А ночь, хорошо скрывает! А скрываются — обычно хищники! А здешние хищники говорят опасны и кровожадны.

Внутреннее Я подсказывало, что с недавнего времени его спину буравит чей-то недобрый взгляд!?!

— Я чувствую приближение врага. — вдруг выпалила защитница. — Они рядом! Приготовьтесь к бою!!!

— Раз сосредоточьтесь. Древесные драконы нападают скопом. Каждому из нас нужен простор для ведения боя. — мысли херувима обожгли сознание точно бич рабовладельца.

Ахиллес едва успел скинуть свои щит. И… Закрутилось.

Твари выглядели, как толстые питоны, но обладали несколькими парами перепончатых крыльев.

Древесные драконы были очень злобными и быстрыми тварями. Их стремительное передвижение просто не мог заметить простой человеческий зрачок. Ахиллес видел лишь стремительные росчерки черных как уголь удлиненных тел. Он интуитивно осознал. Здесь спасет только быстрота и хладнокровность.

Схватка сразу разбилась на три участка. Каждый из путников, стал вести свой собственный поединок, рассчитывая только на самого себя. Именно такая тактика, их всех и спасла.

Ахеец сразу смекнул, что копье в данном мясорубке лишь помеха. Не стал он и метаться из стороны в сторону в жажде достать определенного противника. Словно на разминке, тело принялось выделывать геометрически правильные движения… Причем его продолжением стала бронза меча.

Взмах над головой и вот на землю с шипением повалилось извивающееся тело.

Выпад в перед… Пустота.

Поворот на сто восемьдесят градусов с вытянутой рукой… И о прижатый к телу щит насмерть разбивается еще одно тело.

Снова меч разрезал, два мерзко извивающиеся тела.

Прыжок.

Два молниеносно росчерка бронзового лезвия и очередные громко шипящих тела, повалилось на утрамбованную почву.

— Бум. Бум. — Две твари врезались со всей скоростью прямо в центр щита и опали под ноги ахейца безвольными тушками.

Ахиллесу казалось, что стремительный хоровод теней ни когда не закончиться…

Сайра в первые столкнулась с этими хищниками, поэтому и действовать она стала не задумываясь. Защитница решила не применять акробатических трюков. Зато запрет на полное

раскрытие воинского искусства ее расы в стычках с любым из видов Аль-Азифа, она тут же отринула, как не целесообразность. Теперь она стала применять все то, чему ее учили на протяжении пятидесяти летнего обучения.

Кхэши окружили тело вурдской самки, сплошным смертоносным сиянием. Ни что сейчас бы не смогло пробить ее оборону. Даже если бы в данный момент, защитница оказалась мишенью для целой когорты лучников, ни одна из смертоносных стрел не достигли бы своей цели. Сейчас, ее тело, было погружено в боевой транс и поэтому реакция и скорость возросли до невообразимых пределов. К тому же, она все время передвигалась. Причем она непросто передвигала ногами меняя свой угол защиты-атаки. Ее тело выгибалось и принимало просто нереальные позы. Со стороны могло бы показаться, что она бестелесный земной дух, который не имеет ни плоти, ни костей.

Вокруг защитницы образовался, что то вроде кровяного водопада. Каждое мгновение, на землю опадали десятки измельченных в кровавое месиво, кусков дурно пахнувшей плоти.

Арест был взбешен. Его тело практически в первые же мгновения боя стало покрыто десятками небольших, но очень болезненных порезов…

Его острые когти, за один взмах тяжелой лапы, разрывали сразу по несколько нападавших. В отличие от защитницы, херувим решил вести воздушный поединок. Мощные прыжки, заставляли его тело взмывать в окружающее пространство, а взмахи прочных перепончатых крыльев, каждый раз сбивали наземь с десяток противно шипящих созданий. Приземляясь на тела своих поверженных врагов, он бесхитростно давил их своим внушительным весом.

Неизвестно! Как бы закончилась это ужасное месиво, если бы на помощь трем созданиям не пришли гоблины.

Еще издали, разглядев в каком положении оказались все трое защитника каравана, глава каравана, словно заправский военачальник, стал отдавать приказы по организации помощи.

— Зажечь факелы!

Приказание было исполнено молниеносно. Кому как не гоблинам знать, что данные твари боятся одного… Огня! Только огненные отблески, сейчас могли спасти, как караван так и три одинокие фигуры, окруженных со всех сторон — тьмой беснующихся бестий.

Гоблины не даром считаются лучшими торговцами Аль-Азифа. По проложенным ими торговым путям, они вдоль и поперек исколесили все земли этого мира. Их раса знала

практически все и о всех самых опасных хищниках этого континента.

Два гоблина разожгли в жаровне заранее заготовленные факелы и помчались в самую гущу битвы. Громко выкрикивая всевозможные проклятья и неистово размахивая над головами десятками пылающих прутьев, они стали походить на огнедышащих драконов, ворвавшихся в самую гущу змеевидных тел.

Мигом раскидав во все стороны свои пылающие лучины, они организовали, что то вроде огненного круга, в центре которого оказались все участники непрекращающейся ни на миг кровавой резни.

Как по волшебству, круг в мгновение ока очистился от длиннотелых крылатых гивейнских пресмыкающихся.

Все три война с единодушным выдохом устало повалились на окровавленные куски мяса.

***

Всю ночь вокруг стоянки, горели спасительные огни небольших костров. Благо, что запасливые торговцы, имели на этот случай заготовленный древесный уголь.

Весь караван почти пол ночи занимался тем, что скидывал с уступа целые груды кровавой плоти здешних древесных бестий. По заверению Михруаба, именно здешние драконы считались самыми опасными хищниками этих лесов. Они были плодовиты и прожорливы. Свои гнезда устраивали в кронах здешних исполинов. Так как здешние леса испокон веков не знали ни одного пожара, так как их плоть состояла исключительно из стволов деревьев Маол, которое в силу прихоти одного из здешних богов, были созданы не податливыми для всепожирающего тела огня, здешние хищники боялись только огненных цветков. Странным же было вот что… По словам Михруаба, который повествовал все это сидя у большого центрального костра, эти твари никогда не охотились на границе своих лесных владений.

— Не знаю… Мне кажется, что тому виной здешние жители. Готовясь к великому торжищу, они видать повыгоняли этих рептилий с их гнезд?

После битвы каждому из ее участников пришлось чистить свое тело.

Скинув одежду, человек принялся настойчиво обтирать себя мокрыми тканями, которых ему любезного предоставил глава каравана.

Сайра не обнажалась, но тоже, как и человек, вытерла свою одежду, после чего помыла голову и руки теплой водой.

Херувим принялся чистить свое тело, как и принято у всего семейства кошачьих — при помощи языка!

Аресту досталось как никогда. Вся его лоснящееся шкура оказалось исполосована вдоль и поперек неглубокими, но по его заверению, болезненными порезами.

Осмотрев тело Ареста, Ахиллес успокоился. Он больше не переживал за херувима, так как доподлинно знал, утром от этих порезов на его теле, не останется даже шрамов. Принимая водные процедуры, ахеец отметил, что все окружающие посматривают на него если уж и с не призрением, то по крайней мере не скрывая в своих взорах неодобрения. Еще раньше, херувим посвятил его в мировоззрение всех разумных на счет обнаженного тела. В этом мире, ни одна из разумных рас (за исключением конечно херувимов, сургов и кентавров) не позволяла себе в открытую оголять свое тело и тем более выставлять его на публичное обозрение. Даже гремлины прикрывали свое естество неким подобием набедренных повязок.

Сайра постоянно ловила себя на том, что поражена не только физической красотой этого человека, но и его умением вести бой. Ведь как бы там ни было, на его теле, после этой мясорубки, не осталось ни одного пореза!?! Ее конечно тоже миновала участь херувима, но ведь она была облачена в свою драконью броню!

Она то и дело бросала смущенный взгляд на человеческое тело и почему-то краснела.

После того как стоянку очистили от кровавой плоти, хуны принялись устанавливать походные котлы, в которых стали варить аппетитную на вид кашу, а мякоть драконьих тел, они прожарили на углях.

Когда все приготовления были окончены караван приступил к трапезе. Оказалось, что блюдо из драконьего мяса, они приготовили исключительно для человека, сами же гоблины употребляли мясо в сыром виде.

По вполне понятным причинам, есть отказались только двое — херувим и защитница. Арест из-за того, что употреблял пищу раз в три дня, защитница — потому, что питалась кровью и после своего очередного обеда могла не помышлять об этом в течении целой недели.

Ахилл в отличие от своих спутников, уплетал за обе щеки. Когда трапеза была окончена, Михруаб отдал приказ о выставлении дозорных после чего остальные отправились спать.

После горячей схватки, ахейцу спать раз хотелось, к тому же, ему еще предстояло очистить от темной свернувшейся крови свои

доспехи. Посему, он решил устроиться возле Ареста, который уже давно посапывал, нервно подергивая кисточкой хвоста.

Наконец весь лагерь погрузился в долгожданный сон. Остались бодрствовать лишь выставленные Михруабом часовые. Они то и дело ходили от костра к костру и подкидывали в них древесный уголь.

Ахилл почувствовал кожей, что со спины на него кто то смотрит. Повернувшись он встретился со взглядом Сайры. Ее зрачки в ночи приняли вертикальное положение.

— Я бы хотела поговорить с тобой человек… Ты не против?

— Да вроде как и мне не спиться. Так что прошу.

Защитница уселась напротив и уставилась на человека своими раскосыми и очень выразительными глазами:

— Скажи мне человече! Где находится страна откуда ты родом.

— Скорее уж мир защитница. К стати мое имя Ахилл. А можно узнать имя той кто сегодня бился со мною стоя плечом к плечу.

Защитница немного помолчав, все-таки представилась.

Сайра, защитница клана Красной Лилии.

— Ну, а я царь страны, что находится совершенно в другом мире, имя ты уже знаешь.

Сайра немного поерзала на месте, стала внимательно смотреть на то, как человек очищал свой щит и меч от черной драконьей крови. Она специально стала рассматривать именно его работу, что бы не приковывать свой взгляд к человеческому естеству. Ведь он до сих пор был обнажен.

— Послушай чел… Ахиллес. В твоем мире все ходят обнаженными? Это для вас норма!?.

— Ну норма или нет, но то. что мы восхваляем красоту человеческого тела и не видим в обнаженном естестве ничего постыдного, это точно. Более того. я помню, что на Олимпиаде все участники выходили на соревнование именно обнаженными. Все это делалось для того, что бы все эллины, могли насладиться эстетической красотой человеческой природы.

— Что такое Олимпиада?

— Соревнование где победителя чтят как равного богам и в знак этого дарят простой венок.

— Странный вы народ.

Ахиллес улыбнулся и многозначительно посмотрев на Сайру ответил.

— Скорее просвещенный.

Защитница ничего не ответила. Уже ничего не стесняясь, она принялась более пристально рассматривать все подробности

человеческого тела.

Наконец ахеец закончил свою работу и аккуратно сложив возле себя оружие, прилег, устроившись своей головой прямо на груди Ареста. Тот тут же открыл глаза, но ничего не 'сказав', снова погрузился в свой чуткий сон.

— Приляг Сайра возле меня. Арест против не будет. Под утро в этих краях довольно прохладно, а от херувима за несколько шагов несет таким теплом, что спать возле него одно удовольствие. К тому же если что-то измениться в окружающем пространстве, он первым проснется и даст об этом знать.

— Ты забываешь Ахилл, что я не человек. Мне никогда не бывает ни холодно ни жарко. Мой мозг может сознательно менять температуру своего тела. К тому же я чувствую опасность пожалуй лучше чем твой друг. К стати, как ты стал его спутником?

— Человек снова улыбнулся во весь рот открывая взору собеседницы свои белоснежные зубы и тихо заметил.

— Скорее Сайра он присоединился ко мне нежели я к нему. Ну да это долгая история, к тому же Арест не любит когда я об этом распространяюсь, так что приляг возле меня и спроси о чем ни будь другом.

— А ты ничего не хочешь узнать обо мне.

— Да вроде то, что мне важно знать относительно твоей персоны, я и так уже знаю. Сама понимаешь, внутреннее созерцание херувима это не шутки. — он улыбнулся и закончил. — Нет в за правду. Удивительный у вас мир. Столько рас и все такие поразительные!? Ума лишиться можно.

— А что в твоем мире не так? — Сайра наконец то соизволила устроится возле человека.

— Нет. У нас венцом творения богов является человек. Может когда-то были другие разумные… По крайней мере предания гласят, что так оно и было, но видать люди всех потеснили в неизведанные земли или же вообще уничтожили.

— Да, кровожадность и жестокость твоей расы, даже у нас притча во языцех.

Ахиллес ни чего не ответил. Он повернулся лицом к Сайре и принялся рассматривать ее лицо. Бледная кожа. Черные как крыло ворона волосы. Раскосые глаза с крапинками алых точек в глазном яблоке. Весь ее облик в одно и тоже время, как притягивал сознание человека, так и отталкивал. Ее нечеловеческая красота, взывала к его мужскому началу, но в то же время напоминала — шутить с этой особью не стоит. В конце концов она же хищница каких еще поискать!

— Сайра… Ты уже отдала предпочтение одному из твоих

сородичей.

— В каком смысле? — не поняла самка.

— Ну… Твое сердце уже кому-то принадлежит? — видя как брови защитницы начинают сходится в переносице, Ахиллес поспешил добавить. — Я имею ввиду любишь ли ты кого-то?

Женская фигура приподнялась на одном локте и после того, как она пристально вгляделась в лицо человека, выпалила:

— Вижу я к чему ты клонишь. Защитница клана не может совокупятся для продолжения рода со старейшинами. Ее предназначение охрана семьи от посягательств извне и все!

— Ну, а как ты считаешь, физиологически подходишь человеку? — в глазах Ахиллеса появился огонек страсти.

К счастью для ахейца, вурдская самка видимо не собиралась его убивать. Может покалечить! Ну и наказать не весть что возомнившего о себе человеческое отродье.

Ее пощечина была направлена на то, что бы просто изувечить его лицо.

Ахиллес просто подставил под удар левой руки Сайры свой блок и тут же вскочил.

— Ты чего это удумала женщина? — удивленно пробормотал он.

То что реакция человека ничем не уступала реакции защитницы, очень разозлила Сайру. В следующее мгновение она была уже в воздухе. Два быстрых удара ног предназначались для человеческой головы. Но ее там не оказалось. Человек нырнул под удар и оказался за ее спиной. Ахиллес тут же обхватил тело Сайры в борцовский захват и совершив бросок через левое бедро заставил защитницу оказаться прижатой лицом к земле.

— Сайра да что на тебя нашло в самом деле? — теперь его голос был резок и не предвещал ничего хорошего.

Из своего постыдного положения, Сайра вышла применив свою способность к использованию силовых потоков земли.

Она несильно оттолкнулась от земли своим правым коленом и в то же мгновение оба тела воспарили над землей на добрых пол метра. Ахеец испуганно отпустил захват и тут же получил по лбу правым локтем.

Неизвестно чем бы все это закончилось, если бы между двумя бойцами не появилась фигура проснувшегося херувима!?

— Вы что это тут устроили? — его мыль словно бич хлестнул по обоим сознаниям.

Ахиллес даже скривился от неожиданной головной боли.

— Арест так твою да этак… Ты бы еще полоснул по моей спине своими когтями… Больно ведь!

Боль в мозгу сошла не нет, но оставила после себя некую

пустоту.

— Как ты это сделал херувим? — по примирительной интонации Сайры, было заметно, что и ей то же ничего человеческое не чуждо.

— Как, как… Долго объяснять. Вот это вы мне лучше объясните, чего это вы тут не поделили?

Ахилл удрученно пожал плечами и ничего не ответил, хотя и подумал про себя, что ни в чем своей вины не видит.

Ну, предлагал, в скрытой форме, разделить с Сайрой ложе!! Что же тут обидного. Он ведь так сказать не с претензиями, а со всей душой, между прочим.

Арест лишь удивленно рыкнул и в мысли человека вкрался его констатация:

— Ну и странный же ты тип человек. Кто же в здравом уме предлагает ЗАЩИТНИЦЕ Клана, Самке ВУРДОВ! Совокупление!? Ведь она рассматривает тебя, как потенциальную пищу. Ты бы например стал совокупляться с антилопой, перед тем как перерезать ее глотку и зажарить на костре?

— Арест, что за шутки?

— Какие тут шутки Ахилл? Ты что так и не понимаешь с кем сейчас так мило беседовал минуту назад?! Это же само воплощение Смерти для твоей, да и других рас… А ты совокупляться!!!

— О чем вы там беседуете. — лицо Сайры исказилось в озлобленном оскале.

Она произнесла это с вызовом и во весь голос, тут же разбудив всех представителей расы хунов. Два гоблина, что были на страже, смотрели на всю их свару с широко открытыми глазами, причем было заметно что до обморока им обоим рукой подать.

Остальные, с заспанными мордами тут же по выглядывали из своих деревянных кибиток и перебивая друг друга, принялись выяснять, кто на них напал и что им делать!? Получилось забавно. Даже Сайра позволила некое подобие улыбки.

— Ничего страшного не произошло уважаемые хуны. — заверил их ахеец. — Отправляйтесь спать со спокойствием в своих сердцах. — после всего вышесказанного Ахиллес потирая свой лоб направился прямиком к Сайре.

— Ты того… Не серчай, я ведь и не думал оскорбить твои чувства. Наоборот думал может я тебе нравлюсь и все такое. — он посмотрел в ее глаза и увидел в них непонимание и отвращение.

'Ну и пошла ты в бесконечность. То же мне, нашлась королева красоты с клыками как у дикой кошки!'

Он вернулся на прежнее место и решил вздремнуть. Сайра

посмотрела на человек, затем на херувима и не говоря больше ни слова отправилась в свою кибитку.

Битва.

Утро в этом мире наступало так же быстро, как приход ночь. Рассвет был приветливым и неотвратимым, как и сама смерть после биологической жизни.

Лагерь ожил практически с первыми же лучами огромного солнечного диска. Со своих передвижных домов спустились торговцы и принялись заметать следы своего пребывания. Двое из всей этой купеческой компании стали выводить рабов для того, что бы те смогли оправить свои естественные нужды. Ахиллес присмотрелся к рабам. Большинство из них были представителями смешанных и скорее всего вырождающихся народностей его вида. Бессмысленно испуганный взгляд, в котором не было даже намека на потаенное желание хоть как-то рискнуть для того, что бы избежать уготованной для них судьбы. Обычный скот, который пригоден для того, что бы выполнять самую грязную работу.

За ночь кожаная одежда Ахилла высохла, так что он быстро облачился в свой нехитрый наряд. Подозвал к себе одного из торговца и попросил объяснить долго ли еще идти до этого Гивейна. Тот словоохотливо пояснил, что до столицы чернокожих пол дня пути, если на то конечно будет воля богов. Арест все еще валялся на своем прежнем месте, с ленцой во взгляде посматривал на приготовления двуногих. Сайры видно не было. Неожиданно был подан сигнал тревоги. Все как по команде застыли и принялись тревожно всматриваться в близ находящийся лес. В долю секунду около человека опустилась туша херувима обдав его потоками еще прохладного воздуха.

— Что-то Арест не вижу я ни какой опасности.

— Я то же.

Краем глаза Ахилл заметил, как из второй кибитки мелькнула быстрая тень и уже через мгновение на земле оказалась его неудавшееся любовное приключение. Сайра была облачена, как всегда, в свой облегающий наряд… Судя по ее взгляду она так же не чувствовала ни какой опасности так как ее Кхэши спокойно покоились на черном кожаном поясе.

— Кто подал… — договорить Ахиллес не успел, так как заметил испуганную и в то же время восхищенную морду Михруаба. Тот находился на месте возницы своей кибитки и его взор был направлен за спины всего лагеря. Посмотрев в этом направлении Ахиллес увидел только безоблачное желтоватое

небо.

'Видимо этот торгаш разглядел, что-то интересное в низине' — догадался Ахиллес.

Подойдя к концу скального уступа, взору человека предстала поистине удивительная картина. Далеко в низу расстилалась небольшая равнина, которая была зажата между двумя скальными массивами. Долина расширялась в том месте, где начинался тракт. Именно с этой стороны и приближалось довольно внушительное войско. Приблизительно не меньше трех тысяч существ. Оно надвигались бесформенной массой на не слишком ровный, но все-таки строй, другого войска. На первый взгляд, оно насчитывало не больше полутысячи воинов.

— Уходим уважаемые воины. — это к трем фигурам обратился глава каравана. — Мы ни чем не можем помочь доблестным войнам Гивейна. А вот сообщение о том, что на один из пограничных отрядов напало войско степняков, может принести немалые выгоды всей нашей компании.

— А откуда ты знаешь, что Гивейнцы столкнулись именно со степняками? — взор ахейца ни на секунду не отрывался от поля предстоящей битвы.

— Да кто же посмеет напасть на Гивейнцев в открытую. Кены сильны, но не настолько же!? А вот вчерашние наши господа, с которыми так лихо разобралась Защитница, явно принадлежат именно к этой категории людей, что сейчас всей своей силой готовы растерзать доблестных Гивейнцев. В общем, нам надо срочно отправляться в путь.

Тут монолог Михруаба прервала подошедшая Сайра.

— А не боишься торговец, что тебя, войско степняков настигнет по дороге в Гивейн?

— Да что вы Госпожа!?! Они ведь не полностью из ума выжили. С такими силами город не взять. Степняки пришли сюда, что бы пограбить торговые караваны. Ну, а сейчас разгромят этот пограничный отряд. В рабов, превратят всех уцелевших, мертвыми накормят своих степных волков да сургов. На том все и закончится.

— Понятно. Тогда я останусь, что бы лицезреть воинскую доблесть черных людей.

— Я то же. — тут же заключил Ахилл.

— Ну что ж, господа, дело ваше… — Михруаб жестом отдал приказание своим подчиненным, что бы те загоняли в кибитки рабов и отправлялись в путь — ..Только вот найдете ли вы дорогу сами?

— Арест ты как? Выследишь путь каравана?

— Что тут выслеживать, это же не песчинка. Ящеры хунов

оставляют на своем пути столько зловонных испражнений, что и слепец по запаху отыщет их путь.

— Тогда мы остаемся Михруаб. До встречи на торжище.

— И вам всех благ достойнейшие из воинов.

Через несколько минут, все три кибитки отправились на север вдоль лесного массива, искать торговый тракт, ведущий в славный город-государство Гивейн. На скальном уступе остались стоять три одинокие фигуры.

***

Дерт хмурым взглядом всматривался в надвигающиеся массы врага. Он был военачальником карательного войска, посланного Царицей Тамой для обеспечения беспрепятственного прохода через южный лесной тракт, караванов всех рас и народов. Гивейн гордился своим всемирно известным торжищем и особое место на этом феерическом действии, конечно занимали бои за обладание ветви древа Маол. Символа того, что воин одержал победу на состязаниях, в которых принимают участие лучшие из лучших. И вот теперь на тебе. Пред его взором беснуются тысячи поганых степняков. Которые не ведают ни чести, ни страха. Которым, нужно захватить, как можно больше рабов и накормить ненасытные утробы своих огромных волков.

— Мой господин, среди степняков замечены Сурги! — воин склонил перед военачальником свою черную спину и ждал дальнейших распоряжений.

— Быть того не может, что бы разумные ящеры решили присоединиться к этому сброду.

— Вы правы мой господин, это не истинные Сурги. Это их дикие прародители.

Дерт удивился. Давно уже в этих краях ни кто не видел диких сургов, ящероподобных созданий в своем развитии ни чем не отличающихся от любых представителей животного мира.

— Что ж поделать. Значит будем резать и сургов.

Ответ Дерта был пронизан уверенностью и непоколебимой верой в боевое превосходство своих воинов, но в глубине души он сомневался в том, что эта битва останется за гивейнцами. Однако будучи первоклассным молодым командиром, он знал — усомнишься хоть на миг в своем превосходстве над врагом и простые воины это почувствуют, а значит в их сердца закрадется страх. Нет не страх смерти, но страх унизительно поражения. Умирать легко, ведь они защищают свои семьи и честь вечного града.

— Боевой порядок не менять, всем приготовиться. Скоро эти

выродки начнут свою атаку.

Дерт выстроил своих воинов, как того и требовала ситуация. Их строй был не глубок. Пришлось растянуть свой фронт. Важнейшей задачей было не пустить наездников племени Волков в свой тыл, поэтому, боевой строй растянулся от одного горного кряжа до другого. Впереди располагались метатели дротиков. Они первыми должны пролить кровь степняков. После того как каждый из ста легковооруженных воина, метнет по два копья, они по правилам ведения боя, отойдут под прикрытие щитоносцев составлявших три шеренги. То что приближающая масса врагов огрызнется настоящим камнепадом, в этом не было ни какого сомнения. В дальнейшем, обе толпы схлестнуться и начнется рукопашная. Вот в ней то и проявиться сила духа гивейнцев. Выдержат ли они первый напор или же нет!?

Солдаты Дерта были вооружены стандартным оружием. Их левую сторону прикрывали легкие деревянные щиты выдолбленные с большим трудом из древа Маол. Первая шеренга была вооружена боевыми серпами. Задние — длинными копьями.

Дикари, воевали дубинами. Редко кто из них обладал оружием изготовленным из меди, не говоря уже о бронзе. К тому же степняки никогда не использовали щитов. Во первых, им не откуда было их взять, во вторых они считали что прикрывать свое тело, есть признак слабости духа.

***

— Мой Тэр (исключительный) — воины готовы.

Тэр Орб злобно посмотрел на спину раболепного воина из племени предгорных драконов.

Можешь идти к своим воинам и передай через крикунов, что бы по моему сигналу шли в бой.

— Слушаюсь мой Тэр.

Орб был наконец-то доволен. В коем веке, он вот так свободно командовал многими и многими сотнями сотен подчиненных, которые по одному его взмаху руки, готовы ринуться в смертельный бой. Но самое радостное для Тэра было то, что наконец-то он вернется в свой стан, находящийся далеко на юго-востоке, обремененный большой добычей, что удалось добыть в этих краях. Его отец не даром считался умнейшим старейшиной своего племени. Именно он, объяснил возмужавшему сыну, когда, где и как можно снискать славу и богатство. Наездники племени, вот уже полтора месяца трясут караваны всевозможных торговцев, которые спешат на великий торг Гивейна. Редко когда они вырезали весь караван. Ведь если

пустишь по миру этот сброд, который умеет лишь считать свои барашы, не станет работы и возможности для пропитания самим степнякам. Для того, что бы запугать большие хорошо вооруженные караваны, Орбу пришлось пригласить в поход все здешние племена. Они с радостью согласились, так как давно их стойбища не имели достойной добычи уже многие месяцы. Многие племена даже голодали. В скором времени, под рукой Тэра собралось настоящее войско. Его воины держались особняком, что не удивительно. Степные волки постоянно не доедали и были готовы сожрать даже своих наездников, не говоря уже о всех пришлых. И вот на последнем военном совете воинов своего племени, Тэр решил, — Как повстречаем сильный заслон Гивейнцев, бросаем в бой весь собранный нами сброд. За кем бы не осталось поле боя, наша задача накормить досыта своих волков, которые порядком изголодались. После чего со всей добытой нами добычей, возвращаемся в свои края.

— А как же те, которые останутся? — спросил один из самых смелых воинов. — Ведь они могут ударить нам в спину.

Ну если победят гивейнцы, то их останется не так уж и много и мы легко сможем с ними договориться, если же этот сброд, тогда пока они будут обдирать павших врагов, мы спокойно покормим своих волков и отправимся в оставленный нами на севере лагерь, который охраняют, практически все наши сурги. После, сами понимаете, помашем этим тупым выродкам ручкой и покрытые славой и обремененные добычей, вернемся в свое родное кочевье.

— Да… Не даром твой отец считается самым умным старейшиной нашего племени. Сын у него под стать отцу. — это произнес один из самых опытных воинов его отряда, поэтому эти слова были в двойне приятней.

Ну что ж, начнем пожалуй.

Дерт махнул рукой и вся пешая масса орды, словно обезумевшее стадо степных буйволов, бросилась на небольшой по сравнению с ее телом, войско чернокожих воинов.

***

— Ну что, как считаешь, кто одолеет!?. - видимо херувим проснулся в хорошем расположении духа. Вот теперь он решил поспорить с человеком на счет того, кто из них правильнее определит исход начинающегося боя.

Ну мне плохо видно все детали. Вот если бы я разглядел, как вооружены обе стороны, я бы не только предсказал, кто одержит победу, но пожалуй бы и дал точное время продолжительности

этой схватки.

Сайра покосилась на Ахилла и презрительно бросила:

— Чушь. Тут и определять нечего. Даже если этот сброд, что сейчас готовиться к атаке и вооружен лишь камнями да палками, они в считанные секунды сметут построение чернокожих. По моему это яснее ясного.

— А давай на спор. — человек повернулся к херувиму и не скрывая своей улыбки закончил — ..Арест ты свидетель.

— Что еще за спор? — голос защитницы проникся стальными нотками.

Ахеец приложил к своим глазам руку и обратился к херувиму:

— Слушай Арест. Ты бы мог, как в тот раз, показать мне свое видение того, что сейчас там происходит. — Он кивнул в сторону долины.

Конечно.

Ну тогда давай.

Ахиллес закрыл глаза. Перед внутренним взором Ахилла появилась четкая картинка всего строя чернокожих воинов. Его цепкий взгляд быстро оценил вооружение, построение и тактический потенциал войска Гивейнцев.

А теперь Арест если можно покажи мне их противников. — после лицезрения деградирующих физиономий степняков, он тут же обратился к Сайре:

— Защитница! Ты хорошо разглядела вооружение обоих войск и их расположение?

— Я не человек. Мне незачем прибегать к помощи чужого видения.

— Это значит да, я так понимаю?

— Да. — неохотно согласилась Сайра.

Ахиллес радостно потер свои ладони и предложил.

— И так Защитница, предлагаю спор. Если ты, точнее меня, определишь победителя и приблизительное время исхода битвы, то Я!… Выполню любую твою просьбу. Если же правильней окажется мой расчет, то наоборот. Ну и понятное дело, что желание должно быть выполнимым и приемлемым для любого из нас. Например, если выиграешь ты и скажешь, что тебе хочется, что бы я, прыгнул в низ головой с этой скалы…. Это будет для меня не приемлемо и по сему я откажусь это выпорлнять. Ну и так далее… Ну как, согласна! Или для тебя это чересчур опасно?

— Сайра посмотрела в голубые человеческие глаза и прошипела.

— Да.

— Тогда прошу. Я слушаю первым твой прогноз. Да Арест, ты свидетель и пусть боги покарают того, кто нарушит свое слово.

Тут и думать нечего. Я считаю что гивейнцы не продержаться и пятнадцати минут. Их пусть и организованный, но не глубокий строй сметут практически сразу.

Отлично. А теперь вот тебе мое предположение. Степняки, как ты правильно заметила, будут рассчитывать на свое количественное превосходство. Поэтому не задумываясь кинуться очертя голову на строй чернокожих. И я буду не я, если через примерно двадцати минут боя, вся их толпа не обратится в спять.

Ты глуп человек, хоть и неплохо сражаешься. — в словах Сайры чувствовалось и радость и презрение и чувство превосходства.

Все кончайте гомонить словно болотные птицы Хар. Начинается. — херувим не скрывая интереса смотрел, как огромная и бесформенная толпа полуголых людей неслась на гивейнских воинов.

***

Дерт разглядел, что степняки, начали движение и проорал во всю свою глотку

— Приготовить дротики…

Он стоял немного поодаль от своих воинов. Командир, должен видеть все поле боя, если хочет выиграть сражение. В битву он может вступить только в трех случаях. Первое, если враги прорвут строй и окажутся непосредственно возле командира. Второе, если пойдет рукопашная, при которой строй смешается с врагом. И третье если враг разгромлен и бежит.

— Атака!

Дерт увидел, как могучие двухметровые воины, сделали пару шагов в сторону врага и что было силы выбросили свое смертоносное оружие. Не останавливаясь, они метнули следом по еще одному дротику. Тяжелые древки, короткий копий, прочертили в желтоватом небе небольшую дугу и со смаком вошли в тела своих жертв. Как минимум двести варваров тут же повалились в степные травы, обильно орошая их своей красной кровью. Некоторые дротики пронзили по два человеческих тела. В рядах наступавших, появилась сумятица. Задние воины спотыкались о тела своих поверженных собратьев и страшная картина, надвигающихся степняков, прямо на глазах, превратилась в забавный эпизод. Некоторые из впереди стоящих гивейнских воинов первой шеренги, даже невольно улыбнулись.

— Строй пропустить метателей и приготовиться.

Сто человек словно мыши, проскочили через небольшие бреши в строю щитоносцев и тут же кинулись к сотням новым метательным жал, воткнутых во множестве позади боевого построения. Каждый успел метнуть еще одну пару копий, прежде чем их предводитель проорал дурным голосом.

— Щиты!

Двести щитов первой и второй шеренги, тут же были подняты над головой. Последние двести воинов, которые были вооружены только боевыми серпами, укрылись за образовавшейся стеной щитов. Метатели, вот успели не все. С неба посыпался каменный дождь из обломков горных пород. Не меньше десяти человек, остались безвольно лежать, погребенные под камнепадом врага. Звук, который произвели камни ударившись об деревянные щиты, был сродни грому. Однако стена щитов выдержала. Дикари метнули разом все свои припасенные для именно этого момента камни и перед строем щитоносцев выросла небольшая каменная возвышенность.

— Строй вперед… Метатели — назад к дротикам и после них метать все, что под руками.

Дерт был горд за своих воинов. Все выполнялось, как на учениях. Слаженно и организованно. Четыреста воинов основного строя, перешагнули через камни и встретили надвигающиеся массы врага, своими копьями и серпами. Первый ряд щитоносцев, начал свою кровавую жатву.

Два задних ряда, так же, как и первый, был вооружен щитами, но вместо боевых серпов, они имели полтора и двух метровые копья с широкими и плоскими медными жалами. Четвертый ряд строя напирал на спины третьего, те в сою очередь, через спины своих впереди стоящих товарищей, тыкали от плеча своими пиками в плоть ненавистного врага. Вторая

шеренга темнокожих воинов, поражала противников уже от пояса. Их добычей становились те степняки, которые наиболее близко поступали к первому щитоносному ряду боевого построения.

Метатели дротиков не останавливались ни на мгновение. Раз, за разом, они пускали на волю в небо этого мира быструю без крылатую смерть. Каждый залп, для степняков, означал неминуемую гибель очередной сотни своих воинов. После того, как метатели исчерпали запас дротиков, они принялись швырять камни своих же врагов.

Все-таки в одном месте, варварам удалось разорвать гивейнскую фалангу. Уж больно мало людей было под предводительством Дерта для того, чтобы равномерно сдерживать столь широкий фронт. Однако командир не растерялся. Поминая в горячке, чем не попадя, всех известных ему богов, он вовремя отдал приказ задним воинам вооруженных серпами, закрыть прорыв и вместе с ними кинулся в самое пекло битвы.

Командир был вооружен деревянным щитом и конечно же боевым серпом. Рука воина продевалась в специальною лямку, и только затем уже, его кисть хваталась за еще один небольшой кожаный ремень. Конечно фехтовать с таким щитом было неудобно, но этого и не требовалось. Щитоносец в горячке боя, просто прикрывал свою правую половину тела от удара копья или же дубины, после чего рубил с плеча.

Прорвавшихся степняков, вырезали практически моментально. Дубины и слабая физическая подготовка полуголых дикарей, не шла ни в какое сравнение, с мощью гивейнских солдат. Их росчерки боевых серпов, косили по несколько противников за каждый удар.

Место прорыва, за считанные минуты, покрылось останками расчлененных варваров. По всюду лежали искромсанные части человеческих тел.

Степная трава в этом месте настолько пропиталась красной человеческой влагой, что в некоторых местах образовались кровавые лужицы и эта красная жижа, противно хлюпала под сандалиями чернокожих бойцов.

Результатом боя, который длился, как и предсказывала Сайра, всего пятнадцать минут, стал полный разгром степных выродков. Одни лишь метатели в первые же минуты боя отправили к праотцам около девятисот человеческих жизней. Сам строй порешил еще тысячу. Остатки испуганных полуголых людей, в ужасе отхлынули от гивенской фаланги и кинулись к своим всадникам.

— Не расслабляться. — Проорал Дерт. — Сейчас возможно будет атака наездников.

Строй передвинуться на двести метров вперед. Метатели, стали вырывать из тел пронзенных врагов свое оружие, после чего сгрудились позади своего сотника.

Однако, атака наездников не последовала.

Дерт с удивлением заметил, как не многочисленная группа угрюмых варваров, остановились на приличном расстоянии от гивейнского построения и дали волю своим волкам. Огромные степные хищники, ринулись в гущу живой плоти, которые еще недавно были их союзниками и принялись за свою страшную трапезу.

Дорога в Гивейн.

— Ну, прекрасная защитница, что скажите?

Сайра с ненавистью во взгляде посмотрела на наглую человеческую физиономию и посерев прошептала.

— Хорошо… Слово вурда дано. Я его не нарушу.

— М-г-м… Что же мне такое тебе пожелать!?… — многозначительно посмотрев на тело защитницы, Ахиллес причмокнул губами, от чего с лица Сайры, отхлынула практически вся кровь и оно стало неимоверно бледным.

— Ладно. — с усмешкой на губах, подытожил Ахиллес — Пока мне ничего не надо, но в скором времени, не сомневайся Сайра, я обязательно, что-то придумаю.

Так и не проронив ни слова, защитница пошла по следам каравана.

— Зря ты так Ахилл. Она ведь может и не выдержать и…. - херувим передал мысли — образ Сайры, пьющую из растерзанного человеческого горла, теплую пузырящуюся кровь.

— Но ведь я выиграл спор Арест!?! Причем ты тому свидетель. Разве нет?

— Все это так, только зачем тебе усложнять и так непростые отношения с этой самкой. Ведь скорее всего, тебе предстоит столкнуться с нею не где ни будь, а на песке Арены. Не злил бы ты ее, может она бы тебя и помиловала, а так у меня пока такое ощущение, что она не просто тебя убьет, но выпьет твою кровь, растерзает твое тело и его остатки, отдаст на съедение диким животным.

— Ладно поживем увидим. — мысленно ответил он Аресту.

— Сайра, смени свой гнев на милость. И подожди презренного человека… Вместе путешествовать всегда веселей. — последние слова Ахиллес прокричал в адрес вурдской самки.

От этого окрика, плечи защитницы самопроизвольно

съежились, словно от удара учительского хлыста.

Потратив три часа в дороге, они нагнали медленно бредущий караван. Михруаб был несказанно рад, снова увидеть всю боевую троицу в авангарде своего пути. Тракт был широк и удобно вымощен деревянным настилом изготовленным из все тех же стволов черного дерева.

Древесные исполины, словно немая стража, постоянно сопровождала караван на протяжении всего пути. Под кронами Маол, пробивалось очень мало света поэтому в подлеске, мог выжить лишь мох, грибы да странноватый на вид кустарник. Странным он показался ахейцу по той причине, что его ветки имели розоватый оттенок, а вот основание растения просто пылало алым цветом.

— Слушай Арест, что это за растение?

— Это Огненный Хлыщ. Здешние придворные маги применяют его в пищу. Его побеги сушат и перетеребив употребляют в пищу. Говорят, что от этого снадобья сознание очищается от скверны и разумный, может узреть своих богов и даже общаться с ними. — за прошедшие три с небольшим часа это были первые слова Сайры.

— А ты то откуда это знаешь? Бывала что ли здесь раньше? — удивился ахеец.

— Глупец. — презрительно ответила Сайра. — Я просто знакома с хрониками Аль-Азифа, которые ведутся древнейшими.

Ахиллес больше к ней не приставал и постепенно эмоциональный баланс защитницы пришел в норму.

— Что еще за маги? — решил поддержать завязавшийся разговор, спросил Ахиллес.

— Обыкновенные… Те — которым подвластны некоторые физиологические аномалии. Люди их прозвали колдовством.

— Вы что серьезно?

— Да. — ответил за Сайру херувим. — У тебя что, в твоем мире не было магов.

Ахиллес почесал свои пшеничные кудри и согласился.

— Жрецы были, боги соответственно тоже, наверное и маги присутствовали, но признаться ничего я не помню о том, что бы моя судьба хоть где-то пересекалась с этими людьми, поэтому я попрошу Вас обоих, ввести меня в курс дела. Чего от них можно ждать и так далее.

— Ну это так просто не объяснить Ахиллес. Тут нужно время. — херувим остановился и посмотрел на придорожные кроны Маол, но потом убедившись, что непосредственной опасности нет, пошел дальше своей величавой походкой.

— А я друзья мои, ни куда не спешу. Идти нам еще прилично,

так что попытайтесь.

— Я тебе не друг человек. — голос Сайры стал снова холоден, как вековые снежные пики извечных гор.

— А вот сейчас потребую исполнения своего желания и посмотрим друг ты мне или не друг. По крайней мере мы сразу выясним, так ли блюдет свое Слово раса вурдов, как о том, ты недавно нам поведала.

Защитница отвернулась, что бы не показать смертельный отблеск, снова промелькнувший в ее взоре.

— Я голодна…. Пойду поохочусь, а то, что-то меня, так и тянет попробовать свежей человеческой крови.

Ахиллесу сразу, как-то расхотелось дразнить красивую самку. У него, даже пропало желание плоти. Правда это желание, в скором времени вернется. Он уже убеждался в этом вновь и вновь. Стоило его взору остановиться на крутых бедрах Сайры, высокой груди и тонкой осиной талии, как он снова и снова представлял себе все перипетии любовных утех.

'Иди, иди. Все равно добьюсь своего.' — подумал он.

— Конечно. И после этого, лишишься своей крови. — появилась мысль Ареста.

— А ты не читай чужие мысли. Пока защитница, будет рыскать в поисках пищи, лучше объясни, что тут у вас за магия.

— Ну слушай… Человеческий вид, насколько я знаю, перевернула понятие о магии во что-то сверх непотребное и пугающее. Вы наделяете существ, которым подвластен тот или иной ее вид, всевозможными нереальными способностями. По вашим представлениям, маг может испепелить целую армию, или обрушить на город огненный дождь и так далее, а на самом деле все обстоит следующим образом…

Объяснял херувим долго. Но вывод был следующим… По его объяснению, каждое разумное существо, наделено, образно говоря, зачатками тех или иных магических сил. Вот, как эти способности, другой разговор. Практически всегда, для овладения скрытых возможностей, разумному, требуется во первым: научиться входит в самосозерцание, во вторых — часто вести аскетический образ существования. Например для того, что бы стать хорошим воином, человеку нужно употреблять в пищу много мяса. Если этого не делать, то его организму просто не хватит сил для овладения воинским искусством. А вот для того, что бы развить магические зачатки, человеку нужен просветленный ум, а это состояние, достигается частым голодание и поглощением исключительно растительной пищи. У других рас, все эти условия немного отличны, так как их физиология соответственно отлична от человеческого строения.

Тем не менее основы магии все равно фундаментальны. Херувимы делят магию на три вида: Зеленую, Красную и Предметную. В первой и второй все приемы и возможности сходны и идентичны, просто первый вид, направлен исключительно на сотворение СВЕТА (то есть творить бодро) второй ТЬМЫ (или причинять вред). Предметной магией, может овладеть как свет, так и тьма. Под словом магия, человек понимает следующее — Возможность индивида помимо воли разумного существа, прочесть его мысли и причинить ментальный вред. Или передвигать силой взора живую и неживую материю (левитация, телекинез). Заставить в короткий срок человеческое существо, подчиниться воли мага и выполнять любые его желания (Гипноз). Заставить разумное существо увидеть то, чего на самом деле нет(Отводить глаза), более того, поверить в это настолько, что ели тебе внушат, что сейчас к твоему телу приложат раскаленный прут, а взамен этого приложат ветку, то реакция организма, должна быть адекватной изначальному требованию, то есть тому, что внушал маг.

Предметная магия, сводится к следующему: Любое разумное тело, делится по мнению Ареста, на три составляющих. Дух(астральное тело) — то что неистребимо и является плотью бесконечности. Эфирное тело(душа) — энергетическая составляющая личности. После смерти физического тела, эта информационное Я личности соединяется в информационный план мира. Она подвержена изменению в плоть до уничтожения. В этом случае, данная энергия преобразуется в простейшие составляющие и потребляется животным и растительным миром.

Физическое тело — не может существовать без астрального. Если существо сотворено разумным, то к этим двум последним присоединяется и дух если же нет, то довольствуется лишь двумя составляющими (как у растительный и животный мир).

Любой предмет, обладает своей эфирной энергией. Например такая неживая материя как камень, обладает своим простейшим энергетическим полем. Маг способен внести в энергетическое поле камня, посредством своей воли, суть разрушения энергии. Если этот предмет долгое время будет соприкасаться с энергетическим телом другого разумного существа, то последний заразит свою астральную сущность, что в конечном итоге приведет к физической гибели организма. От этого принципа и происходят амулеты, реликвии и так далее. А одним словом все, что связанно с разрушением посредством злой воли и предметов, люди называют емким словами сглаз и порча.

— Ну а с твоей точки зрения Арест, я обладаю каким-либо даром?

— Конечно Ахилл, иначе ты бы не был тем, кем и являешься. Непобедимым воином своего народа.

— И какими же это качествами я обладаю? — удивился Ахиллес.

— Я долго размышлял над этим, и пришел к следующему выводу. Во первых, — ты по своему желанию способен в пасть в боевой транс. В этот момент, для тебя даже время замедляет свой бег, а твои противники двигаются, как будто им приходиться преодолевать какую-то незримую преграду.

— Да это так. А откуда ты это знаешь? Я тебе про это не рассказывал!

— …Но на самом деле, все ведь не так, — заметил, как ни в чем небывало Арест. — Они двигаются, как обычно, просто ты в своем трансе, способен предсказывать дальнейшие действия противника, видя как бы заранее то, что он хотел бы произвести.

— А что еще?

Арест посмотрел на человека, как бы решая для себя, говорить ему дальше или же нет. После непродолжительного молчания он продолжил:

— В те моменты, когда тебе хочется, ты вкладываешь в кончик своего меча внутреннюю силу. Проще говоря, ты мысленно настолько явно представляешь, что должно произойти после нанесенного тобой удара, что все это происходит в реальности. Поэтому те, кто превосходил тебя в физической мощи, всегда оставались повержены, так как не были способны сопоставить твою физику с мощью твоего концентрированного выпада.

— Выходит все это можно проделывать с любым предметом, будь то меч, палка или кулак?

— Да! Я вижу ты быстро схватываешь суть. Но если ты намерен развивать это и в дальнейшем помни, что сила губит свободу Духа и ее чрезмерное употребление приносит вред астральному составляющему твоей Триединой Сущности. К тому же, она превращает тебя в раба своих физических желаний и потребностей тела.

— Как это? — не понял ахеец.

— Ты начинаешь считать себя всемогущим и непобедимым, когда как раз постепенно начинаешь становиться уязвимым.

— Чего-то ты мудрено все объясняешь, ну да ладно. Я не философ, а воин. — Ахилл, принялся рассматривать лес в поисках давно ушедшей на охоту Сайры. — Как думаешь Арест с ней все нормально.

— Думаю да.

— А Сайра! Какой способностью обладает она с точки зрения

магии.

— Она как и ты может по желанию впадать в боевой транс, но в отличие от тебя она это делает мысленно. Тебе же, для проникновение в это состояние, необходимо движение своей физики. То есть, ты сначала разминаешься или же по ходу боя проникаешь в Сан-тор. — На немой вопрос человека Арест пояснил.. — Сан-тор означает божественная ярость. Но этим, ты ее и лучше. Несмотря на то, что она быстрее тебя может войти в Сан-тор, зато ты, искуснее ее видишь саму картину боя. И еще, ей подвластны силовые линии земли. С их помощью она может управлять своим телом непосредственно в воздухе. То есть, на человеческий лад, эта способность означает предрасположенность к левитации. Вот возьми например драконов. Неужели ты думаешь, что их перепончатые крылья, без достаточной мышечной массы, способны удержать этих тварей в воздухе. — окинув взглядом ахейца, Арест округлил глаза.

— Глупец… Они крыльями управляют, а регулируют свой полет, контролируя именно

силовые столбы материи.

Некоторое время они шли молча. Ахилл переваривал все выше сказанное. Много конечно он не понял, да и зачем ему. Но вот знание об способностях Сайры могут ему здорово помочь в дальнейшем.

— И последний вопрос Арест. Выходит, ты не только можешь читать мысли разумных, но и хорошенько прокипятить их мозг, усилием своей воли?

— Могу. — нехотя согласился херувим.

— Тогда чего же ты раньше не делал этого, например со мной, или скажем при бое с горным драконом.

— А как ты думаешь я его победил! Перекусив его шею что ли? Я как ты выразился прокипятил его разум, а потом и добил при помощи своих клыков. В противном случае я бы проиграл схватку. А на счет тебя… Дело в том, что проникать в чужое сознание, для причинения ему боли также противно как…. — Арест задумался — …Скажем вот тебе нужно достать ценный предмет вон из той кучи дерьма, оставляемых этими бездумными тварями — херувим мотнул своей гривой в сторону животных хунов. — И дерьма столь много, что для того, что бы его достать этот предмет, тебе бы потребовалось окунуться туда с головой. Как тебе такая перспектива?

— Пожалуй я бы лучше потерпел, когда его достанет кто-либо другой, а потом отобрал бы у него в честном поединке.

— Вот и я о том же. Зачем мне копаться в твоем дерьме, когда я могу в любой момент тебя уничтожить на физиологическом

уровне.

Ахиллес покосился на своего приятеля и больше ни о чем не спрашивая, принялся изучать здешние достопримечательности. На тракте все чаще стали появляться торговые караваны других рас.

Очень поразил Ахилла караван Панов. Он впервые лицезрел представителей этой расы Аль-Азифа. Ростом они были немного выше самого ахейца, однако имели сухопарое строение вполне человеческого тела. На голове Панов торчали два маленьких рога. Их ноздри были немного раздуты и срастались прямо на их волосатых щеках. Эти создания, были облачены в подобие овечьих полушубков и таких же штанов, из которых торчали их длинный волосатые хвост. Вооружены представители этого разумного вида, были обычными деревянными посохами.

По заверениям Михруаба, этот гивейнский тракт, ведущий к городской твердыне, был самым нелюбимым среди всех торговцев этого мира, так как для того, что бы попасть в Гивейн, приходилось делать изрядный крюк, а к лишним расходам и приключениям, никто из торговой братии не стремился. Паны вели на торг, целое стадо своих домашних животных, напоминавших чем-то земных овец, за тем исключением, что их домашние животные, были обладателями слоноподобных хоботов, которыми ловко поднимали с земли всю растительную пищу.

После своего часового исчезновения, из лесу выскочила Сайра. И как всегда, ее появление сопровождалось исключительно красивым спуском с больной высоты. По ее довольному виду и следам еще не свернувшейся крови на губах, было понятно, что самка кем-то пообедала, а значит для всего каравана хунов, минула еще одна неделя тревожного ожидания неминуемой смерти. Ведь могло случиться и так, что защитница могла прочувствовать голод именно в тот момент, когда вокруг бы не оказалось ни одного животного. Рабы рабами, но в такой момент пищей мог бы стать любой из торговцев. Все знали, когда вурды чувствуют голод, первым кто попадется им под руку и становится их законной пищей.

Вожак.

Белый посмотрел на бескрайние воды серединного моря. Моря где ни когда не властвовать его расе. Моря, где обитала ненавистная раса Нейрид. Хотя кого любили невры. Ни-ко-го! Панов презирали. Эти скотоводы, были с точки зрения остромордых, еще хуже чем люди. Те по крайней мери могли

воевать. Причем на равных, взять хотя бы жителей Сида, извечного врага Мирта. К тому же люди умели строить огромные лодки и занимались мореплаванием не хуже, чем сами властители надводных просторов(Мины).

'Властители'

— Р-р-р… — прокомментировал Белый свою же мысль.

А между тем их Конунг, ни как не мог решиться на открытое противоборство с подводным владыкой. Только эта черта не нравилась Белому в расе рогатых, а в остальном конечно, мины были достойными соперниками. Не то что эти паны.'

Существо издало гортанное рычание, от которого, тут же встрепенулись все морские пернатые, облюбовавшие здешний скалистый берег для выводка своих птенцов. Ладно пойду в Логово пора готовить отряд. Скоро люди Аргоса, прибудут на своих деревянных морских щепках и настанет время для долгожданного путешествия. Скоро, очень скоро мой первенец докажет всему Аль-Азифу, что именно невры с их клыками, являются лучшими воинами этого мира.

Вожак развернулся и направился к огромному холму.

Люди назвали бы это городом, а невры нарекли свою столицу — Логовом. В этом месте проживал весь вид этих злобных и безжалостных существ.

В своей неутолимой жестокости, волкоголовые превосходили пожалуй даже сургов, так как те, были все-таки полу разумной расой.

Свое центральное Логово, невры нарекли Миртом, в честь мира из которого когда-то, давным-давно пришли их далекие предки.

Логово был действительно городом. Просто оно располагалось в чреве огромного зеленного холма. Основной и запасные входы в Логово, всегда охраняли двадцать воинов.

Численность невров, сейчас достигала триста семей. В каждой из семьи, в год рождалось, по семь щенят. В Центральном Логове, проживало вместе до тысячи представителей этого разумного вида. В Мирте, как и в любом городе были свои улицы, дворцы и жилища. Свои амбары, тюрьмы и другие атрибуты обыкновенного человеческого поселения.

Каждая семья, жила в своей личной норе, которая однако не отгораживалась дверью. В норе было три комнаты, детская, спальня и обеденный зал. Невры обладали человекоподобным телом, которое покрывалось обильной жесткой шерстью. Они были не высоко роста, и из всей одежды признавали лишь кожаные набедренные повязки. На своих спинах, самцы укрепляли острые серповидные клинки, которые они называли

Клыками. Действительно их внешний вид, очень напоминал их передние резцы. Ножны, были расположены очень оригинально. Рукоять верхнего клыка выглядывала с правого волосатого плеча, а нижняя торчала с левой стороны поясницы. Если смотреть с сзади на спину невра, получалось что у него за спиной ножны клыков образовывали нечто вроде круга.

Белый, был верховным Вожаком всей стаи. И прозвали его Белым, не так уж и давно. Причиной — стала его шерсть. От возраста, она стала покрываться белыми седеющими пучками. То что Белый дожил до таких лет, было свидетельством его отважности, воинской мудрости и прекрасного охотничьего чутья.

Действительно, в этот круговорот огненного диска, народу волкогоновых везло. Под предводительством Белого, Логово окрепло и стало более сильным. Войны с сургами, были успешными и приносили много рабов и еды, для маленьких волчат. Даже болезни в этот круговорот миновали Мирт. Из-за этого ни кто из свободных, в этом году не позарился на его место вожака. А это бывает ой как редко.

Ну что ж, это хорошо, так как Белый решил передать право лидерства в своей стае, своему старшему отпрыску. Он молод отважен и проявил себя уже не один раз, как опытный боец. Теперь вот осталось только, что бы он прославил свое прозвище и его род, на весь мир. Белый верил, что в поединке с применением оружия, Грому не будет равных. Да и откуда им взяться. Люди берут сплоченным строем, а не умением владеть своим оружием. Паны, эти презренные скотоводы, хоть и опасны со своими деревянными шестами, но все равно не соперники. Пожалуй единственным кто может противопоставить себя невру это мин. Но мины, берут не искусством, а силой, и в этом их слабость. Кентавры? Пожалуй и с этим четвероногим противником, Грому придется повозиться, но Белый знал скорость и реакцию своего старшего щенка, поэтому верил в успех.

Подойдя к небольшому центральному входу Логова, Белый принял молчаливое признание своих воинов. Те, отсалютовали ему одним из своих верхних клыков.

Внутрь Логова, то и дело заходили или выходили многочисленные жители Мирта.

Все невры — самцы были воинами. И вся их жизнь заключалась лишь в том, что бы, как можно больше, принести в свою нору добычи. Их самки занимались хозяйством и присматривали за рабами. Выбирали кому и когда суждено стать едой для семьи. В общем, были домохозяйками, которые в прочем были не менее опаснее чем любой из самцов.

Туннели внутри Логова были не освещены. Невры одинаково

видели, как при дневном свете, так и при его отсутствии. Принимая по дороге дань уважения к своей персоне, от встречных сородичей, Белый наконец-то добрался до центральной норы Логова. В ее многочисленных ходах, содержались все самые важные и откормленные пленники их расы.

В столовом зале, Вожак встретился со своим младшим отпрыском. Малыш уже поменял окрас и стал обладателем вполне грозной челюсти. Почувствовав своего отца он кинулся и ласково потыкался своим влажным носом в лапу Белого. В обще-то, самцы не любили такие нежности, особенно когда это исходило от своих детенышей самцов, которым придется с возрастом перегрызть глотку своему отцу и матери дабы освободить место для своей личной семьи. Причем так как в семье на семейную нору могли претендовать несколько желающих, между ними проводились смертельные схватки, которые и выявляли будущего хозяина. Но Белый не даром был великим вожаком. Он постепенно менял взгляды своего народа разрушая старые заповеди их предков.

По его требованию стаи вели постоянные войны с сургами, при которых в неврское рабство попадало множество ящероподобных особей. Все они, каждый день занимались лишь тем, что расширяли недра Логова, что бы каждый достойный, смог завести свою личную нору. Все это делалось для увеличения популяции их вида.

Он потрепал Шустрого по загривку и велел позвать его мать.

Величественная занималась отбором очередного обеда. Она была в туннеле, где содержалась живая пища. Вожак имел право питаться исключительно человеченной, в то время как остальные соплеменники употребляли любое мясо!

Послышался испуганный крик и вот перед взором Белого появилась его самка, таща за волосы бездыханное человеческое тело.

— Легкой охоты Вожак. — в почтительном поклоне встретила его взгляд Величественная.

— И тебе того же. Как там наш выводок, все ли здоровы?

— Все Белый. Спасибо за заботу.

— А принцесса!? Не умерла еще от страху?

Величественная подняла бездыханное тело и положила на черный камень. После чего она своими когтями разорвала человеческую грудь и вырвав сердце жертвы протянула его своему самцу.

Белый с благодарностью принял вкусное лакомство, еще горячее от свежей крови. Облизав сбегавшие с дымящейся плоти красные струйки, отправил десерт себе в пасть. Доев деликатес,

Белый подошел к своей самке и утробно урча, пощекотал ей за правым ухом.

— Не хочу я, что бы ты уезжал. Мое нутро терзают смутные сомнения опасности. — прошептала Величественная.

— Я же объяснил, для чего все это. — он взял ее за вытянутый подбородок и посмотрел в ее серые глаза.

— Все будет хорошо. Я вернусь и мы с почтением передадим эту нору нашему сыну, после чего, в достатке и почете окончим наши дни.

— Детей у меня было много, а вот ты один. Пусть Гром отплывет на торг сам. Если ты был не прав в своем к нему отношении, он просто там погибнет, а ты воспитаешь нам нового Вожака. Ну зачем тебе соваться в мир этих людей.

— Величественная, ты же знаешь, мне там ничего не грозит. Во первых я еду с тремя воинами, не считая себя и Грома. Во вторых, — в месяц проведения Торжища, во всем мире утихают битвы и даже сурги почитают это правило. А на Торгу, что может со мной случиться? Ни-че-го! А вот если в схватке Гром погибнет… Что ж, видать я действительно в нем ошибался.

***

Принцесса Мия, чуть с ума не сошла, когда ее захватили в плен отряд невров. Ее не спасли ни два десятка отборных самарина отца, ни быстрые ноги ее Му. Она как ни кто другой знала, что ожидает ее и остальных пленников, в страшном и темном Логове этих волкообразных тварей. Смерть. Причем жуткая смерть. Теперь они стали просто пищей. Ее долго несли чьи-то плечи. Она всю дорогу видела лишь волосатую спину своего пленителя. На одном привале, невры изнасиловали, а затем и пожрали одну из фрейлин. Мия тогда во второй раз потеряла сознание. И очнулась уже только в этой темноте. Она оказалась в загоне, где содержались такие же пленные, как и она. Сурги были заперты на против. Полуразумные ящеры то и дело голодными взглядами 'пожирали' своих невольных соседей. Ведь они питались лишь остатками со стола своих хозяев и были поэтому постоянно голодными. Сколько раз ее за волосы вытаскивали в общий обеденный зал, где ее хозяев, пожирали ее соплеменников. Не счесть.

Мия давно бы уже потеряла рассудок если бы не вожак всей этой ненавистной расы. Белый узнал, что добычей его сына, стала не кто ни будь, а сама принцесса Сида. Поэтому еще в первые дни своего заточения, Мия узнала, что не станет просто пищей и что ее дальнейшая судьба решится на торжище Гивейна. Вожак решил

сделать ее призом для этих кровавых соревнований, на которых когда-то и ей доводилось побывать в качестве почетной гостьи тамошней царицы. Только это и заставляло принцессу не потерять окончательно рассудок от всего здесь увиденного и пережитого за последний месяц. В прочем, ее положение было не таким уж и ужасным. Ее хорошо кормили растительной пищей, давали возможность совершать омовение тела. Белый не хотел, что бы его главный приз, выглядел как кусок протухшего мяса.

Послышались шаркающие шаги. Затем Мия почувствовала, что открылась ее клетка и кто-то очень сильный и злой, схватил ее за волосы и потянул на себя. Она вскрикнула и подалась в перед.

— Что ж принцесса! Настал день, когда ты снова увидишь свет и своих соплеменников. Мы отправляемся на Торг.

Это был ненавистный Вожак невров. Он подтолкнул ее и повел по темным коридорам Логова. На встречу, им попадались темные силуэты, которые впрочем быстро уступали дорогу их молчаливой процессии.

Дневной свет больно резанул по глазам. Добрых три часа принцесса провела с сильно зажмуренными очами, не в силах посмотреть на белый свет. Месяц заточения в абсолютной темноте, сказался болезненным слезотечением. Когда зрение восстановилось, Мия со страхом осмотрела то место, куда ее притащило, чье-то мускулистое и волосатое плечо. Перед ними был морской пляж, к которому причалила небольшая лодка. Лодка в которой сидели Люди Аргоса. Люди с белоснежными волосами и бледной кожей, люди извечные враги Сида. Но зато, это были ЛЮДИ!

Что ж, наверняка ее отец пошлет на растилалище лучших воинов ее родины. Быть может им удастся при помощи богов, спасти свою принцессу и тогда, она снова вернется в свой родной город.

'И уж если это произойдет, я никогда больше не покину его стен.' — дала себе принцесса мысленный зарок.

***

Моряки Аргоса были не довольны своим капитаном. Как можно было войти в сговор с Вожаком Мирта? Да, богатства обещанные за доставку представителей Мирта на южные берег Аль-Азифа, были велики. Шутка ли сказать целый сундук медных палочек.

В этом мире метал был мерой денежного эквивалента. Самой ценным считалось железо, затем бронза и медь. Золотом,

пользовались исключительно в декоративных целях. Его добывалось настолько много, что золотые ложа, утварь, элементы одежды и так далее считались у аристократии неотъемлемым элементом обихода и в данном случае дорого стоило не само золото, а труд и эстетический вкус самого мастера.

Но и риск был безмерно велик. Минам ведь было все равно, наступил ли месяц Торга или нет. Повстречают в море торговцев. Потребуют непомерную дань. Не отдашь требуемого, вырежут всех немногочисленных воинов, гребцов в себе в рабство, а корабль, предадут огню. Кому тогда будет нужен этот обещанный сундук!?!

Когда на корабль, погрузили все личные вещи волкогоновых, на палубу взошли их хозяева. Все матросы заметили испуганную девушку, которая была бледнее чем парусина их главной мачты. Аргосцы смущенно отводили глаза. Никто не решался смотреть в глаза пленнице, так как каждый знал, через что прошла эта несчастная.

Всю эту компанию, по заключенному договору, нужно было высадить в землях подвластных кентаврам. От побережья, до их золотого престола, было пять дней ходу. Далее неврам следовало добраться до Ассары или по крайней мере до наезженного торгового тракта. По нему обычно часто шныряли караваны гоблинских торговцев. Ассару от самого Гивейна разделяло также пять дней переходов.

Плавание выдалась на удивление спокойным. Морские боги в эту поездку благоволили экипажу и его пассажирам. Дул попутный ветер, и гребцы, что были навечно прикованы к весельным скамьям, частенько тревожили слух своими занудными песнями. Галлера Аргосцев по странному стечению обстоятельств разминулась даже с дракаром Минов. Это стало самым знаменательным событием, которое произошло с каждым из экипажа галеры за всю их жизнь. Обычно минотавры, всегда грабили все встреченные ими в походе аргоские галеры. Столь удачное плавание, могло бы превратиться вообще в увеселительную морскую прогулку, если бы на заре четвертых суток, на них не было совершенно нападение морского народа.

Солнце стояло высоко в зените. Большая часть экипажа уже посапывала после сытного ужина, как вдруг впереди смотрящий, проорал, что с право по борту, он видит приближение воинов нейрид. Подводные витязи, приближались к кораблю на глубине в пол метра, поэтому, их передвижение было без труда замечено молодым юнгой. Нейры были облачены в свои обтекаемые доспехи из кожи спрута и неслись на своих быстроходных морских конях.

Судя по выражению их лиц, последние были явно не прочь пролить сегодня красную человеческую кровь. Обитатели глубин обладали фосфорическим телом, которое светилось в ночи не хуже любого прибрежного маяка. Они были двуруки и имели на каждой почти человеческой кисти четыре пальца, которые были соединены между собой тонкими перепонками. Голова этой расы чем-то напоминала человечью, а вот от человекоподобного торса ниже располагались две мощные конечности, оканчивающихся ластами. Поговаривали, что ниже пояса их женщины имели рыбий хвост. Но это все были слухи, так как еще ни кто из сухопутных не мог похвастаться тем, что хоть раз имел счастье лицезреть подводных представительниц морского народа.

Как всегда, неириды были вооруженные тонкими гарпунами, концы которых увенчивали, острые как бритва, кости морских обитателей глубин. К их концу были прикреплены, что то вроде липких нитей. Таким оружием, морской воин, поражал из под воды свою жертву, после чего, его конь уходил на глубину и загарпуненный моряк, камнем шел следом.

Первые выпущенные со страшной скоростью гарпуны, тут же проредили человеческую массу. Пять матросов мигом стали жертвами грозных морских воителей. Капитан галеры, попытался организовать отпор. К правому борту были посланы лучники. Однако он не хуже чем любой другой моряк знал, лук и стрелы в данной обстановке были бесполезны. Неириды бросали свое смертоносное оружие из под воды. Их сила в эластичных мышц была настолько велика, что брошенный гарпун поражал насквозь даже черные гивенские щиты. Отпор можно было дать только в том случае если бы воины глубин, попытались бы захватить саму галеру.

Морякам повезло и на этот раз. Нейрид было всего пять особей к тому же эти существа по всей видимости принадлежали к дворцовой страже одного из подводных князей и сейчас просто забавлялись своей ловкостью и силой. Утащив в свои морские глубины еще парочку аргоских моряков, подводные воины скрылись так же неожиданно, как и появились.

— Нам еще повезло, что эти сволочи напали в открытую, а не дождались ночи. Иначе они могли бы попытаться перерезать и весь экипаж. — Капитан судна проронил свои мысли в слух, но его хорошо услышали все невры, которые не скрывая испуга появившегося в их черных зрачках, лицезрели молниеносную атаку морского народа.

На пятый день, морское путешествие наконец-то завершилось и небольшая лодка галеры, высадила на прибрежный песок, всех своих волосатых пассажиров и их единственную человеческую

пленницу.

До столицы кентавров, маленький отряд добирался без особых приключений. Еды хватало. Воины Мирта с легкостью выслеживали как двуногую, так и четырехногую добычу. В маленьких людских поселениях невры требовали и человеческой еды для своей пленницы и конечно же тут же все получали.

Стражей границ, они повстречали на второй день своего путешествия. Кентавров было всего двое. Узрев еще издали их небольшой отряд, они быстро скрылись и уже в скором времени на бескрайнем горизонте саванны, появилась быстроногая армия.

После уплаты необходимой пошлины за то, что невры питались людскими подданными империи, а так же за возможность беспрепятственного прохода через земли всего Золотого Престола, Белый наконец-то успокоился. Больше на их пути не должно возникнуть ни каких особых преград. Один день они погостили возле Ассары, в волю налюбовавшись затейливыми постройками здешней столицы. Дождавшись очередного каравана, они нанялись к гоблинам в качестве стражи. Службу они несли исправно, за что снискали к себе уважения главы гоблинского каравана.

Уже на седьмой день нудного путешествия, Вожак узрел третий великий город человеческой расы. Гивейн действительно потрясал всех разумных, которым хоть раз посчастливилось лицезреть это удивительное творение человеческого гения.

Город государство Гивейн.

Три одинокие фигуры, стояли в стороне от торгового тракта и смотрели на длинные вереницы торговых караванов, что скрывались в необъятной пасти Гивейнского торжища. Для того, что бы на него попасть, им было необходимо просто выйти из под крон Маол и пройди несколько сот шагов.

— Вот это да! — вот и все, что смог произнести после увиденного, удивленный ахеец.

А посмотреть действительно было на что. Среди необъятного леса, находилась огромная рукотворная лесная поляна. Для того, что бы это сотворить, потребовалось не одно столетие. При помощи огромных ящеров, люди планомерно выкорчевывали плоть леса и строили то, что сейчас предстало взору удивленного Ахиллеса. Он не взялся бы за сказать, какова точная высота этого сооружения. Гивейн был Пирамидальной постройкой,

возведенный из прочных стволов МАОЛ. Первый ярус или ступень, как ее называли местные уроженцы, имела около тридцати метров, а в диаметре занимала не меньше одного километра. Вторая ступень возвышалась над первой еще на пятнадцать метров, третья над второй на десять. Четвертая была чертогом местной царицы. Пятой ступень, предназначалась для сбора дождевых вод при помощи которых работала санитарная система этого города. Благо осадки здесь были далеко не редкость. По рукотворным желобам вода подавалась в общественные отхожие места. Все нечистоты сливались в глубокий колодец, прорытый до грунтовых вод этого плато. Каждая из последующих ступеней была меньше в диаметре на одну треть. У города не было ворот. Эту функцию, здесь выполняли огромные трапы, спускающихся с первого, второго, третьего и четвертого ярусов по желанию местной стражи. При помощи хитроумных механизмов, для того, что бы почетные гости города могли пройти непосредственно на дворцовый ярус, эти трапы соединялись в одну единый мост-лестницу. Жителей в этом странном месте, насчитывалось около десяти тысяч. Жили они внутри закрытого четырех угольного пространства, куда никогда не проникал дневной свет. Внутри постоянно горели бесчисленное множество каменных жаровен. Топливом служил сушенный помет местных тягловых ящеров. Пространство было поделено на всевозможные многоэтажные яруса, которые в свою очередь делились на жилые и общественные помещения. Простые гивейнцы: кузнецы, гончары, плотники и другие граждане этого общества, жили на первом ярусе. Второй, отводился для проживания военных и их семей, третью ступень занимала местная знать, четвертная же служила дворцом правителей этого города.

Над крыше каждого яруса располагались места отдыха того или иного сословия (столовые игорные и публичные дома и так далее). Каждая ступень была обведена бортами в пол человеческого роста. Именно из-за этой преграды воины и осыпали нападавших градом каменей и дротиков.

На парапете дворца, был разбит удивительный рукотворный сад, где могли отдыхать только приближенные самой Гивейнской царицы. Рабы и хозяйственные постройки располагались на земле. Рабов, ни кто и ни когда не сторожил, так как выбраться из леса в ночное время, даже по торговым путям было практически невозможно из за древесных прожорливых тварей. Зато использования огня в бараках рабов, жестоко каралось мучительной смертью. В дневное же время, труд рабов сторожили выдвинутые из этой же среды, жестокие надсмотрщики.

Прямо перед центральном трапом, располагался огромный торг, на котором по рассказу Михруаба, можно было купить любое изделие изготовленного, как местными, так и другими мастерами всего Аль-Азифа. После оканчивался великого Торга, это место расчищалось, убирались шатры и палатки торговцев и образовывалась огромная площадь, которая и служила местом для гладиаторских боев. Именно на этих боях и выявлялись герои. Те о которых потом складывались легенды и к которым благоволили боги всех рас.

— Значит Арест в город нас не пропустят. Это привилегия граждан и почетных гостей.

— Да Ахиллес. К сожалению это так.

— Где же мы тогда расположимся на время всего торга? Не спать же постоянно в лесу Тьма меня побери!?

— Для этого есть гостевые станы. — хмуро объяснила Сайра. — Но для того, что бы тебя там приютили необходимы палочки.

Ахиллес смотрел на живое разумное море, в котором можно было различить любых представителей всех разумных видов Аль-Азифа, размышлял над тем, как ему раздобыть эти проклятые палочки. Жить в лесу он не хотел. Царь он или не царь в конце-то концов.

— А ты куда направишься достопочтенная? — он посмотрел на Сайру.

Ему и в самом деле было интересно, что намерена делать защитница. Как там не крути, но она была существом, которое наверняка в ближайшее время может стать его основной противницей за призовым товаром.

Известно куда, пойду к Гоблинам и заберу свой багаж, после чего, отправлюсь в гостевой лагерь.

— Сайра, раз уж я и мой друг имеем честь быть знакомы с тобой лично, не одолжишь ли ты нам немного твоих денег?

— Нет. — холодно ответила защитница.

— Мда… Тогда подскажи мне каким образом я бы мог заработать эти палочки.

Вурдская самка посмотрела на море построек и шатров и с сарказмом в голосе изрекла.

— Царю будет нелегко это совершить. Ведь для того, что бы заработать, надо работать словно слуга.

Ахилл нахмурился. Постоял, подумал и решил для себя, что это их последний разговор. Повернувшись к ней спиной и потеряв к защитнице интерес, он погладил херувима по загривку и сказал:

— Что ж Арест пойдем на торг, а там разберемся что да как.

Арест посмотрел на человека, затем на Защитницу и не

соизволив ответить направился в сторону великого торга. Сайра долгим взглядом проводила эту странную парочку и долго боровшись с своем естеством, прокричала.

— Подождите… Я согласна разделить с вами от щедрот своего клана.

Оба приятеля остановились. Ахеец окинул защитницу презрительным взглядом и не проронив ни слова, оба приятеля слились с толпой.

***

— Что ж мы делать то будем Арест?

— Известно что. Сейчас найдем место для публичных боев и там ты за вознаграждение сразишься с парочкой местных бойцов. — херувим покосился своим правым глазом на очередного человека, который при виде его персоны плюхнулся на землю и стал на него молиться.

— И что они согласятся? — удивился человек.

— Конечно. Это же самое популярное развлечение на любом торжище.

Шатры Аргосцев, деревянные строения гивейнцев, кибитки гоблинов и множество других строений, создавали своего рода улицы. Прямо возле них шел торг. Пробовали все. Каждая из торговых точек, предлагала на выбор любого покупателя, любой товар. От пищи и рабов, до оружия и разных ездовых созданий. Пестрота и многолюдность, просто кружила голову. Везде стоял невообразимы шум и гам. Кто-то кричал, хваля во весь голос достоинство своего товара. Кто-то наказывал своего нерадивого раба. Одни выли от боли и страха, другие радовались и смеялись своим удачным торговым операциям. Зато по ходу движения, ахеец заметил, что вокруг их немногословной компании, постоянно образовывалось небольшое пространство. Все, удивленными глазами глядели на странного человека невиданной расы, который прогуливался по улицам торжища в сопровождении легендарного крылатого существа, чья раса когда-то давным-давно отстояла право на жизнь у самих повелителей ветров — ДРАКОНОВ.

'Зато по крайней мере, никто нам не отдавит ни ног, ни лап! Правда ведь Арест' — подумал Ахиллес.

Однако тот проигнорировал его шутку. Херувим целенаправленно вел человека сквозь многотысячное чрево торга, к одному из громадных шатров, где согласно его знанию, и располагалась бойцовская арена. Наконец, подойдя в плотную к пологу шатра, вход которого преграждали два угрюмых человека,

Арест облегченно подытожил.

— Пришли.

— И что теперь? Бить им морду!? — мысленно поинтересовался он у своего спутника.

— Ахиллес! Я все больше склоняюсь к мысли, что твое понимание юмора, несколько странно. На мой взгляд в пору лечить твою психику.

— Вот, вот. И я о том же. Возрожден в мире где человек лишь пища сам ни бельма не помню о своей прошлой жизни, кроме разве, что основополагающих способностей, а тут еще повстречал существо принадлежащее к отряду кошачих, которое оказывается разбирается еще в искусстве комедии и риторики.

— Сейчас как двину тебе по голове своей лапой, в раз все вспомнишь. — Арест видимо был не в духе.

Ахилл благоразумно пропустил мимо сознания последнюю мысль и принялся рассматривать людей преграждавших им вход. Они были выходцами Аргоса. Высокие, гибкие фигуры. Тела словно изваяны творцом из одних сухожилий и канатов мышц. Мышечная массы впрочем не много, но сила, в их телах чувствовалась. Белые длинные волосы, были собранные на затылке в хвост. Красные зрачки, бесстрастно взиравшие до этого момента на огромную толпу и тут же принявшие округлую форму, как только различили в толпе фигуру херувима.

— Мира вам торговый люд. — поприветствовал Арест двух аргосцев.

— И тебе перворожденный трудной охоты и достойных питомцев.

После ритуальных приветствий, две пары глаз стали всматриваться в друг друга, словно пытаясь выиграть схватку. В чем бы эта схватка не заключалась, выиграл ее разумеется Арест. Херувим лишь слегка коснулся своим ледяным желанием теплого человеческого сознания, как тот, тут же отвел свой взор и раболепно прошептал.

— Что желает господин?

— Войти со своим… спутником внутрь.

— Для нашего хозяина, ваше присутствие на боях станет честью для всего Дома. Но вы господа, должны заплатить за вход.

— Однако. — глаза херувима стали раскаленным солнцем, готовым испепелить этих двух червей.

— Наш шатер лишь для аристократии и крупных торговцев. — еле слышно прошептал первый.

— То есть ты намекаешь, что я недостаточно знатен, чтобы переступить порог вашего шатра?

Ахиллесу стало понятно, что неверный ответ и судьба двух

охранников предрешена. Стоит им сейчас лишь косвенно сморозить какую-либо чушь, и их головы в следующее же мгновение покатятся по земле, сорванные от одного единственного удара херувимовой лапы.

— Нет господин проходите. Для нас это честь.

Потеряв к охранкам всякий интерес, Арест гордой походкой направился внутрь. Ахилл последовал за ним. Один из охранников с ненавистью посмотрел на человека, который, как он считал, был рабом херувима. Но потом, оценив странные доспехи, перекинутый за спину щит и удивительный шлем он… В следующий миг, охранник повстречался своим взором с блеском холодных голубых глаз, в которых чувствовалась мощь средиземных морских стихий и понял, — ни какой ОН НЕ РАБ. И даже НЕ СЛУГА. Он тот, о котором в скором времени будут слагать даже не легенды, а мифы. Он увидел это отчетливо, так как был — магом. Причем не самым последним в этом мире.

Проиграв схватку с херувимом, чего в принципе и следовало ожидать, он решил отыграться на его, как он думал рабе и… Снова проиграл.

— Диорен, сообщи хозяину, что к нему направляются важные гости. — обратился маг ко второму охраннику и тот незамедлительно дернул за красный шнур, звонок которого оповещал хозяина и предупреждал, что под своды его шатра направляются очень важные гости.

Полумрак этого странного сооружения, неприятно удивил Ахиллеса. Он привык к простору и солнцу и не хотел снова погружаться в ночь средь бела дня. Он решил не зыркать зря по сторонам, все равно ничего не видать, хотя внутренним сознанием чувствовал, что за ними наблюдают во все глаза и глаза эти, привыкли повелевать сотнями и тысячами, а значит их хозяева опасны. Тут к ним навстречу вышел хозяин всего этого заведения. Хозяином оказался Пан. Его силуэт четко вырисовывался в полумраке помещения освещаемого слабым светом едва горевших масляных ламп. Нечеловечески глубоко посаженые глаза. Среди короткой курчавой шевелюры, четко просматривались два небольших рога. В низу подбородка росла длинная козлиная борода. Вполне человеческая фигура была облачена в простую серую тунику. Вместо человеческих ступней, красовались широкие копыта.

— Я приветствую… — Пан тут же осекся.

Он ждал саму царицу Гимину, которая изъявила желание, тайно почтить самую достойную арену торга. А тут на тебе. Херувим и какой-то человечишка и его Триэка оторвали от приготовления царской ложи?

'Ну и задам я сегодня порку этому Диорену. Хотя если и Диорен и Ставрог не смогли объяснить этим гостям, что сегодня проводится закрытый бой, значит, что-то тут не так. Хотя действительно чего это я храбрюсь? Передо мной же не кто ни будь, а ХЕРУВИМ — что б ему не ладно было. Мда Триэк… Стареешь!'

— Вот именно Триэк. — мысли Ареста появились в голове Триэка неожиданно, вызывая при этом слабый намек на головную боль.

'Боги небесные, для него ведь мои мысли, что пергамент для ученного'

— То же верно пан. Теперь осмысли то, что я тебе сейчас объясню.

— Да господин. — наконец выдавил Триэк.

— Во первых, ты видишь сзади меня человека.

— Да господин. — глаза пана с удивлением уставились на щурившегося в его сторону ахейца.

— Сегодня он будет биться с любым из твоих бойцов. Нашей порукой будет его бронзовый меч.

Триэка прошиб озноб. Заполучить бронзовый меч, который стоил, как пятьдесят здоровых рабов, это искушение ради которого он бы пошел на многое. И слову херувима можно верить безоговорочно. Такой не обманет… А значит, он так уверен в этом странном человеке, что видать не сомневается в итоге схватки. Что ж… Это он пожалуй зря. Не даром Пан Триэк — содержит самую престижную арену Торжища. Все эти мысли пронеслись в голове пана столь стремительно, что даже херувиму не удалось познать их содержание, так как хозяину удалось их экранировать.

-..За это ты дашь нам двадцать медных прутьев. А сейчас накрой нам место вон возле того столба. — мысли херувима были жестки и непреклонны.

— Прошу прощенья перворожденный, но то место занято. Мы разместим вас в не менее удобном месте. И я согласен с условиями. Они справедливы. Но для начала ваш… Человек должен провести показной бой, для того, что бы я смог убедиться в его способностях.

— Хорошо пан. Да будет так.

— Что ж, мой раб проведет вас к месту отдыха, а о начале боя, я объявлю во всеуслышание. К стати почтенный херувим, как объявить вашего бойца? — услышав мысленный ответ, он с поклоном удалился и дав знак людскому рабу, что бы тот обслужил клиентов.

Их разместили в противоположной стороне от желаемого места. На покрытом мягком ковре хунской работы, перед

друзьями разложили многочисленные блюда. Среди вполне человеческой еды (жаренных кусков баранины, хлеба, сыра, большого блюда с всевозможными фруктами), на ковре поставили и огромную деревянную миску с недавно освежеванными кусками антилопы, а также миской чистой родниковой воды. Ахилл аккуратно сложил рядом сой щит и копье, после чего, принялся снимать с себя бронзовые пластины и оставшуюся кожаную одежду. Наконец, его глаза привыкли к полумраку царившему в этом шатре и он, что называется, воочию увидел почетных гостей этого заведения. Как того и следовало ожидать, посетителей было немного. Они располагались прямо на земле, возлежа на похожих мягких коврах и тихо переговариваясь со своими соседями. Большинство бросали удивленные взгляды в сторону их страной парочки. Когда же Ахиллес скинул свою одежду, среди всех гостей поднялся удивленно возмущенный гул, на что ахейцу было честно признаться наплевать. Он разлегся на мягком ковре, на котором были причудливо вышиты какие-то непонятные знаки и принялся за еду. Куски прожаренного мяса были великолепны, а вот то, что он принял за вино, оказалось соком местных ягод. Напиток был терпким и неприятно обжег небо. Решив больше не прикасаться к столь странному питью, он привстал и зачерпнул из миски херувима своими ладонями ключевой воды. Она была очень холодной, но зато имела приятный вкус. Утолив свой голод, Ахиллес взял один из экзотических фруктов и с удовольствием впился в его румяный бог. На вид это было яблоко, на вкус финики. Смотря на то, как один за другим, кровавые куски антилопы исчезает в ненасытной утробе Ареста, Ахилл хмыкнул и принялся того расспрашивать о предстоящей схватке. Херувим с охотой поделился своими размышлениями.

В центре бойцовского шатра, располагался невысокий помост, огражденный толстыми ленными канатами. Он был довольно большим. По окончании схватки, выйти за его пределы должен был только один противник. Другого должны были вынести. Правил не было. Можно было кусаться, лягаться словом делать, что угодно лишь бы одержать победу. Считалось, что если боец не мог или не хотел встать с помоста в течении двадцати ударов медного гонга, ему засчитывалось поражение. Схватка проводилась без оружия. Обычно люди в таких соревнованиях проигрывали нелюдям, так как естественно, человек не мог поспорить с невром, который от рождения обладает мощной челюстью или например с полу разумным сургом, который одним ударом своих когтей пробивает медный доспех. К тому же, считалось, что любой бойцовский стиль, который разработала та или иная нечеловеческая раса, на пол головы выше любого из

человеческих.

'Поживем увидим'. - хмуро отметил про себя Ахиллес.

Тем временем в помещении произошло странное шевеление. Сперва во внутрь проскользнуло пара чернокожих великана. Они были вооружены, как говориться с ног до головы. Длинные прямоугольные щиты, в верху имели округлую форму. Они прикрывали левую сторону воинов. В руках их было по одному дротику, а за поясом их широких кожаных ремней, опоясавших бело-тканные юбки, были приспособлены по одному боевому серпу. Пошептавшись с хозяином арены, один из них скрылся за пологом входа и тут же появился во главе целой процессии. Среди ново прибывших, без сомнения важных персон, выделялась красивая женская фигура. Она была облачена в вызывающий по местным меркам наряд. Обнаженное черное тело было прикрыта прозрачной Сидской материей, прозванной на Аль-Азифе парчой. Прищуренные серые зрачки, привыкшие видеть раболепие и смирение, бесстрастно оглядели темноту и остановились на заинтересованном человеческом взгляде. Женщина долго рассматривала странного человека и лежащего рядом с ним херувима, после чего мелодичным голосом, что-то прошептала одному из своих сопровождавших и направилась к отведенному для нее месту. Это было место, которое первоначально хотел занять Арест. Неожиданно место схватки стало хорошо освещенным. Это рабы Триэка освободили полог, который прикрывал с верху конус огромного шатра. Место предстоящей сватки, осветилось солнечным светом. На арену вышел хозяин и зычным голосом на едином языке, продекламировал начала боев. Пронзительно ударил медный гонг.

Объявляю первый бой. Он показателен, а по сему интересен в двойне. На ринг вызывается царь Ахиллес.

По помещению прошелся удивленный вздох.

Иди это тебя. — Херувим насытился и сейчас словно ленивый кот, вытягивал свои конечности.

'Слышу не глухой'

Ахиллес поднялся и снова зал недовольно охнул увидев обнаженное человеческое естество. С этого мгновения, он прекратил обращать внимание на посторонний шум. Он стал сосредотачивать свое сознание думая только о предстоящей схватке. Он легко перескочил через канат и стал разминать тело. Посмотрев по сторонам, ахеец теперь не смог различить ни одного зрителя. Контраст света и полумрака был разителен. Пожав плечами, он облокотился на один из канатов и скромно стал ожидать своего противника.

Стоящий, посреди своей арены пан, еще раз поглядел в

сторону спокойно стоящей обнаженной фигуры и прокричал имя очередного бойца. Им оказался второй охранник, которого Ахилл уже повстречал возле полога шатра. Боец был обнажен по пояс. Его белокожее тело было покрыто боевыми шрамами и татуировками в форме морского змея извивающегося на фоне бушующих вод. Бойца встретили дружными рукоплесканиями. 'Видать он здесь знакомая фигура!' подумал Ахилл.

Сейчас бойцы продемонстрируют свое индивидуально искусство для того, что бы почтенная публика попыталась оценить бойцов и сделать свои ставки.

Первым в центр помоста засыпанного желтым морским песком, вышел Диоген. Ахиллес с удивлением стал наблюдать, как тот принялся быстро месить окружающее его пространство, своими ударами рук и ног. Этот стиль вызвал у Ахиллеса нечто вроде улыбки. Когда Аргосец закончил и настала очередь показать свое мастерство ахейцу, он подошел вплотную к своему сопернику и тихо прошептал тому на ухо.

— Воин! Твоя борьба удивительна, но прошу тебя… После того, как окажешься поверженным, не сопротивляйся и тогда я клянусь тебе… — Ахиллес положил свой правый кулак на левую сторону груди — …что не причиню тебе боли. Ты конечно можешь для длительности боя продемонстрировать еще парочку своих трюков, но прошу тебя не сильно усердствуй. Я не любитель самоистязаний. И помни! Ты проиграешь самому Ахиллу, а это уже само по себе честь.

После услышанного, светлая кожа аргосца стала белее снега. И было совершенно не понятно: толи это следствие гнева, толи страха?

Честно предупредив соперника о возможных последствиях, Ахиллес направился в свой угол. Из темноты донесся удивленный и протестующий гомон. Все присутствующие поняли, что этот чужеземец, посмевший назвать себя царем, не соизволит продемонстрировать присутствующим своего стиля и мастерства.

Быстро смекнув, что к чему, Тирек выбрался из-за канатов и подал сигнал к началу боя. Три долгих удара ознаменовали, что бой начался.

Передвигался аргосец, с точки зрения Ахиллеса, как-то не продуманно. Он вечно подпрыгивал на одном месте, будто бы переминался с ноги на ногу.

'Ведь он постоянно теряет опору. Такого с одного удара можно вывести с равновесия.' — Мысли в голове Ахиллеса жили своей, собственной жизнью.

К сожаленью аргосец не воспринял слова Ахиллеса всерьез. Проведенная им атака была стремительна и неимоверно

болезненна. Мало того, даже со стороны было понятно, что она показательна!

Диоген понимал — что-то с этим голубоглазым не так. Держится спокойно, относясь ко всему окружающему с заметным снисхождением. Еще эта странная речь!?! Все это очень не нравилась Диогену. Не даром даже его напарник — маг, изменился в лице поле того, как заглянул этому красавцу в лицо.

'Что ж. Как бы там ни было, но я должен отработать для начала сой хлеб и почетное звание телохранителя Тирэка. А там уж будет видно, что за птица этот хмырь.'

Первым выпадом правой ноги, он заставил противника отскочить назад. Отпускать на длинную дистанцию его не следовало. Голубоглазый был достаточно рослым для того, что бы вести дальний бой, к тому же его физическое превосходство было налицо.

Перед любой схваткой учитель всегда напутствовал Диогена словами:

— Боишься или сомневаешься — нападай первым, а в дальнейшем для закрепления достигнутого результата выйди на короткую дистанцию. Полагайся на свои рефлексы. Пусть твое тело само вспомнит познанные тобой уроки ведения ближнего боя.

Поэтому Диоген, после пробного выпада, решил перевести схватку в ближний бой. Оказавшись возле своего противника, он принялся молотить по телу соперника и его голове, ладонями, кулаками и локтями. Удары были коротким, молниеносными и бесспорно болезненными. На своем пути его молниеносная атака встречала простые уклоны и странные блоки. Большинство ударов, направленных в корпус, достигли своей цели.

Резко отскочив от своего противника, он с удивлением для самого себя отметил, что данный тип оказался совершенно не знаком с куншу. А раз так, то чего бояться? Против знатока боевого стиля куншу, разработанный самими вурдами, не мог устоять даже невр. Этак наука ближнего боя, держалась вурдами в строгом секрете. Для того, что бы обучиться этому стилю, Диоген продал все свое состояние и уйдя на долгих десять лет в Сириуские леса, стал учеником одного из самцов вурдов. После внесения платы, его учитель укусил Диогена, после чего тот стал официальным рабом выбранного им вурда. Хозяин все десять лет, пил кровь своего ученика, в замен обучал премудростям великого стиля. Для того, что бы выжить, Диоген был вынужден питаться сырым мясом. И дело тут не в том, что в Клане было мало человеческой пищи. Нет. Просто организм мутировал, становясь по своей структуре крови, схожим с вурдским. После окончания

обучения, аргосец был освобожден от рабства и отпущен в мир со страшным знанием и навечно изменившимся метаболизмом.

Свою вторую атаку, аргосец снова решил провести с дальней дистанции. Необходимо было убедиться в полной беспомощности противника. Диоген снова начал атаку применяя удары обеих ног. После нанесения первого из последующих пяти ударов, он различил взгляд голубоглазого… Они были грустны и как бы говорили:

— Я ведь предупреждал тебя… Почему не послушал?

Переведя дух, благо противник дал ему для этого несколько мгновений, ахеец решил не мешкать. Следующую атаку он прервал быстро и эффективно. Увидев начало движения правой ноги соперника, он понял, что тот попытается сейчас атаковать издали, и сам перешел в наступление.

Пол шага в перед — правая нога отскочила от его левого блока.

Смещение туловища в право… Тем самым пропуская мимо себя очередной выпад альбиноса.

Левая рука подхватывает под колено левую ногу соперника и поднимается высоко вверх.

Оторвавшись от пола, Диоген приземлился на спину.

— Хур-р. — вырвалось из глотки поверженного противника.

Ахиллес переместился, расположившись над лицом аргосца, сложил вместе задертые ноги и всем телом проваливается в низ.

Треск разорванного по полам спинного хребта, слился с пронесшейся волной удивления и разочарования. Неторопливо поднявшись, ахеец выбрался из-за канатов и направился к своему месту.

Аргосец Диоген, победитель множества великий боев, испустил дух, так и не успев осознав, что же с ним произошло.

Последующие бои, Ахиллес смотрел с нескрываемым интересом. После его первого поединка, на арене побывало уже множество единоборцев. У всех были разные стили, так как большинство принадлежали к разным расам. Особенно сильно поразил ахейца бой пана и невра. Если пана он уже видел, в лице хозяина этого заведения, то вот невра узрел только сейчас. Волкоголовый был немного ниже средне человеческого роста. Все его тело было покрыто густой серой шерстью. Облачен он был лишь в кожаную набедренную повязку. Тело невра было жилистым и очень гибким.

Пан, был облачен в сорочку, перетянутой в поясе черным толстым шнуром.

Бой начался с того, что невр совершил молниеносный прыжок и еще в воздухе нанес болезненный удар задних лап. Если бы пан

остался на месте, то упал бы на песок с разорванной грудью. Однако рогатый обладал потрясающей реакцией. Отскочив назад и тут же сместившись в левую сторону, он замер перед невром с глубокими порезами на своей волосатой груди. Зато живым!

Его ответ был не менее впечатляющим. Подскочив в воздухе пан нанес целую серию ударов. Последний достиг цели и черное копытце врезалось невру под дых.

После обмена любезностями начался ближний бой. Передние лапы увенчанные острыми когтями и крепкие кулаки, замелькали с неимоверной быстротой. Удары и блоки сыпались как из рога изобилия. После двадцатисекундной атаки оба противника отскочили в разные углы. Каждый понес некоторый урон. У пана появилось еще несколько болезненных рваных ран, невр пропустил два боковых удара, которые выбили из челюсти волкоголового несколько клыков. Через мгновение оба снова сошлись в центре ринга, нанося на этот раз удары своими нижними конечностями. Снова феерия ударов и блоков. И на этот раз невр пропустил на много больше. Все-таки копыта пана, оказались для него непреодолимым препятствием. Быть может осознание своего мнимого превосходства и сгубило рогатого бойца. Видать, он уже посчитал, что схватка завершается, и безрассудно ринулся в перед для того, что бы нанести победный удар. В следующее же мгновение, пасть невра вцепилась в его незащищенное горло. Да, невр был отброшен в право, боковым ударом копыта, но не смотря на это, тело пана упало на помост уже обезглавленным. Из шеи фонтаном забила почти человеческая кровь. Золотистый песок беспристрастно впитывал все, что изливалось из обезглавленного трупа.

Но больше все-таки, проводилось боев с участием именно людей. Причем именно смотря эти бои, Ахилл понял, что такое вырождающееся человечество. Многие бойцы были плодом любви или насилия, со стороны кровосмешения разных видов. Некоторые представители человечества были волосаты, как невры или обладали небольшими хвостами по типу панов. Иные были воистину мутантами с уродливыми телами и совершенно нечеловеческими чертами лица.

— На помост вызывается царь Ахиллес и вой расы хунов.

— Что еще за вой Арест? — спросил озадаченно ахеец у херувима, который казалось заснул и только по полу прикрытым глазам, да по дергающимся ушам, можно было заметить, что херувим насторожен.

— Это воины племени хунов. Люди из называют големами. Они намного выше и сильнее чем их создатели. Зато неразумны и совершенно бестолковы. Это так сказать боевые псы разумных

хунов.

— Я что с животными обязан тут биться голыми руками?

Херувим перевернулся на спину и отрезал.

— Все! Иди на помост. Они формально принадлежат подвиду разумной расы, так что официально он не зверь. Давай быстрее двигай, а то этот хитрый Триэк объявит, что ты отказываешься.

Поднявшись, Ахиллес в очередной раз направился к золотому песку ринга. Он, как и в первый раз облокотился на канаты и принялся рассматривать своего нового противника. Пока он это делал, шустрые рабы сыпали поверх кровавых пятен новый слой песка.

Голем был выше Ахилла на две головы. Его морда была практически точной копией морды Михруаба только, вот ее черты, были во столько же раз противнее чем у его разумного собрата и он, обладал единственным глазом! Мышечная масса этого создания была настолько устрашающей, что ахеец в первую секунду, даже растерялся. Как бороться с этой горой мышц?

'Он ведь в два счета скрутит меня в бараний рог. А мой удары, будут ему, что для меня уколы пчелы.'

Прозвучали три удара гонга. Монстр тупо попер в перед, расставив при этом свои огромные лапища.

Стало сразу понятно, тактика голема проста: обхватить хрупкое человеческое тело и раздавить его в своих объятьях.

В зале к тому времени воцарился полный хаос. Приглашенная аристократия Гивейна и другие почетные гости всевозможных рас и видов, были уже явно навеселе. К тому же они были сильно возбуждены предыдущими схватками. Пролитая кровь, убитых и искалеченных гладиаторов, пьянила не хуже чем терпкий напиток чернокожих людей. Весь зал орал, призывая гоблина разорвать им на потеху, тело заносчивого чужестранца.

План дальнейших действий стал для него очевиден. Ни силой, ни умением такого урода не завалить! Значит…

Ахиллес стал двигаться словно в его руке находился меч. Он представил, что его кулак и есть его бронзовый клинок. Кинувшись навстречу приблизившегося монстра, он на ходу согнулся и мощные лапы двуногой твари сомкнули воздух. В следующее мгновение тело человека распрямилось, словно досихпор было сжатой пружиной и ахеец оказался с левую от гоблина, сторону.

Резкий удар кулака, острие которого венчал указательный палец и человек пронесся в другой конец помоста. Гоблин взревел, схватившись за свою единственную, но уже пустую глазницу.

Ждать игры, в кошки мышки, Ахиллес не собирался.

Подбежав с другой стороны огромной туши, он что было силы, ударил своей стопой по правой коленной чашечке врага. Голема словно подкосила невидимая коса. Его тело тут же грохнулось на золотистый песок ринга, подняв при этом нечто вроде пылевой бури.

Не теряя ни секунды, Ахиллес опустился своим правым коленом на громадный кадык. Послышался хруст переломанной шеи и противный булькающий звук. Ахеец вовремя сообразил… С таким противником шутки плохи и стоять сычем на одном месте не стоит. После нанесения смертельного удара, он решил тут же отскочить в сторону. И был прав. Даже с переломанным шейными позвонками, тело гигантского гуманоида продолжало жить своей собственной жизнью. Оно долго пыталось встать на ноги. Рыскала вокруг себя своими ручищами, а натолкнувшись на столб, на который натягивались льняные канаты, он с легкостью вырвал его из деревянной конструкции ринга. Окажись ахеец сейчас поблизости, то сию же минуту был бы разорван на части, мечущимися лапами могучего существа.

Через минуту все стихло.

Подойдя и внимательно осмотрев своего поверженного врага, он пожал плечами и направился к своему месту отдыха.

Доев все что было им принесено, Арест мысленно подозвал к себе раба. Тот за несколько шагов до херувима повалился на колени. Видать раб подумал, что херувим еще не насытился и сейчас хочет закусить именно им.

— Не бойся презренный… Я не ем падаль!

От холодного прикосновения разума херувима тело раба свело судорогой.

— Предупреди своего хозяина, что его гости довольны угощением и хотят уйти. Пусть он принесет обещанное.

— Слушаюсь господин.

Раб засеменил в сторону Тирэка, который в данный момент общался, склонив при этом, в унизительном поклоне свою голову, с вошедшей перед началом боев, красивой, чернокожей незнакомкой. Раб остановился на почтительном расстоянии от разговаривающих господ и принялся ждать удобного момента для привлечения внимания своего хозяина. Аристократка, до сих пор, пристально следившая за всем, что творилось на ковре странной парочки, подала знак рабу, что бы тот подошел поближе. Испуганный раб, запинаясь объявил просьбу перворожденного.

Перекинувшись друг с другом еще парочкой фраз, Тирэк шустро зацокал в направлении своих удивительных посетителей.

К тому времени, Ахиллес уже полностью облачился в доспехи. На этом настоял Арест, которому не нравилось

загадочное перешептывание хозяина арены с вошедшей аристократкой. Когда Тирэк подошел к их ковру, он склонился в раболепном поклоне и с заискиванием произнес:

— Царица Гивейна, да продлят ее дни пресвятой бог Солнца Ра, изъявила желание поговорить с царем Ахиллесом. Она приказывает вам подняться с ее свитой, в ее престольные покои.

— Ты мне дурика не строй. Гони бегом наши двадцать палочек или я сейчас же переверну верх дном твою кровавую помойку.

От слов ахейца, кожа Тирэка побледнела по чище расцветке аргосца. От душившей его злости, пану пришлось даже присесть на одну ногу.

— Тирэк всегда платит свои долги. Зачем оскорбляешь человек? Просто мой долг взяла на себя сама царица Гимина.

— Ты что и в за правду принимаешь меня за идиота!!? На кой мне твоя царица, коли должен нам именно ты! А ну почтенный Тирэк живо гони нам наши деньги, иначе клянусь Небом, сейчас изрублю твое тело в мелкую крошку.

Сдержать такое оскорбление было выше его сил. Мало того, что его оскорблял презренный человечишка, так этот червь еще посмел сомневаться в честности ПАНА, да к тому же, назвал эту чернокожую сучку его царицей!!!

Резкий толчок вперед и острые, как наконечник бронзовой стрелы, рога Тирэка, попытались проткнуть человеческий торс.

Его остановили бронзовые пластины большого круглого щита. После чего на голову ошарашенного пана, обрушился весь его вес и чего Тирэк провалился в беспамятство.

Ахилл, едва успел выставить перед собой щит, как в его нижний край врезались рога козлодоя. А что было делать? Напал первым все-таки хозяин! Поэтому ахеец решил не церемониться, и что было силы, ударил Тирэка по голове всей плоскостью бронзы. Тот рухнул, как подкошенный. В следующее мгновение в зал был заполнен вооруженными темнокожими воинами. Ахиллес не смог определить кто это был, охранники или же телохранители царицы Гивейна. Как бы там ни было, всех присутствующих в шатре, пригвоздил на месте звериный страх. Это Арест, широко распахнув свои крылья, произвел на свет один из своих ужасных рыка, который влиял не столько на слух, сколько на психику врага. Ахиллес прикрываясь щитом, выставив перед собой копье и ожидал нападения. В полной тишине послышался властный приказ:

— Всем оставаться на своих местах. — надменный голос чернокожей царицы, вывел из ступора большинство здесь присутствующих.

Легкой походкой, в окружении своих телохранителей, она направилась в сторону двух застывших фигур. Подойдя в плотную к херувиму она обратилась именно к нему.

— Зачем Перворожденный, ведет себя так, словно оказался среди своих заклятых врагов?

За херувима ответил Ахиллес:

— Царица… Этот… М-м-м существо — он кивнул на распростершееся под ногами тело пана — Не сдержало своего слова, за что и понесло заслуженное наказание. Он должен нам деньги и я не намерен отказаться от заслуженной добычи.

Она посмотрела на него высокомерным взглядом и снова обратилась к херувиму, прошипела.

— Твой раб хоть и хорош собой, однако слишком дерзок херувим?

— Он мне не раб царица. — всплыло в мозгу Гимины.

— Послушай царица, на твоем месте, я бы постарался выбирать выражения… Иначе… — Ахилл не окончил фразу, но что станет при иначе, поняли все кто услышал все вышесказанное.

В шатре установилась гнетущая тишина. Глаза царицы впились в глаза Ахилла и тот почувствовал как где-то внутри, подымается раболепие и ужас перед властительницей Гивейна. Однако это чувство так же неожиданно сошло на нет.

Арест вовремя понял, что сознание его спутника сейчас начинает подвергаться внушению. Он неторопливо, не делая резких движений, встал между Ахиллом и Гиминой и путы подчинения были прерваны. Арест услышал, как испуганно выдохнул его спутник.

'Это станет для тебя уроком Ахиллес.'

— Что желает высокородная? — теперь уже, он неотрывно уставился в раскосые карие глаза местной повелительницы.

— Херувим почувствовал, что теперь царица пробует на нем свою магическую способность подавления чужой воли и решил не экранировать свой мозг. Он просто стойко выдержал обжигающее человеческое сознание и не отводя взгляда послал мысленный ответ-предупреждение, услышанное только ею.

— Царица ты сейчас играешь с огненным цветком, который как ты знаешь, может не только согреть, но и смертельно обжечь.

Давление тут же ослабло. И херувим почувствовал, как Гимина принялась экранироваться.

— Ни я, ни этот человек, тебе не враг почтенная. Пусть нам вернут долг и мы сочтем за честь сопроводить тебя в твои небесные чертоги.

— Что ж. — произнесла в слух разачарованная своей

неудачей Гимина. — Этот человек и херувим, отныне мои гости. Они последуют за мной во дворец… — Она повернулась к одному из своих приближенных и четко произнесла. — Пусть принесут сюда двадцать медных палочек и вручат их этому воину.

После того, как один из охранников Тирэка, выполнил приказ царицы, она, не проронив больше ни слова, направилась в сторону выхода.

Большая свита, в которой очутились Ахиллес и Арест, направились в след за царицей Гивейна. Подойдя к основанию черной громады, один из охранников прокричал приказ и в ту же секунду, с верху стал опускаться трап первой ступени.

По этому большому деревянному мосту, могли спокойно разминуться целых три конных всадника.

Поднявшись на первую ступень свита остановилась. На верху их ожидала вооруженная охрана, которая косилась на сотни черных тел распростертых ниц перед восходящей царицей Гивейна. Свободные граждане города-государства имели право смотреть на свою госпожу, только из такого положения. Рабам же за такую дерзость, выкалывали глаза.

Ахиллес с интересом смотрел на странные постройки находящиеся на крыше первой ступени. Народу вокруг было великое множество. Большинство из здесь присутствующих, были застигнуты торжественной процессией врасплох. Кто употреблял пищу, запивая ее красноватым дурманящим напитком своего народа, кто-то, до сего момента предавался плотским утехам, в отведенных для этого публичных местах. Сейчас, все словно по мановению сильной волшбы, застыли уткнувшись в черную деревянную плоть своей кастовой Ступени.

Затем свита и оба спутника поднялись на Ступень воинов. Здесь их уже встречали хмурые взоры чернокожих гигантов. Эта каста, встречала свою повелительницу склонив одно колено. Далее по еще одному спустившемуся трапу, процессия оказалась на крыши аристократической Ступени. Здесь имелось множество красивых беседок. Их резные стены, были украшены вьющимися цветами. Повсюду чувствовался дразнящий цветочный аромат. Аристократия Гивейна, встречала царицу низким поклоном.

Наконец на ступень дворца процессия поднялась в заметно поредевшем составе. Среди вступивших на ступень дворца, были пять могучего телосложения воина и несколько не менее внушительных, постаревших аристократа.

Ахиллесу показалось что он попал словно в сад, где должны жить боги. Аромат был теперь не просто дурманящим. Он разжигал в груди огонь страсти. Все растения были высажены в огромные деревянные корыта. Весь сад, представлял собой четко

продуманную и воплощенную в жизнь идею неги и умиротворения. Невдалеке Ахеец разглядел беседки, свитые из плоти прекрасных цветов. Были здесь и карликовые деревья, в пол человеческого роста. Они были покрытыми белыми цветками, а на их ветках росли сочные черные гроздья. Везде их встречали слуги, которые были дочерьми и сыновьями лучших гивейнский семей. Пройдя к красивой арке, царица повернулась к своим гостям и произнесла торжественным голосом:

— Прошу почетных гостей войти под своды обители цариц Гивейна.

— Убранство дворца, поразили даже вечно равнодушного херувима. Все высокое помещение было украшено золотом и серебром. Потолок был пятиметровой высоты и был полностью инкрустирован тонкой обделкой. Талантливые художники, покрыли его гладкую поверхность, красивыми эпическими битвами своей расы со всевозможными разумными всего Аль-Азифа. Сам же дворец состоял из множества комнат. Пространство было перегорожено деревянными стенами. Комнаты прислуги, ютились возле стен. Тронный зал находился в самом центре этой ступени и представлял собой нечто вроде огромной комнаты в конце которой располагался искусно вырезанный, Гивенский трон. Он был изготовлен в форме стоящего на правом колене воина. Левое колено служило подлокотником. Само седалище царицы располагалось на задертой юбке гивейнского воя, в правой руке держащего огромный медный дротик приготовленный как бы для смертоносного броска.

Гимина царственно опустилась на положенное ей по праву рождения трон и властно обратилась к своим слугам:

— Приготовьте моим гостям покои. Пусть они отдохнут от своих странствий. За один удар бронзового гонга, отмеряющего время до захода божественного лика Ра, я желаю видеть Ахиллеса — царя неведомого народа, и тебя почтенный Перворожденный, на своей вечерней трапезе. А теперь ступайте и дайте отдых своим утружденным телам.

***

До вечерней трапезы, ахеец решил принять душистую ванну. Его тело было вымыто, натерто благовониями и размягчено массажем, сделанным красивыми служанками дворцовой прислуги. Его кожаную одежду попросили отдать для того, что бы вычистить и привести в идеальное состояние, на что Ахилл благоразумно отказался.

После принятия ванны, он самолично выполоскал в душистой воде свою кожаный килт и почистив маслом бронзовые пластины, меч и щит, направился к большому и мягкому ложу. Он решил прилечь. Арест находился в этой же комнате. Его тело и гриву вычесывали сразу три юных создания. Одна девушка вплетала в густую гриву несколько разноцветных лент.

— Мда… — протянул он. — Богато живет царственный дом Гивейна.

Арест мысленно отдал приказ девушкам покинуть помещение и направился к начищенному до зеркального блеска, большому бронзовому диску после чего, принялся рассматривать свое нечеткое отражение. Оставшись видимо довольный увиденным, он задумчиво помыслил.

— Эх, видела бы меня сейчас Суиана. Вот бы удивилась. Хорош, ни чего не скажешь.

— А кто эта Суиана. Твоя личная м-м-м… самка?

У херувимов нет полигамии. Но Суиана мне нравилась больше всех. Ради одной ее прихоти, я бы не задумываясь ринусь в бой против любого количества повелителей ветров.

— Понятно. А вот я, чего сейчас подумал Арест. А не послать ли мне в бесконечность эту Рею? Стать супругом Гимины и править себе преспокойно в этом царстве мощи и великолепия.

Херувим наконец оторвался от созерцания своей красоты и при помощи мощного прыжка, очутился на Ахиллесовом ложе. Бесцеремонно отодвинув человека на его край, он опустился на мягкие подушки и сладко потянулся.

— Арест! Что б тебе пусто было. Тебе выделили личную комнату. Шел бы нежится на свое ложе.

Херувим ничего не ответил, зато громко испортил воздух.

— Ну ты и фрукт! — ахеец уткнулся в первую же попавшуюся подушку, в надежде что это поможет его носу не вдыхать испорченный воздух.

Он бы мог конечно отползти в сторону, но уступать так просто, свою постель, ахеец не собирался.

— Слушай меня человек. В Гивейне правят только самки. Они называют это матриархатом. Мужчины должны в лучшем случае воевать, в противном… — работать обеспечивая своих самок всем, начиная от рабов, денег, утвари и заканчивая плотскими утехами. Поэтому не тешь себя призрачными желаниями. К тому же, по здешним обычаям, тот, от кого понесет царица, должен быть умерщвлен, для того, что бы якобы отдать своему отпрыску всю свою силу. Так что на твоем месте, я бы хорошенько задумался, прежде чем начать вылизывать эту царственную самку, так как если ты осеменишь ее лоно, тебе уже ни за что не

выпустят из этих чертогов.

— Ты что серьезно? — пробубнил ахеец не убирая лица от подушки.

— Херувимы не умеют лгать, как это привыкли делать другие разумные.

— Ой, то же мне сосредоточение целомудрия. — на этот раз ахеец попытался было оторвать свою голову от подушки, потому что общаться исключительно мысленно со своим приятелем ему было не удобно. Но противный запах все ни как не улетучивался.

— Слушай Арест, а каким образом эти помещения проветриваются. Ведь здесь же нет ни одного окна или проема.

— Стволы древа Маол! — глубокомысленно заявил Арест

— Что Маол? — не понял Ахилл.

— Их древесная плоть словно губка пропускает через себя воздух очищая его при этом от вредных веществ. Поэтому все гивейнцы живут намного дольше, нежели любой человеческий род. — он подумал и закончил свою мысль. — За исключением впрочем укушенных Старейшинами вурдов и их детей.

— Понятно. — хотя Ахиллес, как раз ничего толком и не уразумел. — Так что же нам делать? Какого бельма мы тогда залезли в это логово, раз сможем выбраться отсюда только по трупам всего здешнего войска.

Херувим покосился на человека и озадаченно рыкнул.

— Неужели твое семя так сильно ударило в голову, что ты совершенно перестал, что-либо соображать. То с вурдской самкой тебе захотелось устроить соитие, теперь вот возжелал Царицу Гивйна!!! Не дели ложе с Гиминой, по крайней мере сейчас. Если выиграешь турнир, то станешь равен самим богам и тогда будешь совокупляться хоть с ослами.

За разговором время прошло незаметно. Находясь постоянно в закрытом пространстве херувим вдруг почувствовал себя нехорошо и предложил человеку прогуляться до ужина по дворцовому саду. Они позвали одну из служанок и объявив о своем желании, оправились за нею в след по затейливым лабиринтам общественных комнат. Выходов на дворцовую крышу было, как оказалось множество.

Очутившись на открытом воздухе, Ахилл подошел к борту и принялся рассматривать суетившиеся фигуры местной аристократии. Большинство из них восседали на небольших деревянных ложах и вели неспешные беседы. Арест в скором времени поведал, что его состояние нормализовалось. Они долго прогуливались по рукотворному саду и подражая гивейнской аристократии вели неторопливый разговор. Арест поучал Ахиллеса. По его объяснениям царица Гимина была сильным магом поэтому, если ахеец останется с ней наедине, что бы не попасть под влияние ее злой воли, херувим советовал ни под каким предлогам не смотреть в ее глаза.

— Если уж окажется, что ты останешься с нею наедине и она настоит на том, что бы ты все-таки заглянул в ее глаза… Смотри на ее переносицу, только таким способом ты сможешь избежать порабощения своей воли.

Огромный солнечный диск не спеша отправлялся в свой незримый чертог, что бы отдохнуть и впустить во владение небесного свода свой извечный антипод — лик Луны. Над огромной долиной прозвучал гулкий удар бронзового гонга извещавший всех поданных и гостей города-государства, что наступило время вечерней трапезы императрицы. Тут же подошла служанка и предложила обоим гостям следовать за ней. Снова бесчисленное количество переходов, после чего они оказались в зале для приема пищи и важных гостей. В этом помещении не было ни стульев ни лежанок, ни чего, на что можно было присесть или прилечь кроме просто невообразимо огромного ложа. Оно было невысоким и возвышалось над полом на расстоянии в человеческий локоть. В его центре находилось, что-то вроде отшлифованного каменного подноса, который был завален всевозможными яствами. Встречали гостей царица, с

почти обнаженным телом и двое престарелых советника, которые сопровождали Гимину в ее сумасбродном посещении бойцовского шатра. Также, с правой стороны от чернокожей госпожи, полусидел еще один человек. Он был молод и дерзок. Глаза гивейнца были глазами воина, привыкшего подчинять и повелевать сотнями жизней. Глаза, которые знают цену доблести и пролитой крови. Он, как и все присутствующие, имел длинные черные волосы, заплетенные в сотни длинных косичек и стянутых на затылке кожаной завязкой.

Гимина Царица улыбнулась и предложила обоим гостям занять любую понравившуюся площадь. Херувима не стоило упрашивать дважды. Он мигом запрыгнул на огромное ложе и бесцеремонно улегся мордой к ожидавшим их людям. Ахиллес решил не церемониться и не снимать своих сандалий. Из оружия у него был только меч, привязанный к его шее тонкой бечевкой. Он снял его и направился прямо к царице. Оба советника недовольно зыркнули в сторону своей госпожи. Та лишь подняла правую бровь и не заметно дернула правым плечом. Что мол взять с дикаря.

Усевшись на расстоянии вытянутой руки от обилия всевозможной снеди, Ахиллес первым приступил к официальной части:

— Да прибудет с царицей сила, и пусть боги Гивейна будут милостивы к твоему домашнему очагу. — он склонил в почтении голову, после чего, снова дерзко уставился на ее ладную фигуру. Ее тело прикрывали только две небольшие накидки. Одна была накинута на бедра, другая прикрывала высокую грудь. При каждом движении царицы такая одежда лишь подчеркивала красоту обнаженного тела, нежели скрывало его прелести.

Теперь покосился косо уже молодой воин. Таким приветствием, можно было поприветствовать ну скажем почтенного гражданина, но уж ни как не царицу.

Серые ясные глаза недовольно осмотрели фигуру дикаря и снова принялись изучать гравюры противоположной стены.

— И вам почтенные гости достойной добычи и легких странствий… Ну что ж, разрешите представить вам своих близких друзей. Те что с лева от меня, являются моими советниками. Дару — курирует хозяйственные вопросы, Гуатун — военные. Этот молодой воин удостоился сегодняшней чести после того, как его немногочисленное войско, наголо разбило степную орду. Его зовут Дерт.

Настала очередь представляться гостям. Ахиллес представился по обычаю — произнес свой титул и род, Арест мысленно назвал лишь свое имя. После этого, все приступили к

трапезе. Все, кроме херувима. Арест отказался, сославшись на то, что он еще сегодня утром имел удовольствие поглотить необходимое количество пищи в бойцовском шатре Тирэка. Ели все молча. Ахеец постоянно чувствовал на себе заинтересованные взгляды царицы и Дерта. Оба советника казалось просто не замечают почетных гостей. Они скромно уминали за обе щеки все предложенные им кушанья и лишь изредка косились в сторону огромного тела херувима.

Ахиллес следуя советам Ареста, постоянно отводил свой взор от пытливых глаз Гимины. После того, как все насытились, царица ударила в ладоши, и удивленный ахеец уставился на то, как каменный поднос стал медленно проваливаться прямо под пол. После непродолжительного времени, он появился снова. Но на этот раз, его объемную плоскость покрывали всевозможные фрукты. Взяв в руки одно из яблок, Ахиллес снова уставился на Гимину принявшую новую соблазнительную позу.

'Мда… Крутые бедра у этой царицы!'

— Желает ли что-то еще отведать почтенный царь Ахиллес? — ее голос был срони весеннему ручью. Такой же задорный и чистый.

— Что касается меня, то спасибо, я сыт. Все было в высшей степени вкусно. — Ахилл снова склонил в почтительном кивке свою голову и опять заметил, что тело царицы приняло еще более откровенную позу. Невольно выдохнув, он отвел в сторону свой взор и принялся разглядывать расписные стены этого зала.

— Что ж… Тогда поведай свой рассказ воин. Кто ты, откуда родом, и чего ищешь в моем городе.

Еще раз невольно вздохнув, ахеец поведал все, что с ним приключилось, опуская правда то, как он познакомился с Херувимом и все их дорожные похождения. Рассказ занял не такой уж и большой отрезок времени, но даже он, заставил всех присутствующих раскрыть рты.

— Твой рассказ царь не постижим. Я не слышала такого даже от своих предков. Но я тебе верю, так как чувствую правду в твоих словах. Но все равно это странно!

— Чем же? — не понял Ахилл.

— Тем, что в нашем мире уже давно никто не лицезрел богов, причем в любых проявлениях. Мы видим знамения, слышим их голоса, но не больше! Когда-то было совсем наоборот. Они часто снисходили то того, что бы объяснить своим детям, как надо жить и что предпринять для укрепления их могущества. Сейчас же, все расы, за исключением пожалуй Хунов и Торритов, общаются со своими божествами через их посредников — Дэви. Только гоблины и горные демоны не понимают, что дэви, лишь

посредники между богами и разумными и предпочитают им поклоняться как Богам. Выходит, если ты лицезрел саму Богиню Рею, то ты избранный, только вот не совсем я понимаю для чего. Причем здесь людской род и Сидская принцесса… К стати, как ее звать Гуатун?

Аристократа словно выдернули из сна. Пожилой воин встрепенулся и без запинки доложил.

— Принцессу Сида нарекли Мией. Не так давно она была захвачена в плен охотничьим отрядом невров и доставлена в их Логово. Ходят слухи, что ей по какой-то причине заинтересовались вурды и захотели выкупить у волкоголовых. Однако те отказали и сообщили, что она станет их призовой порукой для участия в боях Великого Торга.

— Хм-м. Так вот почему к нам пожаловала сама защитница одного из кланов вурдской расы. Я было подумала, что Ахиллес и доблестный херувим немного ошиблись в оценке их бывшей спутницы.

Арест недовольно фыркнул, но промолчал. Между тем, не обратив на пренебрежительное фырканье херувима ни какого внимания, Гимина продолжила:

— Выходит у клана Аллой Лилии новая защитница, а Сайра прибыла в Гивейн для того, что бы завоевать то, что так нужно ее клану.

Ахиллес после услышанного сделал кислую мину. Он конечно предполагал, что Сайра приехала в Гивейн для участия в боях, но где-то в глубине души, надеялся, что это все-таки не так и вурдская защитница прибыла в Гивейн с другой целью. А выходит, ему с большой долей вероятности, придется помериться силами не с кем ни будь, а с самой защитницей! То, что она легко перебьет своих конкурентов для выхода на главный бой, у Ахиллеса не было ни тени сомнений.

— Вот ведь незадача.' — промелькнули в его голове ехидная мысль херувима.

'Это точно' — согласился ахеец.

— А в какой категории будет участвовать доблестный Ахиллес? — это уже произнесла Гимина.

— А что есть разные? — удивленно пробормотал ахеец.

Царица звонко рассмеялась.

— Конечно. Есть категория рукопашных бойцов где воины бьются только тем чем наделили их боги. То есть кулаками ногами клыками и так далее. Есть категория где бьются бойцы в полным вооружении, с каким они сочтут нужным выйти на поле схватки.

— Тогда последняя.

Снова звонкий смех.

— Достопочтимый Арест вы не посвятили своего… попутчика о том, каковы правила проведения турнира. — Гимина выразительно уставилась на херувима.

— Не было необходимости. Ему все равно какие правила, так как он при любых условиях будет участвовать в них. Ведь над ним висит рок Богини. Не выполнит — умрет и помочь ему не смогу даже я. — угрюмо ответил Арест своим мысле-образом, который направил лишь для Гимины и Ахилла.

— Ну что ж воин. Я тебя просвещу. Правила просты. Те, кто выдвигают себя в первую категорию, разделяются на группы. Их делят на пары согласно брошенному жребию. Групп много и из их массы, должен выйти только один победитель. Если он еще может продолжать схватку, то идет в следующий круг, если же нет, то отзывает свое право, но лишается своего зарока. Те же, кто пытает свою воинскую доблесть в состязаниях с боевым оружием, должны пройти следующие этапы. Первый бой участник проводит против десяти вооруженных рабов. Причем рабы знают, что тот, кто останется в живых после этой схватки, обретает свободу, а по сему, они бьются не по принуждению, и выкладываются в полную силу.

'Хитро придумано.' — согласился Ахилл.

— После этой схватки, участники состязаются с другими претендентами. Тот, кто одержит победы над всеми соперниками становиться обладателем Ветви древа Маол, символа мощи и могущества. Этот боец будет в праве рассчитывать на самые высокие посты во всех землях Аль-Азифа. Ему могут предложить стать телохранителем любого благородного властелина этого мира. Некоторые, становились даже военачальниками целых армий. Но и это еще не все. Если победитель захочет присоединить свое имя к пантеону малых богов, он должен биться с обладателем звания АБСОЛЮТА. И это звание в данный момент носит Трру — конунг минов. И надо сказать обладает этим званием на протяжении вот уже трех десятилетий.

— Н-н-да. Интересная программа, ни чего не скажешь. И когда начинается сие действие?

Принцесса подняла на локоть свою голову и торжественно завершила свое повествование:

— Великие бои начнутся с завтрашнего дня… А теперь — после непродолжительной паузы, торжественно вымолвила Гимина. — Приказываю всем удалиться. Царя Ахилесса попрошу остаться.

Ахилл подозрительно покосился на Ареста и тот словно в назидание, удрученно помахал своей расчесанной гривой: — Мол

я же тебя предупреждал!

'Помни о том, что я тебе объяснил на террасе Ахиллес… Иначе пол часа утех и блаженства, а через девять месяцев — смерть!' — многозначительно окончил свою мысль херувим.

Как только за спинами отбывших приглашенных закрылись тяжелые двери, ахеец почувствовал, как его сознание пытаются поработить. Началось все с того, что стало не много покалывать в правом виске. Он интуитивно понимал, что царица стала его прощупывать. Помня про переносицу, ахеец решил показать надменной темнокожей колдунье, что и он не лыком сшит. Подняв свой глаза, он с выражением уставился прямо к красивый лоб, после чего, немного опустил свой взгляд в область переносицы Гимины.

Когда человек смотрит таким способом, его оппоненту кажется, что тот уставился прямо в его глаза. На самом же деле это не так. Визуально, конечно это срабатывает, но вот магу при этом ни за что не удастся заставить волю собеседника, прогнуться под своим давлением. Так по крайней мере объяснил Арест и это оказалось чистой правдой.

Ахилл почувствовал нестерпимое жжение в области глаз. Было такое ощущение, что его глаза слезятся. Даже уставившись в переносицу, ахейцу не удалось выдержать этой пытки, но он вовремя сообразил, как выпутаться из столь дурацкой ситуации. Склонив голову, словно дворцовый аристократ, он умиленно произнес:

— Чем могу служить красивейшей из смертных?

Снова под сводами закрытого пространства, зазвучал причудливый голос Гимины. Она весело изрекла:

— А ты не дурак царь. Если ты конечно и в за правду царь, хотя с другой стороны я разбираюсь, когда люди лгут, а когда нет. Ты был со мной честен и потому я сохраню тебе жизнь.

Внутри у Ахилла все похолодело. Однако он не был бы самим собой, если бы не выпалил ей в лицо довольно дерзкую фразу.

— Позволь тебе заметить царица…что только я сам в праве решать, как и когда мне принять единственную составляющую человеческой природы — СМЕРТЬ. Поэтому на твоем месте, я бы поостерегся в будущем от таких заявлений. В противном случае, я предупреждаю, после еще одного такого высказывание, жить тебе останется столь же мало, сколь кратко существование кристалла льда выставленного под свет вашего бога Ра.

— Не смотря на то, что ты прибыл в мою страну в сопровождении херувима человек, не забывай, что ты сейчас дерзишь не просто царице трона Гивейна, но величайшей колдунье этого мира.

Ахиллес посмотрел из подобья и увидел то, что Арест называл левитацией. Один из кубков оторвался от каменного подноса с легкостью птичьего пера переместился по воздуху в руки темнокожей колдуньи. Это было столь же прекрасно, как и страшно. И тут перед взором ахейца предстало еще одно чудо. Стоявшая темнокожая фигура вдруг видоизменилась и превратилась в змеевидное создание о двух головах, в точности походившее на второй образ Реи, когда та видоизменилась в своем пирамидальном храме.

— Пади ниц и признай меня своей госпожой человече.

Если бы существо промолчало или выразило свое могущество каким-либо иным образом, Ахиллес пожалуй бы подчинился. Но он был Царем, к тому же ГЕРОЕМ своего мира и времени, и не пристало тому, который был равен богам, хотя бы в одном единственном даре, падать ниц перед пусть и могущественной, но все же равной.

Меч бут-то бы сам собой очутился в его правой руке. Ахиллес принял боевую позу. Левая рука опущена до колен. Колени согнуты. Правая нога чуть позади левой. Правая рука чуть согнута и бронзовое жало стало ее продолжением.

— Ну зачем же сразу выхватывать меч Ахиллес. — змеевидное существо тут же распалось на части и на его месте снова оказалась Гимина.

'Иллюзия ' — снова всплыло в памяти Ахилла объяснение херувима.

— Что ж царь… - царица подошла в плотную к готовому к бою ахейцу — Я тебе предлагаю разделить со мной свое ложе и свою благосклонность.

— Спасибо царица за честь. Заняться любовью с такой прекрасной женщиной как ты, это великая честь для любого мужчины, а с женщиной — властительницей столь могучего государства и того больше, но видишь ли, мне еще рано умирать. — Он посмотрел прямо ей в глаза. — Я совсем еще мало попутешествовал по з здешнему миру, что бы после одной пусть и великой ночи, снова слиться с бесконечным Ничто.

Вижу херувим объяснил тебе и этот аспект Гивейнской традиции. Что ж человек, я хочу с тобой разделить эту ночь не для продления династии, а просто ради своего удовольствия и в том, клянусь светлой памятью своих предков.

Ахиллес уже не отводил своего взора от взгляда коричневых зрачков, в которых загорались искорки страстного желания. Не проронив больше ни слова, он кинулся на Гимину и впился ее губы своими губами. После… Осторожно подхватил на руки и опустил на огромное ложе…

Сладкая боль от множества пиков сладострастия и упоения друг другом стихла только под утро. Лежа на огромном ложе и обнимая обнаженные плечи Гимины, ахеец спал, как младенец. На его открытом и волевом лице застыла маска блаженства и умиротворения.

Когда светило Аль-Азифа приблизилось к своему высшему пику своего дневного пути, его разбудили жаркие поцелуи…

После того как оба откинулись на пуховые подушки, Гимина любезно поинтересовалась:

— Как мне отблагодарить воина столь же искусного в любовных утехах, как и на деревянном настиле бойцовской арены?

— От моего первого знакомства с кентаврами, мой щит оказался пробит в нескольких местах. В Гивейне есть хорошие оружейные мастера?

— В Гивейне они лучшие. К вечеру твое снаряжение будет как новое, а теперь, осмотри мои бедра. Мне кажется там что то не в порядке. — лукаво промурлыкала царица.

***

Мия ютилась в небольшой клетушке для рабов. Белый договорился с торговцем из расы хунов и тот за небольшую плату, любезно предоставил данную услугу. Кормили правда неплохо. Целыми днями она ничего не делала, сидела тупо уставившись на небольшое оконце, через которое и могла судить о том, что наступил новый день или же очередной сошел на нет. Еду, приносил один и тот же раб. Он был из человеческих выродков. К его толстому кожаному ошейнику, была прикреплена длинная белая веревка, которую с трудом удалось бы перегрызть даже степному шакалу. Веревка была прикована к деревянной балке и раб мог ходить только по ее длине. Разговаривать, он напрочь отказался. Принеся в очередной день положенную порцию сухого хлеба и миску каши густо политую мясной подливкой, он наконец произнес свою первую фразу:

— Настал твой день самка. — после чего развернулся и побрел дальше кормить своих 'питомцев'.

Что настало? Какой день? Мия ни чего не поняла. Однако она четко осознала, что сегодня, что-то случиться и скорее всего, это что-то, определит ее дальнейшую судьбу. Поев она сложила грязную посуду возле прутьев клетки и услышала приглушенное шарканье острых когтей. Так могли передвигаться только невры. К решетке сделанной из толстых бамбуковых стволов, подошел один из сопровождавших ее волколюдей. Мия получила

мысленный приказ:

— Подойди к решетке человеческая самка.

Принцесса и не думала ослушаться. Робко переступая босыми ногами, Мия незамедлительно выполнила приказ. Невр отпер задвижку и схватив ее за черные спутанные волосы.

Рывок… и от боли, на ее глазах навернулись крупные слезы.

— Тебя отведут сейчас в деревянную нору, где такие как вы, чистите свою кожу при помощи подогретой воды. — он коротко прорычал давая понять, как он относиться к такому способу соблюдения личной гигиены.

Они вышли из деревянного барака и окунулись в толпу. В их сторону ни кто не обращал абсолютно ни какого внимания. Подумаешь идет невр со своим рабом. Кому какое дело.

Они прошли через несколько улиц и подошли к невысокому деревянному строению. Из его крыши валил густой белый дым.

'Сидская баня.' — промелькнула в мозгу Мии.

— Слушай меня внимательно рабыня. — невр хорошенько тряхнул Мию, за ее светлую копну волос.

Из горла измученной девушки вырвался крик боли.

— Ты сейчас войдешь в эту деревянную нору, где тебя приведут в достойный вид, после чего облачат в новые одежды. ПОНЯЛА?

— Да господин. — сдавленно вымолвила Мия.

— Вижу невры могут похвастаться своей силой только с беззащитными и немощными человеческими самками.

Невр ослабил хватку и посмотрел на того, чья презрительная реплика посмела оскорбить сознание воина…

Та кто посмел бросить ему вызов, оказалась на первый взгляд обыкновенной женской особью человеческого рода, но после того, как женщина улыбнулась, шерсть невра встала дыбом. Вурдская самка. Защитница. Он толкнул принцессу к входной двери бани и отдал резкий мысленный приказ:

— Выполняй, что велено!

Даже не посмотрев на того, кто посмел обратиться к ее хозяину, Мия ринулась к закрытой двери. Дернув ручку на себя, она скрылась в парах горячего пара.

— Как смеет защитница клана насмехаться над тем, кто принадлежит к еще более древнему роду. — невр хищно уставился на самку и про себя отметил, что на защитнице были одеты драконьи доспехи.

— Так и смею. Вместо того, что бы выполнить просьбу старейшин вурдов, вы двуногие шакалы, соизволили бросить нам вызов своим ответом, за что в скором времени и поплатитесь.

Невр встал в боевую позу. Свои бронзовые клыки, он пока

решил не вынимать. Пока явной угрозы не было!

— И кто же станет карающей дланью?

— А ты что ослеп? Или думаешь, что защитница одного из Клана посетила Торжище для того, что бы праздно блуждать по этому бедламу… К тому же совершив для этого малоприятное путешествие. — в памяти Сайры сплыл образ Ахиллеса. — Я вас 'родимых' и порешу, но не прямо сейчас конечно… Я это сделаю на растилалище, на потребу всему Аль-Азифу.

— Что ж вот тогда и посмотрим, чья школа сильнее.

Невр отвернулся от защитницы и с тупым видом уставился в плотно закрытую дверь бани.

— Да, передай там своему Вожаку, что если хоть еще раз, я увижу, что к этой сидской самке будут относятся как к пище, пощады не будет даже его главному выводку.

Невр только нервно дернул ушами, но ответить не соизволил.

Больше даже не оглянувшись в сторону невра, Сайра направилась к загону своего каравана. Она была в бешенстве. Вот уже вторую ночь ей снился образ обнаженного человеческого самца и кого? — Ахиллеса!!! — Будь он не ладен! Она долго погружалась в нирвану и искала ответ на заданный самой себе вопрос: Что она испытывает к голубоглазому войну и как в дальнейшем ей относиться к факту существования этого самоуверенного индивида? С точки зрения опасности — правильно выверенные логические умозаключения показывали, что данный человек должен исчезнуть из этой реали бытия. Уж больно он раскованно чувствует себя в общении даже с самим херувимом, а ведь это не следствие простой самоуверенности. Скорее всего это точное знание своих возможностей. А потому он опасен и его надо остерегаться. С точки же зрения Клана — Его необходимо было бы пленить. Он несомненно стал бы ценным экземпляром для изучения человеческой психики и духа. К тому же не стоили забывать о его семени и родословной! Быть может, даже именно его естество и могло бы пригодиться для продления чистой человеческой линии. Когда же она спрашивала саму себя, что она чувствует по отношению к светловолосому человеку — подсознание упрямо твердило, что естество защитницы клана, чей сплав — Дух, Пси-энергия и ее физическое тело — покорены, как минимум по двум линиям — физике и психике.

'Но как такое могло произойти?' — удивленна думала Сайра

'Ведь мне с детства доказывали и обосновывали: — Защитница сама по себе не способна испытывать симпатию или антипатию к любому виду существ. Ее удел Честь Клана. Все что оправдывает или способствует укреплению семьи — Благо. Все остальное — ЗЛО.'

Еще будучи одной из нескольких обучаемых, Сайра привыкла отнимать жизни у представителей всех рас, даже нейрид. Она могла часами пытать разумных, для того что бы вытащить из пленного ценную информацию или же просто познать его болевой предел. Причем защитница могла увечить разумного на протяжении суток. Для нее это было так же естественно, как и прием пищи. А вот тут на тебе. Стала испытывать какие-то непонятные чувства. Да еще к тому, кто при других обстоятельствах их знакомства, мог бы запросто, стать ее очередной пищей.

После встречи на улицах с невром, Сайра совсем потеряла над собой контроль. Придя в свой шатер, она долго сидела на пуховом ковре, скрестив ноги и уставившись в одну точку.

'Буду резать все и вся и если на моем пути встанет этот человечишка — убью и выпью его кровь.'

От каких мыслей должно было бы стать легче. Однако легче не становилась.

'Что ж, надо лечь. Завтра начало боев, а значит и решение всех вопросов. Да поможет мне Тьма.'

Рванное ухо очень нервничал. Да и как ему не нервничать коли он повстречался лицом к лицу с самой Защитницей, чье существование долго ставилось под сомнением многими расами. Нет, конечно все знали — вурды сильны и как раса, и как индивидуальные бойцы. Их самцы самые лучшие лучники этого мира. Своими двух с половиной метровыми бамбуковыми луками, они могли поражать цели с невероятной точностью, на расстоянии в пятьсот шагов. Но вот рассказы о том, что подступы к их кланам, охраняются всего одной единственной самкой, многими воспринималось как глупый миф. Все знали, как должна выглядеть защитница, но вот ни кто и никогда, не видели хотя бы одну из них в реальном мире.

'Или быть может таковых было множество, да вот рассказать об этом ни кому не удалось' — хмуро подумал Рванное ухо.

'Ну где же эта человеческая сучка. Что же все-таки за нелепые создания эти люди!'

Тем временем Мию встретили сразу в предбаннике. Все рабыни были женщинами, но лишь одна из пяти была уроженкой Сида. Принцесса попыталась было попросить о помощи и воззвать к чувству солидарности своей соотечественницы, однако темноволосая женщина даже не посмотрела в сторону принцессы и после того как с нее сняли все лохмотья, повела пленницу в комнату очищения плоти. Парилась Мия очень долго. После того, как она чуть не потеряло сознание от высокой температуры, ее

вывели под руки в предбанник и облили студеной водой. Одна из рабынь, натерла все ее тело ароматными мазями, другая разминала мышцы. Когда все процедуры были позади, ее насухо вытерли и облачили в великолепные шелковые ткани.

'Раз невры потратились, на совсем не дешевую процедуру облагораживания внешности своей пленницы, видать действительно, совсем скоро, я стану или наложницей или чьей-то пищей,' — подумала Мия глядя на свое отражение в небольшое зеркальце из роговых пластин морского монстра.

Но парилка подействовала на нее все-таки положительно, так как из бани, Мия вышла уже с гордо поднятой головой. Пока она жива, она принцесса и должна сносить с честью все что ей уготовили Боги. Как не странно, но толи внешний вид Мии подействовал на ожидавшего ее невра, толи нравоучения не увиденного Мией заступника… Как бы там ни было, невр ее больше не таскал за волосы. Посмотрев своими злыми глазами на вышедшую принцессу, он злобно оскалился и приказал:

— Следуй за мной и смотри не вздумай совершить какую-то глупость.

Рассказ Рванного уха очень озадачили Белого. Сама Защитница решила выступить на соревнованиях. Это было конечно неприятно. Белый помнил, почти пол года назад, в его огромную нору вожака, привели вурдских послов. Они смели грозить всей расе истреблением, ежели он, Вожак, не согласиться продать за довольно большой выкуп Сидскую принцессу. Однако Белый, тогда был оскорблен самим фактом присутствия этих недочеловеков в его норе. Мало того, что они смогли пройти все посты и были обнаружены непосредственно прямо перед одним из главных входов в Логово, так они еще смели угрожать самому Вожаку Логова. Тогда Белый с позором выгнал в зашей попрошаек.

'Что ж, наши воины не раз били многих вурдских учеников стиля куншу. Изредка, но все-таки случалось, что самые выдающиеся бойцы невров, пробовали даже плоть истинных бойцов вурдов. Конечно, согласно преданиям, Защитница стоит на высшей ступени вурдской воинской иерархии, но это же не значит, что она само воплощение Анибуса

Невры верили, что были детьми Волкоголового Бога, который после сотворения мира имел связь с самой яростной дикой самкой степных волков. Ее потомство и стало исходным моментом возникновение этого разумного вида.

Что ж, я вырастил сильного самца, который должен возвеличить и увековечить в главной норе Логова, весь наш род. Если ему и не удастся справиться с защитницей, придется

возвратиться в Логово и взяться за воспитание младшего. Пусть он и не самый сильный из последнего выводка, зато вроде самый смышленый!'

Первая категория.

Ахиллес покосился на толпу гомонящих существ, облюбовавших с обеих сторон арены, все свободное пространство. Собравшийся люд доходил своим числом до пятнадцати тысяч. На первых трех рядах, зрители сидели на обыкновенных длинных скамьях. Последующие же, уместились на удивительном многоярусном сооружении. По словам Гимины их возвели за одну ночь. Гул толпы был подобен рокоту грозового неба.

Казалось сегодня небеса и земля поменялись местами.

Сам Ахилл вместе с Арестом и Гиминой, расположились на высоком помосте, в центральной части первой Ступени. Среди существ удостоиных чести нахождения рядом с самой царицей Гивейна оказались и не которые нелюди. По правую от Гимины руку расположилась новая Императрица золотого престола Ассары — Гетрана, которая встретившись с Ахиллесом смущенно кивнула тому головой. Возле нее на небольшом походном табурете, восседал Понтифик Аргоса. Сам Арест и Ахиллес устроились по левую руку. Все ремеслиники, вместе со своими домочадцами сейчас бесновались у подножия своего города, на возведенных гивейнскими рабами деревянном сооружении. Вокруг помоста Гимины, сосредоточились только телохранители и самые приближенные к ней люди. Остальная Аристократия вперемешку с важными гостями растянулась по всему борту ступени.

В низу все было готово для объявления первого боя. На золотистый песок арены, который кстати был привезен сюда с самого побережья срединного моря, находилась одна единственная фигура и в ней Ахилл узнал Тирэка. Пана в заведении, которого и повстречались Гимина и Ахиллес. Границы арены были обнесены невысокой изгородью, за которой выстроилось практически все войско Гивейна. Тирэк поднял руку вверх и многотысячная толпа как по волшебству стихла.

Прекраснейшая из могущественных — пан поклонился царице — и вы свободные граждане Гивейна и их многочисленные гости… Разрешите мне объявить первый бой. — Тирэк выдержал паузу и прокричал. — Согласно жеребьевке, на песок великого торга вызываются Катон — раса кентавров и Сайра — раса вурдов.

Многотысячное тело толпы удивленно выдохнуло. Между тем распорядитель боев невозмутимо продолжил:

— Порукой для участия этих бойцов на самом выдающимся турнире всего Аль-Азифа служат: Катон — Статуя кенского воина в пять локтей в высоту, исполненная из чистой меди.

Толпа выдохнула. Всем известно, тот кто останется в живых даже после первого круга станут очень зажиточным существом.

-..Сайра — Ритуальное оружие защитницы Клана Алой лилии, Кхэши — небесный метал.

На этот раз в вое толпы послышались уже не удивленные, а завистливые нотки.

— Порука названа. Бойцы на арену и да помогут вам ваши боги. Пусть бобедит сильнейший! По знаку владычицы, можете приступать.

По обычаю все участники этой категории должны были биться не прибегая ни к оружию, ни к броне. Сейчас тело Сайры было практически полностью обнажено. Тонкая набедренная повязка и два ромбовидных лоскутка ткани, прикрывавшие ее соски, вот и вся одежда.

Похотливые человеческие самцы, принялись создавать в своих головах извращенные картины, в которых главными героями были естественно они сами и это мускулистое и очень холодное тело вурдской красавицы.

Треп Пана, Ахиллес слушал в пол уха. Он не понимал. Как же так? Ведь Рея ясно объяснила, что именно на торге вурды выставят в качестве своей поруки самца…. Тьфу ты — мужчину, ради которого, он собственно сюда в приперся. Ну, пусть не только ради него, но все-таки. Где же этот продолжатель рода людского и что делать теперь самому Ахиллесу? Со своими невеселыми думами он обратился к Аресту. Естественно мысленно.

— Арест что ж мне делать? — задал он риторический вопрос, после того, как изложил суть создавшейся ситуации.

— Как что? Биться за Сидскую принцессу. А что там случилось с вурдским пленником узнаешь сразу после этого боя у самой Сайры… Если конечно после него еще сможешь говорить.

— Тьма тут всех побери… Но ведь Рея четко объяснила, если я не выполняю порученную мне миссию, меня ждет вечная мука. Что же тут твориться хотел бы я понять!

— Да что ты так боишься? Это она ведь сказала, что здесь появятся оба пленника ведь так? — морда херувима посмотрела на Ахиллеса.

— Так. — согласился тот.

— Тогда в том, что она ошиблась в своих видениях, вины

твоей нет, а если она нарушит данное тебе слово, ее саму ждет неминуемая кара. Говорят высшие Боги очень щепетливы, когда дело заходит о равновесии. Ни кто не может нарушать принципов мироздания. Так что уничтожить тебя за то, что вурды не соизволили прислать на эти соревнования своего пленника, никто не станет. И вообще, отстань от меня. Схватка уже началась. — Арест снова уставился на желтую арену Торжища.

Первым напал кен. Он был серебряной масти. В своей Алле Катон занимал звание равносильно полководцу у людей. Он, как и все кены был прекрасно сложен. В его движениях чувствовалась мощь и уверенность. Правда после объявления его противника, некоторые зрители, отметили, как по его бородатому лицу прошла волна удивления. Еще бы! Многие бились с последователями куншу, но ни кто, ни когда, с самой Защитницей.

Катон понимал. Скорость — вот в чем он уступает противнице, а значит здесь надо действовать хитростью. Подскакав к неподвижно стоящей самке, он первым делом попытался ударить ее передними копытами. Но как он и предполагал — он промахнулся. Защитница ловко отскочила вправо и тут же провела свою атаку. Высоко подпрыгнув, она нанесла прямо в воздухе серию ударов своих нижних конечностей. Катон легко парировал их своими блоками, но был вынужден отступить. Толпа с громким ревом приветствовала обе атаки. Стали слышны отдельные людские крики, которые желали видеть Защитницу растоптанной под копытами кентавра. Кен прекрасно понимал людей, которые всеми силами души ненавидели расу вурдов, так как и сам боялся этого народа. Однако симпатии толпы, это не победа. Победу необходимо было завоевать.

Следующая атака Катона, была не столь молниеносной, сколь неожиданной. По крайней мере, он сильно на это рассчитывал и… проиграл.

Кентавр снова попытался атаковать защитницу своими передними копытами, но на этот раз это был обманный трюк. Как только противник ушел от двух молниеносно брошенных копыт в левую сторону, кен опустился на передние конечности и тут же лихо задрав свой круп, перекрутился вокруг своей оси и нанес, как думал сам Катон, неотразимый удар своими задними конечностями. Ведь если брать во внимание длину туловища кентавра плюс длину его задних конечностей, расстояние атаки сильно увеличивалось и действительно могло стать неожиданностью для любого противника.

Сайра действительно не была готова к такому удару. Уж

очень он был не типичен для кенов, к тому же, согласно их физиологии, он был просто нереален. Но защитницу с детства учили в битве не думать головой, а отдаться рефлексам и памяти тела. Она так и поступала, поэтому смертоносный удар задних копыт ушел в ничто. Вурдская защитница, упав на песок с неимоверной быстротой перекатилась под брюхо Кена. При одном из переворотов, она высоко подняла свою левую руку. Когти, позволявшие самке держаться на прямом стволе любого дерева (за исключением Маол естественно), с легкостью пронзили брюхо Катона и провели пять страшных росчерка от его мужского естества до передних конечностей. Из разорванной плоти, тут же брызнули кровавые ручьи. Даже если бы теперь, кентавр и выиграл бой, жить ему осталось совсем немного, так как защитница разрезала пополам все главные пищеварительные органы.

Победа осталась за смертоносной самкой.

Катон от боли и удивления, поднялся на дыбы, тем самым давая возможность Сайре перекатиться к передним копытам. После того как тело Сайры очутилось перед передней частью туловища кентавра, она молниеносно сложилась в комок, так как лежит человеческий плод в материнской утробе, произвела упор на руки и с неимоверной силой выпрямила свои красивые обнаженные ноги. Удар был настолько силен, что нижнюю часть лошадиного тела кенатавра подкинуло высоко в воздух. Но и этот удар не стал для него последним. Приняв нормальную стойку из положения вниз головой, защитница тут же добила своего противника двумя ударами ног. Первым она поразила грудную клетку кена, вторым его голову. Удар был боковым и пришелся в висок. Катон словно мешок с костьми, замертво повалился на золотой песок арены и испустил дух.

Постояв над поверженным противником, она прислушалась к наступившей тишине. Многотысячная толпа переваривала только что увиденное и вдруг взорвалась восхищенными воплями. По традиции победитель, после своей схватки обязан был склонить свою голову в знак почтения перед Гивейнской царицей. Повернувшись лицом к деревянному сооружению на первой ступени которого восседала Гимина, защитница дерзко посмотрела той прямо в глаза и обомлела. По левую от царицы руку, на продолговатой скамье восседал…..АХИЛЛЕС.

'О тени великих предков!' — только и смогла подумать Сайра.

Забыв про требуемый ритуальный кивок, она резко повернулась к повелительнице Гивейна спиной и направилась к своей боевой одежде, аккуратно сложенной возле центрального входа арены под присмотром одного из подручных Михруаба.

Подойдя к своим кожаным доспехам, она еще раз бросила пронзительный взгляд на царственное ложе и тут же скрылась в деревянном строении, служившим бойцам чем-то вроде дома отдыха и сосредоточения, перед каждой из схваток.

Тирэк незамедлительно прошел к центру арены. Пока суетившиеся рабы выносили тело поверженного кентавра и приводили в порядок золотой песок, он принялся рассказывать о следующем бое, его участниках и предоставленных ими Поруки.

День открытия боев с участием бойцов соизволивших померяться силами в первой категории прошел для Ахиллеса очень даже плодотворно. Ахеец подчеркнул для себя массу полезных знаний о физиологии каждой из разумных рас Аль-Азифа. Бывали такие поединки которые длились по несколько минут. Это считалось очень продолжительным периодом. Обычно, поединок кончался после первой же атаки одного из бойцов. Например когда на арену вышли Невр — Рванное ухо и сидский воин Курлун все кончилось так и не успев начавшись. Гимина подала знак, прозвучал удар бронзового гонга и в следующую секунду последовал молниеносный прыжок невра и по песку покатилась откусанная человеческая голова. Таких боев было полным полно. Однако толпа веселилась и не огорчалась, так как желающих стать обладателями ветви Маол, всегда было предостаточно. Схватки следовали одна за другой. Уже практически вся арена была покрыта кровавыми пятнами. После того, как Тирэк объявил об окончании первого дня боя, Ахиллес поставил в известность Гимину, что сегодня проведет ночь в торговых шатрах. Царица непродолжительное время, что-то обдумывала, но в конце концов согласилась. После того, как ее свита и гости двора, по опущенной со второй ступени трапу, поднялись на верх, был спущен самый длинный и широкий трап первой ступени по которой и на землю и сошли оба приятеля.

— Да… Знаешь Арест, а я в какой-то мере даже благодарен вурдским старейшинам, за то, что они не соизволили направить сюда в качестве поруки своего пленника. Что-то я сильно сомневаюсь в том, что мне удалось бы голыми руками справиться с Сайрой и при этом остаться в хорошей форме для того, что бы продолжить дальнейшие бои во второй категории.

— Я то же. — глубокомысленно заметил херувим.

— Ладно пошли искать нашу старую знакомую. Как бы там ни было, пришло время выяснить, что нам грядущее готовит.

Человек и херувим снова принялись рассекать толпу. Люди расходились в почтительных поклонах теперь уже не только перед херувимом но и перед странным человеком, что сегодня восседал рядом с самой царицей Гиминой.

***

Сайру трясло. Она получила ощутимый ментальный удар при последнем бое за выход из группы. Нанес его выродок. Его племя обитало где-то в предгорье гоблинских земель. Они были сильными бойцами и обладали к тому же хорошими задатками силы. При отражении прямых и очень быстрых атак рук, защитница чуть не пропустила основную — ментальную атаку. Ей все-таки удалось выйти с честью из этого боя. Более того, на ее теле не осталось ни одного синяка или сломанной кости, но вот голова раскалывалась. Теперь она лежала в своем шатре и анализировала то, каким образом выродку, удалось при проведении физического давления, сосредотачиваться на столько хорошо, что он был способен совершать столь мощные ментальный выпад. Ведь всем известно — что бы заглянуть в чужие мысли, сотворить иллюзии или же подавить чужую волю необходимо полное сосредоточение и покой. Да многие искусные маги могли входить в мысленный транс, по типу боевого, в который впадала сама Сайра и совершать все выше перечисленное не только при полной тишине или сосредоточении, но и когда он оказывался в гуще боя. Такие редкие индивиды даже в период битвы, когда вокруг свистят стрелы и рубятся многотысячные рати, могли совершать потрясающие вещи, но для этого необходимо было обладать таким мастерством и познанием самого себя, что было просто нереальным подозревать во всем этом, такое дикое и бестолковое существо, как выродок. Да, его предки были людьми, да он жил в диких местах среди ужасных животных. Поговаривали, что в гоблинских горах даже истинные драконы встречались во множестве, и все-таки… Но факт был налицо. Выродку почти удалось вскипятить ей мозги.

— Извините госпожа. К вам посетители.

— Михруаб я же тебе на едином языке объяснила. Что бы не произошло, я занята. Ты что хочешь, что бы я полакомилась твоей силой раньше отведенного на то срока? — с нажимом произнесла защитница.

— Нет госпожа, но к вам пришли не простые гости. Я их выпроводить не в силах. Они… — послышался тихий крик и испуганный Михруаб влетел в шатер вместе с самим пологом.

— Ты чего это Михруаб заставляешь меня применять к тебе силу. Мы ведь отлично поладили по дороге в этот город, зачем ты хочешь заставить меня считать из-за своей персоны, все племя гоблинов моими врагами?

Сайра не спутала бы этот голос и акцент, ни при каких обстоятельствах.

'Что ж, меня решил посетить сам Ахиллес царь Мирмидонцев или как там нарекается его племя?'

В ее груди что-то приятно защемило. Через секунду в шатер вошел Ахиллес собственной персоны со своим неизменным спутником херувимом.

— Защитница. — человек склонил свою голову в церемониальном поклоне. — Ты сегодня билась просто великолепно. После лицезрения этого, могу с гордостью отметить, что на мой взгляд, тебе нет равных на этой арене… — Ахилл немного подумал и окончил — за исключением пожалуй невра.

Сайра лишь кивнула головой, словно принимая слова человека, как что-то само собой разумеющееся и с удивлением отметила про себя, что эта человеческая оценка ей приятна.

— Однако ты пришел не для того ведь, что бы выразить мне свое восхищение? Ведь так!

Ахеец посмотрел на херувима и потом принялся осматривать внутренний интерьер шатра.

— Ты права Сайра. Я здесь для того, что бы кое что выяснить.

— Тогда ближе к делу, у меня завтра нелегкий день.

Ахиллес сложил возле входа свой тяжелый щит с торчащим из него рукоятью бронзового меча и облокотил на него свое копье. Подойдя к гоблину он обратился к нему с просьбой принести для него, что ни будь перекусить и выпить. Михруаб проворно скрылся. За шатром стало слышно, как невысокий хун стал отдавать резкие шипящие приказы на своем родном языке. Расположившись по правую от Сайры руку, он принялся рассматривать великолепное тело защитницы.

— Надеюсь платить за заказанную пищу у тебя есть чем?

— Да конечно. Мы теперь при деньгах. — при этих словах он посмотрел как недовольно фыркнувшего Ареста.

Херувим по своему обычаю улегся мордой к входу и прикрыл свои золотые глаза.

Впрочем я уже это поняла, после того, как узрела твою скромную персону, возле царицы этого города.

— При чем тут Гимина? — удивился Ахилл. — Я заработал деньги в честном поединке после того, как ты любезно отказала нам в нашей просьбе.

— Уже Гимина… Похоже вы стали с царицей довольно близки человек!?

— Да уж. С ней мне удалось познакомиться намного ближе чем с тобой. — пытливый взгляд голубых глаз смотрел Сайре

прямо в лицо. — Хотя, признаюсь хотелось бы наоборот.

Сайра поняла что краснеет.

'Да что же со мной твориться?'

— Перейдем к делу человек. Мне не досуг слушать о твоих любовных похождениях.

— К делу так к делу. — согласился Ахиллес.

В шатер вошел один из рабов и положил перед человеком деревянную миску с кусками жаренного мяса. Следом другой раб принес глиняный кувшин с белой жидкостью.

— Что это? — спросил он раба указывая на кувшин.

— Свежее молоко морской коровы. Этот напиток очень благороден и полезен. Это знак внимания моего хозяина к столь великому воину.

— Ладно иди. — он рукой отпустил раба и обратился уже к херувиму:

— Арест, что за морская корова? Это питье для меня не смертельно?

— Нет. Молоко морской коровы считается очень высоко калорийным продуктом. Не всякий аристократ может позволить купить себе этот напиток. Люди Аргоса иногда торгуют с нейридами. Этот напиток — выделение молочных желез их домашних животных. Вы люди прозвали их морскими коровами.

— Понятно. — хотя насчет калорийности ахеец ни бельма не понял, но выглядеть уж полным неучем перед Сайрой, ему не хотелось. Он отхлебнул прямо из кувшина и тут же почувствовал как по телу пошла приятная волна неги.

— Действительно интересная штука. — согласился он.

Сайра недовольно уставилась на наглого человеческого самца и выпалила:

— Я уже теряю терпенье человек. Говори зачем пожаловал или клянусь тенью предков, тебе не поможет даже твой спутник.

Арест тут же приоткрыл глаза и покосился в сторону Сайры.

'Значит не шутит' — понял Ахиллес.

— Хорошо Сайра я начну, но с твоего разрешения по ходу своего повествования если ты не против, я буду есть. И так…

Ахилл на этот раз долго мусолил основную идею, с которой он пришел в шатер защитницы. Мясо было все-таки отменным, не уносить же его в самом деле с собой, а значит его надо доесть в течении рассказа. Запивая его молоком морской коровы, Ахилл поведал Сайре практически всю историю от начала до конца. Он рассказал ей даже о том при каких условиях произошла их встреча с херувимом. Ахиллес правда благоразумно опустил немощность Ареста, так как знал, что Арест такой пытки не выдержит и не смотря ни на что, может запросто отправить его в

мир иной, не хуже любой богини.

— Так вот! Я и спрашиваю, почему ваш совет решил не отправлять на арену великого торжища, вашего пленника в качестве твоей поруки? — закончил он пережевывая последний кусок мяса.

Сайра сидела словно в прострации. Даже головная боль ушла на второй план. Ей очень не нравился весь затягивающийся узел проблем, который назревал вокруг двух человеческих существ. Что-то больно много персонажей возжелали заполучить их под свою руку. Древние, гремлинская богиня, по всей видимости из самого низшего пантеона, но все-таки. Сайра долго не могла понять почему так важна именно естество сидской принцессы, ведь в болотах Дэви можно было найти еще парочку племен с чистой человеческой линией. Проще было бы захватить одну из их самок и не посылать на этот Торг одну из защитниц кланов. Она тогда прекратила думать над этим вопросом, резонно заключив, что старейшинам виднее, что для их расы лучше. А вот теперь оказывается, что на эту пару претендует и богиня Рея, через воскрешенного ею голубоглазого воина. Но для начала, стоило кое что выяснить.

— Значит ты Ахиллес, утверждаешь, что невры выставят свою поруку в виде сидской самки, именно во второй категории?

— Но это же очевидно. На сегодняшних боях их представитель… Этот… Как его — Рванное ухо кажется — объявил, что его порукой будут две пары бронзовых клыков. Разве ты этого не слышала.

Сайра выругалась про себя, так как после своего первого боя, пропустила объявление Тирэка о втором бое где участвовали невр и Сидский боец. А ведь все из-за того, что ей пришлось лицезреть этого человека рядом с царицей Гивейна. Она то, была уверенна, что волколюди именно в первой категории выставят сидскую самку в качестве своего основного залога. Теперь ситуация складывалась очень неприятная. Отозвать свою кандидатуру из первой категории и забить свое имя на скрижалях Торга во второй, не было ни времени ни…. желания — призналась сама себе Сайра, так как в противном случае ей бы пришлось биться с Ахиллесом к которому (теперь уже Сайра знала наверняка), она испытывала очень пагубное, но в месте с тем приятное для ее естества — ВЛЕЧЕНИЕ. Но ее дальнейшие действия будут целиком зависеть от его ответа на ее следующий вопрос:

— И что же ты намерен делать Ахиллес?

Человек прожал плечами и чистосердечно признался:

— Пока точно не знаю. Но для начала завоюю Мию, после чего вместе с ней наверное отправлюсь в твою страну, где и буду

решать, как мне поступить в дальнейшем. В принципе для этого я и пришел к тебе Сайра, что бы узнать, что мне делать после того, как Мия окажется под моим покровительством.

'Боже какой самонадеянный тип. Он что и вправду решил, что сможет прийти к старейшинам ее расы и потребовать отдать их ценного пленника в угоду его желания!?! Да его разорвут в клочья еще на подступах к Эу-Тай — центральному месту обитания всех древних во время сбора великого Совета.'

— Во первых, — ты должен ее сначала завоевать, а во вторых, — не известно, как себя поведет твоя хозяйка!

— Она мне не хозяйка — холодно заметил Ахиллес. — Арест вот утверждает, что наш договор уже расторгнут, так как я в случае освобождения Мии уже выполнил все, что от меня требовала Рея. А ее просчеты не моя забота.

'Нет ну какой же все-таки осел! Кто же верит в честность богов…. Ну или по крайней мере младших богов.'

— Вот тебе мой ответ человек. Если ты завоюешь поруку невров и останешься при этом жив, я даю слово, что не буду препятствовать твоему продвижению в земли вурдов. Более того, я самолично сопровожу тебя до границ моего клана. Подойдя к водам Сириуса, ты станешь лагерем, а я отправлюсь для выяснения воли великого Совета древних, после чего и объявлю тебе о его решении.

— Что ж порукам. — согласился ахеец.

Он протянул ей свою загорелую руку и пристально посмотрел в пучину ее глаз. Сайра до сих пор не была знакома с таким жестом, но решила последовать примеру человека и так же протянула свою руку. Их ладони соприкоснулись и по телу защитницы прошла теплая волна нестерпимого желания.

— Арест… Друг, ты не прикажешь Михруабу отвести тебя в наше новое жилье. Сегодня мы переночуем в его лагере. — проговорил он в слух. — Да и еще… Не жди меня. Я приду утром.

Ночь проведенная в жарких объятьях Сайры, оставила в сознании Ахилла множество неприятных воспоминаний, но с другой стороны, он пережил и множество преприятных многократных смертей. Он даже не знал что способен на такое. Тем более после вчерашней ночи с Гиминой! Неприятные воспоминания были связанны с исполосованной спиной. Когти у Сайры, оказались острее лезвия ахейского меча. По началу, ей было больно и она кричала, как дикая черная кошка своих лесов, но потом, познав вкус плотских утех, терзала тело своего первого и как она решила последнего самца, как только ей заблагорассудилось.

Утро ахеец встретил выжатый, как половая тряпка. Он с

трудом мог приоткрыть свои веки. Вся спина горела. Между ног, жгло словно ему пришлось взять по очереди всех женщин Гивейна. Сайра же наоборот, встретила восход солнца с таким воодушевлением, что ей казалось, пожелай она и весь мир перевернется с головы на ноги. Она чувствовала, что теперь способна искромсать на мелкие ломтики не только своих соперников, но и всех богов Аль-Азифа вместе взятых. Быстро приведя себя в надлежащий вид и надев свой извечный наряд, она в последний раз посмотрела на своего возлюбленного и со спокойной душой направилась на свои очередные схватки со смертью. На ее лице красовалась ослепительная улыбка, от которой, у большинства прохожих вставали дыбом волосы по всему телу. Не стал исключением и невр, тот самый, что мучил человеческую самку перед Сидской баней. Проходя мимо их стана, среди которого, она приметила одного очень рослого и крупного по меркам невров воина. Он видать общался с самим Вожаком, так как вел мысленный диалог с склоненной головой. Защитница решила поиздеваться над своим будущим противником. Подойдя к своим врагам, Сайра дружелюбно поздоровалась. Все мигом обернулись в ее сторону и оскалили свои морды.

— Удачной охоты вам властители степей и умного поголовья. — она была сама учтивость.

— И тебе доброй пищи и здоровых рабов. — хмуро ответил Белый. — Что тебе надо Защитница?

— Просто решила с вами познакомится так сказать лично. А вы милые создания. Я бы даже сказала привлекательные, с точки зрения боевого потенциала конечно. Мне будет интересно переломать вам всем шеи. Удачного дня воины. — она развернулась и проходя мимо Рванного уха, холодно заметила — А начну я с тебя.

***

Гемина была с самого утра не в духе. Она то и дело срывалась свою злость на своей прислуге. Дети аристократов недовольно зыркали в сторону своей госпожи, но естественно перечить не смели. А между тем, царица разносила все в пух и прах. Ее бесил тот факт, что голубоглазый воин, сегодня не соизволил даже подойти и попросить ее аудиенции. Она поняла, что этот мужчина покорил ее сердце и если она не заставит его разделить с ней ее дальнейшую судьбу, ей не будет покоя ни на троне, ни в царских покоях. Гимина практически не замечала великолепных боев, которые разворачивались на золотом песке

арены. Она высматривала своим взором только его и поняв, что светловолосый царь иного мира, не соизволил даже прийти сегодня на второй день боев, хотя бы ради того, что бы полюбоваться телом той, с кем еще ночь назад разделил царственное ложе, пришла в великую ярость. Даже когда на арене произошла самая захватывающая схватка, в котором принимали участие Защитница вурдов и их вечный соперник — невр, Гимина рассеянно вертела своей головой то и дело высматривая светловолосого воина в разношерстной толпе зрителей.

И вот наступил вечер. Она в одиночестве восседает на своей постели и раздраженно покусывает свои холенные ногти. Хлопнув в ладоши, Гимина заставила одного из многочисленных слуг, тут же появиться в своей царской опочивальне.

— Позовите ко мне Дерта… Немедленно!

Воин, командир, покрывший себя славой в битве со степными выродками, явился на удивление скоро.

Склонив в раболепном поклоне свою широкую спину, он четко отрапортовал:

— Командир Дерт готов служить своей царице.

Окинув стройную фигуру юноши беглым взглядом, Гимина властно изрекла:

— Спускайся на землю Торга и разыщи мне человека, что присутствовал позавчера на ужине, после чего приведи его ко мне. Если он откажется, используй силу, но так, что бы ни одни волос не упал с его головы. Если на твоем пути встанет херувим… Убей его! — жестко выпалила Гимина. — Все, ступай и возвращайся, как можно скорее.

Дерт был оторван от своего вечернего ужина. Он жил, как и все воины командного состава в отдельных покоях состоявших их нескольких комнат. Рабыня, как раз принесла сладкое, когда в его дверной проем проскользнула быстрая тень. Дерт не боялся ни чего, но что-то ему подсказывало, что эта тень несет в себе опасность. Он подобрался и приготовился отразить возможное нападение. Однако вошедшим оказался не кто иной как слуга царицы.

— Царица желает беседовать с тобой… Немедленно!

В голове воина все перевернулось.

'Неужели царица выбрала меня для продолжения царственного рода?'

Дерт не боялся смерти. Он знал, что тот, кто станет отцом правящего дома, будет умерщвлен согласно древним обычаям Гивейнского государства. Для Дерта такая смерть, означала высшее блаженство. А как же иначе? Его отпрыск станет Аристократом если будет рожден мальчиком и Царицей если

девочкой. Это лучшее что могло произойти в его жизни! Ведь важнее всего в жизни, что ты сделал для своих потомков, нежели то, как ты прожил свою личную жизнь для себя!'

Он бегло опоясался новой белоснежной юбкой, надел на бицепсы правой и левой руки золотые кольца, поправил свои многочисленные косички и позвав рабыню, заставил ее сказать, как он выглядит. Та объявила, что как Бог. Довольный собой, Дерт вышел из своего места проживания и направился во след молодого отпрыска аристократической ступени.

И вот теперь злой на всех и вся, он в сопровождении двадцати воинов ждал когда опуститься трап первой ступени. Задание, которое он получил из уст самой владычицы Гивейна, было странным. Мало того, что этой ночью, Дерт мог погибнуть бесславной смертью, он в добавок ко всему оказался жестоко разочарован от того, что посмел в своих мечтах, заглянуть прямо на брачное ложе самой царицы. И второе было не на много неприятнее, чем первое.

— Все поняли, как кому действовать, еже ли пойдет, что-то не так как надо? — он обратился к двадцати безмолвным истуканам.

Никто не ответил, зато все дружно кивнули.

— Вперед.

И они стали спускаться по вымытым деревянным ступеням.

***

Сайра ликовала. Ей было уже наплевать на то, что Защитнице не позволительны проявление эмоций. Ей было наплевать теперь на весь мир, на всех и вся, за исключением конечно голубоглазого иномирянина. У нее было сегодня прекрасное настроение. После удачного боя, который продолжался целых пятнадцать минут, и который пожалуй войдет в летописи Гивейна, как самый длинный и красивый бой всех времен и народов, в котором самка вурдов просто забавлялась своей боевой славой. Она сознательно не убивала невра на протяжении всей схватки. Она калечило тело ненавистного противника не спеша, постепенно превращая того в волосатую груду мертвого мяса. Каждый ее точный удар оставлял на волосатом теле, как минимум кровоточащий след от когтей Сайры, в худшем, еще одну раздробленную кость. Добила она Рванное ухо, как и обещала их Вожаку, переломав тому шею. Теперь сидя напротив своего самца, Сайра улыбалась своим мыслям и ждала появления раба, который должен был поставить перед Ахиллом его вечерний ужин. Сама защитница была еще не голодна. Херувим разлегся, как всегда напротив входа и заутробно мурлыча, сладко посапывал. Она не могла дождаться,

когда ее избранник утолит свой человеческий голод и займется с нею тем же, чем они предавались вчера. И наплевать на херувима, Сайра хотела все и как можно скорее.

Ахиллес думал о чем то своем, изредка поглаживая обнаженное мускулистое плечо, своей новой пассии. С улицы раздался приглушенный шум. Уши херувима тут же напряглись и принялись отслеживать непривычный для столь позднего часа, звуки боли и мольбы о помиловании. Потом он резко вскочил, но было уже поздно. В шатер ворвались чернокожие воины и мигом окружили каждого из здесь присутствующих лесом копий.

Гивейнские воины приставили свои острия прямо в телам всех трех существ. Теперь малейшее движение любого из них, сопровождалось болезненным проникновением в их плоть, холодных медных жал. Теперь уже ни кто из них был не в состоянии, что-либо предпринять. Оставалось просто выяснить причину столь позднего визита и столь бесцеремонного поведения гивейнских солдат. Из-за спин высоких чернокожих воинов появился их командир. Осмотрев убранство большого шатра, он не спеша направился к Ахиллесу и самодовольно заметил:

— Ну что ж, воин иного мира, называющего себя ЦАРЕМ, не знаю насколько ты хорош в бою, но в других битвах, ты явно умеешь отстоять свою честь. — он не двухзначно уставился на обнаженное тело Сайры.

Защитница зашипела продемонстрировав Дерту свои белоснежные клыки. Не обращая на нее ни какого внимания, он посмотрел на обнаженное тело Ахилла.

— Хотя признаться я не очень понимаю каким это образом. Твое оружие не выглядит столь же устрашающим, по сравнению с твоим великолепным бронзовым мечом.

— Воин, я прощаю тебе твое появление в моем шатре, так как естественно ты лишь выполняешь волю своей правительницы, но вот твое поведение, заслуживает того, что бы я смыл нанесенное тобой оскорбление, твоей кровью.

— Очень страшно Ахиллес. Кажется так тебя величать?! Очень страшно! — Он подошел и дотронулся своей правой ладонью до обнаженной ягодицы ахейца.

Среди Гивенцев мужчин, мужеложничество было столь же естественным сколь и то, что ими правили именно женщины.

Ты красив царь. Не будь у меня четкого приказа относительно твоей персоны, я бы с удовольствием провел с тобой эту ночь.

Сайра побледнела. Она стала входить в боевой транс. Ее зрачки сузились, а тело налилось силой. То что она наверняка получит очень опасные раны, ее не смущало. Она знала точно,

если сумеет вырваться из окружения острых жал, все наглецы будут мертвы. Некоторые острия копий впились в ее обнаженное тело наиболее болезненно, это отдельные воины с садиским удовольствием, давили на свои древки копий, наслаждаясь видом красных стекающих ручейков, что так резко выделялись на фоне белоснежной кожи вампирши. Особенно больно надавил на свое копье один из сзади стоящих солдат. Оно упиралось, прямо в правую ягодицу Сайры. И она взорвалась.

Наклонившись резко в перед, при этом вогнав в свое тело все четыре острия на длину в пол пальца, защитница развернулась на своих носках, и правой рукой отвела от своего тела наточенные широкие медные жала. Ее тело моментально окрасилось в красный цвет. Порезов было предостаточно. Левая рука полоснула по глазам стоящих сзади воинов. Двое из них не успели увернуться и повалились наземь пронзительно оря во всю глотку. Опомнившись, передние воины попытались пронзить беззащитное обнаженное тело в одном единственном выпаде.

Глупцы.

Сайра прыгнула и в следующее мгновение приземлилась уже на их же древки копий. После чего последовала серия ударов обеих ног и еще двое незадачливых солдата повалились наземь с перебитыми коленными чашечками. Те бойцы, что охраняли херувима естественно отвлеклись на шум произведенный их собратьями по оружию и…. поплатились.

Херувим так же не стал беспокоиться о полученных ранах. Он подпрыгнул и двести пятьдесят килограммовая туша, раздавила подмятого под себя гивейнца с легкостью обрушившейся скалы. Послышался противный хруст переломанного позвоночника. Два других темнокожих, повалились с оторванными нижними конечностями. Когти огромной разумной кошки, не оставили им ни единого шанса.

Когда все было кончено, посреди большого шатра остались стоять две фигуры. Одна Ахиллеса, другая опешившего Дерта. Арест с Сайрой, давно переместили свою месть за пределы шатра. С улицы, доносились приглушенные предсмертные крики оставшихся за пологом шатра, гивенских копьеносцев. Ахеец, в прочем как и Дерт, были забрызганы с головы до ног, кровью убитых солдат Гивейна. Повсюду валялись оторванные конечности. Лужи крови, истерзанные тела, да разбросанные внутренности, вот и все, что осталось от отряда прославленных чернокожих воинов, державших в страхе многочисленные людские племена. Несмотря на то, что Дерт все еще был вооружен своим боевым серпом, а его противник, так и остался стоять безоружным, командир испытывал страх. Он понимал, если бы

голубоглазый был обычным человеком, то сейчас бы по крайней мере попытался выбежать на улицу под защиту своих друзей или попытался бы поднять валявшееся оружие. Ахиллес же стоял и пристально вглядывался в лицо чернокожего командира. Пауза затянулась. Наконец ахеец громко произнес:

— Запомни. Ты уже мертв. Но убивать тебя сейчас я не буду. Ты вернешься к своей госпоже и расскажешь, как все что здесь произошло. После чего, готовься к смерти. Первый свой бой на арене, я проведу не с рабами, а с лучшими вашими воинами, среди которых, будешь и ты. В противном случае, весь Аль-Азиф узнает, что имя Дерт гивейнского командира, означает — ТРУСОСТЬ.

Не говоря ни слова, Дерт повернулся и вышел из шатра.

Вторая категория.

Когда на следующий день на песок Арены вышла израненная Сайра, по многотысячной толпе прошел вздох удивления. Ведь все зрители видели что вчера Защитница вышла с растилалища без особых ранений. Что же тогда случилось?

Ее соперником стал еще один невр. Этот бой был заключительным и победитель должен был стать обладателем ветви древа Маол и с гордостью носить титул лучшего бойца Аль-Азифа первой категории.

После того, как противники встали друг против друга, Сайра подняла руку в знак того, что хочет что-то объявить. Это допускалось правилами, так как даже в течении всей схватки, противнику позволялось поднятием руки возвестить, что он хочет держать слово. Обычно это были слова признания своего поражения. Когда защитница подняла руку, толпа ахнула.

Неужели она посчитала себя побежденной. Пусть ее тело почему то исполосовано, а не затянувшиеся раны еще кровоточили, но это ведь самка вурдов! И вообще, откуда взялись эти шрамы? Кто знает?

То что поведала защитница, повергло всех в шок. В особенности нелюдей. По ее словам вчера на ее шатер было совершенно нападение двадцатью солдатами города Гивейна. Все они мертвы, но вот сам факт нападения во время Великого торга, наводит на мысль, что царица Гимина не соблюдает древние традиции, а раз так, то ее раса отказывается в будущем принимать участие даже посредством своих учеников на бойцовой арене великого Гивейна.

После этой гневной речи, многие возбужденно зароптали. Все знали, Торг это богатство и могущество Гивейна. Откажись вурды от своего участия в нем и запрети они своим вольным рабам выступать на этих боях, со временем, зрелищность исчезнет и тогда к Торжищу потеряют интерес и остальные разумные виды. А ведь именно на этих боях, опытные воины могли обучаться тайным приемам боевого искусства других рас. Торговцы зарабатывали огромные барыши. Местные ремесленники так те вообще обогощались неимоверно. Толпа постепенно из отдельных гневных выкриков, стала рожать в своем ненасытном чреве, гневный утробный гул. В очередной раз подняв руку Сайра закончила:

— Но я не буду настаивать на бое чести с воинами Гивейна. Я предоставляю эту возможность воину иного мира — Ахиллесу, которого так же оскорбили, как и меня. Он и откроет завтрашнюю категорию своим боем против десяти лучших солдат этого города… А сейчас, готовься к смерти. — это она уже прошипела своему непосредственному противнику. — Я сейчас очень голодна и ты оказался, как нельзя к стати. — последнюю фразу она адресовала удивленному невру.

— Все закончилось очень быстро. Несмотря на то, что еще в воздухе Сайра получила страшный удар острых когтей пробивших ей печень, она приземлилась прямо на своего противника и с остервенением впилась своими клыками в его яремную вену. Клыки первым делом впрыснули в кровь жертвы, парализующий токсин и лишь затем, начинали втягивать в организм хозяйки, кровь агонизирующего существа. То что она еще не оправилась от своих вечерних ран, да еще в добавок получила, для любого другого существа смертельную рану — НИЧЕГО. Теперь будет время для того, что бы восстановиться полностью. А вот пища, ей сейчас необходима, как ни когда. Сильно уж много она потеряла вчера своей крови.

***

Ахилл посмотрел на десять своих противников. Те стояли в ровном строю. Чувствовалось, что эти солдаты не какой-то там сброд, а люди привыкшие подчиняться командам командира и не раз противостоявшим превосходящим силам противника. Но сейчас, они вышли биться только с одним единственным человеком. Большинство из них считало это равносильно небольшой прогулке. Они стояли в две шеренги. Первая, как всегда была вооружена продолговатыми черными щитами и черными дугами острых боевых серпов. Вторая длинными

полтора метровыми копьями. Ахиллес посмотрел в сторону трибун. В первом ряду восседала Сайра. Возле ее ног возлежал сам херувим. В их сторону косились несколько испуганных солдата почетного караула, которым сегодня так не посчастливилось. Всех их посещала одна и таже мысль — 'Ну почему именно здесь решили смотреть предстоящее убийство своего приятеля, эти два страшных существа, которые вчера, играючи расправились с двадцатью первоклассными гивейнскими бойцами.'

Между тем зрители затаили дыхание. Многие уже знали, что этот странный человек выходец из другого мира. Что он владеет странными приемами ведения боя первой категории. Что у него полноценный медный щит, обитый бронзовыми пластинами и что его острый меч изготовлен из чистой бронзы. Но все сходились во мнении, в том, что противостоять в одиночку против десяти лучших бойцов Гивейна, не способно ни одно существо. Да в битве, где сражаются тысячи, один воин способен уничтожить самостоятельно и не один десяток. Но там неразбериха, а здесь? В общем смелого голубоглазого ахейца, заочно нарекли ходячим трупом. Да, он прекрасно сложен, но его мышечная масса уступала практически любому из его темнокожих противников. Все без исключения сошлись во мнении, что если случиться чудо и этот воин сегодня победит, бои второй категории можно считать закрытыми и останется только ждать его решения. Будет ли он биться с самим Трру, непобедимым мином — обладателем звания Абсолюта.

Ахиллес изучал своих чернокожих противников. Безусловно хорошие бойцы. Дерт находился в первой шеренге. Его взгляд, как бы говорил: надо было меня убить, когда была такая возможность. А сейчас готовься сам к своей смерти.

Прозвучал гонг.

Ахиллес посмотрел в сторону города. На помосте восседала местная владычица, в окружении своих почетных гостей. Усмехнувшись, ахеец начал бой.

Детр даже не представлял, что может сделать, пусть даже исключительный боец, против десяти хорошо обученных воинов. Но как гласит Гивейнская мудрость — Стремящийся познать, обязательно познает. Вот только стоило ли познавать непозноваемое? Правдивость этой мудрости, Дерт почувствовал на своем личном примере.

Ахиллес начал движение неторопливо. Дротиков в руках своих противников он не разглядел, а значит действовать можно было не таясь. Поначалу он медленно, как бы не хотя, обежал ровный строй. Воины даже без команды Дерта, выполнили

необходимое перестроение. Весь строй передвигался вместе с передвижением своего единственного противника. Светловолосый воин был постоянно под прицелом пяти длинных копий. И тут противник начал сближаться.

Ахеец понял, солдаты хорошо обучены, но несколько медлительны. Сказывалась излишняя мышечная масса. После того, как он сделал вокруг построения круг почета, крайне правый воин замешкался. В его глазах читался страх.

Он интуитивно понимал, что когда этот странный боец начнет свою атаку, то скорее всего, начнет ее именно с него. Предчувствие его не подвело.

Ахеец начал сближение. Он со средней скоростью, в считанные секунды покрыл небольшое расстояние и продемонстрировал свой первый прием. Скачок в лево и угол его атаки смещен в левый фланг построения. Скачок в право и под возможной атакой оказывается центр.

Даже Дерт невольно подался на пол шага назад.

Резкий прыжок и прикрывая туловище своим тяжелым щитом, Ахиллес взвился в воздух. Своим левым краем щита, он отвел копье противника второй шеренги и заставил смертоносное острие пройти с правой от себя стороны. Удар занесенной правой руки с тяжелым коротким попьем, пришелся в центр черного щита крайнего воина. В свой удар он вложил то, что херувим называл приемом красной магии. Кончик его копья стал сосредоточением силы, которая ударила сама по себе.

Темнокожий воин успел поднять свой щит и страшный удар заставил его отступить на два шага назад. Ударившись своей обнаженной спиной в щит сзади стоящего товарища, оба повалились на золотой песок арены.

После нанесенного удара, Ахилл тут же забежал в тыл всему построению и перехватив свое копье для метания, в следующее же мгновение, метнул его со всей силой, на которую только был способен. Черное древко с бронзовым наконечником ужалило очень ощутимо. Оно навылет пробило спину первого гивейнсгого ратника, пронзило тело рядом стоящего товарища и обрело покой лишь в плече третьего солдата. Боевое построение распалось на глазах. Медлить было нельзя и поэтому, Ахиллес ринулся в самую гущу своих врагов. Со звоном выхватив меч, он принялся кромсать растерявшихся чернокожих гигантов. За неполных пять минут из десяти человек, на арене остались стоять только двое испуганных гивейнца. В воздухе повисла гнетущая тишина.

Ахилл стоял в между двумя противниками и ждал их ответных действий. Однако ни кто из них не спешил расстаться со своей жизнью и тут произошло невозможное. Два простых

воина подняли в ритуальном знаке свою правую руку, и во все услышанье признали свое поражение. Что ж, Дерт был уже мертв можно было и простить этих темнокожих ветеранов.

Зрительские трибуны взорвались громом рукоплескания. Бои второй категории можно было считать завершенными. Действительно, ни кто больше не посмел выйти и оспорить воинское превосходство светловолосого имномирянина.

Абсолют.

Гимина была в бешенстве. Она уже в десятый раз отмерила расстояние совей опочивальни. Ее душила злость и страх.

'Этот человек должен умереть. Но кто на это способен. Своей удивительной техникой, он поверг в шок даже бывалых солдат ее народа. Все граждане Гивейна вместо того, что бы возненавидеть голубоглазого, теперь боготворили его, как настоящего бога.'

— Повелительница к вам посетитель. — молодой аристократ испуганно склонил свою спину, как обыкновенный воин, хотя по этикету, должен был просто преклонить свою голову.

— Кто там еще? — в бешенстве выпалила царица.

— Предводитель Минов Трру.

'Хвала богам. Вот и решение всех проблем'

— Пусть войдет. — тихим шепотом произнесло царица.

В покои Гимины вошел тот, кого долгое время называют не иначе как Абсолют. Мин имел два с половиной роста в вышину. Его большие дугообразные рога были покрыты позолотой. Широкая бочка образная грудь. Громадные узлы нечеловеческих рук. Казалось одного удара кулака, хватило бы для того, что бы отправить в беспамятство даже тягловое животное хунов. Черные бусинки холодных глаз, презрительно уставились на ту, перед взором которой падали ниц тысячи свободных поданных.

— О великий воин… Рада тебя приветствовать в своей опочивальне. Хорош ли был твой путь к стопам моего града? — учтиво поинтересовалась царица.

— Нет. На мой отряд не соизволили напасть даже самые паршивые выродки твоей расы. — с характерным скрипом в голосе ответил рогатый гигант. — Мой топор давно не пробовал свежей крови и это меня тревожит.

— Ну, ты же знаешь великий Трру… Торг! Все обиды на время забыты. Многие еще чтят древние заповеди наших предков.

— Да, я знаю. — фыркая произнес мин.

— Но твое страстное желание услышано богами. Тебя ждет великий бой. На нашем золотом песке появился воин осмелившийся бросить вызов самому Трру. Он кричал у всех

торговых палаток торговцев, о том, что Трру трус и что если он завтра не появиться перед ним на растилалище, он будет считать расу минов лишь скотом пригодный в пищу.

Трру издал такой рев, что от страха, Гимина невольно присела.

— Я только прибыл в твой город царица и думал, что бой за обладание будет только через два дня. Что же произошло и кто этот червь, посмевший бросить мне вызов прибегая к таким словам, порочащих доблесть всей моей расы.

— Ахиллес. Царь каких-то мирмидонцев, пришедший в наш мир для того, что бы уничтожить по его словам все расы нелюдей и возродить величие ЛЮДЕЙ.

Мин долго буравил Гимину своим тяжелым взглядом, после чего торжественно произнес:

— Он умрет завтра. Прямо на арене Торга и из его черепа я сделаю себе чашу из которой будет пить любой из моих многочисленных рабов.

***

Белый был в бешенстве. Он увидел вчера того, которого можно смело назвать Абсолютом. Да, его питомец ему не ровня, а по сему он должен умереть. Отдав своим двум оставшимся в живых подчиненным приказ, приготовиться для выступления, он вышел на улицу. Долго бродя среди ненавистного им сброда торговцев, Белый подошел к сараю, который охранялся отрядом гивенской стражи. Это деревянное сооружение было местом где хранились, все выставленные бойцами поруки. Здесь ютилась и та, которая была объявлена неврами своей залогом на этих боях. Та, которая теперь должна была стать собственностью голубоглазого человека. Подойдя к страже, Белый объяснился с их командиром и заплатив большую мзду, направился в сопровождении пяти воинов в глубь строения. В бамбуковой клетке сидела его недавняя пленница. Увидев приближение невра, принцесса закрыла от него своими ладонями лицо и стала рыдать.

— Запомни самка. Я еще полакомлюсь твоим мясом. Пусть не сегодня, но обещаю тебе, что это произойдет в недалеком будущем. — его мысли были столь же остры как и его два клыка, которые по обычаю этого народа, располагались на спине в драконьих ножах.

При каждой мысли принцесса еще больше сворачивалась в комок. Комок страха и унижения.

— До встречи Мия. — развернувшись, Белый направился в

свой походный стан.

Вожак твердо решил, что Сидская принцесса, которая так необходима вурдам, не достанется ни кому. Даже минам. Если после сегодняшнего поединка, все достанется человеку, он атакует его караван при выходе из лесной чащобы Гивейна и единственной целью этой засады, станет именно принцесса. Если же сидская самка достанется минам (в случае если победитель второй категории решался вызвать на поединок самого Абсолюта, в случае своей смерти, все поруки передавались победителю), то невры совершат аналогичное и с их караваном. Белый понимал, скорее всего все они погибнут.

'Но и принцесса не останется жить.'

Войдя в купленный у хунов расписной шатер, он отдал новый приказ:

— Идем посмотрим главный поединок после чего немедленно покидаем торг и в лессу станем ждать дальнейших действий со стороны сегодняшнего победителя.

***

Ахиллес словно в нерешительности переминался с ноги на ногу. Далеко впереди стоял его огромный противник. Херувим ему довольно подробно описал и даже показал то, как выглядит любой из минов. Да, противник этот выглядел во истину устрашающе. Победить такого, в честной схватке, не представлялось ни какой возможности. Арест настойчиво убеждал Ахиллеса отказаться от его участия в сегодняшнем бое. Но у Ахиллеса не выходили из головы брошенный ему вызов одним из рабов рогатых.

После того, как он с Сайрой и Арестом сидели в шатре Михруаба и обменивались впечатлениями от победы Ахиллеса над десятью гивейнскими солдатами, в шатер проскользнул невысокий гоблин из слуг главы каравана, и заикаясь объявил, что великого воина хочет видеть один из рабов минов. Рабом оказался человек. На носилках внесли изуродованное тело. Раб принадлежал к расе аргосцев. Руки и ноги бедного человека были отрублены и из их обрубков брызгали во все стороны кровавые струи.

— Мой хозяин, велел тебе передать, что завтра с тобой будет так же. Даже если ты и не выйдешь на бой, Трру настигнет тебя где бы ты ни спрятался и после этого, ты будешь питаться только испражнениями своего нового хозяина.

Как тут было отказать? Тем более, что умирающий аргосец при последнем издыхании вдруг прокричал:

— Отомстите господин!!! Отомстите за всех людей Аль-Азифа.

И Ахиллес принял вызов, хотя до этого ультиматума откровенно говоря подумывал отказаться от завоевания титула АБСОЛЮТА.

И вот теперь должен был прозвучать гонг, который быть может, станет последним звуком, которое перед смертью запомнит человеческое ухо.

Мин был безусловно грозным соперником. Два с половиной метра в высоту. Его тело лоснилось от силы и решительности. Прикрывал он свое тело огромным бронзовым щитом. В его левой руке, державший щит, находилась огромная бронзовая секира. В своей правой, минотавр играючи подкидывал нечто вроде метательной топорика, который с точки зрения людей, выглядел, как самый настоящая Топор.

Ахеец понимал. Схватку он может выиграть всего лишь одним единственным ударом. Второго просто ему не дадут.

Гулко ударил бронзовый гонг.

Среди зрительских трибун, можно было услышать полет гивейнской мухи. Тишина была гробовая. Она словно обрела плоть и кровь. Казалось протяни руку и ты почувствуешь ее тело.

— Да поможет тебе Тьма и Бесконечность. — промелькнуло в голове Ахиллеса, слабое напутствие херувимовой мысли.

— Да свершиться задуманное. — прокричал ахеец и ринулся на врага.

Обоих противника разделяло около двухсот шагов. Приблизившись к своему противнику на сто шагов, ахеец казалось дрогнул и первым метнул свое копье. Черное древко, пропело в утреннем воздухе свою смертельную песнь и с тихим шипением пробило выставленный на его пути защиту. Толпа ахнула представив, с какой силой оно было пущено.

Трру не ожидал этого броска. Он прекрасно понимал, что человек для него лишь букашка под стопами Тула (ездового животного сидкой аристократии). В ближнем бою ему ни чего не добиться, а значит человек будет стремиться вести бой на расстоянии длины своего копья. И вдруг этот молниеносный бросок. Трру едва успел прикрыть свою голову. Щит был пронзен насквозь. Наконечник копья срезал половину правого рога. Больно не было, но вот нанесенное оскорбление, было огромным. Ведь Мин потерявший в битве свои рога, считался побежденным, даже если и уничтожал всех своих противников.

Ярости Тирра не было границ. Из пасти повалила пена. Размахнувшись, он что было силы метнул свой метательный топор.

Ахиллес тут же получил ответный выпад. Бронзовый топор пробил насквозь не только медь и бронзу щита, но и бронзовые пластины плечевого доспеха. Вынув на ходу свой меч, ахейцу пришлось откинуть щит в сторону. Боль придала силы и уверенности. Расстояние сокращалось с каждым мгновением.

Тирр с удивлением увидел как после его броска топор поразил насквозь большой щит противника, поле чего на расстоянии в двадцати шагов разделявших обоих претендента, человек выбросил свой щит и не останавливаясь продолжил свой стремительный бег.

Тирр настолько был поражен этим фактом, что на мгновение запоздал. Ведь по логике вещей, человек должен был остановиться и освободить из тела щита его метательное оружие. Просто глупо сближаться с самим минном, будучи вооруженным лишь пусть и бронзовым, но все-таки небольшим мечом.

Он перекинул из левой в правую руку свою страшную секиру и попытался нанести сокрушительный удар, который должен был рассечь тело презренного человека от плеча до пояса. Однако лезвие секиры разрезало лишь воздух. Более того, не найдя своей цели, тяжелое оружие потянуло своего хозяина за собой, заставив мина немного податься в перед.

Ахиллес увидел, как минотавр, замахнулся своим гигантским оружием и перед тем как воплотить задуманное в реальность, сделал прыжок в право. Приземлившись на опорную правую ногу, он присел.

Огромное бронзовое острие, срезало локон конского хвоста с его шлема.

Тут же оттолкнувшись, он бросил свое тело по правую сторону от своего противника и с остервенением вонзил тому между надбровных дуг, свой оточенный клинок. Пролетев мимо мина в нескольких сантиметрах, ахеец неудачно приземлился и чуть было не растелился ниц за спиной своего огромного врага. Он подвернул ногу.

Было больно.

На своего врага он даже не оглянулся, так как нутром почувствовал — схватка окончена. Переведя дух, он с замиранием сердца обернулся и увидел, как грузное тело с шумом повалилось на золотой песок арены.

Толпа с полной тишине имела удовольствие наблюдать, как после молниеносного и совершенно не естественного прыжка человека, АБСОЛЮТ остался стоять с торчащей из своей головы рукоятью меча.

Еще некоторое время, Трру с удивлением взирал на торчащее из своего лба гарду бронзового клинка, после чего, его разум

навсегда покинул пределы этого мира.

***

Прошло пара дней. Сайра хлопотала над небольшой, но очень глубокой раной своего самца. Ахейца проняла горячка и сразу после боя он потерял сознание. Рану пришлось зашивать шелковыми нитями хунов. Эти нити, они добывали разоряя гнезда огромных горных пауков. По прочности, они не уступали даже льняным канатам толщиною с руку воина. Однако они имели еще одну очень положительную особенность. После шести дней соприкосновения с телом теплокровного существа — они таяли, не оставляя и следа от своего пребывания. Глава гоблинского каравана, вместе с которым и прибыли в Гивейн трое спутников, хлопотал вокруг Ахиллеса точно был его родным родственником. Еще бы. О том, что его караван в пути охранял сам АБСОЛЮТ, в сором времени узнает весь торговый люд этого мира. А это почет и возможность для заключения очень прибыльных торговых сделок на всю оставшуюся жизнь.

Празднования по поводу закрытия великого торжища, должны были продолжатся еще целую неделю. Однако Михруаб совершенно бескорыстно обещал Аресту и Сайре, что дождется поправки великого воина и отправиться вместе с ним хоть на край света. Сайра ему объявила, что отправляться скорее всего придется в обратный путь. Путь который лежал к великим водам голубой реки Сириус, на берегах которой, обосновалась могущественная раса вурдалаков Аль-Азифа. Она не забыла того, что пообещала своему человеческому избраннику.

Арест помня о миссии своего двуногого друга, распорядился перевести сидскую принцессу в загон для рабов Михруаба. Самка была испуганна, но когда увидела, что теперь ее новый хозяин херувим, быстро успокоилась и тихонько ожидала своей участи. Как-то вечером, проверяя гоблинские посты, херувим подошел к загону и подозвав к себе принцессу объяснил ей, что отныне ее судьба находится в руках раненого голубоглазого человека. Имя которому отныне — Абсолют.

***

Ту которую называли в этом мире Рея, была очень довольна своим нынешним состоянием. Она уже позабыла, когда в последний раз чувствовала такой прилив силы. Да пищи, пока было не много и ее количество не давало возможности обрести былое могущество, но зато она была постоянной. Путь ее

создания, отмерялся завидным количеством крови и страха — теми компонентами, которые и позволяли низшим богам существовать. Да ей пришлось нарушить основы бытия и без ведома старших и Неназываемого, извлечь из плоти Творца бессмертную человеческую душу. Остаток своих сил, она потратила на создание аналога физического тела, того, которого в его мире нарекли — Ахиллесом. Он пока не выполнил своего предназначения, того, на что так надеялась богиня гремленских просторов. Зато она видела, что человек так и не понял, что именно она зависит от него, а не наоборот и значит остается шанс дождаться воплощения своего плана и в последствии, стать главным хозяином всего этого мира, а там…

Начало.

Месть.

Гимина была в не себя от раздирающей ее нутро злобы и бешенства. Еще бы. Царица Гивейна, одна из самых прославленных ведьм Аль-Азифа, не смогла сотворить, уберечь, удержать, да назови это как угодно, хоть ЗАСТАВИТЬ, остаться подле своего ложа этого странного, голубоглазого красавца. Человека, который не смотря на то, что выглядел, как забавная красивая игрушка, сумел завоевать титул АБСОЛЮТА.

Царица мерила шагами свои огромные покои и все больше ощущала в себе неукротимую жажду крови.

'А ведь все это не спроста. Как же я раньше этого не додумала!!? Гимина, Гимина ну неужели ты раньше не узрела во всем этом потаенный смысл. Ну где ты скажи на милость, могла видеть человека, херувима да вурдскую защитницу, путешествующих в одной дружной компании! Да, что-то тут не чисто. Даже не смотря на то, что человек и поведал ей свою историю и предназначение, его появления в этом мире, сплетение судеб остальных двух его спутников, ну ни как не укладывалось в общую картину. Ну не человеческий же раб херувим, в самом-то деле. Это ведь абсурд. Будь Ахиллес хоть трижды Абсолютом, с Арестом ему не справиться. А значит херувим преследует какую-то свою цель. А вурдская самка? Не влюбилась ведь она в человеческое отродье!? В того, чью расу вурды испокон веков привыкли употреблять в пищу и заставлять вынашивать свое естество.'

— Димитр! — позвала царица своего слугу.

Гимина приняла решение даже не смотря на то, что ей это решение противило. Делать было нечего. У людей наделенных

силой и прозванных в этом мире магами, колдунами и ведьмами, существует поверье. То, чего хочет добиться маг, должно быть притворено в жизнь. Посмей хотя бы раз усомниться в своих силах или не достичь желаемого и вся твоя сила улетучиться, как кристалл горной воды подставленный под обнаженные лучи дневного светила. Вера будет поколеблена, а вера в магии — это краеугольный камень ВСЕГО.

— Слушаю моя царица. — слуга покорно преклонил перед повелительницей свою голову.

— Отправляйся на ступень ремесленников и передай начальнику стражи, что царица желает разговаривать с предводителем минского отряда. Пусть его сопроводят в мои покои и немедленно.

— Слушаюсь. — не скрывая своего удивления на лице, произнес Димитр.

Это было действительно странно. После захода солнца в город запрещалось впускать даже богов (прими они телесную оболочку). Тот кто прибыл в Гивейн с закатом, должен дожидаться рассвета пока не опустится первый трап городской пирамиды. И это нерушимое правило тысячелетиями оправдывало свое существование. За две тысячи лет существования Гивейна, город еще ни разу не был захвачен ни одной из проживавших на Аль-Азифе рас. А тут такой приказ! Ночью спуститься на землю и найти ужасных минов. Более того вернуться с их ярлом, который наверняка и так взбешен после гибели их конунга Трру. Скорее всего тот, кто сегодня предстанет перед очами этого мина с таким требованием, уже ТРУП.

'Что ж, мое дело малое. Приказано передать приказ начальнику стражи, значит так тому и быть. Не мне же отсечет голову острая секира надводных повелителей!' — с такими мыслями Димирт, как можно быстрее покинул покои своей прекрасной госпожи.

Тем временем Гимина подошла к отполированному бронзовому диску и принялась поправлять свой тонкий макияж. Она решила нанять минов для того, что бы те уничтожили наглого человека и херувима, а заодно и вурдскую защитницу. Пока они располагаются в пределах торжища, царица не могла отдать приказ об физическом устранении того, кто еще пару дней назад, завоевал имя АБСОЛЮТА. Но вот после того, как человек и его спутники покинут пределы гивейнских лесов, царица за их жизнь не в ответе. Единственное, что было неприятно чернокожей повелительнице от принятого решения, так это то, что придется лечь под этого огромного мина. Она понимала, что только таким образом, возможно было заставить огромного воинственного

минотавра, выполнить свою просьбу. Гимина прекрасно знала, как минотары падки на человеческих самок.

Чести ради надо признать, что и те в свою очередь платили им тем же, так как таких детородных органов, как у морских повелителей надводных просторов, не было ни у одной из рас Аль-Азифа. Именно мины считались лучшими любовниками этого мира. Конечно если это происходит по обоюдному соглашению, а не является актом насилия. Во втором случае, для человеческих женщин, соитие становилось хуже пытки.

***

Вот уже вторые сутки Белый со своими двумя оставшимися воинами, ютился под одним из многочисленных стволов черного, как уголь, стволов древа Маол. После смерти Рваного уха, которого так играючи одолела ненавистная вурдская самка, и лицезрения боя за звания Абсолюта, в котором этот странный человек одолел при помощи всего лишь одного единственного удара своего меча, самого Трру, Вожак решил не искушать судьбу и не выпускать на растилалище своего питомца. Повелитель Мирта после долгих размышлений принял единственно верное решение. Укрыться в лесу и следить за караваном хунов и после того, как тот свернет свои шатры для обратного путешествия, невры атакуют гоблинский караван, как только тот покинет гивейнские леса. Уж тогда, он даст полную свободу для своих острых клыков. Он поклялся именем Анибуса, что не даст ускользнуть ни сидской принцессе, ни таким опасным врагам, как херувим и защитница. Напасть на столь сильных противников, Белый решил неожиданно и с точки зрения человеческого и минского понятия о ведении войны — против чести. Но что ему какое-то смутное слово — честь!? Для невра главное победить врага и вернуться в свою нору с достойной добычей или же посмертно покрыть свое прозвище великой славой. Вот, ради чего стоит жить, и вот ради чего, они втроем нападут на торговый караван именно под покровом ночи. Первым делом, Белый рассчитывал отправить к праотцам сидскую принцессу Мию, а там уже по возможности и всех ее сопровождающих. План был прост, заманить подальше от места убийства всю троицу, после чего уничтожить их или же погибнуть самим.

'Хотя нет, погибнет Черная смерть и второй воин. Мне придется остаться в живых, для того, что бы воспитать нового приемника, а ежели победит в одном из поединков мой питомец — вместе с ним вернуться в Мирт и с достоинством передать ему всю власть над всей нашей расой.'

Черная смерть, лучший самец среди невров и всего Логова, наблюдал за станом низкорослых хунов, в котором после битвы с Конунгом минов, жил новый Абслолют. Питомец Белого был не доволен решением Вожака, но перечить не спешил, так как понимал, что тот кто на протяжении почти ста лет является бессменным Вожаком Мирта не является глупцом и видит намного дальше чем самый дальнозоркий охотник. Черный хотел сразиться с человеческим отродьем, так как даже после

лицезрения удивительной победы голубоглазого над конунгом, все равно считал, что человек ему не соперник. Питомцу Белого показалось, что нынешний Абсолют одержал победу благодаря своей хитрости, а не великому воинскому искусству, как после этого боя твердили практически все расы Аль-Азифа. Черные продолговатые зрачки на песочном фоне радужной оболочки, пристально следили за тем, как текла размеренная жизнь всего Торга. Большинство торговцев не спешили сворачивать свои праздничные шатры. Празднование окончание турнира длится еще неделю после его завершения.

Шерсть на загривке встала дыбом. Питомец Вожака почувствовал, что в его спину уставились чей-то недобрый взгляд.

'Не ужели древесные твари возвращаются в свои гнезда?'

Окинув кроны высоких пальм беглым взглядом и принюхавшись, невр решил, что пора возвращаться в импровизированную нору и доложить о своих наблюдениях их вожаку.

***

Ахилл смог очнуться по истечению лишь третьих суток. Лекарей, которых прислала царица Гимина, защитница не замедлила вышвырнуть вон за полог шатра, не без основательно переживая за жизнь своего избранного. Ведь эти горе-лекари могли специально напичкать ее самца отравой, для того, что бы хоть таким образом отомстить за нанесенное оскорбление царице их государства. По заверениям Сайры, она сама является прекрасным лекарем и ни чья посторонняя помощь, ей не требовалась. Объяснив Михруабу какие коренья и травы ей надобны и тут же получив все требуемое, она самолично приступила за врачевание человеческого тела. Рана была не глубокой, однако порез быстро загноился. От этого ее избранник два дня провел в бреду. Ее лечение восстанавливало человеческую физику прямо на глазах. То, как быстро зарубцовывался порез, удивило даже херувима. Поняв, что его друг находится под надежной опекой, херувим решил сторожить добычу своего человеческого спутника. Он даже спал возле огромной гоблинской кибитки, которая была забита до отказа, как всевозможными вещами так и рабами практически всех рас. Безусловно людей в рабском загоне было больше всего. Это и понятно. Люди, самые слабые существа Аль-Азифа и именно их поселения обычно грабили представители всех рас и народов этого мира.

На утро четвертого дня, Ахиллес в первые вышел из своего

шатра и с прищуренными глазами уставился на лик восходящего светила. Плечо и грудь побаливало. Рубец был хоть и тонким, но зато на его взгляд отвратительным и через чур большим. К человеку радостно засеменил его крылатый друг.

— Привет тебе Абсолют! Я уж думал, что твоя избранница в конец тебя залечит. Она с такой неохотой подпускала к твоему телу даже мою персону, что иногда мне хотелось просто разорвать ее на куски.

— Спасибо Арест. И тебе доброго дня… К стати, где Сайра? Я очнулся, а вокруг ни кого. — человек принялся осторожно разминать свою левую руку круговыми неторопливыми движениями.

— Пошла вместе с Михруабом покупать припасы для твоих рабов и одежду для принцессы Мии.

— К стати, как она? — поморщившись от ноющей боли поинтересовался Ахилл.

— Вчера уже полностью пришла в себя. А то еще два дня назад практически падала в обморок при любом приближении к ее персоне. Видимо думала что это невры.

— Что такая впечатлительная?

Арест развернул свои крылья отгоняя мелких назойливых насекомых от своего тела и с ожесточением заметил:

— Посмотрел бы я на тебя, как бы ты себя чувствовал после того, как на протяжении целого месяца, ты только и ждешь того, что тобой сегодня пообедают.

— Великое дело. Ведь так живет, практически весь разумный и животный мир всего Бытия. А люди в первую очередь. В место того, что бы объединиться и вырезать под корень всех кто опасен для человеческого рода, эти города еще воюют между собою. Так ей и надо. Хотя с другой стороны, лично она конечно в этом не виновата. — Ахилл присел возле полога шатра и попросил херувима, что бы тот привел ту, ради которой в принципе, он и попал в этот мир.

Арест долгим взглядом посмотрел на человека и вдруг послал мысленный вопрос:

— Послушай Ахилл, вот ты говоришь, что людям стоит объединиться и начать вырезать все опасные для них расы. Например если ты станешь тем, кто объединит три последних свободных человеческих города и после чего объявишь войну всему Аль-Азифу, неужели ты бы уничтожил и мою расу?

— Ты что Арест на голову приземлился. Причем здесь херувимы до таких выродков, как невры? — искренне удивился Ахилл.

— Ну почему же выродки? Ведь то, что волкоголовые

питаются твоим видом, не означает, что они не заслуживают право на существование под здешним светилом. Вурды вот к примеру не меньше невров издревле кромсали твоих сородичей. О нейридах, я вообще молчу.

Ахиллес задумался и после продолжительного молчания согласился:

— Пожалуй ты прав. Причем здесь остальные расы коли сам человек таков же, да в добавок еще и слаб. Но тем не менее, невров бы я вырезал в первую очередь… — и после непродолжительного молчания окончил — … Гремлинов во вторую.

Ничего не ответив, Арест направился к деревянному сооружению на колесах. Мысленно приказав одному из гоблинов вывести на свет Мию, он бесцеремонно разлегся и стал ожидать появления сидской принцессы. Маленький гоблин проворно отворил огромный засов и юркнул в открывшейся проем. Недолго возившись, он в скором времени вытолкал на дневной свет испуганную девушку. Она была практически обнажена. Ее грудь прикрывало треугольные матерчатые лоскуты, соединенные между собой тонкими нитями, которые затягивались за спиной. Бедра, были прикрыты прозрачными шароварами, которые не скрывали, а скорее наоборот, выставляли женское естество на всеобщее обозрение. Ахилл с интересом посмотрел на сидскую принцессу. На его вкус эта женщина была несколько худощава. Она была невысокого роста. Ее голову обрамляли длинные светлые волосы, которые сейчас ниспадали прямо на ее высокую грудь. В отличие от фигуры царицы Гимины, тело которой было просто создано исключительно для любви, тело принцессы было обременено мышечной массой. Однако по сравнению с просто божественным сложением Сайры, Сидская принцесса, все-таки уступала той в рельефности мышц и соблазнительности женских форм.

— Отвечай своему господину честно и открыто, и тогда не будешь чувствовать ни в чем нужды. — голос Ахиллеса был суров, но при этом и не резок.

— Слушаюсь. — ответила Мия склонив в низком поклоне перед своим новым хозяином, сою обнаженную спину.

— Ты владеешь каким-либо видом воинского искусства?

— Да господин. Я владею искусством Неарга.

Неарг- воинский стиль разработанный первым императором Сида. Из-за того что основными сидскими врагами всегда были невры, которые издревле славились своей реакцией и быстротой двух клыков, император изобрел совершенную технику владения тонкотелой, но зато и очень острой саблей. Те кто проходили

школу Неарга могли тягаться один на один даже с неврoм. Правда такое случалось очень редко. Все-таки огромная животная сила, скрытая в покрытой жесткой шерстью теле, практически всегда побеждала изворотливость и ловкость сидских ратоборцев.

Что за искусство такое? — заинтересовался Ахиллес, который всегда любил познавать что-то новое, когда дело доходило до искусства владения оружием.

Мия наконец привыкла к солнечному свету и перестав шуриться, робко посмотрела на своего нового хозяина. То что она увидела, ее поразило. Человек был высок, физически развит и абсолютно обнажен. На его левом плече красовался тонкий белесый шрам. Волевое загорелое лицо обрамляли почти белокурые длинные волосы. Они слегка вились и в нескольких местах были заплетены в небольшие косички. Но самое сильное впечатление произвели на Мию цвет его кожи и глаз.

'Такой народ не проживает в Аль-Азифе. Кто он?'

Мия вдалась в детали. Честно признавшись, она поведала историю создания этого стиля и скромно отметила свои достижения. По ее словам она еще не дошла до звания мастера и находится в мастерстве Неагра, всего лишь на предпоследней ступени совершенства. Ахилл задумался и наконец произнес.

— Отчего же ты не пыталась бежать из плена принцесса. Ведь обладая воинскими знаниями, ты могла бы по крайней мере умереть свободной. С оружием в руках. Почему же ты избрала судьбу рабыни в темном логове Мирта.

Как ей было объяснить этому странному человеку, что будь у нее хоть малейший шанс завладеть долгожданным клинком, то она перед тем, как перерезать себе горло, уж точно попыталась бы забрать на тот свет хотя бы одного волосатого урода. Где ему понять, что за малейшую провинность, она могла стать забавой для своих хозяев. Что ради таких забав, невры могли часами кромсать своих пленников на кровавые куски. Их самцы с наслаждением насиловали человеческих пленниц, после чего заставляли их поедать их зловонные испражнения.

Мия не стала объяснять мужественному воину, через что ей пришлось пройти и кратко бросила:

— Я не имела возможности. Иначе бы господин, я бы перед тобой сейчас не стояла.

Арест, прикажи сопроводить принцессу на Торг и пусть она приобретет себе свое излюбленное оружие. Мне хочется посмотреть на что способна эта женщина. Да, и будь любезен, сопроводи ее лично. Мало ли что там может случиться… Будь ей телохранителем. Когда принцесса сделает выбор, приведи ее обратно и мы вместе посмотрим на ее хваленное искусство

Неарга.

— Хорошо Ахилл. А ты чем займешься?

— Попробую понемногу приводить свое тело в надлежащее состояние. Скоро в путь и я не хочу отправиться в путешествие, как немощный старик.

Он потерял к своей пленницы всякий интерес и принялся разминать свое мускулистое тело.

Михруаб, во время лечения Абсолюта, решил преподнести Ахиллу подарок он переплавил огромный бронзовый щит Тирра и изготовил при помощи Гивейнских кузнецов точную копию щита победителя турнира. Щит получился несколько тяжелее чем прежний, поэтому к нему надо было привыкнуть.

Вечером после небольшого, но сытного ужина, Ахиллесу захотелось посмотреть на сидское искусство владения тонкотелой саблей. По приказанию Абсолюта, Мию поместили в отдельный шатер, возле которого постоянно виднелась огромная туша крылатого херувима.

Аресту понравилось Мия и он подолгу общался с их пленницей познавая обычаи и житейский уклад ее народа, живущего по ту сторону средиземноморья.

Сидская принцесса наконец уяснила, что она оказалась волею богов если уж не у своих избавителей и друзей, то по крайней мере, среди существ, которые освободили ее из власти ненавистного Миртского повелителя. После того, как она в сопровождении ужасного крылатого льва и небольшого гоблина отправилась на Торг и нашла то, что от нее требовалось, Мия окончательно уверилась в том, что ее жизнь, наконец-то может снова обрести смысл. Она выбрала легкий средний клинок. Он был изготовлен из ребра глубоководного дракона. Ребра этого страшного подводного существа, были настолько прочны, что с легкостью выдерживали удар даже минский боевых секир. В то же время они были чрезвычайно остры и никогда не тупились. Правда медные или бронзовые доспехи пробить это оружие было не способно, но вот плоть она резала как воду. Клинок был шириной в три человеческих пальца и имел длину, равную (если мерить от предплечья) вытянутой человеческой руки. Гарда белой сабли были инкрустирована в золото. Оружие было как раз для тех, кто ставил в бою на ловкость и маневренность.

Когда солнце зашло, вокруг большого костра расположился практически весь караван. Пожирая свою излюбленные части чьей-то плоти, гоблины хвастались своими удачными торговыми операциями. Сайра блаженно мурлыкала на коленях своего избранника, изредка прислушиваясь своими заостренными ушами в сторону очередного прохожего, который куда-то брел по своим

делам.

— Ну что ж. — сыто потирая своей левой рукой свой плоский живот, а правой округлость бедра защитницы. — Мне бы хотелось просмотреть все-таки на сидское искусство Неарга.

— Я им не владею. — страстно прошептала прямо в человеческое ухо вурдская самка — Зато с недавних пор, я владею совершенно иным искусством. — Ее шершавый язык лизнул обнаженную человеческую шею — Может тебе повременить с запланированным просмотром?

— Да нет Сайра. Нельзя откладывать то, что можно совершить прямо сейчас. А по тому, я желаю посмотреть на надежду вурдского племени воочию. Стоит ли она того, что вокруг ее персоны заварилась такая каша. — последние слова он произнес Сайре в ухо и нежно прикусил ее мочку.

Защитница блаженно закатила глаза и вынула свою поясницу. При этом она улыбнулась и в отблесках пылающего костра, блеснули четыре внушительных резца. Ахилл тут же посмотрел в сторону своего друга херувима. Он постоянно смущался, когда видел резцы своей любовницы, так как в его мозгу, тут же возникали ассоциации Сайры и ее человеческих жертв, из которых эта красавица высасывала всю кровь. Что ж поделать!? Ее раса питалась именно кровью, на то они и вурдалаки, но Ахиллесу от этого все равно легче не становилось.

— Михруаб пошли кого ни будь за Арестом и сидской принцессой и скажи, что бы та захватила свою саблю.

— Ты что позволил ее содержать с оружием ее расы? — удивилась Сайра.

— А что тут такого? Она в конце концов мне не рабыня, а лишь средство для того, что бы выполнить предначертанное. И уж лучше этой женщине быть вооруженной, коли она умеет пользоваться своим оружием. Вдруг невры решат отомстить мне за то, что их представитель даже не вышел на песок растилалища или тебе, за то, что ты так унизительно расправилась с их сородичами. К тому же не стоит забывать и об Гимине. Эта сучка ведь в курсе того, что для меня значит эта принцесса… И какого бельма я ей рассказал свое предназначение!?

— Знаю я какого. Наверняка хотел разделить с нею ложе, вот и выпедрился.

— Что такое выпендрился? — Ахиллесу это слово было не знакомо, но даже заочно ему не понравилось.

— Это значит пустить пыль в глаза, для того, что бы при помощи хитрости добиться своей цели.

— Ну не знаю! — неуверенно вымолвил Ахиллес.

Он тут же вспомнил жаркое тело чернокожей красавицы. Ее

горячие поцелуи и обжигающие ласки ее языка и тут же вскрикнул от боли. Сайра несильно надавила своими острыми когтями на его грудные мышцы. Ее когти, были способны впиваться во всю длину даже в древесную кору, и сами по себе, являлись смертоносным оружием.

— Ты забываешь самец, что вурды наделены силой. А это значит, что не только Арест может читать чужие мысли.

— Да!!? — искренне удивился Ахиллес. — А я и не знал.

Вурды действительно обладали несколькими божественными дарами. Во первых они могли по необходимости управлять энергетическими силами земли. Каждый из прыжков мог по их желанию превратиться от молниеносного броска, до тягучего затяжного парения. Вурды прекрасно регенерировали ткани, умели ставить мысленные блоки от вторжения в свое сознания инородного разума и были способны на создание некоторых иллюзий. Но вот то, что вурды телепаты! — Ахиллес услышал в первые.

— Так вот знай же. Еще раз подумаешь об еще какой то самке…И она станет моей пищей — с холодком в голосе объявила защитница.

— Послушай Сайра отстань ты от меня с такой жутью, давай вот лучше посмотрим на Мию, глядишь и выйдет из нее какой толк.

Защитница клана Аллой лилии слезла с колен Ахиллеса и подобрав под себя ноги уставилась на две приближающиеся фигуры.

После того, как Мие позволили оставить себе выбранное ею оружие, которое кстати стоило, как добрый десяток человеческих рабов, она окончательно убедилась в том, что ее судьба теперь в руках этого голубоглазого человека, который и был, тем, кто занял титул Абсолюта. Человека — перед которым теперь должны были склонять в знак своего почтения головы даже императоры и цари всего Аль-Азифа. И все равно, какой расой они правили. А после того, как ее разместили в небольшом шатре, принцесса вдруг расплакалась и почувствовала, что готова отдать за голубоглазого даже свою жизнь и честь.

Стоя в центре круга, созданного из трех повозок и нескольких больших шатров, принцесса уставилась на своего господина. Рядом с ним восседала странная женщина. Ее добротное женское тело, было прикрыто лишь набедренной повязкой, а на заостренных сосках красовались золотые украшения. Вот и весь наряд. Прямые черные волосы были аккуратно обрезаны до красивых мускулистых плеч и расчесаны на пробор. Все тело дышало силой и женской красотой. Но женской ли?

Мия физически почувствовала, как ее окинул странный холодно-равнодушный взгляд тонких нечеловеческих зрачков.

'Боги мира… Это же вурдская Защитница. Но как?'

Принцесса была настолько поражена столь странным соседством лучшего бойца одного из вурдского клана, с красивым мужским торсом, что на несколько мгновений даже потеряла дар речи.

В знак того, что Защитница, как бы прочла ее мысли, Сайра, как можно милее улыбнулась шокированной принцессе, обнажив при этом два верхних резца. Принцессу аж покорежило. Из молчаливого ступора ее выбил глубокий и спокойный человеческий голос:

— Что ж принцесса, продемонстрируй нам всем, свое воинское искусство и клянусь памятью своих предков, что коли я признаю его за Мастерство, так и быть, разрешу оставить саблю подле себя и в дальнейшем.

Желтокожая девушка, склонив в немом поклоне свою голову, выставила перед собой сжатый кулак, упершийся в открытую ладонь.

— Слушаюсь господин и повинуюсь.

Через мгновение она извлекла из кожаных ножен свое оружие и тут же приступила к демонстрации элитного искусства сидкой аристократии.

Искусство Ниарга означает искусство — поющего лезвия.

То, что продемонстрировала Мия, удивило не только Ахилла, но и Сайру. Ахеец еще ни когда не видел столь странного боевого танца. А он, видел многое! 'Бой с тенью!' — так назвала свою демонстрацию желтокожая принцесса, выглядел очень странным. Мия наполнила окружающее ее пространство феерической песней бело-тонкого тела сидской сабли.

'Пожалуй такой стиль, позволяет сидским воинам, находится под обстрелом даже с десяток лучников. Стрелы просто не смогут достигнуть своей цели!' — заключил ахеец.

Мия то приседала, то хищно выпрыгивала и при этом ни на миг не остановила смертоносной песни своего оружия. При этом принцесса умудрялась месить воздух, как своими руками, так и ногами. Ахилл отметил, что теперь с более живым интересом присматривается к точенной фигурке своей пленницы. И когда принцесса закончила свой показательный бой, ахеец вдруг осознал, что возбужден. Что ж поделать!? Когда перед тобой, в едином порыве сливаются женская красота и воинское мастерство! Какой мужчина сможет устоять перед этой ядреной смесью?

Вспомнив предупреждение Сайры, Ахиллес ненароком

покосился в сторону своей пассии и увидел, что та показывает ему вполне понятный жест. Своими двумя пальцами, оканчивающимися острыми как иглы дикобраза когтями, она тыкнула в свои глаза, а затем указательным в сторону принцессы. После чего большим провела возле горла. Означало же это следующее — 'Я за тобой наблюдаю. Смотри, иначе она труп.'

Все это было проделано столь молниеносно, что ни кто из окружающих этого не заметил. Единственным, кто во всем разобрался был естественно Арест. Херувим с удовольствием фыркнув, направился к сидской самке для того, что бы сопроводить ее до ее нового места проживания.

***

К концу праздничного семидневья, Ахиллес вполне сносно мог владеть своим обоюдоострым мечом. Для тренировок с тяжелым бронзовым щитом, сил пока не хватало. Однако с каждым днем тело Ахейца все больше и больше обретало былую гибкость и смертоносную силу. Когда по истечению праздничной недели глашатаи Гивейна объявили, что великий Торг Гивейна закрыт и все многочисленные караваны должны покинуть обитель растилалища до захода солнца, он очень удивился. За разъяснениями пришлось отправиться к главе торгового каравана — Михруабу. Гоблин занимался подсчетом окончательной прибыли и подводя итог пришел к заключению, что такого удачного Торга не было на его памяти еще ни у одного торговца его родины. А ведь не стоило забывать, что впереди его ждут обещанные подарки от самого Абсолюта за то, что он сопроводит странного человека и его не менее странных друзей, до вод голубой реки Сириус. В общем, если и было на всем белом свете существо, которое решилось бы назвать себя счастливым, эти существом сейчас было не кто иной как Михруаб. Завидев приближающуюся фигуру Ахилла, гоблин тут же изобразил на своем лице, что-то вроде добродушной улыбки и с заискиванием в голосе поинтересовался о цели визита важного и почетного господина:

— Чего это всех пытаются вытурить за пределы торга Михруаб? Не знаешь?

— Да как же не знать господин? — Удивился гоблин. — Известное дело. Все запасы провизии выделенные гивенцами на продажу, давно проданы. Если такое огромное количество народа и дальше будет попирать песок местного торга, возникнет искусственный рост цен на продукты питания. Местное

население, в погоне за прибылью, тут же распродаст все свои съестные припасы и конечно же чрезмерно обогатится, но при этом останется без пищи. А вдруг война и какая-то из рас решит осадить Гивейн!? Как думает господин, долго ли продержится столь многолюдный град без пищи?

— Понятно. — Ахиллес поскреб свой лоб и глубокомысленно закончил — Все-таки умная стерва, эта Гимина.

— Да минуют сие слова, слуха гивейнских ищеек господин. — испуганно прошептал гоблин. — Однако вы правы, достопочтимая царица Гивейна, очень разумная человеческая самка и не даром числиться первой среди равных правителей этого мира.

— Добро Михруаб, и когда же мы выступим?

— Да когда пожелает господин. У нас все давным-давно готово. Вам следует лишь изъявить свое желание. Главное, что бы все это произошло до захода солнца. А то…

— А то что… На нас начнется травля. Не уж-то тех кто не успеет покинуть пределы торжища, ждет кровавая расправа со стороны гивенских солдат?

Гоблин поднялся и подойдя к кувшину с прокисшим коровьим молоком, с удовольствием присосался к его горлышку. Вытер тыльной стороной ладони свой подбородок, он объяснил:

— Что вы господин. Конечно же ни кто не станет применять силу. Гивейнцам это ни к чему. Просто с наступлением ночи их сторожевые посты перестанут сдерживать семьи древесных бестий, что до завершения всего торга были изгнаны из своих гнезд на расстоянии не менее пятисот минских локтей. А что это за создания, вы сами уже знаете. Наверняка господин не забыл того славного боя с этими тварями. Гивенцы, потому ни когда и небыли завоеваны, и все из-за того, что весь их лес кишит этим видом летающих драконов. Главные тракты они конечно охраняют и днем и ночью, но вот остальной лес — гиблое место. Они даже рабов своих не охраняют. Как видите те сами запирают на ночь свои бараки для того, что бы на следующий день увидеть восход светила, а не погребальный костер в свою честь, да и то без тела.

— Ясно. Что ж, тогда выступаем прямо сейчас. Распорядись, что бы твои помощники накормили хорошенько своих тягловых ящеров. Сдается мне, придется двигаться без остановки несколько дней.

— Господин чего-то опасается?

— Да. — Ахилл посмотрел на черную громаду пирамиды города.

— Господин считает, что по нашему следу будет посланы

воины царицы!?

— Если это будут воины Гивейна, то это не беда. Мне вот думается, что нам придется столкнуться с более опасными преследователями.

Михруаб немного опешил. Он сильно испугался за то, что его караван может быть ограблен, но тут же сообразив, что разговаривает не с каким-то проходимцем, а с лучшим воином всего Аль-Азифа, вопросительно уставился на человека и с удивлением спросил.

— Да кто, мой господин, посмеет напасть на караван, находящийся под охраной таких существ, как херувим, вурдская защитница, да в придачу ко всему Абсолют? Это могут совершить только безумцы.

— Мда… В том то и дело Михруаб, что ни невры, ни мины особенно разумными мне не показались.

Пересечение судеб.

Мрачные пределы лесного массива Гивейна, караван покинул почти три дня назад. Как раз сейчас огромное и ленивое светило в третий раз не хотя скрывалось за бескрайний горизонт. Громадные ящеры, пусть и медленно, но зато без устали тянули деревянные гоблинские кибитки.

Ахиллес с херувимом частенько опережали весь караван на несколько лиг. Человеку хотелось побыстрее обрести нужную форму и поэтому он безо всякой на то необходимости отправлялся на охоту. В пище караван не нуждался. Ее было вдоволь. Сайра по обыкновению постоянно сидела в главной кибитке Михруаба. Ее частенько мутило от однообразного пейзажа. Вурды практически ни когда не покидали своих лесов и вид бескрайних просторов, действовал на Защитницу как всегда угнетающе.

Ахилл пока не опасался нападения на свой караван. Слишком уж много других караванов, двигалось одновременно в одном и том же направлении. Они растянулись на несколько тысяч локтей. Среди них попадались торговые караваны практически всех рас этого мира. Все они двигались по единственному утоптанному травяному тракту в сторону разветвления дальнейших торговых путей, которые начинали ветвится в небольшом человеческом городке расположенном на берегу громадной голубой реки Сириус. Дальнейший путь мог привести к срединному морю, если конечно торговец решал продолжить путь по водному пути. Далее это направление привело бы караван в Аргос. Второй путь вел прямиком в непроходимые джунгли

Вурдов. Третий — огибая страшные леса кровососов — вел в страну хунов или гоблинские горы. Из этой местности тракт делился снова на две ветви. Одна уводила к истокам желтой реки Хун, берущей свою силу из извечных топей мира. Вторая, вела в страну свободолюбивых Панов.

Ахиллес часами обсуждал с Арестом одну и ту же тему. Что им делать если вурдские старейшины решат отнять у них Мию. Ведь от принятого ими решения зависело жить ли Ахиллу дальше под горячим солнцем Аль-Азифа или нет.

Херувим и слушать не хотел своего друга, когда тот предлагал самим придти в Эу-Тай. В то место, где собирались все древние (старейшины вурдов) для принятия важнейших решений, касающихся всей расы.

— Ахиллес!!! Ты словно малый несмышленый котенок! — мысли херувима несмотря на нескрываемую иронию, несли приятный эмоциональный оттенок. Ему нравилось общаться с человеком, ставшим для херувима, чем то вроде членом его семьи, после того, как тот спас его от голодной смерти в самом начале их знакомства. — Стоит тебе лишь появиться в их пределах и тебя тут же поработят. И что более страшнее, заставят весь остаток твоей жизни служить им в качестве раба. И поверь мне, мнение Богини Реи, возродившей тебя к жизни, для таких существ, как древние вурды, не что иное, как пустой звук. На мой взгляд они сами были когда-то богами, но придя в этот мир решили, обличить свое естество в плоть и создать для услужения себе новую расу существ.

— Их воинского искусства я ни сколько не страшусь. Ведь в конце концов, кем бы они ни были в прошлом, теперь они живут во плоти. А плоть, как ты уже знаешь, я могу умерщвлять так же искусно, как скажем и их Защитницы. А что касается их магических способностей! На то ведь у меня есть ты. Да и Сайра, я полагаю теперь скорее предаст все свои устои, нежели позволит им причинить мне какой либо вред.

— Ты так уверен в ее чувствах? — удивился Арест.

— Настолько Арест, что меня это даже пугает. Знаешь ли, я ни когда не мечтал связать свою жизнь с единственной женщиной. А тут получается, что Сайра теперь мне не оставляет ни какого выбора. Или она или никто другой. Более того у меня такое чувство, что она и меня попытается отправить к праотцам, стоит только мне объявить, что решил разорвать с ней наши взаимоотношения.

— А что ты и в за правду подумываешь над этим?

— Да нет… Пока! Но я ни когда не жил так, как того хотел кто-либо. Я всегда был свободен и таковым хочу закончить и

нынешний жизненный цикл.

— Однако теперь ведь ты живешь именно для того, что бы выполнить чужую волю? Пусть и волю богини, но все-таки!!! — заметил херувим.

— Тут ты прав. Однако скажу тебе по секрету, так будет продолжаться лишь до тех пор пока я полностью не разберусь со слабостями Реи. Она хоть и богиня, но и у богов есть слабые стороны, познав которые, смертный может избавиться от их назойливого влияния.

Херувим с удовольствие рыкнул и с шумом расправил свои перепончатые крылья.

— Тут ты прав человек. Однако во всем остальном, я бы посоветовал прислушаться к предложению Сайры. Пусть она сама направиться в Эу-Тай и передаст им твои условия. Самому, подставлять под клыки свою яремную вену, по крайней мере безрассудно.

Ахилл поглядел на проходивший мимо них сидский караван. Тягловые животные были как и у гоблиннов, огромными длинношеими ящерами. Но вот охраняли многочисленную вереницу повозок желтокожие воины. Они сидели на своих тулах или как еще называли — Му, порода двуногих ящеров, которые походят на степных плезов, однако были намного крупнее последних. Для того, что бы научиться управлять этими созданиями, и что еще важнее, подчинять этих тварей своим приказам, сидские воины воспитывали двуногих находясь рядом с ними практически с момента их вылупления из яйца. Только таким образом тул, мог привыкнуть к запаху своего хозяина и позволить последнему рано или поздно взгромоздить на свою спину седло.

Когда первый тягловый ящер поравнялся с медленно вышагивающими путниками, в сторону Ареста и ахейца стремительно приблизились трое желтокожих воинов на своих ездовых ящерах. Ахиллес невольно залюбовался грациозными движениями этих опасных хищников. Тем не менее ахеец внутренне приготовился к возможной схватке. Остановившись в двадцати локтях от человека и херувима, один из наездников, в немом приветствии, поднял вверх свою правую ладонь.

— Мир вам путники. И да продлят вам могущественные боги нить вашей судьбы.

— И тебе воин удачного дня и мирного неба над головой твоим детям и женщинам. — Ахиллес догадался, что сидские наездники не пытаются затеять ссору, поэтому воткнул острие своего копья в жирную и плодородную почву бескрайней степи.

— Абсолют! Я Миро, из благословенного Сида. Страж

северных ворот моего Города. Здесь, сопровождаю купеческий караван своей страны и должен был выступать на растилалище, в надежде отвоевать у невров нашу молодую госпожу. После лицезрения твоего боя с Трру, я понял. Мне не одолеть тебя и потому, я решил при помощи мира решить свою миссию. Назови свою цену, которую ты хотел бы получить за жизнь своей рабыни… — последнее слово он произнес с нескрываемой горечью в голосе… — Мии и ты получишь все, что только пожелаешь.

— Я не торговец достопочтимый Миро и не стану с тобой торговаться. Но я уважаю твою добрую волю и понимаю горе твоего правителя. Однако я вынужден по некоторым причинам отказать тебе в твоей просьбе. Ты можешь передать своему повелителю следующее. Мия не рабыня, и ей не будет причинен вред, за что ручаюсь своей честью. Однако, она останется под моим покровительством до скончания отмеренного ей богами срока. На то, как я уже сказал, есть причины. Однако если ты хочешь, то можешь поговорить с нею и самолично убедиться в моей честности.

По выражению лица Миро было понятно, что желтокожий воин огорчен отказом на свое предложение и теперь стоит перед сложным выбором, который сводился к тому, что теперь ему предстояло или вызвать на поединок самого Абсолюта или же ни с чем предстать пред очами своего господина. Рассудок все-таки победил чувства, и Миро решил хотя бы поговорить с той, которая по рождению должна была наследовать трон властителей его родины. Он почесал за роговым отростком на шеи своего тула, заставляя того успокоится.

Ящер голодными глазами сверлил тела двух одиноко стоящие фигуры, от которых исходила уверенность в своем превосходстве. Все три ящера с удовольствием бы кинулись на одиночек, и по этому недоумевали, почему же не следует команды их хозяев для начала атаки.

Херувим презрительно рассматривал тех, чьих родственников еще в начале своего пути он растерзал в количестве более тридцати особей. Эти одомашненные ящеры без сомнения были намного опаснее плезов, однако даже такие проворные и крупные хищники, не представляли смертельной опасности для такого существа, как Арест. Пока Ахилл общался с предводителем воинов сидкого каравана, Арест забавлялся тем, что создавал в мозгу всех трех тулов соблазнительные для последних образы. Будто перед ними сейчас находилась освежеванная туша степного буйвола. Арест всегда любил применять к опасным бессознательным хищникам свое искусство создания иллюзий.

Конечно, он ни когда себе не позволял проделывать такой трюк с разумными. Среди расы херувимов это было ТАБУ. Применить свое искусство внушения, можно было лишь в случае, когда херувиму могла угрожать явная смертельная опасность. На животных, это правило не распространялось.

Сидкий воины наконец сообразили, что с их животными происходит, что-то странное и поспешили проститься с теми, о которых с недавних пор уже начали слагать легенды. Уже издали, Миро выкрикнул, что сегодня ночью найдет стоянку гоблинского каравана и с соизволения Абсолюта, встретиться с Сидкой принцессой.

— Ума не приложу, как можно было приручить этих чудовищ? — с облегчением проговорил Ахиллес. После того, как весь сидский караван скрылся в сгущающихся сумерках.

— Это по всей видимости большая тайна. Так как этого не знаю даже я. — Арест оглядел окрестности и лениво позевал своей огромной пастью.

— Ну что друг, двигаем к своим. Надо предупредить как гоблинов, так и Сайру, что сегодня ночью у нас появятся гости. Как бы наши попутчики не восприняли появление сидских воинов, как ночное нападение степняков.

Херувим ни чего не ответив, махнул своей шикарной гривой и засеменил в сторону медленно бредущего каравана хунов.

***

Стоянка была разбита, как водится у гоблинов, за считанные минуты. Шатров в пути ни кто не возводил. Кому хотелось спать в закрытом помещении и проспать возможное нападение врага. Три торговца, ловко освободили от замысловатой упряжи своих ящеров и стреножили тех на расстоянии полета вурдской стрелы.

Кибитки были поставлены полукругом. Все рабы были выведены из своих деревянных темниц и отправлены под присмотром одного из гоблинов исправлять свою естественную нужду. Ни кто из них не жаловался и не пытался убежать. Рассматривая испуганные людские лица, Ахиллес еще раз поразился, насколько все-таки человек слаб волей.

Невр ни за что бы не позволил бы себя пленить и превратить в покорного раба. Скорее всего, он бы откусил себе язык и захлебнулся собственной кровью, нежели свыкся с тем, что он стал вещью.

'А эти точно барашки на закланье' — пронеслось у Ахилла в мозгу.

Всем было объявлено, что в скором времени их должны

посетить сидкие войны. Ахиллес первым делом поделился этой новостью с Мией. Он пристально всматривался в ее лицо, пытаясь разгадать среди бури эмоций ту, которая бы указала на то, что принцесса попытается при возможности сбежать, но лицо девушки отразило все что угодно, но вот выражение потаенной надежды на свое скорое освобождение, Ахиллес так и не рассмотрел ни в ее взгляде, ни в ее мимике.

— Я разрешаю тебе, оставить при себе Мия свою саблю. Но прошу тебя принцесса, не делай ни каких глупостей. Я позволил Миро с тобой поговорить лишь за тем, что бы он передал твоим родным добрую весть, о том, что теперь тебе не угрожает опасность, так как ты до скончании моей жизни, находишься под моей опекой.

После непродолжительного молчания Мия тихо прошептала:

— Я понимаю господин. Я даю слово, что не причиню вреда своему избавителю от неврского рабства, ни словом, ни делом.

— Да будет так.

В скором временем Михруаб пригласил, как всегда Ахилла отведать горячей хунской каши. На что ахеец конечно же с удовольствием согласился.

Мия кашу не любила и объяснила, как-то в тихоря Аресту, что такую пищу в Сиде употребляют только свиньи и рабы. Однако она быстро сообразила, что такими словами и рассуждениями может рассердить своего избавителя, которому по непонятной для нее причине, эта пища, как раз пришлась по душе. Она попросила херувима никому не рассказывать о своем суждении и после того, как тот выполнил ее просьбу, откровенно прониклась к крылатому льву нескрываемой симпатией. Частенько перед тем, как лечь на ночь, Ахилл отмечал, что Мия перед сном подолгу расчесывала золотым гребешком густую гриву Ареста и при этом без сомнения мысленно с ним общалась. А если брать во внимание, что огромный херувим при этом звучно мурлыкал, как обыкновенный человеческий кот, да изредка переваливался на спину, что как уже знал Ахилл, было признаком явного удовлетворения у этой разумной расы, ахеец пришел к выводу, что принцесса в скором временем станет полноценной спутницей, а для Ареста даже желанной.

Вот и сейчас вместо того, что бы отведать вкусно пахнувшей каши, Мия направилась к развалившемуся херувиму, который сейчас занимался своим туалетом. Сопроводив статную фигуру принцессы долгим взглядом, ахеец развернулся и чуть не столкнулся со своей пассией. По лицу Сайры было заметно, что она нервничает и естественно именно из-за того, что ее избранник, так откровенно рассматривал возможную соперницу.

— Что нравиться???

Ахилл поржал плечами и стыдясь явной фальши в своем голосе, ответил:

— Да что ты!? Разве кто-то может с тобой сравниться!

— Мда… — явно раздраженно заметила защитница. — Смотри у меня Ахилл, я не посмотрю, что ты Абсолют, в миг лишишься у меня всего своего мужского достоинства.

— Пошли… Хватить видеть в любых моих взглядах брошенных в сторону женщин, лишь похоть. Мне пока и тебя достаточно.

— Я тебе дам достаточно. — и Сайра тут же оголила свои клыки.

— Ладно, ладно пойдем к костру. Я проголодался.

Обняв Сайру за тонкую талию Ахиллес, направился к костру Михруаба.

Пообедав и с удовольствием раскинувшись на мягких подушках, ахеец слушал рассказ маленького гоблина, повествовавший об укладе и жизни самых скрытных существ Аль-Азифа. Ими естественно были нейриды. Нейриды судя по изложению хуна, жили исключительно в Срединном соленом море. Пресная вода для них была чем-то вроде с родни отравы. Если заставить морское существо находиться в пресном водоеме около часа, то нейрид превратиться в безвольное и тупое создание. Зато морской народ мог трое суток жить на открытом воздухе. Но для них важно, что бы они дышали именно соленным воздухом моря и по этой причине вся их раса ни когда не забредает далеко от морских побережий. Сами они довольно искусные воины и безусловно их тело обладало колоссальной физической силой. Похожи они на людей, но вот на их головах отсутствуют волосы и на шеи расположены жабры на манер акульих. Глаза большие, без белка и обычно черного цвета. Любят жить на небольшой глубине и сами выращивают свои дома.

— Как это сами? — удивился Ахиллес.

Отхлебнув немного крепкой настойки сваренной из каких-то кореньев, гоблин усмехнулся и продолжил:

— Называют они их кораллами. Это что-то вроде растения, которое однако питается мельчайшими живыми организмами. После того, как жизненный цикл такой вот ветви проходит, кораллы затвердевают и по крепости не уступают даже камню, хотя намного его легче. Я слышал рассказ одного пленного мина, когда бывал с одним из караванов в Аргосе, что их подводные и наводные дворцы, это самое прекрасные строения, которые были возведены в этом мире. Так вот… Живут они кланами, на манер вурдской расы… Главы кланов выбирают среди себя вожака и

величают его на кенский манер — императором. Их император имеет власть только тогда, когда нерийды ведут с кем ни будь войну. Вообще, мое мнение таково, что если бы эта раса была создана своим морским богом, такой же плодовитой, как и люди, не было бы силы, которая бы смогла бы одолеть на суше или на море их войско.

— И какова их приблизительная численность. Кто ни будь знает?

— Чего же не знать? Это всем известно.

Ахилл с удивлением уставился на гоблина.

— Для зачатия детеныша, самка нейрид выбирает себе сразу трех самцов. Вынашивает она всего три месяца, при чем рождаются сразу около четырех детенышей. Однако проблема в том, что понести морская женщина способна только раз в три года и рождаются у них всегда больше самцов. Если в помете оказывается женская особь, она будучи еще зародышем, пожирает всех своих братьев и рождается на свет в гордом одиночестве.

— Нда уж! Действительно странная раса. — задумчиво изрек ахеец. — Но их род столь малочисленный, как же им удается держать в страхе всех морских торговцев и вообще морские державы. Как они успевают брать дань со всех морских судов и почему при этом, например аргосцам не собраться силами и не взять, да отбить навсегда охоту у морских подводных повелителей разорять их карованны?

— Ну, дело в том что, поймать их в море не удается ни минам ни аргосцам. Передвигаются они очень быстро. Плавают эти существа по морским подводным и надводным просторам, на морских конях. Надо отметить, что это довольно хищные бестии, зато способные передвигаться под водой с огромной скоростью. К тому же сами нерийды в масштабных войнах не участвуют, для этого они выращивают пиктов. Это племя, сродни болотным жабам, что обитают в Извечных топях, однако размерами примерно с человеческий рост, к тому же они обладают острыми, как у морских драконов зубами. Все это заставляет считаться окружающих с их существованием. Сами по себе они просто морские хищники, но вот когда рядом с ними находиться нейрид, то эти создания подчиняются его воле и выполняют любой их приказ.

Неожиданно в сознание Ахилла вторглась мысль херувима.

— У нас гости. По запаху скорее всего наши вечерние собеседники. Их пятеро. Ездовые ящеры сыты, что говорит о том, что воины Сида пришли с миром, но все-таки будь на чеку.

— Спасибо Арест — мысленно ответил Ахилл.

— Ну что ж достопочтимый хун, ты поведал интересный

рассказ. Но сейчас нам следует прервать твое, столь интересное, повествование, так как у нас гости.

Все разом оживились. Гоблины живо повскакали с мест и похватали свои пращи, Сайра моментально приняла удобную позу, из которой ей было бы удобнее выпрыгнуть в верх.

Ахиллес не снимал доспехов, а все его остальное оружие сейчас лежало подле его ног. Щит он не стал закидывать за спину, но вот меч из него извлек и положил по правую от себя руку. Через пару мгновений, под лапами оседлых сидких ящеров послышались скрежет рвущейся травы. Через еще пару мгновений, на расстоянии половина полета стрелы, перед лагерем, остановилось пять наездников. Одни из них, отстегнул привязь, крепившая его тело к седлу и ловко соскочил наземь. Ночь была ясная и Ахилл без труда узнал в спешимся всаднике Миро.

— Мир вашему очагу хозяева! — голос война был немного встревоженным.

— И тебе всех благ воин. Присоединяйся к нашему теплу и отведай еды коли голоден. И людям своим скажи, что бы присоединялись. — любезно ответил ахеец.

— Спасибо но мы не голодны, а мои воины должны присматривать на нашими Му во избежание возможных недоразумений.

Что ж коли так, можешь присесть возле моего костра. Эй Мия, прошу подойди ко мне. — Ахиллес поднялся с подушек и с ног до головы осмотрел подошедшего Миро.

Тот был одет в нарядный одежды. Его голый торс был украшен затейливой цветной татуировкой изображавшую сражающихся летающих драконов. Руки были по локоть облачены в золотые кольца. Темные волосы убраны в хвост и перевязаны яркой лентой. С боку красной набедренной повязки красовалась острая тонкотелая сабля.

'Хорош' — отметил про себя Ахиллес.

Тем временем подошла принцесса. После того, как она получила мнимую свободу, Мия отказалась от старого наряда и выбрала из предложенной Михруабом одежды ту, которую носила вурдская Защитница. Ее ноги были облачены в высокие сапоги выделанные из бычьей кожи. На ее бедрах красовалась золотая цепочка соединенная межу собой куском золотистой материи и соблазнительно облегавшую естество принцессы. Высокую шею украшала золотая полоска. От нее спускались словно ветви дивного растения тонкие золотые переплетения и заканчивались точно на острых сосках принцессы, прикрывая их в виде золотых лепестков. Золотистые волосы были искусно завиты одной из

человеческих рабынь в тугую косу, а на ее лбу красовался тонкий серебряный обруч с вмонтированным по средине красным карбункулом.

В общем и целом, с точки зрения Ахиллеса, принцесса была прекрасна, что нельзя было сказать о мнении Миро. В Сиде только воины могли ходить с обнаженным торсом. Остальные граждане этого могучего города-государства, были обязаны прятать свои тела в ткани разных цветов согласно занимаемой ими рангу. Но даже Миро должен был признаться самому себе, что тело его молодой повелительницы безукоризненно сложено и такой наряд ей к лицу.

Воин преклонил свое правое колено и восхищения прошептал:

— Вы прекрасны моя госпожа, как рассвет. Я Миро, защитник седьмых врат Сида. Приношу Вам свои извинения, так как не посмел вступиться за Вас на золотом песке растилалища Гивейна.

— Я помню тебя Миро. И не виню тебя, ибо ты известен мне как храбрый воин. Видать Богами, предначертана для меня иная судьба, поэтому я сейчас нахожусь именно здесь, а не в своем родовом дворце. Но расскажи мне, что нового у нас дома и как обстоят дела у нашего повелителя.

Тут в их разговор вмешался Ахиллес. Он попросил извинения за то, что перебил принцессу и предложил ей и Миро отойти к другому костру и наедине без лишних свидетелей поделиться друг с другом своими думами. Сидский воин учтиво склонил свою голову в знак благодарности за тактичность ахейца. Они последовали его совету и приступили к беседе. Воин поведал о новостях и событиях, что последовали после того, как принцессу пленил охотничий набег невров. По его словам император Вириэл готовит большое войско. Он вознамерился уничтожить Мирт или по крайней мере уничтожить столько невров, на сколько позволит, это сделать численность, его войск и сила, и мужество его дружины. После, Миро с содроганием сердца выслушал ответный рассказ о том, что пришлось пережить Сидской принцессе.

Когда луна Аль-Азифа оказалась в самом пике своего же ночного восхождения на небосвод, их разговор пришел к концу. Они выполнили данное ими же обещание в том, что бы ни словом, ни делом, не затрагивать тему побега. И все же, в конце разговора, прекрасная принцесса не выдержала и со словами на глазах, тихо прошептала черноволосому войну:

— Передай отцу, что моя жизнь в безопасности насколько это конечно возможно. Мне здесь не причиняют неудобства и обходятся со мной если уж ни как с принцессой, то по крайней

мере, как со свободной гражданкой могущественного Сида. Я не знаю, что надобно от меня этому странному воину, что теперь носить титул Абсолюта, но убедилась в том, что и он не властен над моей судьбой и действует, согласно чьей-то могущественной воли. Скорее всего — воли одного из богов или богинь. Как бы там ни было, он чтит мою личность и относиться ко мне, как и подобает мужчине.

— Хорошо госпожа. Я передам все о чем вы просите… — и после недолгого молчания закончил… — Если конечно мы все переживем сегодняшнюю ночь.

— Что ты имеешь в виду отважный воин? — удивилась Мия.

— О том я поведаю в присутствии Абсолюта. — Миро склонил голову в знак почтения и знаком руки предложил принцессе следовать за собой.

Они вместе подошли к главному костру стоянки. Гоблины уже давно убрали всю грязную посуду и один из них, отнес ее в одну из кибиток, где тут же распорядился рабам, вымыть ее до зеркальной чистоты. Остальные низкорослые хуны занялись своим излюбленным делом — игрой в кости. Миро отметил про себя, что эти создания даже не удосужились выставить охраны.

'Или они все здесь очень самонадеянны, или же, члены этого каравана на столько уверены в непобедимости Абсолюта, что даже не допускают мысли, что сегодня, они будут подвержены нападению. Хотя действительно! Чего тут им всем боятся, когда их покой, охраняет сила и магия херувима?'

Миро отыскал взглядом огромного льва и отметил, что этот крылатый победитель драконов спит!?!

— Абсолют. Мне следует тебе кое-что поведать… — тихо прошептал Миро практически на ухо Ахиллесу. Он склонился над полулежащим ахейцем от чего со стороны могло показаться, что желтокожий воин пытается причинить последнему вред.

Но Сайра и Арест были совершенно спокойны. Херувим, так как видел помыслы сидского воина, в которых не было и намека злонамеренность. Вурдская защитница, своим интуитивным даром, определила то же самое. Ее вообще, больше тревожила степь, со стороны которой она в последние мгновения стала ощущать исходящую тревогу.

— Говори воин в полный голос. У меня нет секретов ни от моих друзей, ни от моих спутников.

— Мы вот уже как четыре дня, как покинули пределы лесного массива Гивеснких владений. Мой караван двигался все время за вашим. — проговорил Миро уже нормальным голосом. — Надо признать, я со своими воинами, вынашивал планы по освобождению нашей госпожи — краснея продолжил Миро. — И

по сему постоянно исследовали окружающую местность на несколько дней пути в перед, в поисках возможной местности для совершения атаки.

Ахилл ни чем не выдавая своего раздражения или удивления. Он все так же внимательно слушал и наблюдал за близ стоящим воином.

— Теперь убедившись в безопасности и учтивом обладании над свободой воли нашей госпожи с твоей стороны, я принял решение сопровождать вас, для того, что бы оберегать сою госпожу. Я и мои воины полностью в твоем распоряжении.

— Это лишнее Миро. — ответил Ахилл. — Ведь ты не сомневаешься в том, что я и мои спутники в состоянии сами постоять не только свою за свою жизнь, но и за честь твоей госпожи?

— Это так, но не отказывайся воин от нашей помощи. Наши тулы неприхотливы, а скорость наших сабель всем известна. Мы не станем вам обузой. К тому же, сегодня ночью, вам предстоит нелегкий бой.

— С кем это? — насторожился ахеец.

— Мои следопыты обнаружили недавно следы от повозок минов. Их караван выехал с территории торга за день то твоего отбытия. Они по какой то причине разбили сегодня свой лагерь всего в пятистах полетах вурдской стрелы от сего места. К тому же мой воин утверждает, что видел, как возле их стоянки постоянно ошиваются трое невров. Мой человек сейчас наблюдает за их караваном. В общем мое мнение таково. Невры и мины заключили союз, и оружие этого союза, направленно по моему убеждению, именно против тебя и твоих друзей.

В ночи послышался свист. По всей видимости это был условный сигнал, так как услышав его, молодой воин встрепенулся и уставившись на Ахилла скороговоркой выпалил.

— Я оказался прав. Только что, мой воин подал знак. В эту сторону направляется вооруженный отряд.

'Ты улавливаешь, что либо Арест?' — мысленно обратился к херувиму ахеец.

— Пока только то, что этот воин не лжет. И что к его воинам, ожидающим своего предводителя за границей нашего каравана, действительно только что присоединился еще один воин, который и подал условный сигнал.

— Что ж. — Ахиллес встал и неспешно надел на голову свой черный шлем. Я благодарю тебя за предупреждение Миро и принимаю помощь твоей сабли. Сайра облачись в свои доспехи. Видать сегодня ночью твоим кхэшам придется испробовать на вкус кровь твоих извечных соперников.

— Невры, мне ни когда не были соперниками.

— Тем не менее именно с их клыками, тебе сейчас и предстоит скрестить свои стальные пики.

***

Белый, в начале пути, заставил своих охотников держать себя в узде. Их порывы немедленно напасть на ненавистный караван, в котором передвигались их враги, граничило с безумством. Хотя пожалуй это понятие в данном случае было не применимо к его спутникам. Что для невра значит это понятие? Пустой звук! А что значит напасть на многочисленное войско своего противника: Мужество и всего лишь знак того, что они являются истинными воинами своего рода. Но погибнуть пусть и покрыв себя славой в глазах извечного Анибуса, это дело молодости. Белый же хотел не просто окончить красиво свою жизнь. Он хотел, как минимум целым вернуться в свое родное Логово и конечно же отомстить за постыдное посрамление, как оружия невров так и их духа. Как максимум, вернуться еще раз со своим питомцем Черной Смертью, для того, что бы именно ему передать власть над всем Логовом. А для достижения этой цели необходимо было все досконально обдумать и предусмотреть все возможные способы, для воплощения задуманного.

Как только невры, вместе с одним из караванов аргосцев, покинули леса Гивейна, Белый приказал обоим его спутникам выдвигаться в степь. Расплатившись с белогривым человеком, Вожак ту же и сам покинул человеческий караван.

Они двигались постоянно забегая далеко в перед хунского каравана. Вожак решил обследовать окрестности, которые будут встречаться на пути всех без исключения караванов, двигающихся нескончаемым потоком по единственному тракту, который приведет всех к полноводным водам голубой реки Сириус. Питались они, как обычно, прибегая к охоте. Здешние степи были столь обильны всевозможной живностью, что трое прямо ходячих волкоголовых, постоянно с завистью разрывали очередное тело пойманной косули или степного плеза. На их холмистых равнинах такой обильной пищи не было и для того, что бы прокормить свое потомство, охотнику приходилось по долгу охотиться или на местную живность или же совершать набеги в страну желтокожих сидцев. В противном же случае невры делали облавы на истинных сургов и среди их огромной равнины, усеянной громадными валунами, зачастую оставались белеть кости тех, кому не удалось вернуться с великой охоты.

— Эх… р-р-р-р. Нам бы поселиться в этих обильных степях. Вот где наше племя смогло бы поистине встать во весь свой рост. — Шрам, с наслаждением облизал, стекающую струйку крови по своим лапам, и с нескрываемым удовольствием вонзил свои острые клыки, в податливую плоть антилопы.

— Мы бы тогда Шрам, быстро утратили всю свою проворность. Ведь если пища доступна и обильна, то охотник перестает усовершенствовать свое знание.

— Да разве местные существа позволят это сделать отец? Удивился Черная смерть, которому местные угодья, так же пришлись по душе. — Ведь нас бы всегда держали под контролем, как кентавры, так и эти чернокожие Гивейнцы. Так, что наши волчата не перестали бы вырастать настоящими охотниками. Даже при большом своем желании. Зато наш вид, стал бы плодиться, и его численность в скором времени позволила ему создать новые логова и тем самым, укоренить во всем Аль-Азифе нашу волю.

— Ты славный воин мой питомец. Но помни, что бы править Логовом, одной воинской доблести не достаточно. Ведь именно по тому, что все предыдущие Вожаки были похожими на тебя и таких как ты, все эти идеи и подставили весь МИРТ на грань полного вымирания. Для того, что бы наш вид выжил, необходимо не забывать наших традиций, и научиться править, как это делают люди. — Белый поел и теперь точил острые грани своих бронзовых клыков.

— То же мне пример для подражания. Разве хищник должен учится жить и чувствовать, как его жертва? Разве плезы перенимают инстинкты своей добычи? — Черный с пренебрежением фыркнул, отчего кровавые брызги разлетелись во все стороны.

— Пока я жив, учись править как я и перенимай мой опыт. Со временем, обретя седину в своей шерсти, ты быть может поймешь все то, чему я тебя сейчас учу. А сейчас хватить разговоров. Нам надо выдвигаться.

Все три поджарые фигуры встали и направились на восток. Где-то с права от них сейчас плелись караваны всех рас. После нескольких дней бега, Белый решил выйти на торговый тракт и в очередной раз пристальнее рассмотреть возможное место для неожиданной ночной атаки. В скором времени, они выбежали на утрамбованную плоть тракта. Весь путь продвижения караванов был отмечен остатками жизнедеятельности, как разумных, так и испражнений огромных ручных ящеров. Вокруг смердило неимоверно.

С права приближался очередной караван. По тому, что вместо

привычных огромных тягловых ящеров, в упряжь были запряжены огромные рогатые создания, Белый понял. К ним приближается караван минов.

— Шрам и Черная смерть притаитесь вон за тем холмом и ждите моего сигнала. Я хочу потолковать с рогатым народом. Может из этого общения и выйдет какой толк.

— Зачем тебе это отец? — удивился питомец Белого.

Белый вдруг оскалил свою пасть и со злобой во взгляде посмотрел на своего приемника.

Поняв, что ему брошен вызов, который любой невр должен или принять или поступить так как от него хочет соперник, Черная смерть затравленно опустил свой взгляд и не произнеся больше ни одного звука залег в высокой траве.

С этого расстояния, застывших в засаде, было практически не различить. Ветер дул им в лицо, отгоняя запах их тел им за спину. Вожак уставился на приближающийся караван. Когда одинокую фигуру разделяло не больше трех полетов стрелы, тягловые животные минов остановились, как вкопанные и уставились, своими тупыми глазками, на того, чей род испокон веков был их извечным врагом.

Повозки минотавров уступали в размерах гоблинским кибиткам, но зато были практически неприступны, так же, как и их великолепные дракары. Со всех сторон эти деревянные сооружения были обиты толстыми шкурами морских драконов, кожу которых, невозможно поджечь. Все борта были увешаны большими круглыми расписными щитами. Вожжи управляющие тягловыми ящерами уходили в два отверстия и скрывались в утробе деревянной конструкции.

Послышался скрип отодвигающейся двери. Задняя часть одной из повозок разошлась в стороны и из нее вывалились семь минов. Прикрывая свои тела большими круглыми щитами мины тут же заняли круговую оборону передовой повозки.

В правой руке каждый из них, держал огромную обоюдоострую секиру. Все они с презрением осмотрели подступающую к тракту травянистую растительность. Над местом встречи повисла гнетущая тишина. Наконец один из минов, что-то прокричал на своем родном языке, после чего со скрипом открылась еще одна повозка из которой вышел их новый предводитель.

Что ты делаешь на пути каравана минов невр? Не уж-то хочешь померятся с силами с представителями лучших воинов этого мира!? — со скрипом в голосе свойственной всем представителям этой расы, поинтересовался огромный воин на межрасовом языке всего мира.

— Шерсть на загривке Белого встала дыбом, но он сам себя мысленно отдернул и напомнил для чего он здесь.

— Ты проявляешь большое неуважение обращаясь к такому же воину как и ты сам, с подобным вопросом мин. При этом, ты даже не поинтересовался, кто сейчас находится перед тобой.

Огромный Мин поиграл своей грудной мускулатурой, но все же зная, что обычаи пути чтятся всеми расами, с нескрываемой ненавистью в голосе, спросил:

— Так чего же тебе надо Вожак Мирта? Видишь, я даже знаю кто ты, так как видел тебя на растилалище.

— Мне надо поговорить с нынешним приемником достопочтимого Трру.

— Для чего? — маленькие глазки минотавра буравили недобрым взглядом фигуру Белого.

— Для заключения договора.

— Мины ни с кем не заключают договоров, без воли на то совета ярлов и одобрения конунга. К тому же, тебе на сколько я погляжу, не чем даже заплатить за то, что бы мы оказали тебе помощь. Или ты готов стать самкой?

Это было оскорбление, которое для невров, было с родни предложению полизать испражнения своего врага. Два бронзовых клыка с тихим свистом оказались на свободе и грозно заблестели под лучами яркого солнечного света.

— Ты забываешься мин. И если прямо сейчас не принесешь извинения за нанесенное мне оскорбление, то я буду вынужден вызвать тебя на бой.

Мин долгим пренебрежительным взглядом уставился на Вожака невров.

— Что ж Вожак Мирта, я принесу свои извинения, если твое предложение будет для меня и моих воинов интересным. Если же нет, то я тебя убью. — последние слова он скорее промычал нежели произнес, что говорило об его бешенстве.

Рогатые войны туже приблизились на несколько шагов в сторону Белого. Краем глаза Вожак Мирта, заметил едва заметное колебание в желтой траве, где притаились его охотники.

— Хорошо. Я скажу все, что необходимо, но только новому минскому ярлу, а не какому то безвестному рогатому хвастуну, который еще ни чем не прославился, коли я не знаю о его подвигах, но который больно много кичится своей воинской доблестью.

Мощный рев, вырвался из глотки мина и тут же в сторону Белого полетел метательный топор. Вожак даже не удосужился отойти в сторону. Он просто уклонил голову и сверкающее лезвие, со свистом пронеслось от его оскаленной морды.

— И так, где ваш ярл мин. — как ни в чем не бывало поинтересовался Белый.

— Он перед тобой презренный. Я Холк новый предводитель этого посольства. Ярлом я стану, ежели меня одобрят совет моего народа и клянусь блистающими рогами не называемого, я сейчас же распотрошу твою тушу, если ты не скажешь, что тебе надо от моего народа!

— Что ж, не могу сказать, что рад знакомству, но перейдем к делу. Тебе, как я понимаю, наверняка бы хотел поквитаться с человеком, которому просто повезло в схватке с могущественным Трру. С тем кто теперь носит звание Абсолюта?!!

— Допустим. — после долгого молчания согласился Холк. — Что дальше?

— Мне этот человечишка так же не по нутру, как и тебе будущий ярл. А по сему, я предлагаю тебе, соединить наши усилия и вместе поквитаться с этим выродком.

— Мины не нуждаются ни в чьей помощи вожак. Мы сами способны отстоять свою честь.

— Не забывай о том ярл, что спутниками, и по всей видимости соратниками этого человека, являются не кто иной как херувим и защитница одного из вурдских кланов. Какими бы ни были хорошими воинами твои сородичи, справиться с представителями этих двух видов, чьи расы издревле считают самыми сильными прародителями лучших бойцов этого мира, будет не так то просто, как может показаться на первый взгляд. С вурдскими воинами моя раса издревле соперничает в том, кого из нас считать самыми проворными мастерами клинков. Поэтому, пока ты и твои вои будут сражаться с человеком и херувимом, я и мои охотники могли бы уничтожить Защитницу. К тому же, не стоит сбрасывать со счетов и торговцев хунов. Наверняка в их караване припасен хотя бы один боевой голем. В общем, я предлагаю тебе обсудить наши совместные действия по получению удовлетворения от мщения за наших сородичей. К тому взывают их бессмертные души, которые сейчас не могут примкнуть к боевому построению наших богов, так как их плоть не отмщена.

Холк размеренно вышагивал перед самым носом Белого. Он не опасался нападения с его стороны.

Он думал! А это, всегда тяжело для минов, которые привыкли действовать, а не размышлять точно мягкотелые люди.

'Но ведь нынешний Абсолют то же человек, и не смотря на то что он мягкотел, его воинское искусство оказалось лучшим, чем воинская сила убитого Конунга. Этот старый невр, говорит дело. Хотя если бы предстояло столкнуться только с гоблинами и

нынешним Абсолютом, этот бой можно было уже изначально считать выигранным, но ведь рядом с голубоглазым чужеземцем, действительно постоянно находятся его приятели. Херувим, способный сам по себе разорвать целую шеренгу минского построения и если вспомнить, что старшие рассказывали об их способностях к колдовству, то выходит, что данного противника можно было считать самым опасным в этой троице. Хотя, вурдская Защитница, тоже надо признать, не подарок богов, но все-таки против строя его воев, она не продержится и минуты, но вот если этот строй нарушит тяжесть тела херувима и она окажется в самой гуще строя, тогда и она, может пожать обильную кровавую жатву.'

— Хорошо Невр. Я приму решение когда узнаю о условиях договора. Твоя раса хоть и не торгует своими клыками, однако мне еще не доводилось слышать о неврском бескорыстии. Какова истинная цель твоего предложения?

— Буду с тобой откровенен. Мне важно уничтожить сидскую принцессу. Это и является основной моей целью.

— Хорошо. Мы договорились. Прими мои извинения. Я беру обидные слова обратно и пусть твои два охотника вылезут из травы. Нечего им там больше прятаться.

Белый оскалил свои клыки и на своем родном языке подозвал своих приближенных. Черная смерть и Шрам тут же оказались подле своего вожака.

— Вожак, пока мы сидели в засаде, мы заметили, что вас издали осматривали сидские всадники.

— Тьма с ними. Пусть они передадут о нашем союзе хоть самому Абсолюту… Пусть победитель турнира и его спутники знают, что теперь их смерть уже близка и неотвратима, как сама воля Анибуса.

Искусство убивать.

Когда весь лагерь был готов отразить нападение, Ахиллес обратился к Миро:

— Сколько у тебя воинов?

— Десять наездников Абсолют.

— Что ж, тогда пошли одного из своих всадников за остальными воинами, после чего со всеми вместе подъедешь вон к тому месту. — Ахиллес указал пальцем за сто шагов от разбитой гоблинами стоянки. Мы тебя будем ждать именно там.

Миро ту же кинулся к своим всадникам и уже через секунду

послышалось недовольное шипение одного из тулов. Ящер со своим седоком, практически бесшумно, растворился во мраке ночи.

— Арест как ты думаешь какова численность приближающихся противников?

— Минотавры славятся не количеством, а своим воинской дисциплиной и силой.

— Мда… Очень исчерпывающий ответ. И так! Действовать будем следующим образом… Михруаб, прикажи своим сородичам взобраться на свои кибитки. От туда, ты и твои подчиненные, будут осыпать неприятеля каменными снарядами. Как считаешь, при таком освещении смогут твои пращники отличить нас от наших противников.

— Зачем господин оскорбляет недоверием меня и моих сородичей? — обиделся Михруаб. — Мы лучшие пращники этого мира.

— Тогда выполняй… Мия, ты останешься с Михруабом и с крыши кибитки, будешь наблюдать за ходом сражения.

— Это еще почему? — удивилась принцесса, которая облачилась в кожаный комбинезон покрытый на плечах, спине и груди, костяными щитками. — Я воин и могу, хочу и буду сражаться со своими извечными врагами.

— Я нисколько не сомневаюсь в твоей отваге и воинском искусстве владения саблей. Но реальный бой, это не показательное выступление. Это кровь и отсеченные конечности. Боль и страх. Не для того, я обрел право над распоряжением твоей судьбой, что бы вот так просто, тебя потерять. Молчи. — Он строго посмотрел на сидскую принцессу с губ которой, были готовы сорваться слова протеста.

К ахейцу подошла Сайра. Она уже была облачена в свой черный, как ночь комбинезон, выделанный из тонкой, но неимоверно прочной драконьей кожи. Ее ритуальные кхэши, покоились в ножнах по бокам ее бедер.

— Сайра, находись постоянно рядом с Арестом, по крайней мере в начале схватки.

— Это еще зачем? — грозно выпалила защитница. — И вообще, кто ты такой, что бы приказывать мне?

— Сайра, во первых, — это просьба херувима, а не моя прихоть, а во вторых, — еще раз посмеешь мне перечить и клянусь своей утерянной памятью, что в следующий раз тут же схлопочешь по своей упругой попке.!

Может это было проявление симпатии, а может и завуалированной шуткой, но взглянув в глаза Ахилла, Защитница поняла, что тот не шутит и его образное выражение лишь мягко

выбранный оборот речи для того, что бы не слишком ей нагрубить. Она промолчала и с недовольным выражением лица, направилась в сторону беспокойного херувима. Его хвост нервно бил из стороны в сторону. Она встала подле могучего крылатого тела и с раздражением поинтересовалась, за чем она ему собственно понадобилась.

— Ты когда ни будь билась с минами?

— Нет. — кратко ответила защитница.

— Вот и я нет, однако я только что побывал в созерцании и мои предки дают следующее откровение… Мины всегда дерутся ровными рядами на Гивейнский манер. Правда они ни когда не прибегают к копьям, но зато практически ни когда не нарушают своего построения. Представь себе несколько шеренг сплоченных двух с половиной метровых воев, прикрывающих свое тело огромными деревянными щитами. Что смогут сделать твоя быстрота и способность к левитации, коли ты и на метр не сможешь приблизиться к единому организму минского строя? Еже ли ты попытаешься прыгнуть им на головы, то встретишь лишь оточенные острия их огромных секир, острые острия их рогов, да прикрытые головы все теми же круглыми щитами.

— И что же ты предлагаешь?

— Сила минотавров в единстве и мощи их мышечной массы. Одолеть этих созданий в открытом противостоянии невозможно, если по крайней мере не обладать гораздо большим численным превосходством, а его то, как раз у нас и нет.

— Короче. — недовольно буркнула защитница.

Ей и так уже испортили настроение, потому выслушивать нравоучения херувима, Защитнице совершенно не хотелось.

— Я применю к минам свою способность к создании иллюзий перед, которой они не смогут устоять. Их внимание на несколько мгновений будет отвлеченно, что позволит мне, при помощи моих крыльев, обрушиться на этих бестий с верху. Под тяжестью моего тела их построение смешается. Именно в эту мешанину тебе и будет необходимо приземлиться. В рядах рогатых начнется замешательство. Они будут мешать друг другу и не успеют заново сплотить строй.

— Это еще почему?

— Ведь среди них, в это время будут находится Я и ТЫ. — Арест многозначительно посмотрел на Защитницу. Твоя скорость и моя масса довершат смешение их построения. В это время со всех сторон рогатые будут подвержены атакам сидских всадников, а на их головы будет непрерывным потоком сыпаться каменный ливень, приготовленный гоблинскими пращниками. В общем и целом, это самый разумный план, который мог бы быть удачным,

если бы не одно но.

— Ну и какое же?

— Невры. Непонятно где и что будут предпринимать в течении всего этого боя эти быстрые бестии.

— И кто же придумал этот великолепный план? То же твои предки?

— Да нет. Ахиллес. Я лишь дал ему нужную информацию.

— Понятно.

Тем временем к ахейцу подскакал Миро. Он доложил, что все его воины в сборе.

— Жду дальнейших распоряжений.

— Я вижу, что к седлам твоих воинов пристегнуты колчаны с дротиками. Слушай, что тебе и твоим всадникам предстоит сделать…. - и ахеец принялся быстро объяснять ту часть боя, в которой предстояла принять участие желтокожим всадникам.

После того, как Миро удовлетворенно кивнул, Ахиллес подвел некий итог:

— А теперь доблестный Миро, направляй когти своих ящеров на врагов и да пребудет с нами победа.

— Свет. — выкрикнул свой боевой клич черноволосый всадник и понесся к своим воинам.

Подойдя к херувиму и Сайре, Ахилл поинтересовался у первого:

— Что за клич такой — Свет? На мой взгляд очень уж он какой-то беззубый!

— Дело в том, что невры да и сурги, по большей части ночные существа. Поэтому всегда нападают ночью, а раз так, решили давным-давно сидские наездники, значит воинам их государства надо иметь боевой клич отвечающий противоположности их извечных врагов. Поэтому они и выбрали этот клич. Он подразумевает следующее: — Как солнечные лучи рассеивают тьму, так и наездники Сида, должны рассеивать воинство волкоголовых!

— Странный все-таки клич. Ведь ночь все равно возвращается и побеждает на время свет. Надо было Сидским мудрецам придумать, что то вроде: — Бей остроухих, или скажем — Смерть блохастым! — законченные образы, которые не несут в себе двусмысленности. — пошутил ахеец.

Однако ни кто из его друзей не рассмеялся. Арест потому, что его пасть для этого была не приспособлена, Сайра — потому что, скорее всего, не оценила шутки. А может и потому, что до сих пор, была вне себя от недавней реплики в свой адрес.

— Идут. — мысленно объявил Арест и тут же окрестности стоянки прорезал мощный и яростный рев огромной пасти

херувима.

— До сих пор не могу привыкнуть к этому звуку. — искренне признался Ахилл. — Сколько уже раз слышал, а вот каждый раз, сердце чуть ли не разрывается от этого звука. Вот что надо было придумать сидским мудрецам, а не какой-то там крик 'Свет'.

Тем временем получив сигнал, которым являлся воинственный рев Ареста, Миро и его наездники, проорав во все горло свой родовой клич, ринулись во мрак ночи.

Небо как назло стало затягивать небольшими тучами. Хотя сияла полная луна, звезд было настолько мало, что лунный свет скорее мешал человеческому зрению, нежели помогал. Перед глазами все расплывалось. В десяти, пятнадцати шагах силуэты становились не четкими и призрачными.

По объяснению Абсолюта, наездники Миро, должны были стремительно появиться перед надвигающимися рядами врага и из темноты, метнуть в них по одному дротику. Арест утверждал, что мины довольно плохо видят, а по сему, эта внезапная атака, могла бы причинить их отряду весомый урон. После своей первой атаки, сидские всадники должны были вернуться на исходную позицию и рассказать Абсолюту, какова приблизительная численность врага, после чего ждать дальнейших указаний.

Наездники Сида появились из темноты ночи, столь же стремительно, сколь быстр полет древесного дракона мрачных гивейнских лесов. Они словно горные ториты Аль-Азифа появились ни откуда и исчезли в никуда. Лишь гулкий звон впившихся дротиков в плоть деревянных щитов, да предсмертный выдох одного из минких воев, красноречиво указало на то, что все это не игра воображения.

'А ведь если бы не заблаговременное предупреждение невров, могло бы быть и хуже!' — недовольно признал Холк.

— Сомкнуть ряды, не нарушать строй. — промычал предводитель минов.

Рогатые вои еще теснее сплотили ряды и не замедляя шага продолжили неудержимую поступь минского построения. Пройдя почти два перелета вурдской стрелы, мины наконец узрели своего противника. Прямо напротив них возвышались деревянные гоблинские кибитки. На земле находились три одиноких фигуры, а десять сидских наездника тут же раз сосредоточились и кинулись в разные стороны. В следующую секунду, на головы минотавров посыпались небольшие каменные снаряды, выпущенных из гоблинских пращей.

— Стена. — проорал Холк и его воины тут же выполнили необходимый маневр.

Первая шеренга опустилась на одно колено и выставила

перед собой свои огромные раскрашенные щиты. Вторая и третья стала в на хлест складывать над своими головами нечто вроде козырька. Каменные отполированные снаряды с гулкими ударами стали отскакивать од непробиваемого деревянного заграждения.

— Первая шеренга. — проскрипел Холк новую команду.

Вои, что находились в первой шеренге приподнялись и медленным шагом двинулись в перед.

Не пробиваемая стена щитов стала перемещаться.

— Холк сзади. — пролаял Белый.

Действительно из темноты появились стремительные тени и новая порция небольших деревянных дротиков, устремилась в тела своих предполагаемых жертв.

— Круг. — прорычал точно дикий зверь Холк, но его вои поняли, что надо делать и без его напоминания. Задние ряды, тут же развернулись и выставили перед собой свои щиты. Оставшиеся две шеренги, располагавшиеся в середине, подняли свои щиты прямо над головой, образовав тем самым нечто вроде плоской крыши.

Все-таки двум дротикам удалось достичь своей цели. Один мин находившийся в замыкающем ряду, был поражен прямо в глазное яблоко. Он скончался практически мгновенно. Другой воин был поражен в горло и рухнул прямо перед самим Холком.

Когда была выстроена Черепаха, через чью защиту невозможно было уже пробиться ни одному снаряду или дротику, Холк стал усердно размышлять над сложившейся ситуацией. Такого еще не происходило ни разу. Мины обычно имели дело с огромными людскими толпами, которые в независимости от их вооружения и численности, разбивались об оборону минского построения, точно морской прибой об гранитные скалы. А если уж дело доходило до рукопашной, то и вообще, любое людское войско, вырезалось за какие-то полчаса. Хотя до этого доходило очень и очень редко. Обычно после первого же лобового столкновения, противник бежал очертя голову. Если же войску славных повелителей надводных просторов внутреннего моря, противостояли наездники, то боевой строй, выстраивался по принципу 'стены' и стойко отражал любые наскоки своих быстроногих врагов, огрызаясь между тем еще и точными бросками своих метательных топоров.

'А тут мы не вступили еще даже в рукопашную и уже потеряли троих воев! Да что же здесь происходит?' — со злостью подумал Холк.

Белый со своими двумя охотниками, замыкал грозное построение минов. Его отпрыск был этим очень недоволен. Он то и дело забегал в бок и пристально рассматривал ночной простор.

Собственно именно благодаря зоркости и непоседству своего питомца, мины и были предупреждены о надвигающейся на них опасности. Глаза Черной смерти заблаговременно определили знакомые силуэты несущихся сидских ящеров. Лишь одному из возможных десяти минов, не посчастливилось. Он так и остался лежать пронзенный насквозь серым дротиком, брошенный меткой рукой желтоликого наездника.

— Мы что, до завершения боя, будем плестись в хвосте этих рогатых? — недовольно прошипел приемник Вожака.

— Тебе так сильно хочется побыстрее отправиться в святую нору Анибуса Черный?

— Просто я не привык прятаться ни за чьими спинами Вожак. — с вызовом пролаял отпрыск.

Оскалив свои клыки, Белый дал понять, что больше не потерпит такого пренебрежительного отношения к своей персоне.

Черный решил уступить и на этот раз. Сейчас было не место и не время оспаривать право Вожака.

Они продвигались неторопливым шагом. Белый нутром почувствовал, что сзади на них несется тень забвения.

— Холк с сзади!!!

Мины действовали, как единый организм. Без лишней суеты, не дождались даже команды своего предводителя, они развернулись в сторону новой атаки. Долго не думая, Вожак отдал приказ своим двум охотникам раз сосредоточиться. Укрыться за большими щитами рогатых воев, не было ни какой возможности. Минотавры их скорее бы порубили на кровавые куски, нежели позволили бы разомкнуть свой первый ряд.

В воздухе снова пропели свою смертоносную песнь, короткие серые тени сидских дротиков. На этот раз не повезло уже двум минотаврам. Оба, были поражены меткими наездниками Сида в область бычьих голов.

Один из приближенных Холка, отхаркиваясь кровавой пенной, упал прямо возле стоп своего Ярла.

Белый стал огибать минский строй по левую от себя лапу. Его воины по правую. Сзади послышались сиплые дыхание кровожадных тулов. Вожак вовремя обернулся. Тонкая сидская сабля, уже чертила в воздухе смертельный полукруг. Белый едва успел упасть на спину. Острейший костяной клинок срезал ему лишь верхний кончик правого уха. Откуда-то с сбоку, донесся смертельный вой.

'Шрам' — успел подумать Белый перед тем, как в очередной раз увернуться, на этот раз от мощных когтей тула.

Действительно. Черная смерть со Шрамом кинулись в противоположную от вожака сторону. Питомцу Белого повезло.

Он оказался ближе к минским воям нежели его сородич, а по сему и избежал смерти. Видимо сидские наездники, пока не спешили идти в лобовую атаку на монолитное построение рогатых. Шрам же оказался в некотором отдалении. Его прямо в движении, грациозно подхватила продолговатая зубастая пасть одного из ящеров и с легкостью перекусила тело неврского охотника на две неравные половины. Шрам только и успел что испустить отчаянный предсмертный вой.

Арест наблюдал, как неумолимо приближаются рослые вои и подумал про себя, что пожалуй сегодня ему придется туго. Сила, скрытая в конечностях минов, хватало на то, что бы голыми руками вырывать из земли молодые деревца, со всей их корневой системой.

К тому же тяжесть боевой секиры, плюс страшная мышечная мощь, превращала каждый размашистый удар минского воя, в страшное оружие. Он был способен разрубить любого наездника, начиная от его головы и заканчивая телом ездового ящера.

'Если такой удар придется по моему телу, никакая уже регенерация мне не поможет.' — мрачно подумал Арест.

Херувим видел, как первыми в бой вступили пращники. Хунам, наделенных богами прекрасным ночным зрением и сейчас находившимся на пятиметровой высоте своих кибиток, поле боя было видно, как на отполированном бронзовом блюдце. Их небольшие овальные каменные снаряды попадали именно туда куда хотела того воля каждого пращника. Конечно, минам этот обстрел, особого урона нанести не мог, но зато их продвижение остановилось. К тому же он отвлек рогатых от еще одной атаки, что сейчас начали десять сидских наездника. Рогатым пришлось уйти на некоторое время в глухую оборону.

Когда наездники после завершения своей первой атаки, осадили тулов прямо возле Ахиллеса и сообщили, что численность противника достигает не менее пятидесяти особей, Аресту стало не по себе.

***

Когда весь грозный строй повелителей срединного моря, оказался снова в глухой защите, херувим решился воплотить задуманное.

— Сайра, я начинаю. Будь готова.

Защитница кивком головы дала понять, что поняла мысли херувима и с изяществом выхватила свои кхэши. Арест сосредоточился и тут же погрузил свое сознание в формирование иллюзии. Если бы он был человеком, то сейчас бы, его чело,

наверняка покрылось мокрой испариной, но он был херувимом и то, что прямо сейчас он погрузился в зыбкое состояние созерцания, которое всегда сопровождалось полным отключением практически всех чувств, было заметно лишь для тех, кто его прекрасно уже узнал. Все его тело превратилось в каменную глыбу, даже хвост застыл в причудливой позе.

То что он создал силой своей мысли, потрясло не только минов, но и всех остальных участников этой ночного сражения. Перед удивленным взором передней минской шеренги, состоявших из десяти самых доблестных бойцов, вдруг разверзлась земля. Во все стороны поползли гигантские трещины. Казалось, что еще секунду и весь мир превратиться в одну огромную пропасть. И без того медленно продвигающееся боевое каре, встало, как вкопанное. Некоторые вои, находившиеся в самом центре построения, от удивления даже отпустили свои раскрашенные щиты.

Время Ареста настало.

Выйдя из физического ступора, херувим ринулся в атаку. Когда между первой шеренгой и им, осталось не больше двадцати локтей, херувим прыгнул и расправил свои перепончатые крылья. Два взмаха и его тело зависло над самым центром каре. Успев заметить, что один из минотавров засек его маневр, херувим еще будучи в воздухе, сложил свои крылья и рухнул прямо в середину вражеского построения. Двести пятидесяти килограммовая туша, в один миг переломала кости, как минимум двух минских воев. В следующее мгновение, Арест начал действовать. Его молниеносные удары лап, с выпущенными когтями, рвали все и вся, что оказывалось в пределах их досягаемости.

Сайре, было не по себе еще до того, как она увидела монолитный строй рогатых противников. Их размеренная поступь, была услышана защитницей задолго до их появления. После того, как желтоликий сид сказал, что на них надвигается по меньшей мере пятьдесят минов, ей и на самом деле стало страшно. Нет, конечно же она не боялась предстоящей схватки. Конечно же она была практически уверенна в победе над своими будущими противниками. НО! Бой должен был состоятся на открытой местности, где сплошной монолит строя, огромная физическая мощь и тяжелые минские секиры, представляли для любого воина, просто непреодолимое препятствие. Если бы битва должна была произойти в лесу или хотя бы в пересеченной местности, где имелось бы хоть маломальская лесная полоса, защитница могла бы гарантировать, что расправилась бы с каре в одиночку.

'Ладно хватит думать о том чего нет.' — мрачное течение ее

мысли, мешали сосредоточиться, для того, что бы войти в боевой транс. Наконец она дождалась того, что Арест назвал иллюзией. Если бы он ее заранее не предупредил, то сейчас, она наверняка бы сама пустилась наутек, для того что бы избежать огромных разломов, появившихся будто бы из ни откуда. Но так, как херувим предупредил ее о том что должно было произойти, уже через несколько мгновений спустя, ее мозг начал анализировать сложившуюся информацию и делать соответствующие выводы. Вот огромное тело, крылатого льва взмыло в воздух и в следующую же минуту, камнем рухнуло прямо на выставленные над головами щиты.

Что ж, Арест начал свой бой, настала и ее черед.

Сайра ринулась на каре, практически через несколько мгновений после того, как херувим подмял под себя свои первые жертвы. Не добегая десяти шагов, она высоко подпрыгнула и позволила энергетики земли пройти через свое сознание. Тело, тут же стало легким, словно гаранский пух. Когда она оттолкнулась в очередной раз, ее прыжок достиг самого центра минского построения. Она сосредоточилась и ее тело снова обрело первоначальный вес. Опустилась она правда, не как херувим. Если тот рухнул на головы рогатых воев, то Сайра приземлилась хоть и стремительно, но зато воистину, как представитель племени кошачьих.

Первого же воя, она полоснула по глазам своим левым кхэшом. Тот даже не успел осознать, что прямо перед ним оказалась не кто иной, а сама Защитница одного из вурдских кланов, а потому и прозевал этот выпад. В принципе в первые секунды боя, этого не понял ни кто из окружавших ее врагов, за что трое из них тут же и поплатились. Оказавшись, на очищенном херувимом оперативном пространстве, Сайра начала свой смертельный танец. Если Ахиллес впадая в боевой транс видел все движения своих противников словно их тела двигались в как бы в вязкой субстанции, то защитница видела рисунок боя таким, каким он и был на самом деле, однако при этом, ее мышечная скорость возрастала настолько, что противнику было трудно уследить за передвижением ее тела. Она не пыталась наносить прямых и выверенных ударов. Ее тактика заключалась в том, что бы вывести из рисунка боя, как можно больше врагов. Кому то, она подрезала сухожилья на толстых бочкообразных ногах, кто то лишился глаз, ушей, а кое кто отправлялся в небытие с перерезанной глоткой.

Ахилл увидел, как вслед за Арестом, в самую гущу построения, ринулась его пассия и решил, что пора и ему вступить на путь, который с большой долей вероятности, может

стать для него роковым. Ведь вступать в бой в данном случае, пришлось бы не с толпой слабо вооруженных гремлинов. Ведь на этот раз его противником были просто огромные рогатые существа, обладающие неимоверной физической мощью, которые к тому же являлись хорошо вооруженной армией с железной дисциплинированной. Армией, которая познала воинское построение! В Элладе ее назвали фалангой.

Конечно великое колдовство херувима и неожиданная атака Защитницы, заставили даже переднюю шеренгу минов растеряться, по крайней мере на несколько долгих мгновений, передняя шеренга фаланги, так же пришла в некоторое замешательство, что и послужило своеобразным сигналом для ахейца и он бросился в перед. В его левой руке находился щит в поперечном пазе которого покоился бронзовый меч. В кулаке сжимавшим щитовую лямку покоилось черное копье. В правой руке, голубоглазый воин, держал небольшой сидский дротик.

Когда, до первой шеренги оставалось считанные метры, Ахилл вступил в схватку. Его дротик был выброшен с неимоверной силой. Он насквозь пронзил черепную коробку переднего воя и застрял в шее сзади стоящего мина. Оба одновременно повалились под ноги своих боевых товарищей. Следующего врага, ахеец поразил прямо в лоб. Высоко подпрыгнув, он ударил его уже своим копьем. Удар для громадного минотавра был может и не смертельным, но по крайней мере очень болезненным и уж точно роковым, так как золотистое лезвие меча, тут же перерезало практически пополам, его поистине бычью шею. Тут точно ото сна, очнулись остальные воины фаланги, но было уже поздно. Ахилл впал в боевой транс…

Первым, что он сделал, это со всей дури полоснул своей правой кромкой щита по верхней бронзовой каемке щитов по крайней мере трех минов. Такой удар был очень эффективным, так как при достаточной физической силе, позволял солдату произвести удар, при котором собственный щит противника, ломал тому переносицу. Так произошло и на этот раз. Одному из минов, его же щит в кровь разбил тупоносую бычью морду. Двум другим пришлось повалиться наземь с перебитыми кадыками, так как они держали свои щиты ниже чем их крайне правый соплеменник. Освободив себе пространство, ахеец вклинился в их строй.

В свалке, которая образовалась после вступления в бой самого Ахиллеса, свою лепту внесли и наездники далекого Сида. В этот раз, всадники направили стремительный бег своих голодных ящеров, прямо на рассыпавшиеся ряды каре.

Началось, что-то не вообразимое. Казалось, что из этой бойни

не выйдет в живых ни одна живая душа.

Ахилл не мог бы определить даже интуитивно сколько прошло времени с начала его личного вступления в схватку. Ему казалось, что это продолжалось целую вечность, хотя на самом деле, бой длился не больше получаса. Когда все участники этой грандиозной схватки просто выдохлись и уже не могли физически продолжать это кровопролитие, оба стана разбрелись в разные стороны. От каре, в строю которого в битву вступили пятьдесят минотавров, в живых осталось всего одиннадцать, во главе со своим предводителем Холком. Казалось, этого неукротимого воя не удалось зацепить ни обоюдоострому мечу ахейца, ни коротким дротикам Сидцев, ни смертоносным лезвиям вурдских кхэшов. На первый взгляд, он просто смертельно устал, а вышел из боя, без одной царапины. Однако это впечатление производила лишь передняя часть его могучего туловища. На самом деле вся его спина, была практически разодрана в клочья, громадными когтями крылатого льва.

Самому же Аресту на этот раз досталось как ни когда.

Когда ахеец окинул своим проницательным взглядом внешний вид херувима, внутри у него все похолодело. В течении боя, телу разумного льва, трижды пришлось соприкоснуться с огромными бронзовыми лезвиями минских секир. Мало того, что херувим потерял огромное количество крови, в добавок ко всему у него, как оказалось в дальнейшем, было переломано пять ребер. Меньше всего, как оказалось, получил ранений сам ахеец. Его огромный бронзовый щит походил на огромный капустный лист, который неумело, но напористо кромсал малолетний человеческий поваренок. Его спину и живот украшали лишь несколько болезненных, но зато неглубоких порезов.

Сайра также не избежала увечий, хотя и не в таком количестве как человек, и не в таком качестве, как херувим. Ее противниками по большей части стали к концу боя сразу два невра. После того, как она отправила к праотцам сразу нескольких рогатых, на ее глаза попались оба миртских волкоголовых. Не видя перед собой больше других противников, Защитница перепрыгнула через головы последних минских воев, которые сражались теперь с сидскими наездниками, и вступила в схватку с извечными врагами ее рода. В данном случае, схватка конечно заведомо была не равной, по той простой причине, что кожаный облегающий комбинезон, выделанный из кожи истинного древнего дракона, не могли пробить не только острые клыки миртских воинов, но и огромные лезвия боевых топоров минов. Повредить кости и внутренние органы — ДА. Порезать тело НЕТ. К тому же, такой чести она не предоставила, как ни

первым, так и не вторым своим противникам. Ей пару раз очень сильно досталось от деревянных щитов рогатых. Да три раза, по ее спине полоснули неврские клыки, но все это было чепухой. Будь эти удары нанесены по обнаженному телу, тогда исход поединка оставался бы открытым. А так, опасными или тем более смертельными эти раны назвать было нельзя. После смертоносного вихря обоих кхэшов и двух пар миртских клыков, в живых остался только Белый.

Тело Черной смерти сейчас валялось среди груды поверженных врагов и союзников. Молодой невр был просто истерзан тонкими стальными пиками вурдской защитницы. От десяти сидских наездников, в живых сейчас осталось только трое и то лишь один восседал на своем ящере, который сейчас обильно истекал белесой кровью. Этим воином был Миро. Однако храброму желтокожему наезднику так же достался сокрушительный удар боевой секиры. Его черепаший панцирь, был расколот этим страшным ударом надвое и сейчас командир сидцев держался в седле лишь благодаря своей несгибаемой воли.

Гоблины то же по притихли. Они уже давно израсходовали весь свой метательный арсенал и сейчас с испугом взирали на кровавое месиво, что могло повергнуть в шок любого неискушенного наблюдателя.

Над полем схватки воцарилась гнетущая тишина. Восстановив свое дыхание ахеец решил прервать ее первым:

— Кто из вас сейчас является предводителем? — его голос был тих, но в нем было заключено столько ненависти, что каждый из здесь присутствующих понял, тот кто сейчас отзовется — тот труп.

— Кто был тот и остался человек.

Мутные глаза Холка понемногу затягивала пелена смерти.

Каким бы ни был физически развитым минотавр, но после такой обильной потери крови и при наличии столь ужасных ран, всем стало понятно, долго он не протянет.

— В таком случае я вызываю тебя на личный поединок. Я не знаю, по какой причине ты и твои воины решили напасть на наш караван, но сейчас это уже не имеет ни какого значения. Только после твоей смерти, я смогу договориться с оставшимися в живых. — Ахилл кивнул в сторону остальных соплеменников Холка. — Если в верх одержит мое воинское искусство, то твои воины, должны будут сложить оружие и стать нашими слугами… Что бы уравновесить наши силы, я вызываю тебя на поединок, в котором мы сойдемся, не прибегая к оружию. Пусть все решит честная борьба!

— Ты обезумел Ахилл… — появилась тревожная мысль Ареста. Было понятно, что херувим сейчас находиться на грани смерти и для восстановления своей физического баланса ему сейчас был необходим полный покой.

— …Даже в таком состоянии, этот мин сильнее тебя на целую голову. Зачем ты рискуешь погибнуть или стать калекой человек? Сразись с ним посредством своего меча если тебе уж так сильно хочется отомстить за всех бессмысленно убиенных.

'Во первых Арест, я покараю этого урода исключительно ради того, что бы ты был отмщен, если не дай бог, твое естество отойдет в извечное ничто. А во вторых, я не хочу продолжение этой бойни.' — мысленно ответил ахеец.

— Хорошо человече. Я принимаю твой вызов. — Да будет так, как хочет этот… воин. Вы мои соплеменники, должны сейчас поклясться светлой памятью наших предков, что будете верны только что данному слову. По истечению нашего боя, если я не одержу вверх над ним, вы должны сопроводить их до их конечного пути, где бы он не оканчивался и только после этого вернуться на нашу благословенную твердь.

— Да будет так Ярл. — хором отчеканили десять глоток.

Холк откинул в сторону свой деревянный щит и воткнул в землю острие своей секиры. Неторопливой поступью, огромный минотавр вышел на свободное место, которое не было завалено иссеченными телами и их, истерзанными фрагментами. За ним тянулся кровавый след. Ахиллес так же, как и мин, откинул свой щит в сторону и принялся скидывать с себя все свои доспехи. Через несколько мгновений, он оказался перед своим противником. По его телу стекали ручейки собственной и чужой крови. Сейчас он походил на кровожадное божество, которое соизволило обрести плоть и самолично поучаствовать в кровавой драме этой ночи.

Оба противника несколько мгновений стояли в абсолютной тишине и изучали друг друга. Было сразу понятно, что великолепно сложенное человеческое тело по всем параметрам уступает минскому. Рост, обхват грудной клетки, мышечная масса, все указывало на то, что человеку не выстоять против столь мощного соперника. Да! Во всем превосходил Холк своего оппонента. Во всем, кроме скорости и борцовского искусства.

Первым атаку начал Холк. Наклонив свою голову, он с диким ревом бросился на своего противника, намереваясь насадить ненавистное человеческое тело на острие своих изогнутых рогов.

Ахилл даже и не попытался уйти из под удара. Он ухватился руками за грозные позолоченные острия рогов и что было силы надавил на голову Холка. По инерции голова мина устремилась в низ. Резкий рывок левого рога в верх и вот уже мин стал заваливаться в левую сторону. После — ахеец крутанул свои руки в противоположную от себя сторону, вкладывая в этот маневр, всю силу человеческих рук.

Послышался громкий скрежет раздираемых в костяное крошево шейных позвонков и громадная туша, проделав в воздухе пол оборота в правую сторону, замертво повалилось в окрашенную в красный цвет, траву этой безбрежной саваны.

Тем временем с боку послышались звон клинков. Это сошлись в смертельном бою Мия и вожак невров.

Белый увидев, как под молниеносными уколами вурдской самки, погиб его питомец и решил улизнуть с места схватки. Это ему почти что удалось. На него никто не обратил внимание. Даже Защитнице, пришлось переключить свое внимание на близ стоящего мина. Поэтому неврy удалось беспрепятственно ускользнуть в спасительную мглу. Когда невр решил, что он оказался в безопасном отдалении от места побоища, перед ним возникла молчаливая человеческая фигура.

Что ж Вожак, ты видимо действительно истинный предводитель своего мерзкого народа. Таких же трусливых и подлых созданий, как и только что совершенный тобой поступок.

Мия смотрела на Белого не скрывая своего отвращения и всепоглощающей жажды мести.

Но твой жизненный путь теперь окончен и я восхваляю небо и бессмертных богов за то, что этот путь, прерву именно Я — Сидская принцесса.

Произнеся последнюю фразу Мия ринулась в атаку. Воздух наполнился тупым звоном от соприкосновения тонкой сидской сабли и двух неврских бронзовых клыков. Первые секунды не выявили победителя. Несмотря на полученные Белым раны и потею своей живительной влаги, он все-таки, был еще в

состоянии скрестить свои клыки с еще одним противником. По крайней мере он в это верил. Тем более, что перед ним стояла та, ради которой он и затеял это нападение. Однако по истечению минуты непрекращающихся выпадов, со стороны его противницы, Вожак осознал, в конечном итоге, он проиграет этот поединок. Поэтому пожилой невр, решил во что бы то ни стало, унести с собой в загробную обитель, и своего противника.

Белый высоко подпрыгнул не думая уже о своем теле. Он вознамерился подмять под себя, тело принцессы и лишить ее жизни, посредством своей пасти.

Оскаленная морда, остановилась от желтоватой шеи, в каких-то нескольких сантиметров.

Заметив по повадкам невра, что тот принял свое поражение и готов на самые крайние действия, Мия была на чеку. В тот миг, когда в воздух взмыло волосатое тело митрского Вожака, принцесса что было мочи метнула саблю. Оружие прочертило полукруг и бесшумно вошло в разинутую пасть.

Выбравшись из под бездыханного тела, принцесса с ненавистью плюнула на труп своего мучителя и с гордо поднятой головой направилась к месту битвы где в гробовом молчании, все присутствующие уставились на бездыханное тело Холка и обнаженное тело Ахиллеса.

АтхНор.

Правитель северного домена срединных просторов, отдыхал нежась в прохладных водах своего удельного домена. Конечно это был не его родовой удел да и у кого он может быть родным, коли всем без исключения князьям, по завету предков был установлен порядок проживания в дворцовых строениях каждого их доменов всего средиземноморья. Князь был обязан проживать во дворце, только во время своего служебного срока, на который его назначал совет всех князей. И это было мудро. При таком положении дел, полностью исключалась возможность к возникновению злоупотребления своим служебным положением.

Правитель был молод, но не по годам разумен, и по тому это новое назначение пришедшее вчера с морским гонцом, его ни сколько не удивило. Видно император наконец решил объявить войну этим заносчивым и высокомерным людишкам. Существам, которые в последнее время, позволяют себе огрызаться, когда дело доходит до сбора законной доли с любого судна, будь то торговое или военное. А ведь еще несколько лет назад, когда АтхНор только начинал свое восхождение по служебной лестнице

империи, он предупреждал, как великий совет так и императора, избираемого всеми четырьмя правящими доменами, что с заносчивым Аргосом необходимо покончить. Нет, уничтожение под корень, это было бы слишком. Но вот ополовинить не в меру вознесшейся человеческий город, было просто необходимо. Управитель казны, насчитывал уже около пяти случаев, когда мягкотелые людишки соизволили не просто отказать в уплате положенной пошлины, но даже прибегнуть к пролитию священной крови морских воинов Империи Нейрид. Подумаешь, несколько раз молодая и заносчивая молодежь северного домена, решила попрактиковаться в воинском искусстве, напав для забавы на парочку другую торговых корыт этих людишек. Что ж им, оттачивать свои навыки только на охоте на морских драконах, да акул? Или быть может вырезать свои же собственные легионы пиктов!?

'Да к стати о пиктах! Нужно будет по прибытии во дворец, обязательно поставить в известность императора, что он, АтхНор, подчиниться воле господина только в том случае, если тот дает в его распоряжение все восточные легионы. В противном случае, АтхНор, не может гарантировать достижение возложенной на него задачи.' — правитель улыбнулся своим мыслям и оценил их тонкий ход.

Ведь если он сможет достичь цели малой кровью легионов, все восточные просторы будут в его власти, так как пикты естественно будут находиться под влиянием именно его семейных воинов. А из этого следует, что именно он, АтхНор, при желании, может узурпировать ну если и не власть над всем Срединным морем, то по крайней мере на всем его восточном побережье. А ведь это самый прибыльный удел, который во все времена приносил в имперскую казну самую большую часть доходов. Он сладко потянулся. Волны качали его тело словно малое дитя.

Нейриды были способны к изменению структурной составляющей своих тел. Они могли становиться легкими, как перья земных птиц, а могли при желании уплотнять свое естество для того, чтобы камнем пойти на дно.

Сейчас молодой князь и правитель западного домена, нежился в ярких лучах полуденного солнца. Ему всегда нравился покой и тепло. А в западных водах, такое блаженство было редким, так как эти воды раз в году подвергались сезонному водообмену с глубинным течением океана мрака. Сюда его направили, в качестве боевого князя. Уж больно много в последнее время через границу внутренних уделов, в срединное море прорывались отродья темных глубин.

Порожденные во вселенском соленном просторе, что находится за стопами этого мира, эти существа то и дело пытались обжиться в теплых, для них практически райских условиях, срединных вод.

Именно поэтому, сюда и был направлен молодой, но очень перспективный князь, занимающий в прошлом совершенно безобидный пост начальника дворцовой стражи.

'Что ж, пора возвращаться во дворец. Наверняка меня все уже обыскались.'

АтхНор вобрав через свои жабры, достаточное количество воды, тут же погрузился с головой под воду. Усердно заработав нижними конечностями, прозванными людьми ластами, князь стал стремительно опускаться на глубину где его ждал его любимый морской конь. Стэй сейчас кормился. В этих прохладных водах, водилось на удивление огромное количество планктона. А где планктон там как известно плодится огромные косяки мелкой живности… Где рыбешки, там и охотники! Где охотники там конечно же и пасутся морские кони нейрид. Стэй только что, окончил пожирать тушку огромного кальмара. Он был таким же молодым, как и его хозяин. Стэй всегда признавал только две вещи — сытную пищу и сильную руку своего господина. Вот и сейчас получив в ультразвуковом диапазоне приказ о немедленном движении в сторону плавно плывущей тени своего хозяина, Стэй не решился ослушаться. Он тут же бросил бесцветные останки растерзанной туши и вобрав в себя необходимое количество воды, выпустил ее через боковые отверстия, ровно настолько, насколько было необходимо, что бы покрыть расстояние в пятьдесят локтей. Погладив роговые пластины шейного гребня своего коня, АтхНор пристегнул к седлу свое тело и приказал тому отправляться в путь. Две мощных струи вырвались из боковых отверстий тела морского коня и оба существа скрылись в феерии многочисленных воздушных пузырьков.

***

Император ЭтаНэл, сейчас плыл по подводной части своего великолепного дворца. На каждом повороте его встречали суетящиеся спины слуг-пиктов. Кто-то подтачивал костяными лопатками новые наросты коралловых колон, кто-то занимался уборкой помещений. Некогда ярко черные глаза императора, отражавшие в дни его молодости любой солнечный свет, теперь с возрастом потеряли свою первоначальную насыщенность. Нет конечно до старости ему еще далеко. Но ее приближение, он все-

таки ощущал с каждым прожитым десятком лет. Теперь он уже не мог выйти на поединок один на один со стаей небольших белобоких акул. Не мог он уже и переносить стремительные перепады глубинных давлений. К тому же император уже был не в состоянии, по долгу находится и на открытом воздухе этого мира. Что ни делай, а время брало свое и глубокая релаксация не за глубинными водами. Как бы там ни было, жизнь он прожил насыщенную и добился всего, о чем когда-то мечтал. Еще в молодости, он был удостоен чести стать отцом дочери, которая сейчас жила в семье Нор. Морским Бог Пасейор, был всегда к нему благосклонен. Дочь отплыла в семью старшего воина, которого он недавно решил возвеличить. Мысли незаметно текли сами собой, не мешая зрению любоваться красивыми замысловатыми формами плоти императорского дворца. Подплыв в выходу, император остановился и стал решать куда же ему направить силу своих ножных плавников. Он наконец выбрал путь на глубину, где с недавних пор, был разбит новый имперский сад.

'Да АтхНор не в меру властолюбив. Он сторонник больших перемен и жаждет укрепления центральной власти. По его размышлениям заметно, что этот юный князь, был бы не прочь поддержать императора в укреплении центрального домена, для того, что бы как можно больше урезать фактическую власть совета четырех удельных князей, управляющих общинными доменами. Это конечно было бы очень даже неплохо, если бы не походило на копирование общественного строя, ненавистных людей. — ЭтаНэл усмехнулся, оголив отточенные острия резцов. — Ненавистных, но безусловно очень полезных. Ведь кто же тогда поставлял бы морскому народу удивительные фрукты и другими чудные яства, если бы люди, отказались бы от морского общения между своими колониями. Кто бы поставлял послушных рабов, которые живут в надводных помещениях дворцовых доменов. Не тупоголовые же невры в конце концов! Так что уничтожать этот заносчивый Аргос не выгодно, а вот приструнить, конечно стоило бы. Но АтхНор ведь хочет прибегнуть не просто к демонстрированию силы нейрид. Ему хочет пустить аргосцам кровь, да так, что бы те на века запомнили, что с ними может произойти, будь на то воля морского народа.'

Император подплыл практически к самым верхушкам удивительных водорослей. Эти морские растения, были добыты в глубинах моря мрака. Последний поход молодого князя, был более чем успешен. Было найдено множество драконьих костей, из которых люди Сида, так любят изготовлять свои длинные сабли. Были уничтожены большие семьи полу разумных мурен,

которые уже не один год пытаются проникнуть через западную грань домена. Отброшены огромное количество гигантских акул и касаток. Правда АтхНору пришлось заключить временное соглашение с еще одними разумными обитателями срединных вод, с дельфинами. Эти существа мыслят совершенно другими критериями и им почему-то очень нравятся люди.

Из-за того, что дельфины всегда оказывают помощь тонущим морякам, которые по желанию нейрид, должны были служить жертвенным подарком своему морскому владыки Пасеору, оба морских народа не раз сталкивались в жестоких битвах.

На этот раз, враг у обоих видов оказался один. Дельфины, как и нейриды не переносили на дух кровожадных рыбин и поэтому союз удался. Одним из чудес доставленных из мрачных темных вод и были эти причудливые водоросли, которые с приходом ночи светились всеми цветами воздушной радуги, а днем красиво переливаясь расцветая прекраснейшими морскими цветками, радуя своими формами охочих до красоты морских воителей.

Император опустился на самое морское дно. Отсюда открывался еще более впечатляющий вид рукотворного морского сада. Туда сюда, шныряли красивые коралловые рыбки, самых ярких расцветок. Стайки пугливых и многочисленных ставрид радовали глаз своим количеством. Ведь когда вокруг домена множится и процветают морская живность, он обретает силу, так как в состоянии содержать в достаточном количестве морских коней, которые извечно славились своей прожорливостью.

ЭтаНэл почувствовал движение морских потоков. Посмотрев назад он увидел, что к нему подплывает одна из дворцовых женщин. Император узнал в ней ЭльНэл, ту что подарила ему его прекрасную дочь. Женщина застыла в двадцати локтях от вершин рукотворного сада и принялась искать глазами своего императора. Из-за густой морской поросли, тело ЭтаНэла, было практически не различимо. ЭльНэл чувствовала, что император где-то поблизости, но вот увидеть его, ни как не могла.

Налюбовавшись красивыми линиями женского тела, ЭтаНэл решил подняться из сказочного места. Он догадался по какой причине его ищет дворцовая женщина. Прибыли послы Аргосцев и сейчас они ожидали морского повелителя в верхних этажах дворцовых покоев.

Женщина увидела, как из разноцветных качающихся водорослей, поднялась фигура ее любимого мужчины. Она тут же устремилась к нему. Подплыв к тому в плотную, она закружилась вокруг его тела в стремительном круговороте воздушных пируэтов. Она знала, что императору всегда нравился этот танец,

а по сему постаралась вложить в него всю гибкость и мощь своего тела. Император улыбнулся и приветствовал свою женщину взмахов руки. Ее мысли нежно проникли в сознание своего господина.

— Мой император, люди Аргоса только что причалили к центральному надводному входу. Они просят твоего соизволения на аудиенцию.

— Я так и подумал моя рыбка. Что ж свет моих глаз, поплыли… Или может быть ты позволишь своему мужчине соприкоснуться нашим телам? — игриво спросил ЭтаНэл — А послы, которым и жить то осталось всего ничего, подождут?

— Мой господин настойчив в своих мечтах, как и много лет назад, хотя его глаза и поблекли от забот о благе своего народа, но в желании соприкасания, император может дать фору любому из молодых воинов.

— Ты мне льстишь божественная ЭльНэл.

Его сильные руки обняли гибкий стан. Прошлись по упругим грудям, сжали могучие женские бедра. Ее хвост изогнулся дугой прикрывая женское лоно, находящееся с задней стороны чешуйчатого хвоста.

— Нет мой император. Займемся этим на свежем воздухе и после того, как вы отпустите аргосского вестника. Когда в помещениях домена находятся люди не являющиеся нашими рабами, мне становиться не по себе.

— Хорошо моя касатка. Я сделаю, как ты просишь, но после аудиенции… — он посмотрел на ЭльНэл томным взором. — После, я не потерплю ни каких отговорок.

— Покоряюсь воли господина.

Женщина вырвалась из объятий императора и после мощного взмаха своего плавника, устремилась к красноватому телу дворца.

— А теперь, кто первый! — вторглось озорная мысль в мозг ЭтаНэла.

Усмехнувшись, властелин морей стал усердно работать обоими ластами. Он знал, что единый плавник женщин, дает им громадное преимущество в скорости и догнать любую женщину нейрид, не удается ни одному мужчине морского народа, но попробовать было всегда интересно.

***

Красные как пламя костра, зрачки аргоского посла, с удивлением взирали на приближающуюся красоту императорского дворца. Да, это было воистину чудо. Арбал видел

многое. И неприступную пирамиду Гивейна и удивительный скальный град Сида, вырезанный в огромной скале. Довелось торговцу побывать даже в степном городе Панов, который не мог похвастаться изысканностью построек, зато занимал огромное пространство. Вот теперь в первые в жизни, ему доводится лицезреть и великолепие имперского дворца нейрид. Говорят, что его основная масса и что не маловажно, самая прекрасная ее часть, располагается в подводной части. Хотя кто же может сказать об этом с уверенностью? Даже людские рабы, не могут туда попасть. Дышат то они легкими, а не жабрами. Но даже то, что сейчас предстало взору посла, было потрясающе.

Триера вошла в тихую лазурную бухту. Здесь была прозрачная голубая вода. Даже там, где до морского дна было не меньше семи метров глубины, можно было различить все многообразие подводного мира. Медленно ползали морские звезды. Коралловые рыбки поразительных цветов, размеров и форм, сновали туда сюда словно на гоблинском карнавале. Сам дворец казался воздушным. Его твердь возвышалась над водою и покоилась казалось на тонкой единственной ножке. Ажурные витые башни, всевозможные переходы, мосты и красивые затейливые арки, все говорило о величайшем искусстве создателей всего этого великолепия.

По команде главного надсмотрщика, тяжелые весла поднялись вверх и сейчас громадная триера шла по инерции. По бокам корабля сновали быстрые тени воинов морского народа. Их быстрые кони, оставляли после себя толстые струи воздушных пузырей.

Их триеру встретили еще далеко в открытом море. После долгого и нудного объяснения передовому патрулю нейрид, о цели их визита, один из морских всадников скрылся в морской пучине, видать за дальнейшими инструкциями. Его не было около суток. Все это время, корабельная команда находилась в полной боевой готовности. На борту было пятьдесят аргосцев и двести рабов. Нападения, капитан триеры и посол, не боялись. Для того, что бы захватить военную триеру на абордаж, были необходимы лапы легионеров нейрид, а для этого нужно было бы доставить тупоголовых пиктов к самому кораблю.

Эти странные полу разумные создания хоть и могли по долгу находиться в водной среде, причем как в морской так и пресной, все же были земноводными тварями, и по этой причине не могли отправляться в длительные морские путешествия. Когда приплыл отосланный гонец, Арбал было решил, что император нейрид отказал им в аудиенции. Больно уж долго решал командир дозора, что делать с человеческими послами. Однако в скором

времени из воды появилась голова старшего отряда и в голову Арбала ворвалось неуклюжие мысли.

— Следуй за нами посол. И передай своему кормчему, что бы следовал четко за передовым всадником, иначе ваша деревянная раковина, сядет на мель.

И вот теперь после окончания еще одних суток со времени их обнаружения, они вошли в бухту где посреди лазурных вод красовался красный дворец морского императора. Арбал знал, что император в этом подводном государстве играет такую же роль, как царь панов, который обретает фактическую власть, только в случае, когда их раса идет на кого то войной или же когда 'пятакам' необходимо отразить вторжение в свои исконные земли. Здесь в срединных водах, все решает совет семейных князей. Но понтифик Аргоса, все-таки решил отправить посольство именно к императору, в надежде выиграть драгоценное время для того, что бы из колоний успели прибыть все свободные воины. Аргосу нужно было дать время и ради этой цели двести пятьдесят человек были отправлены на верную смерть.

Арбал знал. Назад может приплыть только один из всего экипажа корабля и то только для того, что бы сообщить ответ великого подводного народа. Остальных же, ждет скорее всего скорбная участь рабов императора. Морские пути к своим доменам нейриды охраняли почище чем гивейнцы свой город — пирамиду.

Капитан боевой триеры подошел к Арбалу и негромко прошептал:

— Посол если вдруг тебе удосужится Богами выйти целым из этого путешествия, я хочу что бы ты передал моей семье, что я их всех очень люблю.

— Сомневаюсь достойный Марг что, тот кто останется в живых будет способен вообще что-либо сообщить нашему городу о постигшей всех здесь участи. Нам не помогут ни многочисленные подарки, ни мои дипломатические уловки.

И это было правдой. После беседы с императором Арбалу отсекли обе руки, отрезали язык и выкололи оба глаза и все это для того, что бы посол не мог ни жестом, ни взглядом, ни голосом, рассказать своим соплеменникам о пройденном пути к центральному домену морской империи.

Его выбросили на прибрежный песок бухты Ветров где располагалась небольшая колония альбиносов. Когда посла нашли местные рыбаки, быстрый парусник тут же отчалил от деревянного причала и понес всеми прогнозируемую весть: — Морской народ идет на Аргос войной. Посол изувечен, а вся

команда, вернее те кому не посчастливилось умереть при штурме триеры, теперь вечные рабы красного дворца. Но все-таки цель была достигнута. К проматери всех колоний, великому Аргосу, были стянуты все воины морской торговой державы. Столица торговых людей готовилась достойно встретить своего извечного врага.

***

Каждый из участников великой битвы, теперь залечивал раны. Арест лежал в самом большом помещении одной из гоблинских кибиток. От туда были выведены все рабы, а помещение приведено в надлежащий порядок. По заверению Ареста все страшные раны залечатся очень быстро, что нельзя сказать о психической составляющей его организма. Для восстановления затраченной на великое колдовство пси-энергии, херувиму по его словам потребуется несколько дней полной прострации. Сайра так же, как и крылатый лев, была занята излечением своих внутренних повреждений. Минские топоры не смогли пробить ее кожаных доспехов, зато изрядно навредили ее внутренним органам и костям скелета. Ахилл хоть и получил несколько болезненных порезов, но первым их всей компании оправился и сейчас всю дорогу находился то возле сидской принцессы, то подле своего нового боевого побратима Миро, у которого было перебито два ребра. К их каравану присоединились еще два. Первый сидский, второй минский. Теперь пятнадцать минских топоров, надежно защищали объединенный караван, от чьих бы то ни было поползновений. А они имели место, практически каждый день. То на караван нападали одичавшие степные орды людей, то к массовому скоплению живого мяса, предъявляли претензии местные хищники. Дважды было отражены нападения плезов. Один раз, на караван попытались напасть охотнический отряд быстроногих кенов. Все нападение были отбиты исключительно за счет военной мощи десяти минотавров. Кентавры вообще увидев, под чьим покровительством наохотится столь богатая добыча, благоразумно решили не вступать в открытое противостояние с выстроившимся против них боевым порядком рогатых воев. Но особенно запомнилось Ахиллесу нападение огромной стаи плезов. Невысокие, но очень подвижные ящеры, поразили ахйеца не столько своей агрессивностью, сколько почти человеческой тактикой ведения боя. Их стая не кидалась на кого не попадя в поисках самого слабого противника, как в таких случаях поступают обыкновенные хищники. Наоборот, плезы

сгруппировались и попытались смять выстроившийся пред ними строй минотавров своей единой массой, а их стая насчитывала до ста особей! Казалось, что первая же атака этих проворных и неимоверно опасных степных хищников, с первого же наскока поглотит малочисленный отряд рогатых.

Ахиллес в это время находился на верхнем этаже гоблинской повозке и о начале неожиданной атаки, узнал только после того, как послышались раздирающий слух предсмертный крик одного ящера. Он беседовал в это время с Сайрой, планируя свои дальнейшие действия и тут с низу послышались крики и через мгновение к ним в загородку просунулась голова Михруаба, который и поведал, что на них напала большая стая степных ящеров. Ахеец не был облачен в свои доспехи, поэтому он просто выхватив свой меч и решил понаблюдать с верху за разворачивающейся битвой.

С первого взгляда он понял, пятиметровую высоту, двуногим ящерам не преодолеть, а если бы они и попытались, то невелика задача отсюда их скинуть. Поэтому он и не переживал ни за себя, ни за Сайру, ни за Ареста. Пробиться через толстые черные створки первого этажа, не смогли бы пожалуй даже острые драконьи когти. Между тем, в низу стало поистине жарко. Десять минских воев встали в свое излюбленное боевое построение. Однако на этот раз оно имело форму треугольника и называлось клином. Каре состояло из трех шеренг. В первом ряду расположились два самых сильных бойца. Прикрывая свои тела деревянными щитами, минские секиры монотонно опускались на головы и тела обезумевших бестий. Более того, каре не стояло на месте, а двигалась неумолимой поступью в перед, оставляя за своей спиной, окровавленные фрагменты тел. Ахиллес даже залюбовался слаженными действиями этих морских воинов.

'Пожалуй, владея бы эти мины копьем, так же, как и воины моего народа, их фалангу не смог бы одолеть ни один противник.' — пронеслось тогда у него в голове.

Плезы по видимому то же решили, что такая их тактика не способствует достижению цели. За считанные секунды, они раз сосредоточились и бросились в рассыпную в поисках более легкой добычи. Но что они могли поделать с такими огромными животными, как тягловые ящеры гоблинов? Эти исполины, одним движением ноги, могли бы расплющить сразу троих степных хищника. Покрутившись еще около минуты вокруг объединенного каравана и окончательно осознав бесщетность своих атак, ящеры ретировались, оставив после себя до сорока искромсанных членов их стаи. Спустившись на землю Ахиллес подошел к новому предводителю рогатых воинов и положив на его плечо свою руку,

с уважением заметил:

— Воистину ты и твои вои, лучшие воины этого мира. Я еще не разу здесь не встречал такой слаженности и мощи.

Новоиспеченный приемник Холка посмотрел на человека своими черными как уголь глазами и ответил:

— Видать не самые, раз ты с твоими спутниками победил полноценное каре.

— Мы победили не силой, но тактикой, а это, совсем разные вещи.

Ярл посмотрел на него долгим взглядом думая о чем то своем. Потом протянул ему свою огромную ладонь для рукопожатия.

— Ты воистину великий воин. Твои слова приятны моему слуху и в тоже время объясняют причину нашего поражения. Что ж человек, ты достоин того, что бы считаться одним из нас. То есть равным повелителям надводных просторов. Отныне ты признан нами как равный.

Послышался оглушительный гром. Это все девять минов разом ударили своими секирами по поверхности деревянных щитов.

К одному из притоков полноводного Сириуса носившим красивое название Эувайн, караван подошел на двенадцатый день своего путешествия по бескрайним степям этого мира. По объяснению Михруаба, Эувайн был рукотворным творением некогда очень могучей людской расы Индов. Теперь они влачили довольно жалкое существование. Полноводный приток был для Индов транспортной артерией. По нему эти коричневые люди перевозили друг другу свои нехитрые подделки. Сами инды жили в больших поселках, которые были разбиты ими на нескольких островах. Свои большие камышовые строения они располагали ровным кругом. В центре таких поселений всегда располагалась главная площадь на которой обычно происходили жертвоприношения и другие важные события поселения. Управляли каждым из поселков, старейшины. Общий же сбор этих людей и определяли политику всего народа.

Их караван был замечен дозорными индов еще за долго до того, как он сам подошел к мутному Эувайну. Когда Михруаб отдал приказ об развертывании лагеря, со стороны ближайшего холма, к их стану стала приближаться огромная толпа. Инды были одеты лишь в набедренные повязки сшитые из нескольких листьев речного папоротника. Их тела были раскрашены словно перья попугаев. Вооружены же эти невысокие и щуплые представители человеческого вида — камышовыми дротиками и

длинными пиками изготовленных из все того же тонкотелого камыша. Инды не признавали ни щитов, ни любого другого оружия ближнего боя. Когда между общим караваном и их нестройной толпой оставалось два полета стрелы, людская масса застыла в нерешительности.

— Михруаб. — Ахилл обратился к гоблину, в надежде за разъяснениями. — Что надо этим людям?

— Известно что! Часть наших товаров для того, что бы они не чинили нам неудобств своими действиями на каждой стоянке.

— А что они и в самом деле способны сильно повредить нашему каравану?

Гоблин хитро прищурился.

— В открытой схватке, этот речной народ конечно же не способен противостоять ни минам, ни кенам. Да и вообще ни одному воинскому подразделению любой из рас этого мира, но зато они вполне в состоянии сильно потрепать наших тягловых ящеров, а то и вообще, отправить в небытие парочку, что безусловно приведет к провалу нашей торговой миссии. Так что мы с удовольствием даем им часть наших товаров, а инды в свою очередь, не препятствуют нашему дальнейшему путешествию в плоть до небольшого городка индов, что является их столицей. Он, как ты уже знаешь, располагается на берегу Сириуса, причем на нашем берегу. От туда, мы переправимся на другой берег Сириуса и направимся, огибая вурдские леса, к себе на родину.

— Как же ты переправишь свои кибитки Михруаб? Я уже и не спрашиваю про таких огромных животных, как эти ваши — Му. — Ахиллес кивнул на тупо тянущего свою повозку громадного ящера.

— Ну это не сложно. Товар и повозки переправят аргосцы, что проживают в том городишке отдельной колонией. А ящеры, прекрасно плавают не смотря на свой гигантский вес к тому же нам известны броды, через которые нашим животным очень легко перебираться на другой берег голубой реки. Правда они охраняются индами, но мы ведь с ними договоримся.

— Понятно. Ну что ж, иди договаривайся насчет платы, а то как я погляжу, эта толпа уже сгорает от нетерпения.

— Скорее уж от страха. Не каждый день они имеют счастье лицезреть такой караван среди которого так много минов. Про них, эти люди знают не по наслышке. Ведь Ярлам рогатых воинов, все равно кого грабить, людей из аргоса, индов или торговые караваны всех остальных рас.

— Мда! — глубокомысленно протянул ахеец покосившись на минов. — Ладно иди договаривайся.

До небольшого городка индов, где располагалась колония

альбиносов, объединенный караван добрался поздней ночью. Все проблемы с местными жителями, Михруаб решил довольно быстро и как он утверждал, процент оставленный старейшинам, на этот раз был довольно мал. Видимо мудрейшие побоялись сориться с представителем каравана, среди которого находились десять страшных минотавров.

Городок коричневой расы, встретил караван полным запустением. Все с удивлением уставились на практически покинутый поселок. Невдалеке виднелись огни индского поселения. Местный провожатый, объяснил Ахиллу, что три луны назад практически все население поселения аргоской колонии погрузились на свои большие триеры и отплыли в низ по течению.

— Наш шаман говорит, что их столица, в скором времени потонет в море крови. Видать это правда.

— Кто же осмелился напасть на Аргос, который по рассказам моих товарищей, является грозном и многолюдной твердыней.

— Известно кто. Я вот все думал куда девались пикты. Наверняка легионы восточного сектора здешнего домена, тоже снялись с мест своего пребывания. Если тебе голубоглазый интересно мое мнение, то я скажу так, Аргосу грозит война с подводными владыками. И если это действительно так, то дни этого могучего государства сочтены. Морской народ это самая кровожадная раса этого мира, но не потому что они изверги, просто они другие и живут по другим принципам. По сравнению с ними, невры просто злобные дети, не более.

Ахеец слушал все это в пол уха. Нет ему конечно было интересно, что происходит в мире, но сейчас его больше заботило, что предпринять дальше ему самому. Мия теперь была в его власти. Оставалось каким-то образом высвободить из плена второе человеческое существо, томившееся сейчас в вурдском плену.

Когда они наконец расположились в опустевшем поселке, все занялись своими делами. Михруаб пошел договариваться с индами по поводу прохождения его ящеров в брод, находящимся немного выше месторасположения этого захудалого поселения. Из-за отсутствие аргосцев, он особо нее переживал. Их огромные деревянные плоты, сейчас были брошены на берегу полноводного Сириуса и уж перебраться на другой берег при помощи индов, по его мнению не составляло ни какого труда. Главное, что есть на чем. Минотавры так же послали своего вестника. Только он ушел в низ по течению, где по их мнению и были разбиты походные палатки их рогатых соплеменников, оставшихся дожидаться конца путешествия своего Конунга и заодно охранять свои

большие деревянные дракары. Миро со своими воинами и рабами занялись обустройством своего лагеря. Они не верили, что морской народ способен под корень извести Аргосцев, а по сему решили дожидаться возвращения жителей этой колонии, так как рано или поздно по их мнению они конечно же должны были бы вернуться в обжитое и доходное место.

Глубокой ночью Арест, Мия, Сайра и Ахиллес расположились в своем походном шатре, разбитый заботливыми гоблинами для всей этой странной компании и приступили к совещанию.

— Мне кажется Сайра, что твой приход в Эу-Тай, не принесет нам всем ничего хорошего, не говоря уже о том, что тебя, твои соплеменники запросто могут казнить тебя после того, как ты им выложишь всю историю.

— Я не боюсь ни совета древнейших, ни кого бы то ни было. Мой долг явиться на Совет и разъяснить сложившуюся ситуацию. Быть может древние согласятся на твои условия Ахиллес, ведь моей расе все равно, кто будет охранять существование двух человеческих особей и их потомство. Вурдские стрелки или же Абсолют. Конечно, под надсмотром в Эу-Тай, все было бы намного проще. Ведь тогда наша раса могла бы быть уверенна, что чистокровной линии людей ничто не угрожает, а так… С тобой или же с твоими подопечными, в Аль-Азифе всегда может случиться что-то непредвиденное и тогда нам придется начинать все с начала, поэтому я думаю, что чтобы заставить согласиться древнейших с твоим предложением, понадобятся более чем просто слова.

— Вот и я о том же Сайра. Тебя они не послушают. Скорее всего, даже накажут за малодушие и если хочешь — посрамление своей расы. К нам пошлют вместо послов, отряд лучников, о меткости которых, мне уже прожужжали все уши и тогда… — Ахиллес посмотрел на Сайру и после непродолжительного молчания продолжил… — Я клянусь, что не оставлю от твоего Эу-Тай ровного места и это будет моей местью, за твое наказание и за брошенный мне вызов.

Сайра удовлетворенно фыркнула, ей пришлось по душе заявление Ахилла. Она конечно же прекрасно понимала, что древние не согласятся на условия поставленные ее голубоглазым избранником. Более того, наверняка приговорят ее к смерти, за то, тем самым, Совет освободит ее от долга защищать даже свой родовой клан. В этом случае, она по крайней мере попытается вернуться к этому странному человеку и окончить свою жизнь рядом с ним не предав честь своего имени.

— Возьми по край ней мере с собой Ареста. Он вроде бы уже отошел от полученных ран и внутренних потрясений. В любом

случае, он будет тебе не помехой в переговорах. Правда ведь Арест? — Ахеец с надеждой посмотрел в глаза херувима.

Тот ничего не ответил, а лишь лениво помотал из сторону в сторону своей расчесанной громадной башкой.

'Опять Мия постаралась' — подумалось Ахиллу — 'И когда успела?'

— Сомневаюсь в том, что херувим будет для мудрых чем-то вроде угрозы. Более того не хочу занижать его боевого потенциала. Но! — многозначительно изрекла Сайра — Арест станет для вурдов скорее желанной добычей.

Послышалось недовольное рычание могучего льва.

— Что ж… Тебе конечно виднее. Но тогда я хочу, что бы ты передала своему совету следующее. Если они отвергнут мое предложение, пусть не отправляют к нам своих воинов… — он многозначительным взглядом обвел всех здесь присутствующих и добавил. — Мы сами наведаемся к ним в гости. И еще… Этот день станет для них всех последним!

Арест снова недовольно фыркнул. В последнее время, его уже просто забавляла самомнение его друга. Понятно, что он не глупец и тем более сейчас находится в ранге Абсолюта, но всему ведь есть предел! С его огромным самомнением он был уже знаком, но то, как этот двуногий воин, позволял себе общаться со своими врагами, ставило херувима в тупик. Он ведь уже давно убедился, что Ахилл все это говорит не спроста. Он действительно сделает то о чем предупреждает. Покрайней мере попытается! Правда неведомым пока, по крайней мере для Ареста, способом. (ведь соваться в Эу-Тай по его мнению было равнозначно, что кинуться в объятую пламенем савану.)

— Что ж, утром я переправлюсь на свой берег и передам древним твое слово. А сейчас. — Глаза вурдской защитницы превратились в узкие щели. Они стали такими же игривыми, как и глаза кошки. — Мне бы хотелось провести остаток этой ночи в твоих объятьях.

Почему-то на последнюю фразу Сайры, неадекватно отреагировала сидская принцесса. Мия покраснела и выскочила за полог шатра. Арест медленно поднял свою двести пятидесяти килограммовую тушу и изящно выгнув свою спину, неторопливо последовал вослед светловолосой принцессой.

На утро к деревянному пирсу подошли два больших дракара. Минотавры встретили своих соотечественников громкими одобрительным мычанием. Ахейца разбудили громоподобные удары бронзовых секир, о деревянные щиты морских воев. Он приподнялся на своем импровизированном ложе, сшитым из

множество шкур быстроногих гепардов и убедился, что возле него, пустует место защитницы. Почесав на своих плечах новые шрамы, полученные от вчерашней любовной борьбы, ахеец в который раз поразился крепости ее ногтей. Выйдя из шатра он подозвал одного из человеческих рабов и приказал тому принести ему воду для омовения своего тела. Пока Ахилл приводил себя в порядок, мины загружали весь свой скарб на свои карабли. Сегодня эти угрюмые создания, должны были отплыть в свои родные просторы. Вести, они конечно же должны были привести в свои семьи неутешительные. Ахиллу даже стало жаль этих удивительных созданий. Ведь своим ярлам новый претендент на это звание, должен был поведать, что отныне титул Абсолюта принадлежит человеку, конунг Трру убит, а от отряда в пятьдесят секир, домой вернулись лишь жалкие остатки.

Ахиллес надел свой кильт и направился искать Михруаба. Тот как всегда хлопотал возле своих тягловых ящеров. Их распрягали для того, что бы направить к броду.

— Где защитника достопочтенный? Ты не видел Сайру?

— Она господин рано утром взяла одну из брошенных лодок и переправилась самостоятельно на тот берег этой могучей реки.

Ахилл посмотрел на водную гладь. Река спокойно несла свои синие воды. Она была очень полноводна. Для того, что бы переплыть в плавь на другой берег, плавцу пришлось бы трудиться не меньше чем три часа. Практически повсеместно плескались громадные водные рыбины, прозванные в здешних краях плескунами. На другом береге виднелись огромные деревья вурдского леса, которые подступали к противоположному берегу почти в плотную.

— Понятно. Ну что ж, спасибо тебе достопочтимый хун за все. Когда ты начнешь свою переправу?

— Если боги будут милостливы, то начнем примерно через час.

— Что ж… Удачи тебе торговец.

— Кстати Абсолют, что делать со всеми дарами и завоеванными тобой порукой? — Михруаб с нескрываемым интересом ожидал ответа на этот вопрос. Ведь богатство перевозимое в его кибитках и принадлежащее именно Ахиллу было беспрецедентным.

Ахиллес пару секунд размышлял и приняв решение, с улыбкой на устах произнес.

— Все что касается рабов, утвари и снеди, ты можешь оставить в своем распоряжении. Когда нибудь, быть может, я посещу твою страну и тогда уж, я надеюсь ты судишь меня всем необходимым, если на то, будет конечно необходимость?

— Конечно господин, в этом вы можете на меня полностью положиться. А что делать с трофейным оружием?

— А вот оружие пожалуй выгрузи. У меня такое чувство, что в скором времени оно нам понадобиться.

— Ваше желание закон для меня господин.

Ахилес похлопал низкорослого гоблина по спине и направился искать Ареста. Херувима он отыскал на песчаном пляже, недалеко от брошенного поселка. Он лежал в тени небольшого деревца и наблюдал как Мия принимала водные процедуры. Принцесса словно малое дитя ныряла и с пронзительными криками кувыркалась в идеально чистой воде. Невольно ахеец залюбовался ее точеной фигурой, но вспомнив о Сайре, невольно вздохнул. Не дай бог защитница прознает, о его тайном и страстном желании по поводу обладания этой женщиной. Скорее всего Мия не дожила бы даже до следующего рассвета. Скинув с себя свою нехитрую одежду и оказавшись обнаженным, Ахилл с разбегу погрузился в голубую воду Сириуса.

Херувим с неудовольствием фыркнул. Ему было не понять этих людей, которым словно водным созданиям, так нравилось пребывать в водной среде. Он, в прочем, как и весь его род, терпеть не моли эту четвертую стихию.

Эу-Тай.

Сайра благополучно перебралась на свою родную сторону. Ее глазам и физике тела было, как ни когда приятен вид многовековых древесных стволов, которые гордо росли прямо у кромки воды. Вытащив на прибрежную полосу свою легкую лодку она осмотрелась. Кругом все щебетало и кричало. Лес встречал свою госпожу пестрым гомоном всевозможной живности. Вот до ее острого слуха достиг рык панды. Существа которое обычно охотилось только ночью. Видимо огромная кошка возвращалась в свое логово после своей ночной охоты. Поправив на поясе свои кхэши, защитница с поистине кошачьей грации стала карабкаться на ствол близ стоящего дерева. Вурды, по своим владением обычно передвигались по кронам деревьев. Многовековые исполины, в вышине образовывали неимоверные переплетения. Это было похоже на своеобразный аналог лесных троп, со своими путями направлениями и жилищами. Сайра почти бежала, лишь изредка применяя свою магию, для того, что бы покрыть уж совершенно огромное расстояние разделяющее кроны близ стоящих деревьев. Она была голодна. Наступал момент, когда

организму защитницы, требовалась пища. Охотиться ей не хотелось. Она решила, что по прибытию в прекрасный Эу-Тай, там утолит свой звериный голод. Ведь под его сводами, проживают людской ареал, который всегда к услугам своих полубогов!

Проведя в дороге практически первую половину дня, Сайра наконец почувствовала, что приближается к своей цели. Все чаще в кронах деревьев она находила схроны — своего рода жилища, которыми пользуются охотники и воины ее расы. Перескочив на крону очередного дерева, Сайра ощутила, что на нее уставился чей-то не дружелюбный взор. Она застыла и принялась внимательно осматривать близ находящиеся переплетения ветвей. Своим тонким слухом, она различила шорох. Кто-то крался! В кронах местных исполинов, жили много хищников. Охотились здесь, даже огромные стаи человекоподобных обезьян. Частенько наведывались на верхние этажи джунглей и огромные черные кошки. Люди их называли пантерами, но в данном случае, звук принадлежал представителю ее расы. Она это определила не по слуху, а по ментальному следу, которое излучало любое разумное существо.

— Кто там крадется так неуклюже, что его можно засечь чуть ли не за два перелета стрелы?

На несколько мгновений шорох прекратился, после чего, до защитницы достиг насмешливый голос.

— Вижу, что бывшая защитница клана аллой лилии, не совсем потеряла своих навыков первоклассного охотника.

На соседней ветку вскарабкалась женская фигура. Женщина была моложе Сайры и это было заметно невооруженным глазом. Ее стройное тело было облачено в точно такую же облегающую драконью кожу, как и у ней самой.

'Видимо новая защитница. И стала ею, совсем недавно. Прекрасный воспитанник, но девчонка не успела еще как следует набрать необходимую мышечную массу.'

— Кто ты?

— Я Лара. Новая защитница дома Эу-Тай.

Понятно, а что случилось с предыдущей достопочтенной Ариэл?

— Погибла в борьбе с лесными волками. Их миграция в этом году, угрожала нашему людскому ареалу. Для сохранения нашей пищи и продолжения рода, старейшины приказали ей отпугнуть их огромную стаю. В этой то битве она и погибла.

— Понятно. Какие новости в столице?

— Да какие могут быть новости! — пожала плечами молодая защитница — Все ждут твоего появления. Однако, как я посмотрю, ты возвращаешься налегке. Тебя ждут земными

тропами. Древние мудро решили, что человеческая самка конечно же не смогла бы так изящно передвигаться по лесным кронам как ты. Потому, они и послали один из десятков, под командованием Энри, встречать тебя по тропам смертных.

— Ладно. Удачных битв тебе защитница. Мне пора.

Сайра высоко подпрыгнула и вцепилась своими когтями в нависающую над ее головой толстую ветку, после чего раскачавшись, перелетела на соседнюю.

***

Столица, а вернее место, где все старейшины трех вурдских кланов, собирались для принятия судьбоносных решений своей расы, было с точки зрения людей, сказочным местом или точнее местом, где собирались богоподобные существа — то есть вурды. В каждом ареале существовал культ поклонения вурдам. Большинство населения проживало в укрепленных поселках, расположенных под кронами кланового гнезда, в праздности и безделье. Воистину люди были для вурдов лишь скотом, который нужно холить и лелеять. Охотники каждый день приносили им животную пищу, растительную жители ареалов выращивали сами.

В поднебесный чертоги попадали лишь избранные из человеческих особей, которым было суждено стать носителями семени вурдов.

Сам Эу-Тай, был расположен в переплетении крон пятидесяти исполинов. В их кронах, были искусно устроены обширные помещения, служивших для всего клана (в зависимости от размера) местом проживания, принятия пищи и так далее. Здесь была даже своя площадь, храм и другие административные помещения.

Добравшись до границ столицы, Сайру встретила стража. Это были мужская часть здешней семьи. Все мужчины, как и она, были прекрасно сложены. Они носили длинные волосы заплетая их в одну длинную косу. Одежда, как и у защитницы плотно облегала их мускулистые фигуры. В руках каждого из них был бамбуковый лук, имевший двухметровую длину. За спиной распологался колчан с длинными стрелами, а с левого плеча выглядывали рукоятки тонкотелых мечей — анков. Старший отряда поднял в приветствии свою левую ладонь и слегка склонив свою голову, поинтересовался:

— Я вижу защитница клана алой лилии, появилась традиционным путем. Где же она оставила существо, ради которого была отправлена в далекие человеческие земли.

— За рекой.

Сайра увидела, как от удивления распахнулись тонкие щели зрачков.

— Но с кем ты оставила столь драгоценную добычу?

— С тем, кто имеет на нее право. С Абсолютом.

Мужчина чуть не сорвался от удивления с толстой ветки.

— Разве не Защитница стала носителем ритуального названия лучшего война этого мира? — с удивлением выпалил он.

— К счастью нет. — хмуря брови ответила Сайра. — Мне что, так и дальше отдавать тебе отчет об своем путешествии? Может ты самец стал древним? — с угрозой в голосе закончила она.

— Прости Защитница. Ты права, только древние могут спрашивать и получать ответы, на поставленные мной вопросы. Следуй за нами.

Вся компания стала быстро перемещаться по кронам в сторону огромного сплетения ветвей, которое служило в этом месте тем, что люди в своих наземных городах называли площадью. Весть о прибытии посланницы всей расы, разлетелась по столице со скоростью выпущенной стрелы. По ходу их продвижения ото всюду (с верху, с низу, с лева и с права) их отряд встречали удивленные лица местных жителей.

Наконец они достигли места, которое вело вовнутрь огромного дупла. Там располагался зал, где ее ожидали три фигуры существ, которые и породили всю их расу. Существ, которых все называли древними или же мудрыми. Сайра уже во второй раз лицезрела тех кто породил весь их род. Они ни чем не отличались от любого представителя вурдов, если не считать правда огромных клыков, которые были на одну треть длиннее обычных врудских. Причем если у всей расы были развиты четыре резца, старейшины обладали шестью.

— Как же вышло Защитница, что ты предстала пред нашими очами не выполнив своего предназначения? — в голосе мудрого, что сейчас находился по правую от Сайры сторону, явно прослеживались гневные нотки. Но само страшное, было то, что его разум, стер все барьеры ее ментальной защиты и теперь беспрепятственно ковырялся в ее памяти.

— Позвольте мне объяснить. — она попыталась бороться…

'Что ж, теперь НАМ и так все ясно. Твой разум для нас словно раскрытый пергамент' — вторглись мысли того кто сидел на резном кресле прямо напротив нее.

'Ты очень нас разачаровала самка. И потому завтра на рассвете будешь преданна огню, а твоего возлюбленного, мы пожалуй превратим в раба, для так сказать улучшения генофонда наших животных.'

Сайра попыталась вырваться из липких ментальных пут, однако ей это не удалось. Сзади подошли два воина и заломив ей за спину руки, быстро перевязали запястья сыромятными ремнями, после чего, то же самое проделали и с ее ледышками. Они подхватили неподвижное тело и потащили свою узницу к выходу. Перед тем, как ее тело вынесли под своды крон, Сайра успела бросить мысленный ответ всем трем старейшинам.

'Вы все умрете. И это произойдет в скором времени. По крайней мере так мне велел передать вам свое послание тот, кого теперь весь Аль-Азиф признал, как непобедимого.'

Нападение.

— Ну и как ты считаешь, послушают ее старейшины или нет.

— Ты что Ахилл, травму головы в последнем бою получил? — удивился Арест. — Конечно же ни кто ее не послушает, и я уверен в том, что как минимум к вечеру нам следует ожидать пришествия долговязых лучников.

— Как думаешь, а каково будет их количество?

Херувим вылизывая свою холеную шкуру небрежно ответил:

— Думаю что немного. Их раса малочисленна, так что воюют они обычно малыми силами. Я считаю, что их численность не будет превышать конечностей твоих рук.

— Пальцев? — не понял Ахилл.

— А я что сказал?

— Значит примерно с десяток. Так… Тогда особо и тревожиться не приходиться, что нам десяток кровососов. Мы их одной левой.

Херувим зыркнул на своего друга, и с сарказмом в мыслях ответил:

— Сомневаюсь, что будет все так просто, как тебе представляется. Это же вурды Ахиллес, понимаешь? Не люди!!!

— Ладно хрен им в пищу. Слушай лучше что я придумал и если одобришь мою стратегию, то давай это обмозгуем. — и он начал рассказывать Аресту то, каким образом можно будет справиться с лучшими лучниками этого мира.

Аргоский поселок уже давно покинули, как мины, так и гоблины со своим караваном.

На землю опускалась ночь. На небосводе появилась первая звезда. Миро лежал в прибрежных зарослях и своим зорким взглядом осматривал водную гладь голубой реки. Ему было не удобно. Он был туго стянут в области грудной клетке куском прочной ткани, для лучшего заживления его поломанных ребер.

Миро тяжело вздохнул. Было как всегда жарко. Желтокожий воин лежал и размышлял о том, как было бы прекрасно, если бы в сегодняшней схватке, этот голубоглазый воин был бы убит. Он, тогда был бы освобожден от своего слова и забрав сидскую принцессу тут же направился сухопутным путем в сторону срединного моря. Там, как думал Миро, они бы договорился с любым аргосским купеческим или военным судном и наняв его команду, отправились по другую сторону моря.

' Эх-х… Вернулся бы в Сид и на веки вечные вписал бы свое имя в летопись Сидской державы.'

Он еще раз вздохнул… Мечты мечтами, а вот погибнет ли сегодня этот странный человек — еще вопрос!? Ведь Миро как ни кто другой чувствовал, что в бою, Ахиллес равен Сету — богу войны. Еще неизвестно для кого сегодня в последний раз зайдет лик Бога солнца, для него или же для вурдских стрелков.

— К стати, а вот и они. — прошептал Миро.

'Начинается.' — подумал он, и по немного стал выбираться из своего укрытия, для того, что бы отдать приказ одному из своих солдат.

— Устреми бег своего тула к Абсолюту и предупреди его. К нашему берегу устремились три челна. По видимому стрелков не больше десяти. Пока точно не разглядеть, слишком далеко, но то что не больше, это точно.

— Слушаюсь. — склонив свою голову, угрюмый воин ударил древком копья в бок своего ездового ящера и умчался в сторону поселка.

Он застал человека неведомого народа, за приготовлением к битве. Ахиллес как раз примерялся к своему новому щиту. На этот раз это был минский деревянный щит. Повертев его, ахеец решил для себя, что это средство защиты, для него неуклюже и пожалуй тяжеловато.

'Ни чего. От стрел убережет.' — подумал он. — 'Тем более если все пойдет, как он задумал особо он и не понадобиться.'

— Абсолют, к нам приближаются враги! Их численность не превышает десятка.

— Хорошо воин. Ты знаешь, что делать! Удачного боя.

Сидский наездник ударил правым кулаком в свою грудь и помчался в сторону бескрайней саваны.

Савана хоть и была бескрайней, но однако местность прилегающая непосредственно к поселку была холмистой. За одним из этих холмов, вурдских стрелков и поджидал неприятный сюрприз.

Надев свой шлем, ахеец посмотрел в сторону, откуда должны были появиться лучники.

'Пора.' — решил он сам для себя.

Выйдя из поселка, он направился в степь. В скором времени он различил позади себя какое-то движение. Десять вурдских воинов вошли в поселок. Остановившись ахеец, что было силы прокричал:

— Эй кровососы! Не меня ли вы ищите? Так тогда вот я где!!! Давайте сразимся… Подходите ко мне порождения тьмы. Вы не воины, вы человеческие недоношенные выкидыши!

Один из лучников, еще не успел войти в открытые ворота поселка, а быть может остался специально возле них в качестве наблюдателя. Именно он и услышал этот издевательский крик. Развернувшись спиной к ахейцу, он что то прокричал в темноту. В скором времени из поселка выбежали все девять долговязых стрелков и мигом оценив расстояние, которое составляло не меньше триста шагов, натянули свои двухметровые луки. Каждый из них выпустил по одной стреле. Ахилл был уже наслышан о их дальнобойности и закинув на плечо огромный минский щит, понесся что было мочи в сторону близ лежащего холма. Длинные, с белым опереньем стрелы, с сухим стуком воткнулись позади него в твердую степную почву. Ахилесс все время оборачивался. Он удивился, когда понял, на какую длину, стрелы проникли в жирную желтоватую землю. Несмотря на то, что они были пущены специально высоко в верх, а по сему от сопротивления с воздухом на излете должны были бы потерять всю свою убойную силу, они вошли в землю на одну треть своей полутораметровой длины.

'Да-а-а! Такие выстрелы за сто шагов пробьют на вылет не только мой щит, но и мое тело вместе с доспехом.'

И от осознания этой мысли он припустил еще быстрее. В очередной раз оглянувшись назад, ахеец увидел, что все десять вурдских стрелка, не раздумывая припустили за своей добычей. Бежали они на удивление очень быстро.

Наконец Ахиллес выбежал на самую вершину холма и посмотрел на то, что открылось его взору.

'Ух-х ты… Это поистине страшно!'

Такова была его реакция на открывшийся его взору картину. Практически до следующего холма, плотной массой, на него неслось многотысячное стадо диких буйволов. Пригибая свои мощные рога, два самца тянули за собой все свое огромное стадо.

Начал работать разработанный ахийцем план.

Еще задолго до захода солнца, Арест, два сидских наездника и их принцесса, были посланы Ахиллом далеко в степь для того, что бы подогнать поближе к индскому поселку мигрирующее стадо этих степных травоядных. Вчетвером, они зашли в тыл

всему скопищу этой живой массы, и начали оттеснять своими криками и рыком херувима, часть огромного стада в нужное направление. Это было очень нелегко. В такой массе животных всегда находились те кто был готов сразиться с любым хищником для защиты своего потомства. Для того, что бы стадо принялось безысходностью, Аресту даже пришлось разорвать в клочья трех самок. Только после этого буйволы поняли, что тягаться с таким противником бессмысленно. По одиночке, они не соперники крылатому льву, а в стаде всегда есть шанс выжить. В общем почти полторы тысячи голов, сидцам и херувиму, удалось отогнать в нужное для себя направление. Они перестали теснить стадо только тогда, когда между поселком и животными оставалось два холма. Потом один из желтокожих, направился к своему командиру, который залег на прибрежном берегу и сторожил неминуемое вурдское появление. Мия и второй воин вместе с херувимом, остались на своих местах и все время носились в разные стороны, не допуская того, чтобы стадо улизнуло из нужного места. Когда вернулся первый наездник и жестом руки показал что пора, они все вчетвером, погнали эту живую смертоносную массу, прямо в сторону поселка.

Сам же Ахилл был занят до утра тем, что рыл себе глубокую яму. Вернее это была даже не яма, а нора.

Посмотрев еще раз в сторону приближавшихся стрелков, ахеец в последний раз прокричал несколько обидных для последних высказываний, по поводу и древнейших и матерей.

Четверо из них не выдержало. Они резко остановились и натянув луки, пустили еще по одной стреле. Как Ахиллес и предполагал, стрелы насквозь пронзили крепкое дерево минского щита. Он заранее держал его на вытянутых руках. Все-таки одно бронзовое жало стрелы, больно кольнуло в незащищенную руку в область бицепса. С сзади все отчетливее доносилось монотонный гул тысячи рогатых бестий.

Проклинать меткость вурдов было некогда. Не раздумывая, ахеец юркнул в узкую щель вырытой норы. Он сейчас молил всех богов каких только мог вспомнить, о том, что бы за время его отсутствия, схрон не облюбовал под себя, какой-то ползучий гад.

Уже через несколько мгновений, весь мир заполнил топот многотысячного стада.

Буйволы мчались не разбирая дороги. Видели они довольно плохо. Стадо не остановилось даже тогда, когда первые два самца по непонятной для них причине, прямо на ходу рухнули под копыта всего стада, утыканные странными белыми отростками!?

Необъятная масса в миг растоптало десять одиноких фигур,

посмевших встать на пути обезумившего от страха животных и остановило свой сокрушительный бег только после того, как сровняв с землей камышовые постройки индов, уперлось в голубую воду Сириуса.

Выбравшись из своей норы, ахеец посмотрел на то, во что воплотилась его идея. Там где еще совсем недавно возвышались остроконечные постройки старательных альбиносов и круглые камышевые шалаши индов — теперь была самая настоящая пустошь. Буйволы смели все. Не остановила их даже высокая деревянная ограда, которая была возведена для защиты от хищников. Весь поселок, был в прямом и переносном смысле, втоптан в землю.

После того, как головные самцы уперлись в голубые воды Сириуса, они одной сплошной массой стали уводить все стадо в низ по течению реки.

Сзади послышались тяжелое дыхание. Ахилл обернулся и уже через несколько мгновений уставился на вывалившийся красный язык своего крылатого друга. Арест дышал так тяжело словно в его утробе пробуждалась вулканическая активность. Через минуту к ним подъехали три наездника. Все молча уставились на дело своих рук и лап.

Надеюсь у Миро хватило ума не остаться на своем прежнем месте, в противном случае, его постигла та же участь что и кровососов. — почему то шепотом сказал Ахиллес.

Когда рассвело, выяснилось что у Миро ума не хватило. Ни тела защитника сидских ворот, ни его фрагментов, найти так и не удалось, в прочем, как и тела десяти вурдов.

На утро весь отряд решал, что им делать дальше. Ни у кого не осталось ни пищи ни переменных вещей. Все, что было оставлено в поселке, теперь было изничтожено под копытами бешеных рогатых бестий. Сидские воины были подавлены. Они не знали что им теперь делать. Добраться вдвоем к себе на родину было по их мнению таким же великим подвигом, как и завоевать звание Абсолюта. Еды нет, карт тем более, из оружия только дротики да сабли, ну и тулы конечно. Но и идти в вурдский уделы, два воина то же не стремились. Они объяснили свою позицию тем, что являются степными бойцами и готовы воевать с кем угодно на открытой местности, но там где не видно солнца и нет места для маневра на боевом ящере, не место желтоликим. Арест тоже отговаривал своего друга от столь опрометчивого шага. Ведь среди лесов, ни люди ни он, не имели ни какого преимущества перед вурскими лучниками. В конце концов, они же были у себя дома и знали там каждую ветку или тропу.

— Да что ты заладил тропа да ветки. Ты видел их луки. Что

то я сомневаюсь, что с таким оружием, удобно прыгать как древесный кот с дерева на дерево… — ахеец вспомнил, как умела леветировать Сайра и с раздражение продолжил. — Ну ладно. Пусть не прыгать, но по крайней мере вести прицельный огонь, это уж точно.

— Да кто же тебе сказал человек, что они у себя в своем уделе, будут использовать свои дальнобойные луки. Они справятся с нами посредством своих тонких металлических полосок, что носят у себя на поясах. Луками они действительно пользуются только во время походов. То есть тогда, когда они покидают свои дремучие леса. И не забывай. Помимо воинов, первой нас встретит их клановая защитница, а в лесу такое создание вырежет нас всех по одному, за считанные минуты.

— Так что ты предлагаешь? Оставить на растерзание этим тварям Сайру и этого долбанного избранного.

— А на кой тебе вообще сдался этот избранный. Рея к тебе не приходит ни во сне, ни на яву. Может богиня уже и передумала и ей вообще не нужен этот союз. А насчет Сайры… Так мы же ее отговаривали, она поступила так, как велел ее кодекс. Чем мы виноваты?

— Ты что Арест боишься?

— Причем здесь трусость? Здравый смысл — вот как это зовется! — до сих пор Арест передавал свои мысли всем присутствующим последнюю часть, он адресовал только для Ахилла. — К тому же мой друг, на твоем месте я бы отказался от довольно сомнительного союза с Сайрой и переключил свое внимание на Мию. Она по крайней мере с тобой одного вида. К тому же, испытывает по отношению к твоей персоне такие же чувства, как и Защитница.

Ахеец покосился на Мию и понял, что окончания херувимовой мысли она не получила, как впрочем и два сидских наездника.

— Может ты и прав. — так же мысленно ответил ахеец, но в данном случае для меня освобождение Сайры, это в первую очередь дело чести и принципа.

— Ох уж мне эти ваши человеческие понятие о чести. Смешно. Я бы понял еще, если бы ты мстил за членов своей семьи. Это достойно того, а так…

Ахилл посмотрел на каждого члена этого совета и заключил:

— В общем так. Сегодня ночью конечно смысла нет нарываться на неприятности, но по утру я отправляюсь за Защитницей. Кто не хочет пойти со мной… Наверное на верную смерть… — Он на несколько мгновений задумался, а затем окончил мысль. — …Тот пусть остается на этом берегу. И так! Кто

пойдет?

Все, включая Ареста, хранили гробовое молчание.

— Значит пойду сам. Но тогда у меня такое условие. Это касается тебя Мия. А к тебе Арест у меня просьба. Если через сутки, я не переправляясь на этот берег, значит со мной покончено. Тогда Мия и ее сородичи могут отправляться к себе домой, а ты Арест, с того момента волен делать все, что тебе заблагорассудится. Но до тех пор… — ахеец посмотрел на херувима. — Ты будешь охранять сидскую принцессу и заодно посматривать за тем, что бы она раньше срока не нарушила своей клятвы.

Он встал и пошел готовиться ко сну. Место для ночлега он выбрал под небольшим деревцем, чудом уцелевшим после прохождения по этой местности многотысячного стада.

Месть.

Утром, на прибрежном берегу, Ахиллес не без труда отыскал два небольших узкобоких челна. Вурды не вытаскивали их на прибрежный песок, а при помощи небольшого каменного якоря пришвартовали их в полуметре от береговой линии. Они были узки и назывались, как заметил херувим, пирогами. На днище, ахеец нашел несколько легких весел. В свой поход, он решил пойти налегке. Ахиллес не взял ни копья, ни тяжелого минского щита. В лесу, копье не давало никакого преимущества, а щит был настолько неудобен, что таскать такую махину за своими плечами было пагубно. Ахиллес облачился лишь в нагрудные бронзовые пластины, поножи и ручные бронзовые налокотники. За спиной, он прикрепил в специальных пазах пластин, свой бронзовый меч, а рядом с собой положил два небольших сидских дротика. Захватил он с собой также трут и огниво. Как говориться на всяий случай. Ведь не исключено, что ему продеться задержаться в этом лесу. Есть пищу в сыром виде, он не имел никакого желания.

Перед тем, как сесть в пирогу, Ахиллес пожал локоть каждого из воинов, посмотрел долгим взглядом в глаза Мии и потрепал расчесанную гриву Ареста.

— Что ж, надеюсь еще свидимся.

— Удачной охоты друг. — напутствовал его херувим.

Пирога была легкой и несмотря на то, что была предназначена для транспортировки сразу нескольких пассажиров, была легко управляема. Ахиллес сразу приноровился к ее ходу и еще до полного восхода небесного светила, был уже на вурдском берегу.

Лесной массив, встретил его рыком. Ему даже показалось, что вся местная живность, так и норовит произвести на свет хотя бы один звук, для того что бы указать местным хозяевам, где находиться их добыча. С шумом и криком взлетали пернатые. Их раскраска и размеры поражали воображение.

Приготовив для метания свой первый дротик, он осторожно вошел, под своды этого неугомонного мира.

Солнечный свет и в ясный день проникал сюда с большой неохотой. Сейчас же под пологом громадных крон и подавно было сумрачно, как в безлунную ночь. Деревья этого леса резко отличались от гивенских. Не смотря на то, что они были такими же гигантскими, как и маол, были и свои отличая. Начиная с пяти метровой высоты от корневой системы, они ветвились, причем ветки, которые росли в самом низу, достигали гиганских размеров. Некоторые имели в обхвате три человеческих корпуса. Весь подлесок занимал белесый мох. У ахейца даже сложилось впечатление, что он ступал по чему-то живому. Кустарники в этом месте отсутствовали напрочь. Это ахейцу пришлось по душе. Никто не подкрадется незамеченным, так что нападения следовало ожидать только лишь из-за очередного древесного ствола или же непосредственно со стороны гигантских крон.

'Интересно древесные драконы здесь водятся?' — размышлял Ахиллес — 'Скорее всего что вряд ли, в противном бы случае давно бы уже напали… Да и Сайра про них никогда не рассказывала. И так, скорее всего, те кто может угрожать мой жизни, будут нападать с верху. Кто это может быть. Ну наверное большие кошки, о которых рассказывал ему Арест, кажется их называют пантерами. Ну, вполне вероятно, что водятся и гигантские всеядные обезьяны. Мда-а! Жрать им здесь есть что.'

Действительно все кроны ломились от обилия плодов.

Так, он в гордом одиночестве, прошел около тысячи локтей. Никто на него не нападал и ахеец решил, что самыми опасными в этих лесах, должны быть сами вурды, как неожиданно, своим шестым чувством, он почувствовал за своей спиной движение.

В таких вещах Ахиллес не мешкал. Он всегда полагался на свои рефлексы, а лишь потом на свой опыт и разум. Даже не попытавшись разобраться кто ему угрожает, ахеец с развороту метнул свой первый дротик. Небольшое отполированное оружие пробило насквозь огромное мохнатое существо. Оно взревело и попыталось дотянуться своими огромными лапищами до своей мнимой жертвы. Человек и на этот раз среагировал первым. Подсев под огромные когти, он выхватил из-за своей спины меч и уходя в право, полоснул монстра по его волосатому животу. Отскочив на приличное расстояние, ахеец наконец-то получил

возможность более детально рассмотреть нападавшего. Это был огромный медведь. Его передним клыкам, позавидовал бы пожалуй даже сам Арест. Росчерк меча, рассек на животе гиганта лишь толстую жировую прослойку. Однако его первый бросок, по-видимому оказался для медведя смертельным. Дротик поразил важный нервный узел. Туша медленно осела и не переставая истошно рычать, закрутилась на одном месте. Ахиллес понимал. Этот рев скорее всего привлечет внимание вурдских охотников. По сему, было жизненно важно прикончить это исполина, как можно быстрее. Но как? Ведь подойти для верного удара не представлялось ни какой возможности.

'Ну и хрен тебе на рану.' — угрюмо подумал ахеец.

— Не чего пытаться сожрать то, о чем и понятия не имеешь. — произнес он уже в слух.

— Однако… Ты и правда, такой, как о тебе говорила Сайра.

Кто бы это ни был, но он произнес эту фразу на едином языке этого мира.

Ахеец медленно развернулся и приготовился метнуть свой последний дротик. Не метнул же он его, по той простой причине, что если бы обладатель, певучего голоса, хотел бы его персону прикончить, то конечно же сделал бы это еще секунду назад.

Он уставился в до боли знакомые глаза Защитницы. Однако глаза, не принадлежали его пассии. Вурдская самка рассматривала ахейца находясь на шестиметровой высоте. Она вогнала свои острые когти глубоко в древесную кору и сейчас висела на своей левой руке. Ее кхэши, спокойно покоились на ее кожаном поясе.

— Такой это какой?

— Ну… Такой… Экстравагантный, красивый и пожалуй беззащитный.

— Да что ты говоришь!? А ты у нас значит надежда и опора этих древних уродов?

Беззаботное выражение лица защитницы, тут же сменилось волчьим оскалом.

Ты забываешься трэль… Посмей хоть еще одним словом оскорбить святую сущность мудрейших и мне придется позабыть о требовании древних.

У ахейца так и чесался язык что-либо выкинуть в том же духе. Однако он сдержался. Ему нужна сейчас в первую очередь информация, а потом глядишь и отправит эту тварь к ее праотцам.

Тем временем защитница плавно опустилась на землю и не скрывая своего превосходства в голосе продолжила:

— Ну так что трэль? Сам потопаешь или же мне тебя за твои

золотистые космы, тянуть придется?

— Это смотря куда идти. Если в этот ваш Эутрай или как его там. То пожалуй, я как-то сам, а вот если на брачное ложе..!!! То шишак тебе под зад!

— Эу-Тай червь. — И не говоря больше ни слова защитница взмыла на два метра в воздух. Уже на излете, самка попыталась нанести человеку удар своим заостренным носком сапога прямо в голову. Ахеец хоть и не ожидал такого скоротечного развития событий, все-таки успел среагировать. Он просто присел и дождавшись, когда защитница приземлится позади него, с развороту рубанул мечом. Ее отбросило на пару шагов назад. Если бы на ней, небыли надеты драконья защита… Пожалуй такой удар разполовинил бы ее хрупкое тело пополам.

— Как звать то тебя защитница? Хочется, откровенно говоря, хотя бы узнать имя, того кто сейчас здесь подохнет.

— Мое имя Лара и это последнее, что ты услышал в этом мире. — выхватив свои тонкие пики, самка ринулась в нападение.

Оттолкнув уже не нужный дротик в сторону, Ахилес принял защитную стойку.

Сам бой продолжался всего несколько минут, но для человека, эти минуты растянулись в бесконечность. Сверкание стали заполнило собой весь мир. Еще никогда Ахиллесу не встречался противник с такой неимоверной реакцией. Помимо ударов своих пик, Лара норовила поразить человека всеми частями своего тела. Она месила воздух с такой скоростью, что у ахейца даже зарябило в глазах.

Школа фехтования у обоих противников отличалась настолько же, насколько отличались и их физиология. Если вурдская самка брала вверх своей изворотливостью и реакцией, то человек — своим умением защиты и блокировки ударов.

Когда схватка прекратилась, ахеец остался стоять, покрытый многочисленными порезами, причем по всему телу. Кровь стекала отовсюду: с рук, ног, туловища, шеи и даже лица.

Лара завершила свой последний поединок с воткнутым промеж ее лба бронзовым мечом. Повалившись на спину, она все еще с осмысленным взором в котором читалось удивление, уставилась на того, кого еще минуту назад считала легкой добычей. Ее последние слова источали злость и ненависть:

— Знай… Что ту, что уподобилась человеческой шлюхе, сегодня с восходом солнца принесли в жертву нашим богам во искупления ее греха. Ее предали заживо огню, что в прочем ожидает и твое презренное тело. Хаха… х-р-р-р. — издав предсмертный хрип защитница Эу-Тай испустила дух.

Тупо уставившись на своего поверженного врага, ахеец с

замиранием в сердце, осмыслил только что услышанное.

'Сожгли с восходом солнца?' — по его щекам побежала всего одна единственная слезинка.

'Что ж… Вы сами себе определили способ смерти!'

— Поганные кровососыыыыы!!! — во все горло прокричал человек.

До самого Эу-Тай, ахеец добирался с полчаса. Вернее, он добрался до ареала, в котором жила вурдская пища. Деревня была не защищена даже маломальской оградой. Люди с тупым выражением на своих лицах, приносили в жертву одного из своих подростков. В центральной части этого захудалого поселка, к столбу был привязан маленький мальчик. Он с отстраненным взором взирал на то, как к нему подошел один из жрецов и после декламации каких-то догм, перерезал последнему горло. Ахеец по началу хотел попытаться предупредить этих людей, о предстоящей беде, а сейчас находясь невдалеке от места жертвоприношения, решил что такие бездумные существа, как эти скоты, не имеют права населять этот мир. И тогда он приступил к свершению задуманного. Задолго до того, как подойти к людскому ареалу, он приготовил несколько охапок сухих веток, что в большом количестве валялось в подлеске этого леса. Разместил он их полукругом, в отдалении друг от друга на расстоянии сто шагов. Всего, куч получилось пять. Причем несколько, он приготовил и по ходу своего продвижения к этому ненавистному теперь для него городу.

Ахиллес постоянно всматривался в кроны деревьев. Ни каких передвижений на них он не заметил. Видимо и правда, что вурды были малочисленной расой.

Когда он узрел сам Эу-Тай, то невольно залюбовался поистине нечеловеческой красотой и изящностью этого места. Он долго, долго всматривался в красивые мостики перекинутых с кроны на крону. Небольшие воздушные беседки, искусно свитые прямо в переплетении многочисленных веток, поражали своим совершенством. Перед тем, как решиться на этот шаг, ахеец даже засомневался, а стоит ли придавать огню все это великолепие, но узрев этот ритуал, плюнул в негодовании на землю и поджег первую кучу.

Огонь занялся быстро. Он с большим энтузиазмом стал пожирать всю доступную для него пищу. А вот чего, чего, а этого, вокруг было хоть отбавляй.

Когда Ахилл поджег уже третью, из заготовленных пяти, он понял — остальные поджигать уже не придется, потому, как священный огонь стал распространяться по всюду с устрашающей скоростью. В ту же секунду он услышал истошный крик,

доносящийся со стороны кроны близ находящегося дерева.

— Горите скоты! — проорал он. — И знайте, что вы нашли свою погибель от руки Ахиллеса — Абсолюта этого мира!

Последние фразы, он прокричал на ходу.

Со всех сторон распространялся нестерпимый жар. Деревья вспыхивали точно лучины. Ахиллу пришлось прилагать все силы, что бы быть постоянно впереди огненных сполохов.

Несясь словно обезумевший вепрь, он постоянно ловил себя на мысли, что все, что сейчас творилось вокруг него — не может быть реальным. Ну не может в нормальном лесу, с такой скоростью распространяться, выпущенный на свободу, огненный цветок! Однако, действительность опровергала все и вся. Звери, птицы, крупные хищники — ВСЕ сейчас неслись на перегонки к спасительной водной глади величавого Сириуса, что бы е его водах, спастись от ужасной смерти.

Когда до реки оставалось несколько стадий, от огромной температуры, стали плавиться бронзовые пластины. Ахейцу ничего другого не оставалось, как на бегу избавиться от всех своих доспехов.

Добраться до реки удалось немногим.

С опаленными волосами и волдырями вздувшейся кожи, ахеец еле успел оттолкнуть свою пирогу от этого кошмара, что творился позади него. К нему в лодку заскочило несколько белок, росомаха и один заяц. Он не имел ничего против.

Отплыв на безопасное расстояние, он с ужасом в глазах, уставился на пылающий небосвод. Казалось, что огонь заполонил собой весь мир.

Пирога нехотя пристала к противоположному берегу. Человек в полном изнеможении вывалился из лодки и потерял сознание.

Очнулся он от осознания неимоверной боли. Руки и ноги 'горели' нестерпимым 'огнем'. По его обожженному телу, прошлись влажной тряпкой. Приоткрыв распухшее веко, Ахилл с удивлением отметил, что его тело облизывал ни кто иной как херувим.

'Спасибо Арест, так действительно намного легче.' — подумал ахеец.

'Ничего человек. В моей слюне содержится столько полезных маленьких существ, что уже к завтрашнему дню, твоя кожа заживет и начнет свою регенерацию.'

— Хотелось бы верить. — прошептал он. — А где остальные?

— Охотятся, где же еще им быть.

— А Мия не сбежит?

— Раз ты приплыл один, значит эта самка теперь будет рядом с тобой даже если ты подожжешь не только вурдский лес, но и

весь мир.

Помолчали.

Арест заботливо вылизывал обнаженное человеческое тело. Он осторожно перевернул его на живот, вызвав тем самым новый приступ боли и принялся вылизывать его и со спины. Окончив свое дело, он спросил.

— А теперь что мы будем делать?

— Вот очухаюсь и пойдем Сет. Отведем девчонку к ее родителям и пошла эта Рея в извечный Хаос где ей и место.

***

Богиня упивалась. Теперь весь ее дух переполняло осознание вернувшейся силы. Она ждала только последнего штриха со стороны своего избранного. Теперь-то, ей точно удастся воссоздать себе достойную пищу посредством влияния на воссоздание новой чистой человеческой линии. И тут она поняла…. Мир изменился. Устремив взор на землю, она увидела, как гибнет ее надежда. Она сгорела вместе с древесным градом вурдской расы. В первостепенной стихии, погиб тот, ради естества которого все и началось.

И тут она осознала что Астрал Аль-Азифа, заполнился эманацией изначального Духа.

Этому миру пришел конец!!!

3. ИСХОД.

Отходил он очень болезненно и дольше чем рассчитывал его крылатый друг. Кожа спины заживала очень медленно. Волдыри правда уже прошли. Количество полученных ожогов и степень обожженной кожи, было столь внушительным, что ахеец практически неделю не мог ни то что передвигаться, он был не состоянии даже привстать на своем ложе среди раскидистых ветвей невысокого деревца. С ним постоянно находился херувим. Он практически каждый час подвергал человеческое тело своеобразной пытки вылизывания. После каждой такой процедуры, ахейцу становилось действительно полегче, однако через непродолжительное время, все его обожженное тело, снова напоминало о себе приступами адской боли.

По объяснению херувима, человеку еще повезло, причем дважды. Во первых ожоги были получены не от прикосновения к его телу огненного цветка, а лишь от огромной температуры, что

образовалась по ходу его стремительного бегства. Во вторых, его пирогу отнесло намного ниже места их стоянки. В бессознательном состоянии он пролежал пол ночи и просто чудо, что на его не позарился ни один из хищников. Когда его обнаружил Арест, вокруг уже стали собираться несколько местных трупоедов.

Когда Ахиллес смог нормально видеть и приподнимать голову над своим ложем, первым делом он устремил свой взор на противопожный берег. То что открылось его взору действительно шокировало. На месте некогда огромного лесного массива, теперь находилась черная дымящаяся равнина. Не осталось даже пеньков. Всю землю на сколько хватало взор, покрывало огромное количество черной древесной золы.

Мия, со своими двумя соотечественниками, проводили все время на охоте. Местные жители на отрез отказались делиться с пятью существами своей пищей, так что ее приходилось добывать своими силами. На вопрос ахейца, с чем связана столь категоричная позиция речного народа, он получил исчерпывающий ответ. Во-первых, многотысячное стадо диких быков, с помощью которых удалось втоптать в землю десятку вурдских лучников, после разрушения главного поселка индов, направили свои копыта, в сторону речного поселка, где временно обстроилась основная масса беженцев из этого главного поселения. Мало того, что теперь им некуда было возвращаться, так обезумевшее стадо, перешло в брод рукотворный рукав, вырытый самими индами, именно в том месте, где и ютилось все сбежавшее население. Жертв удалось избежать. Но вот камышовые постройки и весь скарб был, как и в первом случае, уничтожены полностью. К тому же, теперь старейшины с ужасом ожидали вторжения в их землю, всего вурдского войска. Они поняли, что огромный пожар, случился не просто так и был связан напрямую с появлением на их территории чужаков. Они решили захватить в плен своих непрошенных соседей и передать в руки кровососов.

На третьи сутки после возвращения Ахиллеса, они таки попытались атаковать импровизированный лагерь под одиноким деревцом.

Под покровом ночи, две сотни разукрашенных воина, вознамерились издали забросать их лагерь бамбуковыми дротиками. О приближении огромной людской массы заблаговременно предупредил один из сидских наездников. Каждый из сидцев ежедневно по очереди нес стажу. Узнав об приближении целого войска, херувим заблаговременно выступил на встречу этому огромному скопищу человеческой массы. По

рассказу Мии, на эту битву стоило бы посмотреть. Один единственный херувим успел искромсать до пятидесяти индов, перед тем как те в ужасе скрылись в спасительном мраке ночи. Правда после этой битвы вокруг постоянно шастали стаи степных шакалов и плезов, изредка вступая в схватку между своими стаями, за обладание столь обильной мертвечины.

Наконец на четырнадцатый день своего вынужденного пребывания в положении лежа, ахейцу впервые удалось самостоятельно подняться и пройтись под кронами прибрежной ивы. Он заметно исхудал. Сказывалось вынужденное голодание. Голову немного мутило. Он откашлялся и уже пожалуй в сотый раз уставился на противоположный берег. Несмотря на то, что прошло уже четырнадцать дней, горизонт был все еще затянут черной завесой от тлеющих остатков того, что раньше казалось непроходимой чащобой. Сзади послышалось царапанье острых когтей тула. Повернувшись, глаза ахейца встретились в изумрудным взглядом сидской принцессы. Она ловко соскочила со спины своего ездового ящера и улыбнувшись подошла к тому, ради которого теперь была готова пожертвовать даже своей жизнью.

Когда голубоглазый воин скрылся в лесной чащобе в намерении узнать о судьбе защитницы, Мия вдруг четко осознала, что влюблена в незнакомца по уши. Она не могла сомкнуть глаз и успокоиться почти сутки. И вот, когда наконец при помощи магии крылатого льва, удалось отыскать бессознательное тело Ахиллеса, который к ее удовольствию вернулся в одиночестве! причем его возвращение было ознаменовано самым страшным явлением, которое когда-либо удавалось лицезреть принцессе, она поняла — это судьба.

— Вижу воин, что ты наконец встал на ноги. Это воистину радостное событие. В последние дни мне и моим воинам, все тяжелее добывать пищу. Эти места покинула вся травоядная дичь. — принцесса подошла к ахейцу и с интересом принялась рассматривать его лицо.

— Животные знают, что такое огонь, не хуже разумных. Запах гари разноситься ветром на многие и многие тысячи стадий. Поэтому миграция травоядных и изменила направление. — ахеец посмотрел в глаза девушки и не опуская взора продолжил. — Спасибо, что осталась верна своему слову.

— Это лишнее. Тебе незачем меня благодарить. — после непродолжительного молчания она поинтересовалась. — Арест мне поведал, что господин вознамерился вернуть меня моему народу… Правда ли это?

— Угу. — взор Ахилла снова устремился в сторону

противоположного берега.

— Мне жаль господин Сайру. Как бы там ни было, она была отличным боевым товарищем.

— Нда-уж. Надеюсь ее душа отомщена и теперь может спокойно пребывать в Извечной Неге.

— Как она… Умерла?

— Защитница Эу-Тай перед смертью открылась мне в том, что тело Сайры предали огню. — лицо ахейца искривилось.

— Так значит этот пожар не твоих рук дело? — удивилась принцесса.

— Моих, моих.

Оба присели на жесткую траву. Мия посмотрела на своего тула и обняв руками колени поинтересовалась.

— Когда мы отправимся в путь?

— Думаю, что завтра по утру и тронемся. Эх жалко доспехов. Хорошо еще, что меч не потерял по ходу своего бега.

— Ничего! Как только доберемся до развитых людских поселений, я закажу для тебя любое оружие.

— На какие это средства? — поинтересовался ахеец.

— Не забывай, что я принцесса. Царственной персоне, под ее слово, любой аргосец или хун ссудит все необходимое.

— Это хорошо.

С сзади послышался шорох. По поведению тула, ахеец понял, что к ним со спины подкрадывается херувим. Ящеры уже давно поняли, что крылатого льва, ни коим образом не стоит причислять к потенциальной пище, а по сему смирились с его присутствием. Но тем не менее они все никак не могли привыкнуть к провокационным образам, посылаемых в их сознание шаловливым херувимом, который почему-то всегда с удовольствием провоцировал этих опасных животных.

— Вижу Ахиллес, ты снова обретаешь форму, раз воркуешь с принцессой словно горный хунский голубь. — вторглись мысли Ареста в сознание обоих людей.

— Где шастал? — задала вопрос принцесса.

— Где, где… Обследовал окрестности. Надо же найти безопасный путь, по которому нам предстоит продолжить свое дальнейшее путешествие.

— И что нашел? — лениво поинтересовался Ахиллес.

— Конечно! Охотник я или нет?

— Ну и…

— В двух, дневных переходах от нас, на берегу Сириуса разбиты минские шатры. Мне кажется это наши знакомые по какой-то причине не могут… Как это говориться у них!?…. Сняться с якоря — Вот!

Пророчество Дэви.

Иллар был очень раздражителен. Древнего боялись даже потревожить жестом не говоря уже о обращении к нему. Все знали, что в таком расположении духа как сейчас, к старейшине лучше не лезть. Двадцать вудских лучника сейчас полукольцом, оберегали покой своего создателя. Впереди, простирались Извечные топи. Место где обитают бестелесные Дэви. Их отряд выдвинулись из Эу-Тай ранним утром. Старейшины приняли решение послать одного из равных к Дэви, для того, что бы получить новое пророчество.

Все без исключения самцы были огорчены этим фактом, так как конечно же всем хотелось самолично лицезреть казнь заносчивой Защитницы клана алой лилии. И на тебе. Получен приказ, практически всем родовым воинам дома Эу-Тай, следовать за одним из мудрых в сторону этих поганых извечных топей.

Иллар был обеспокоен. Пятые сутки он тщетно пытался связаться с сознанием своих родственников. Оба старейшины не выходили на ментальный контакт. Первое время Иллар думал, что все это происки богов. Быть может они вмешиваются в астральный план трех мудрых, забавляясь беспомощностью последних. А когда над Илларом, кто-то издевался, пусть даже косвенным образом, он впадал в ярость. В таком состоянии ему так и хотелось видоизмениться в свою истинную форму тела и начать рвать и метать. Но этого делать нельзя. Ведь вокруг него, сейчас находятся его же дети. Порождение его сущности. Нужно держать себя в руках. Он с усмешкой уставился на свои человеческие руки. Такими руками удобно получать наслаждения, но ни как не кромсать в клочья своих врагов.

'Ладно пора отправляться в путь. Вижу, что все лучники с нетерпением посматривают в мою сторону. Видать не уютно чувствуют себя под прицелом стрел местной болотной разновидности человеческой расы.'

— Аллэуар. — позвал мудрый старшего воина. — Отправляемся в путь. И смотрите, на этот раз не попадите в засаду.

— Слушаюсь и повинуюсь мудрейший. — старший воин развернулся и мигом подозвав своих приближенных, стал распоряжаться на счет дальнейшего построения.

Как только вурдские стрелки со своим мудрейшим, вошли в топи, они тотчас стали мишенью для местных лучников. Люди

болот, несколько месяцев назад познали горечь поражения от этих длинноухих и по сему на этот раз, встретили опасных соседей во всеоружии. Пока длился дальний бой, людские стрелки заметно уступали вурдским. Сказывалось и высокая дальнобойность двухметровых бамбуковых луков кровососов и их невероятная меткость. Оставив лежать на кочках по меньшей мере около пятнадцати убитых, люди топи, ринулись в рукопашную. Они обладали численным превосходством и в первые мгновения боя казалось, что их нестройная масса сомнет двухстороннею шеренгу клыкастых стрелков, этого не произошло. Когда обе расы перемешались, вурдские воины стали рассеиваться по всему полю.

По началу, предводитель людей принял это за полный разгром, но когда он увидел, что разбежавшись по всему полю битвы, кровососы принялись с большой скоростью вырезать его солдат, он догадался — вурдам просто нужен был оперативный простор. Они не умели и не вели битв в плотном строю и полагались в бою на свое личное мастерство. Предводителю людей, удалось вывести остатки своего войска за пределы досягаемости дальнобойных луков и теперь их дозорные издали наблюдали за дальнейшим передвижением ненавистных упырей. Спастись, правда, удалось не всем. Около двадцати воинов оказались захваченными в плен.

В скором времени люди поняли, что вурды не стремятся достигнуть их поселков, а направляются в гиблые топи Дэви. С того момента их воины перестали донимать вурдский отряд даже одиночными уколами стрел.

После первой стычки были ранены два вурдских воина. По мнению мудрейшего, раны были детскими, но тем не менее, они явно указывали на то, что в дальнейшем с этими болотными слизняками надо держать ухо в остро.

Аллэуар отправил в дозор двух стрелков. Местность здесь была открыта для взора. Чахлые редкие болотные деревца росли в очень малом количестве и просто не могли таить в себе гипотетическую угрозу засады со стороны местных жителей. Зато вот постоянный смог, висевший в этих землях, был неприятен. Вурды конечно обладали прекрасным зрением, но даже их острый взор, не мог видеть дальше тридцати метров, в то время когда человеческий глаз в этом молочном мареве видел с трудом в радиусе пяти — семи шагов. В прошлый свой поход за человеческим самцом, Аллэуар потерял всего троих родственника. И то, два из которых стали жертвами местных пресмыкающихся. Огромные десяти метровые змеи, названые в этих местах уррами, заглатывали человеческое тело целиком.

Перед тем, как приступить к трапезе, эти создания обвивали свою добычу в плотные кольца своего тела и сдавливали его до тех пор, пока вместо его скелета не образовывалась хунская каша. Страшные создания. Молниеносные и очень сообразительные твари. Они никогда не нападали на большое скопление пищи.

Глаза старшего воина, разглядели еле заметное движение по правую от себя руку. Рефлексы тела сработали быстрее чем пришло осознание опасности. Одна за другой в сторону подозрительного шевеления были посланы три меткие стрелы. Рядом отреагировали еще два близ находящихся стрелка. Остальные просто не соизволили продолжить, так как кем бы ни было затаившееся существо, выжить после попадания пяти стрел с такого расстояния, мог разве что древний дракон, а они как известно обитают только в горах Хунов. Отряд даже не остановился, что бы посмотреть кто там таился в болотном кустарнике. Кому это интересно!?

Наконец к концу дня, вурды прибыли к конечной цели своего похода. До капища они добрались на несколько дней раньше запланированного срока и все потому, что теперь рядом с вурдскими стрелками плелись будущие жертвы обряда. Двадцать болотных жителя.

Когда отряд выступал, древний, как обычно решил передвигаться налегке и захватить полон непосредственно на топях. Просто счастье, что эти болотные слизняки сами вышли к ним на встречу.

Жертвенные камни находились на небольшой поляне окруженной со всех сторон чахлой порослью камышей. Обстроившись и выставив посты, вурды стали ожидать прихода полуночи. Этим созданиям был чужд огонь. Они прекрасно видели в темноте, могли понимать друг друга без слов посредством чтения мыслей. Питались исключительно кровью. В общем, казались болотным жителям неким подобием злых полубогов.

Каждый из пленных понимал, что его судьба предрешена. Некоторые даже вознамерились убить себя, дабы не стать жертвенным животным, однако таких быстро приструнили. Кому вырвали несколько пальцев, кому обрезали пенис или нос и оба уха. В общем, желающих быстро умереть, сразу не стало. К тому же, все пленные прекрасно знали, что само жертвоприношение, будет не таким уж и мучительным. Ну вскроют тебе вены на руках, ну умрешь ты медленно, но зато без особых мучений. Просто от потери крови! Разве ж это так страшно? Обидно, что как животное! То да!!! А так??? Вот демоны… Те приносят в жертву очень жестоким способом. Они вспарывают кожу вокруг

поясницы и затем тянут ее на верх, оставляя чистое мясо открытым взору. Любой дуновение воздуха приносит открытой мышечной ткани непереносимую боль. Но умирают жертвы даже не от этого. Они задыхаются от нехватки кислорода, так как поднятую кожу тела, завязывают над головой жертвы и та умирает задохнувшись в собственном коконе.

***

Жертвоприношение прошло как обычно — благоприятно! Кровь была принята, как впрочем и мучения жертв. Эти глупые людишки, ни когда не понимали, как мучаются их собратья на жатвенных камнях. Да умирали они с умиротворением на лицах, но на самом деле, в их сознании творилось что-то невообразимо ужасное. При помощи магии, мудрый проникал в их подсознание и узнавал их самые потаенные страхи, а затем воплощал этот страх в сознании жертвы. Так что до физической смерти, жертва переживала очень громадное количество смертей в своем подсознании.

Когда с последнего человеческого тела перестала сочиться священная жидкость, мудрый стал ждать появление бестелесных созданий. Обычно, они воплощались в тонкую материальную оболочку сразу по несколько штук. Сами эти существа были чистой энергией. Ходили слухи, что дэви боги, просто они отказались возвращаться в породившее их божье лоно, и предпочли индивидуальное существование, сопряженное с таким действием, как жертвоприношение. Они питались эманациями боли и страха. Если таким существам долго не приносить в жертву живых разумных существ, они развоплащались и сливались с астралом, тем самым очень сильно обогащая его своей информационной матрицей. Мудрый это знал не понаслышке, так как его древняя раса могла использовать астральную составляющую любого мира. Вурдалаки пришли в этот мир при крушении своего собственного. Их мир был уничтожен в последней битве прозванной Армагеддоном. Изначально, их было двести особей. Большинство погибли еще на заре зарождения их цивилизации в этом красочном мире. Кто в борьбе с огнедыщащими драконами, кто от схваток с крылатыми львами, а кого посадили на кол и сами люди.

Тех, кто вырастил себе собственных слуг, было всего десять особей. Теперь вот по прошествии последней тысячи лет их осталось всего три. Мало того. Теперь вырождались даже их слуги, а это грозило полным истреблением последних и провала столь удачного эксперимента. Ведь каждый из истинных вурдалаков питался, как и малые боги посредством эманаций, но только не своих жертв, а своих детей или точнее слуг, которых сами и создали. Те, для того, что бы не умереть, были вынуждены питаться самым ценным продуктом в этом материальном мире — кровью. Все просто и гениально, как и сам принцип Бытия.

— Однако, ты глубоко заблуждаешься на счет своих сородичей вурд. Вас теперь осталось не три, а всего одна особь. И эта особь ты.

Иллар с раздражением уставился на легкое марево, которое стало трансформироваться в центре каменного построения (жертвенные камни были установлены в форме пирамиды). Иллуар знал, что из себя представляет дэви, а посему не испытывал к последним религиозного исступления.

Так как дэви были чистой энергией, то не могли вступать в тесную взаимосвязь с материей. Влиять да, но общаться — нет. Поэтому для 'изречения' своих пророчеств, дэви трансформировались в состояние материальной энергетической оболочки, которую можно было бы понять, и как следствие даже потрогать и пленить. Считалось, что некоторые драконы зачастую вызывали этих созданий по собственному желанию, а затем пленив их своей магией, заставляли сосуществовать их естество в камне, дереве и так далее. Выдающиеся маги панов вообще закупоривали их сущности в хрупкие сосуды, заставляя становиться дэви — рабами бутылок.

— Но как такое могло случиться? — искренне удивился мурдрый — Ведь мы расстались только несколько дней назад. Как такое вообще могло произойти?

— А ты загляни в астральную составляющую этого мира, там и найдешь ответ.

— Я вызвал тебя дэви не для того, что бы ты мне давал советы. Мне нужны ответы на поставленные вопросы. Или принесенные жертвы тебе пришлись не по нутру?

— Как видишь их не достаточно раз я появился один. Ну да ладно элементарий, я поведаю тебе все, что ты хочешь, так как дни твоего мира сочтены.

Иллар удивленно уставился на призрачное существо.

— О чем это ты?

— Как ты знаешь мое естество не потеряло связующей нити с изначальным лоном. Потому мне ведомо намного больше, чем таким, как ты и тебе подобные. В последнее тысячелетие, в лоно изначального из этого мира, стремиться слишком много душ элементариев. Вас здесь расплодилось слишком много, и слишком много умирает с законченной антиподной структурой души, поэтому ОН, принял решение об уничтожении этой плоскости Бытия. Всем духам, что элементарии привыкли называть своими богами, дана установка на сотворение Армагедона.

— Извечные хаос опять! За что же мне это? — пробормотал себе под нос Иллар. Неужто это конец?

Он однажды пережил это событие в своем родном измерении и пережить подобное снова было выше его сил.

— На твой же предыдущий вопрос, отвечу следующее. Твои

сородичи и слуги были отправлены в первичное лоно, при помощи первичной структуры мироздания — Огня. Уничтожил твой град, род и соплеменников — Ахиллес. Тот, который и толкнет весь Аль-Азиф на алтарь очищения.

— Ар-р-р-р-р-р-р-р-ак — неожиданно сам для себя прорычал вурдский старейшина. — Если я его уничтожу, измениться ли что-то в предначертанном?

— Нет. Если не он, то за него это сделает кто то другой, так что вы все обречены.

Вурдалак встал и начал ходить кругами вокруг жертвенных камней. В его голове возникали идеи одна безумнее другой. С начало он прикидывал удастся ли убежать из этого обреченного мира посредством портала миров, но потом вспомнил, что двери открываются только по приказанию или же по принуждению, высшими духами вселенной. Теми, кто создает миры, а не теми кто ими правит. Потом подумал… А не истребить ли весь человеческий род и тогда, некому станет нарушить равновесия весов?

— А если дэви, в этом мире не останется ни одного человеческого естества! Возможен ли иной исход событий.

— Да… Пожалуй. Только души людей кровожадны настолько же, насколько быстра из разрушительная способность к самоуничтожению своей духовной сущности. Но я не ведаю, как такое возможно за столь короткий срок… Хотя подожди. Я посоветуюсь со своими братьями, быть может они, откроют что то новое… Да. И приготовь еще немного пищи, я теряю силы и что бы вновь воплотиться в материи, мне необходимы новые жертвы. В этом мире все труднее материализоваться. Он теряет свою структуру. И запомни. Всего через час, я или воплощусь снова и отвечу на твой последний вопрос или же прощай на тьму веков и до встречи в изначальном.

— Хорошо. Возвращайся. Через час, у тебя будет то, о чем ты просишь.

Он лихорадочно стал думать, каким способом возможно воплотить свою идею за считанные недели. Объединить в единый кулак всех нелюдей этого мира, было конечно же возможно, знай они о том, какой выбор стоит перед их расами, но хватит ли у него времени. Вот в чем вопрос.

'Что ж. На то, что бы все это обмозговать, еще будет время. Сейчас же нужно срочно найти новые жертвы.'

Иллар прикинул сколько времени займет поход до ближайшего людского поселка и понял, что ни как не успеет. Даже если бы и удалось без боя захватить мерзких людишек, что бы вернуться в течении часа обратно, нужно было уметь летать.

'Что же делать??? ЧТО?'

Ответ пришел, как водиться сам собой. Иллар сбросил свои же магические оковы, в которых пребывал десятки тысяцч лет и стал принимать свой первоначальный облик. Тот — в котором он некогда пришел в этот яркий красочный мир, из пустынь ЭтхаРа. Мира, где не было ни какой растительности. Мира, где на поверхности земли было столь же жарко, как и в недрах материи.

На глазах его же детей, плоть стала отваливаться от костей. В конечном итоге, его истинное естество вырвалось из магических оков и во все стороны разлетелись ошметки кровавой плоти.

Аллэуар спокойно всматривался в молочное марево испарений, ища своими глазами возможную опасность. Он знал, что обряд закончен и вскоре должен появиться дэви. За свои триста лет он видел такое дважды, а по тому, не был удивлен, как остальные клановые воины. Когда дэви сформировался, их отец и бестелесное существо приступили к общению. Старший воин видел, что древний обеспокоен. Он замечал это по ходу их путешествия в эти гиблые топи. Сейчас же их отец выглядел взбешенным. Судя по мимике лица, своего хозяина, Аллэуар понимал, что пророчество ужасно. Что всех их ждет, что то очень и очень нехорошее. В момент, когда дэви развоплотился, старший воин увидел во взоре своего господина нечто такое, что заставило сжаться в страхе даже его святое естество. В глазах… Нет в бездонных провалах того, что некогда было Илларом, он увидел всепоглощающую жаду уничтожения.

Издревле, среди преданий вурдской расы ходили легенды, о первичном виде их отцов. Вурды знали, что изначально все старейшины не походили на людей ни телом, ни душой. Они были порождениями чужого вида разумных существ, который некогда пришел в этот мир, ради избежание полного истребления. Все вурды знали о предании, которое гласило, что однажды настанет миг, когда мудрые устанут от этого мира и воплотятся в свое первичное состояние. Этот момент будет началом конца, как расы Вурдов так и всех других разумных рас Аль-Азифа.

И вот, этот день настал. Но умирать, как тварь, Аллэуар не собирался. Он первым очнулся от сковавшего его тела ужаса и пустил со своей тетивы, первую стрелу. Она застряла в левой глазнице того, что некогда породило и его самого, да и весь его клан. Остальные сородичи очнулись только после того, как страшное, неведомое существо, приступило к уничтожению его же порождений. В воздухе засвистели десятки стрел. Несколько воинов попытались поступиться к древнему с обнаженными

анками. Однако сталь бессильно отскочила от вздутых мышц сургоподобного существа, причем все анки на глаза удивленных стрелков, при прикасании с кожей Иллара расплавились будто бы их окунули в раскаленное жерло вулкана. Сами же нападавшие были тут же разорваны в мелкие кровавые клочья. Существу неприятны были лишь длинные вурдские стрелы. Они глубоко входили в нутро монстра и несмотря на то, что в то же мгновение истлевали, заставляли Иллара дико рычать и плеваться огненной слюной.

Аллэуару повезло. Он находился дальше всех других от своего господина, а потому и остался единственным существом, которому удалось ускользнуть от ужасных красных клыков и когтей монстра.

Старшему лучнику, удалось перескочить на первую кочку, как раз в тот момент, когда казалось, что две огромным лапища вот-вот оторвут ему голову. По видимому, то во что перевоплотился Иллар — боялось воды. Как бы там ни было, но оно не стало преследовать единственного оставшегося в живых воина. Остановившись, он издали выпустил в монстра все свои стрелы после чего, Аллэуар кинулся в сторону, откуда и пришел весь его родовой отряд.

Вурдалак ЭтхоРа, благоразумно оставил в живых нескольких слуг. Конечно большинство оказалось растерзанными. Но пятерым, такой чести не досталось. У кого отсутствовала рука, у кого были выпущены внутренности, но все они еще жили, и это было ХОРОШО. Плохо было следующее. Взять в свои лапы любого из стрелков, не было ни какой возможности, иначе их тела, тут же превратились бы в прах, а на принятие старого обличья не хватало времени.

'Что ж… Думай Иллар. Думай!'

Осмотрев пятерых оставшихся в живых, он пришел к выводу, что лежащий возле дерева вурд, вполне способен выполнить то, что требовалось древнему. Иллар играючи взломал ментальную защиту клыкастого воина и заставил того помимо своей воли выполнить ритуал. Вурд долго таскал растерзанные останки своих сородичей к центру капища после чего обильно вымазал все жертвенные камни святой жидкостью своих сородичей. После, он отвязал от жертвенников человеческие останки и привязал к ним четверых своих сородичей. Когда воин закончил свою кровавую работу, порождение ЭтхоРа одним ударом когтистой лапы отправил безвольное тело в извечное ничто и приступил творить заклятье. Дэви появился на этот раз намного быстрее.

— Задавай свой последний вопрос вурд.

— Кто поможет мне изничтожить людской род? Назови имя этого существа.

— Да будет так. Имя ей Рея. Она младшая богиня пантиона этого мира. Именно она может стать той, чья сущность поможет тебе в этом деле… А теперь… Прощай Иллар!

***

Мадгир был в бешенстве. Великое собрание ни как не могло решиться на принятие единственно верного решения. Отпустить с императором в Мирт не только личную гвардию Сета, состоявшую из детей аристократов, но и все ополчение города-госсударства, набираемого из плебеев. Время шло, а терпенье у императора иссякало. В дверь постучали.

— Разрешите войти владыка!?

'Советник Тум.' — с раздражением подумал Мадгир. — 'Чего надо еще этому крылатой твари!'

— Войди Тум. Я как раз собирался выйти на террасу, поупражняться с саблей.

Тум был представителем расы торритов или как называли их люди — демонов. Они проживали на внешних хрептах всего Аль-Азифа. С точки зрения человеческой меры красоты, эти создания имели очень красивую морду. Если бы не остро заточенные зубы, перепончатые крылья, располагающиеся за их спиной (в состоянии покоя они очень сильно походили на обыкновенный плащ). Да и вообще, демоны очень сильно походили на людей. Точнее на их детей. (их рост не превышал одного метра). Правда эти 'дети', питались исключительно человеческим мясом и были от рождения мстительны и агрессивны. Эти крылатые бестии, обладали двумя исключительными качествами, которые затмевали собой все их многочисленные недостатки. Первый плюс, заключался в даре предвидения. И это качество, давало торритам шанс занимать заслуженные места магов и советников, во всех дворцовых покоях этого мира. Второй плюс также был неоспорим. Нанимаясь на службу к любому правителю Аль-Азифа, торриты давали клятву верности. Еще никто не слышал, что бы хоть один демон, предал своего господина во время своей службы. Другое дело, что по окончании контракта, его верность мог перекупить допустим враг бывшего хозяина и если торрит нанимался на службу уже к нему, то он без зазрения совести мог выполнить приказ об уничтожении потомства предыдущего хозяина или же скажем ликвидировать его самого. Таковы уж принципы и сущность этой расы.

Император выхватил из мягких ножен свою салю и вышел из

покоев на террасу. Демон последовал за своим хозяином, применив свою способность к полету. Терраса Императоров Сида была огромна. На ней могли с комфортом разместиться пятьдесят воинов. Она являлась высшей точкой этого чудо — города, вырезанного из одинокой скалы, располагавшейся посреди огромного поля. Твердыня Сида, возвышалась над окружающей местностью, на сто двадцать метров. Да, конечно не самая высокая скала этого мира, но зато скала, превращенная в поразительную и что самое немаловажное — в неприступную крепость! У сидской твердыни было четыре ворот, вырубленных согласно четырем частям света. Сами бастионы (крепостные стены) достигали тридцати метров. Город, как бы шел витками. Если смотреть на него с высоты птичьего полета, Сид имел форму остроконечного колпака, какие носят гоблинские шаманы, с глубокой внутренней резьбой. На его вершине был вырублен дворец императора, оканчивающийся большой террасой. Именно на ней сейчас упражнялся Мадгир.

— Не смотря на возврат (а императору уже стукнуло шестьдесят лет) Мадгир все также, как и в молодости, был сухопар и подтянут. Его седые волосы были собраны в хвост на затылке. Некогда ярко зеленные глаза, так резко гармонирующие в молодости с его кожей и цветом волос, теперь утратили свою первоначальную яркость, зато приобрели твердость камня. Мало кто мог устоять перед его взором. Обычно собеседник опускал глаза первым. Но только не Тум. Он сейчас взлетел на свое излюбленное место. Свесив в низ ноги с парапета, демон стал наблюдать за утреней разминкой своего господина. Когда тело Мадгира стало лосниться от пота, Тум неожиданно для императора выпалил:

— Мой господин. Нить жизни этого мира, вскоре прервется. Так что не слишком утруждай себя этими упражнениями.

— Ты что, вчера пообедал больным на голову рабом? — искренне удивился император.

— Нет мой господин. Просто ночью мне было видение. И оно меня пугает.

— Ну давай поведай, что там тебе привиделось.

Демон расправил свои крылья и единожды взмахнув перелетел к каменному постаменту, на котором рабы заблаговременно выставили всевозможные яства. Он налил в кубок простой воды и протянул подошедшему Мадгиру. Император кивком головы отблагодарил своего понятливого советника и переспросил:

— Так что там со сновидением?

— Мой господин уже знает, что мои видения никогда не лгут.

Неделю назад я рассказал императору, что его потомство, прекрасная Мия, освобождена от неврского плена, но что ее свобода, все еще не подвластна отпрыску рода Этаров. Так вот, сегодня ночью… меня посетило не предсказанье, а пророчество. Это как понимает господин разные вещи. Если предсказанье имеет большую степень вероятности, что события могут пойти иным путем, то откровения пророчеств, как правило неизменны и все нити судьбы предопределены.

— Хватит разглагольствовать Тум. Говори по существу, а то мне пора спускаться в палаты Совета. Эти тупые сенаторы, так и не могут понять, что пока мы не разгромим Мирт, мы вечно будем жить, как загнанные крысы.

Слушая своего советника, император не забывал размышлять и о делах насущных. Объявленный им поход на Мирт, все ни как не мог состояться из-за нежелания сената оставить Сид без достаточного количества плебеев. Видите ли некому будет подтирать их ожиревшие задницы.

Неделю назад, первый хунский караван, попавший в благословенный город основанный еще полтора тысячелетия назад династией Эоров, привез подтверждение, предсказанию его дворцового советника. Абсолютом, стал человек неведомой расы. А следовательно все поруки были переданы в его пользование. Выходило что Мия являясь порукой неврского Вожака, теперь перешла в собственность нового Абсолюта. О его поединке с Трру, а также о предварительном бое с десятком гивейцнских ратников, уже сложили легенды. Узнав о том, что теперь Мия не находится под пятой волкоголовых, сенат тут же стал находить всевозможные отговорки по поводу выступления объединенного войска. То надо было очищать канализации Сета, то плебеи понадобились для латания обветшавших бастионов. В общем сенат теперь не желал войны. Их всех устраивало то, как сложились события и теперь этих толстопузых аристократов, нельзя было сдвинуть с насиженного места.

— Все силы этого мира пришли в движение. Сурги снялись с насиженных мест и направились к плато Аргоса. Туда же направляется и войска гивенцев, кенов, демонов. Через несколько недель, сам Аргос будет подвергнут нападению со стороны подводных владык срединного моря. Единственная раса, что пытается остаться в стороне, это паны. Они свернули свои шатры центрального стойбища и откочевали к внешним хребтам Аль-Азифа. Даже гоблины, готовят всех своих големов для решающей битвы. Правда про невров ничего не могу поведать, но не сомневаюсь, что и эта раса не останется в стороне от того что грядет.

С каждым произнесенным словом, на лице императора Сида, удивление сменялось маской ужаса. Торрит говорил о таких событиях, которые никогда не происходили в этом мире от его сотворения. Ни в одном древнейшем манускрипте, или даже легенде, Мадгир не читал и не слышал ни о чем либо подобном, правда существовала старое пророчество, что однажды боги устанут от лицезрения этого мира и тогда наступит последняя битва, в которой выживут только три разумных существа. Они станут карающей дланью Единного. Этими воинами, должны стать лучшие бойцы, которых когда либо рождал Аль-Азиф. Все остальные, будет истреблены в первичном хаосе огня.

— Не уж то это конец? — еле выдохнул он.

— Да мой господин. Но как минимум это конец человечеству.

— То есть!?

А то и есть, что все расы нелюдей объединяться против твоего вида и попытаются уничтожить ваше семя.

— Но почему?

— Потому, что так хотят боги этой плоскости бытия.

Император оценивающим взглядом посмотрел в сторону демона.

— Это значит Тум, что мы теперь враги?

— Наши расы да. Я и ты нет. — последнее выражение демон произнес с огорчением. — Мой контракт еще не окончен, потому я тебя не могу предать, хотя очень хотел бы присоединиться к войску своей расы.

— Тогда демон, я освобождаю тебя от данного тобой слова и клянусь перед богами, что делаю это в светлой памяти и здравом уме! — продекламировал Мадгир ритуальное заклятье, разрывающее контракт демона с его хозяином.

— Повинуюсь! — торжественно подтвердил Тум.

— Но в благодарность за оказанную услугу, я попросил бы тебя Тум по присутствовать сегодня на совете Сената и поведать этим жирным боровам то, что только что рассказал мне самому. Иначе этот миртский кал, не поверит ни одному моему слову.

— Согласен.

Встреча.

Они продвигались очень медленно. Ахеец был слаб. Вместо трех дневных перехода, которые по мнению Ареста разделяли стан минов и пятерых путешественников, их отряду пришлось затратить пять дней. Когда они вышли к месту минского стана, их взору предстала страшная картина. Весь стан, состоявший из пяти

больших шатра, был завален сотнями растерзанных трупов. Подойдя поближе, Арест заключил, что трупы принадлежат пиктам. Среди груд иссеченной плоти, шныряли огромные стаи падальщиков. Шакалы, плезы, грифы, крокодилы были настолько апатичны, что ни у кого не сомневался. Их пир, продолжался несколько дней к ряду. А то количество зловонной плоти, что все еще лежало и разлагалось под жарким солнцем этого мира, подтверждало. Битва была нешуточной и по всей видимости продолжалась не менее суток. Два дракара стояли на якоре, прямо возле пологого берега. Ни одного мина по близости не было. По видимому все рогатые погибли в этой ужасном бою. Мия прикинула и пришла к выводу, что легионеров нейрид было по меньшей мере около трех сотен, тогда как из поселка индов, на свою родину отплыли три дракара с тридцатью минами. Получалось битва развернулась с соотношением тридцати к трем. По заверению принцессы, это было не таким уж плохим соотношением для рогатых, а по сему она была очень удивлена, тем фактом, что поблизости нет ни одного живого минотавра.

— Может тем, кому удалось избежать смерти, погребли своих сородичей и отплыли на своем третьем корабле!? Его то не видно. — предложил ахеец.

— Да скорее всего, так оно и есть. — согласился мысленно херувим. — Странно другое. Что то заставило минских воев бросить весь свой скарб на произвол судьбы и в поспешности отплыть к своим берегам. Обычно мины очень трепетно относятся к личным вещам. И это что-то, должно быть очень весомым аргументом.

Ахеец подошел прикрывая свой нос к самому ближнему пикту. Ему было интересно, что за создания эти легионеры подводных повелителей. Тело убитого существа, было разрезано на неравные половины. Пикт был действительно мерзким созданием. Перепончатые лапы оканчивались тремя острыми роговыми отростками, каждый из которых мог потягаться по размеру с небольшим человеческим тесаком. Морда где-то отдаленно напоминала физиономию летучей мыши. Туловище было мускулистым и с родни человеческому, если бы не отвратительная зеленная кожа, покрытая местами роговыми наростами и не очень длинные задние конечности.

— Арест, на кой хрен этим созданиям такие ноги? — ахеец чуть ли не бегом убрался от полуразложившегося трупа.

— Они приспособлены для прыжков. На суше эти твари передвигаются именно таким вот образом.

— Мда! Отвратительные создания.

К ним подъехала принцесса. Ее тул, все еще ни как не мог

привыкнуть к своему новому хозяину, от того постоянно нервничал. Когда же он увидел столько мяса, ящер казалось окончательно потерял голову, то и дело пытаясь откусить своей наезднице левую руку. Нежно шепча в его ухо ласковые слова, принцесса вдруг треснула его со всей силы в область темени. Тул тут же присмирел и лишь изредка косился в сторону Мии, своим вечно голодным взглядом.

— Ну, что дальше делать то будем? — поинтересовалась принцесса.

Ахиллес покосился на крылатого льва в ожидании его ответа. Ведь пути этого мира, по крайней мере этой его части, среди них не знал никто, включая даже херувима. Но с другой стороны, лев обладал загадочной способностью погружаться, как он говорил в генетическую память и там искать ответы на интересующие его вопросы.

— Что тут думать, двигаем вдоль реки. Глядишь нагоним минов.

— Это ты узнал в своем созерцании? — разочарованно поинтересовался Ахиллес. — Ведь мины двигаются по течению, плюс попутный ветерок. Как скажи на милость мы их догоним? Ну допустим может Мия и ее сородичи смогли бы это сделать на своих тулах, но мне то что делать!? Сесть верхом на тебя? — уже шуточно поинтересовался человек.

— А это идея Ахиллес! — радостно защебетала принцесса. — Может действительно стоит послать одного из воинов вдогонку минотаврам? Если нагонит, то попросит, что бы они нас подождали.

— Сомневаюсь что это принесет хоть какие-то плоды! Но, попробовать стоит. Отправляй своего сородича и если уж ему повезет нагнать этих рогатых, то пусть прокричит им, что равному необходима их помощь.

Кивнув головой, Мия пришпорила тула и помчалась к своим сородичам.

Мины их дождались, но когда Ахилл со своим спутниками, вошел в шатер нового предводителя, их встретили недружелюбным взглядом.

'Арест чего это с ними? Ты часом не знаешь?' — обратился мысленно ахеец к своему четвероногому другу.

'Нет. Но думаю, что случилось, что то крайне неприятное.'

— Я вижу уважаемый ярл, что нам здесь не очень рады. А ведь мы простились хорошими знакомыми, не держа в своем сердце обиды друг на друга. Что случилось? — обратился ахеец к новому предводителю минского отряда.

Тот восседал прямо на земле и монотонно пережевывал своей

огромной пастью зеленные листья.

— Случилось многое человек. Отправляясь в поход каждый минский дракар берет на свой борт шамана. Того кто не удался силой, но обладает знанием. Так вот наш шаман, два дня назад получил послание от своего главы. Приказано в спешном порядке возвратиться в наши земли. Новый избранный конунг, объявил воину всей человеческой расе.

— То есть как? — не поверил в сказанное Ахиллес.

— А так, что теперь человек, наши виды считаются врагами.

— Но с чем это связанно?

— Спроси лучше шамана. Он тебе быть может растолкует. Я воин и подчиняюсь приказам своих старших по оружию. Тебе повезло еще, что мы тебя признали, как равного, а по тому, остановились, что бы ты не думал, что минотавры не имеют чести. Узнай все, что хочешь у Арата и на том мы простимся человек.

Аратом оказался мином обладающий человеческим ростом. Он так же, как и все его сородичи был очень широк в плечах и обладал развитой мускулатурой. Однако родиться этому мину пришлось с изъяном. У него была одна нога короче другой. Таких детей Минотавры отдавали в специальные общественные семьи, где их учителями становились шаманы. Они обучали выродков и калек, своему ремеслу, после чего каждый из них, определялся в тот или иной род. Такие члены минского общества во время походов выполняли роль врачей.

— Что тебе поведать человек? — голос Арата был, как и у всех минотавров скрипуч и неприятен для слуха.

— Почему ваш конунг объявил войну людям?

— Объявил ее не он, а Боги.

— Не понимаю.

— Тебе и не дано понять. Однако раз ты являешься Абсолютом этого мира, я тебе поведаю. Существует легенда. Она присутствует в эпосе любой расы и разумного вида. Наступит день, когда Боги этого мира устанут от созерцания никчемной жизни своих порождений. И тогда они объявят о конце своего здесь пребывания. Этот день станет последним в этом мире и по тому каждая из рас должна готовиться к Исходу. После последней битвы за Аль-Азиф, в живых должны остаться только трое самых достойных существа. Они станут высшими и будут изъяты в другую плоскость мира для служения Изначальному. Все остальные умрут, так как этот мир умрет вместе со всем, что ты сейчас вокруг себя видишь.

— Что за бред ты несешь мин. Как можно верить в такое?

— Не оскорбляй меня человек. Не забывайся. Это не вера. Это

судьба. Так что поспеши к своим соплеменникам. Все войска, будут через неделю собраны на великом Аргоском плато где и решиться судьба достойнейших.

— Но откуда ты знаешь, что все расы пошлют туда свои войска?

— Так решили боги каждого народа. Через своих слуг шаманов, жрецов и правителей, они объяснили, о наступления Армагеддона. Также они поведали как следует его встретить. Прощай. — минотавр развернулся и вышел из шатра.

Ахеец растерянно посмотрел на Херувима, но тот лишь удрученно кивнул в ответ. После недолгого раздумья, он подтвердил только, что сказанное:

— Это правда. Действительно каждая из здесь живущих рас, знает о последней битве. Не знаю, как поступит мой прайд и вид в целом, за кого или против кого будут биться херувимы мне неведомо, но битва предопределена. Это несомненно. Только вот не думал я, что мне выпадет честь пережить такое событие.

Херувим посмотрел на всех присутствующих и выразил всеобщую мысль:

— Мне будет обидно, если на поле боя, я повстречаю кого-то из вас. Мне придется вас убить, но я хочу, что бы все присутствующие знали, это будет для меня честью.

Ахиллес не верил своим ушам. Он стоял посреди шатра и просто не мог поверить в реальность происходящего. Как же так? Арест будет биться против него!?!

— Подождите, подождите. А кто решает, кто против кого, будет биться, в случаи допустим истребления расы людей?

Оставшиеся расы продолжат бой до исполнения воли Судьбы. Должны остаться только трое.

Выбор.

Войдя в астрал, Иллар с трудом смог отыскать след сущности, что в этом мире носила имя Рея. Она принадлежала Аль-Азифу, а значит была его частью и связаться с ней посредством ментального контакта можно было только в астрале. Но почему-то найти ее ни как не удавалось. Однако там существовало множество эманаций других духов, которые когда-то поклонялись или даже общались с нею. После долгих часов поисков, Иллар уяснил для себя, что богиня изгой. Она, как и сущности дэви, не захотела сливаться с Абсолютным знанием и тем самым растворить в нем свою личность. Она выбрала путь

отвергнутой. Решила воссоздать себе слуг и питаться посредством их эманаций, впрочем точно так же, как это делали все Боги Аль-Азифа, дэви да и сами истинные вурды. В конечном итоге на связь с Илларом вышла сама Рея. Это произошло поздним вечером, по дороге в город Эйру, клана Восходящей луны. Иллар обрел свое человеческое тело и теперь пробирался в город по верхним лесным путям. В ЭУ-Тай он не пошел. Зачем если дэви объявил, что его больше нет. Не верить такому существу, было просто не разумным. Рея воплотилась, как раз в том момент, когда древний решил в очередной раз посредством медитации, войти в астральное поле Аль-Азифа.

— Приветствую тебя древний.

Ее сформировавшееся тело, было прекрасным. Она сейчас хоть и походила на человека, но без сомнения скопировала сущность совершенно другой расы. У нее были длинные с зеленоватым отливом густые волосы. Глаза с миндальными зрачками, поражали своей глубиной. Тело сухопаро, но зато высокая грудь и широкие бедра, указывали на то что данная раса была на пике своего расцвета.

Кому как не Иллару, который исследовал десятки тысяч человеческих тел, знать особенности физиологии данного строения элементариев. Когда раса процветает, ее самки выглядят, как сущности высших духов. Ничего лишнего и при том, обладают красотой, здоровьем и физиологией, позволяющей рожать свое потомство не в муках, но в наслаждении. Как только человеческое естество появляется на свет в сопровождении боли и страха — это является первым признаком вырождения и дегенерации данного вида.

— И я тебя богиня.

Несколько мгновений они разглядывали личины друг друга в полной тишине.

— И так древний! Что тебе от меня нужно? — ее мысли были острее любого клинка.

— Ты знаешь, что Изначальным объявлен Армагеддон?

— Да… Знаю. — она была явно разочарованна.

— Выходит ты смирилась с тем, что твоя сущность будет растворена в первичном лоне?

— Нет конечно. Я личность и не собираюсь стать безликой субстанцией, что позволяет Единому развиваться. Я хочу иметь право на выбор.

— В данном случае, у тебя его нет. Не так ли Рея?

Богиня грустно усмехнулась и присела на одну их ветвей.

— Как раз наоборот вурд. Выбор есть всегда. И я его нашла. Я воплощусь в материю и проживу еще огромное количество

времени. Тело которое ты сейчас видишь принадлежит элементариям другого мира. Они называют себя эльфами. Живут долго, обладают очень развитыми способностями к познанию астрала. Живут в общем сами по себе и живут надо сказать не плохо.

— Но ты же знаешь закон. Если истинный дух воплощается в материю, то он считается падшим, а по этому после своей физиологической смерти, полностью развоплощается. От него остается только его астральное тело, которое больше никогда не воплотиться в материю и которое больше никогда не сольется в первичном лоне. Ты потеряешь бессмертие и станешь вечно голодным и мучающимся духом.

— Я знаю. Но это мой выбор вурд. Так что ж тебе надо?

— Есть способ изменить предначертанное, вернее даже не изменить, а отсрочить гибель этого мира на неопределенный срок.

В глазах Реи на секунду вспыхнул и тут же погас огонь любопытства. Но тем не менее она спросила:

— Какой же?

— Если в последней битве будет вырезан весь человеческий род, не кому будет нарушить равновесие добра и зла этой реали.

Рея задумалась на нескольких долгих мгновений. Иллар не знал, что твориться в ее сознании, так как богиня хоть и была младшим духом в пантеоне Аль-Азифа, однако ее магия на порядок превышала способности вурдского естества.

— Нет я отказываюсь!

— Но почему удивился Иллар!?! — он с удивлением уставился на ту, что по пророчеству дэви, должна была ему помочь.

Рея прочитала его мысли.

— Не должна Иллар, а может — чувствуешь разницу? Ну да ладно, я объясню. Все очень даже просто. Я отказалась в свой срок вернуться к Изначальному и потому стала отвергнутой. Мне совсем недавно удалось обрести свою первоначальную силу. Долгое время я пребывала на грани развоплощения, но потом я нарушила закон и без ведома старших духов этого мира, привнесла в него, чужую душу, выкрав ее из лона Единого. Я поставила на кон все и как видишь не ошиблась, ну или почти не ошиблась. Но как бы там ни было, при помощи своего творения, я вновь обрела первичную силу и теперь могу даже открывать порталы между гранями материи. Мой выбор прост. Или сделать так, что бы уничтожить человечество и снова оказаться на грани развоплощения так как ради этой цели я потеряю всю накопленную мной прану, или же уйти в иной мир и воплотиться

в материю в теле элементария. Я понимаю что ты задумал и одобряю сие, поэтому я выполню твою просьбу! Я лично являюсь ко всем правящим домам и их магам и объявив себя их богом прикажу всеми нелюдям объединиться против них в предстоящей битве.

Иллар улыбнулся. Больше ему ничего и не надо было:

— Но не думай вурд, что это я делаю ради тебя. Тот, кого я возродила в материю… ПРЕДАЛ меня и потому должен понести наказание. И наказанием будет его физическая смерть рядом со своими друзьями.

И все! Ее естество исчезло, оставив после себя, лишь сладковатый аромат степного ковыля.

Прелюдия.

Весь мир сошел сума. Гивейнцы, сидцы, все малые и большие людские племена. ВСЕ пришло в движение. По тысячелетним трактам передвигались огромные орды молчаливых людей. Кто шел в построении, кто огромными неорганизованными массами. Люди бросили свои дома, утварь, любимых. На Аргоское плато направились все кто этого хотел. Все они представляли последнюю битву, как естественное завершение своей никчемной жизни. Правители этих народов и племен не возражали. Воинам в ходе битвы нужно было оказывать посильную помощь. Подавать дротики, стрелы и так далее. В людских массах все были уверены, что победить такую армию не удастся даже самим богам. За этим столпотворением двигались вьючные животные, повозки и кибитки со снедью и питьем, оружием и рабами. Гивейнские и Сидские воины проходили по землям своих соседей и освобождали все порабощенные людские племена. После чего гнали их перед собой. Как считали их военачальники, все эти первобытные люди, будут неплохой закваской для таких чудищ, как сурги. Когда пересекались пути армий сразу нескольких рас, никто не нарушал негласного перемирия. Все помнили. Боги объявили свою волю и она была предельно ясна. Битва произойдет только через месяц на огромном плато где места хватит для всех. Всех же кто ослушается ждет вечное забвение.

Ахиллес простился с Арестом не скрывая своего разочарования и раздражения. Но что ж поделать у каждого сейчас свой долг и своя правда. Мия в последний раз расчесала гриву огромного херувима, после чего вплела в нее разноцветные ленты. Она расплакалась и на прощанье обняла могучею шею разумного льва. Ахилл просто подал Аресту свою руку. Тот

поначалу не понял его жеста, но вспомнив, как здоровался его спутник с Сидскими наездниками, протянул в ответ лапу. Человек сжал изгиб львиного сустава и не скрывая дрожи в голосе, прошептал:

— Не знаю крылатый, как я жил в своем мире, с кем делил пищу, ложе, любовь и дружбу… Но всему лучшему, что со мной произошло в этом мире, есть имя. И имя этому — Арест хотя и означает — Смерть. Смешно… Клянусь, что все это время, провел с существом, которое действительно имеет право носить титул перворожденного.

На последок херувим прорычал так громко и протяжно, что от психического давления, присели даже минотавры.

Он ушел на рассвете.

Ярл и Ахиллес договорились, что мины возьмут троих людей и их животных, к себе на борт, а высадят в устье Сириуса.

Плаванье было отмечено несколькими атаками со стороны легионеров подводных повелителей. Отбились они шутя. Над дракаром, минские кораблестроители возводили деревянную крышу. Ее толщину были не в силах пробить даже остроги нейрид. Захватить же само судно, можно было только двумя способами. Первый — протаранить его борт (именно таким способом и воевали агроские триеры, против минских дракаров). И второе — взять дракар на абордаж. Но для абордажа, существовал только один вход, на корме дракара. Но там всегда дежурили пять рогатых гиганта. Прорвать такую оборону не мог ни один противник.

Через три дня плавания к устью Сириуса, дракар наконец достиг своей цели. Минотавры высадили ахейца и его трех спутников, пристав к деревянному пирсу одной из аргоских колоний. Оно, как и предыдущее, было покинуто своими прежними жителями. Путники решили добраться до Аргоса посуху. В тот же день по хорошо утрамбованному торговому тракту гоблинов, они отправились в морскую жемчужину средиземноморья. Минотавры отчалили от пирса и отсалютовав ахейцу своими секирами, устремили нос своего корабля на минскую гряду.

***

То что с его родным лесом, что-то не в порядке, Аллэуар осознал еще издали. Запах, дым и гарь, он ощутил еще за тысячи перелетов стрелы. Но когда он наконец выбрался из белого марева топей, старший воин Эу-Тай не поверил своим глазам. От полученного шока, вурд присел на землю и потерял ход времени.

Сколько он так просидел! Пол дня? Сутки? Он не смог бы с точностью ответить. Из ступора его вывел какая-то гадина. По видимому она жила в Извечных топях, так как появилась именно с той стороны. Это был небольшой ящер. Двигался он медленно и благодаря особенностям своей кожи, которая могла менять окрас под окружающею среду, подкрался к вурду практически вплотную. Только когда на расстоянии вытянутой от себя руки Аллэуар отметил странное шевеление, сработали рефлексы, а с ними, вернулось и целостность окружающего пространства. Спас его лук. Что бы тварь не оторвала его правую руку, пришлось в ее пасть ткнуть своим дальнобойным оружием. Мощная челюсть сомкнулась и оружие превратилось в бесполезные щепки. Второй выпад ящера, он остановил взмахом своего анка. Расположиненая туша, обдала вурда струей горячей желтоватой крови. Вытерев краем рукава лицо, Аллэуар принял решение идти на юг. В лес клана полночной луны. Нужно было собрать совет расы. Там, он уж точно вволю выскажется по поводу того, что он думает о своем древнейшем. И еще, Аллэуар дал себе зарок, что уговорит совет собрать единое войско и отправиться на поиски человеческого существа, которое по мнению вурда и сотворило все, что он сейчас лицезреет. А потом? Потом вернется и самолично отправит поганого Иллара в изначальный Хаос.

***

Гимина созвала совет высшей аристократии. Всем присутствующим было поведано о ее ночном кошмаре. Но кошмаре ли? Божество Гивейна пришло к ней во сне и объявило свою волю. Царица обязана собрать всех воинов своего народа и отправиться в Аргос, где будет решена судьба всего сущего. Что бы царица не сочла свой сон простым кошмаром, он приложил к ее обнаженной груди свою длань. Ожег был страшным. Собственно именно после этого, она и очнулась. Применив магию, она уняла боль и тут же приказала собирать великий совет аристократии. После ее рассказа, все очень долго молчали. Потом было принято решение о объявлении великого похода. Были открыты все оружейные комнаты. Оружие раздавали всем, кто только хотел его получить. Через четыре дня приготовлений, из гивейнской пирамиды вышли практически все ее жители. В поход отправилось двадцать тысяч двуногих существ, включая рабов и подростков этого города государства. Путь войска был сопряжен с большими трудностями. Не хватало еды и питья. К тому же проходя по территории Кентавров и встречая человеческие поселения, царица приказала всех сгонять с

насиженных мест и гнать впереди своего движения. Всех тех, кто не подчинялся или же не пожелал выступать, просто убивали. С насиженных мест обитания были сняты даже степные кочевья. Когда гивенцы приблизились к устью Сириуса, их численность насчитывала уже пятьдесят тысяч человеческих особей. Царице еще ни когда не доводилось лицезреть такого скопища народу. Переправившись через великую голубую реку Аль-Азифа и потеряв при этом около двухсот человек, Гимина объявила о первом великом привале. Был разбит огромный лагерь. Вечером ей доложили что дозорные нашли человека, который заявляет, что он Абсолют этого мира.

— Он выглядел, как бродяга. Я приказал его скрутить. — виновато промямлил старший отряда, — Он переломал хребты троим моим воинам, после чего изъявил желание самолично проследовать в твой шатер.

— Кто сопровождал этого человека?

— Трое сидца моя повелительница.

— А херувим?

— Нет. Перворожденного с ними не было.

— Хорошо, веди его ко мне после того, как я подам тебе знак.

Гимина подошла к бронзовому диску и посмотревшись в свое отражение, поправила свою прическу. Кивнув головой, она дала понять, что бы слуги пропустили того, кто назвался самым почетным воинским титулом этого мира.

Ахеец изменился со времени их последней встречи. Его обнаженное тело покрывали многочисленные порезы. На некоторых местах виднелись следы от недавних ожогов. Он заметно похудел. Не мудрено, что дозорные сразу не признали того, о ком уже сложили несколько песен и легенд.

— Что случилось с тобой царь неведомого народа? — удивилась Гимина. Ее так удивил внешний вид бывшего любовника, что она забыла даже поприветствовать того, кто теперь был равен богам.

— Приветствую тебя великая царица. А что со мной. — он развел руки — Долгая история. Прикажи госпожа, что бы слуги, нагрели мне воды для омовения тела и если можно пусть твои кузнецы сегодня возьмутся за работу. Мне нужны новые доспехи.

— Это я вижу… Но где твой крылатый спутник?

— Готовиться стать избранным, впрочем, как и все остальные.

***

Мадгир собрал под императорский стяг всех кто только был способен держать в руках древко копья или метать небольшие

сидские дротики. Общая численность его войска составила неполных двадцать тысяч человек. В отличие от гивейнской царицы, в последнею битву император на отрез отказался брать подростков и женщин. Более того он оставил в Сиде небольшой гарнизон, который должен был поддерживать порядок. Пути богов неисповедимы. Кто знает, как все повернется!? А если, вдруг, Мадгиру удастся вернуться из боя живым, так как окажется, что кто-то чего-то там напутал, строить новый город императору не хотелось. Две ночи назад в Сиде вспыхнул бунт плебеев. Обезумевшие люди метались по ярусам предавая огню все, что только могло гореть. Императору пришлось отдать приказ своей гвардии, вырезать безумцев. В ту ночь захоронили почти тысячу человек. Это стало хорошим примером для остальной черни. Больше, никто не посмел нарушить закон. Мадгир велел открыть сокровищницы дворца. Несколько ночей над Сидом стоял дым, но уже не от поджогов, а от чадящих горнов местных кузнецов. Мастера изготавливали оружие. Вся гвардия пользовалась саблями сделанными из ребер подводных драконов. Плебеев вооружили прямоугольными деревянными щитами и длинными пиками. После двух недельной подготовки из Сида вышло единое войско. Войско численность которого заставляла императора с надеждой ожидать последней битвы.

***

— Мой император, Понтифик Аргоса стянул к своему городу все свои силы. В скальных клетках укрылись все, от мало до велика. Их качественное соотношение с теменном наших легионеров, позволяет предположить, что их численность не уступает нашим объединенным легионам.

ЭтаНэл задумчиво устремил свой взор в надвигающиеся сумерки надводного мира. Красное солнце медленно закатывалось за темнеющий горизонт. Кроваво красный цвет светила, как бы подчеркивал важность момента.

— АтхНор мудрый воин и не позволит опозорить наше семя ни перед Аргосом, ни перед теми, кто решит в дальнейшем выйти против наших легионов на прибрежный берег.

— Да повелитель. Ваши приказания. — мысли придворного были с оттенком страха.

Грядущего страшился теперь каждый из разумных. Только глупые надводные разумяне могут принять волю своих богов, как жертвенные животные. Нейриды же, обитатели подводной стихии. И это ко многому обязывает.

Император задумался. Он на всякий случай экранировал свой

разум, что бы ни кто не смог прочитать его мыслей.

'Да, по воле богов в живых должны остаться только трое разумных, все же остальное погибнут от небесного гнева Изначального. Единому надоело взирать с высоты своего трона на мерзких порождений живущих под открытым небом этого мира. То что жило в легендах — свершиться. Богами объявлен последний бой. И нейриды со своими легионами внесут в этот бой свою лепту. Но подводный народ не сухопутные твари. А значит им нет дела до мнения сухопутных богов. Три заката назад, морской Бог изрек волю Изначального, но он не упомянул о предопределенности своих чад, а значит нужно действовать, как того хочет он, а не его братья. Император решил.

— Передай гонцам мою волю. Всем четырем доменам отослать с китами своих легионеров в восточный домен и передать пиктов под контроль воинов АтхНора. Остальным, готовиться к великому путешествию. Мы отправляемся в воды Мрака.

— Но зачем мой повелитель? — удивился дворцовый распорядитель.

— Гнев богов упадет на земли этого мира. Первичная стихия огня, не пощадит даже воды внутреннего моря, а потому, мы переселяемся во мрак. Я не верю, что Изначальный, уничтожит весь этот мир. Мы найдем себе новую землю и вопреки воле сухопутных божков, продолжим свой род. — Император зашел в воду и отдал последний приказ. — Накормите коней. Еще до восхода солнца мы отправляемся к столпам мира. Да хранит нас всех Неарг.

Пир элементариев.

На небосводе вот уже третьи сутки, как пылало огненное око Изначального. Оно появилось на рассвете и с каждым днем становилось все больше и больше. До истечения срока оставалось три дня. Понтифик Аргоса отослал ко всем обличенных властью, своих послов и предложил в последний раз встретиться за единым столом, что бы на шумном пиру попрощаться с тем, что все называли Аль-Азифом.

Сам Аргос был удивительным местом. Огромное Аргоское плато, оканчивается треугольным карнизом, который словно щит воина, прикрывает собой лазурную лагуну. Альбиносы построили свой город из огромных бамбуковых стволов. Каждый из них был толще туловища херувима. Здания были свиты на манер гнезд. Каждое такое строение имело полукруглую форму. Из за жаркого

климата, они были не утепленные. Более того, аргосцы даже не возводили над своими домами кровли. Зачем спрашивается кровля строению, которое находиться под огромным естественным щитом каменного плато. Альбиносы жили словно птицы. Гнезд было тысячи. Между ними были перекинуты легкие бамбуковые мостики. Переплетение мостов арок и гнезд, создавали впечатление, нереальной легкости строений и в то же время за многотысячелетнюю историю этого города, ни кто не мог бы припомнить, хотя бы упоминания о том, что хоть один из этих воздушных домов, не смог перенести землетрясений или штормовых циклонов. Нижний ярус Аргоса возвышался над лагуной на целых пятьдесят метров. Проникнуть в него с верху, не представлялось ни какой возможности, из за крутого обрыва. Для того что бы попасть в него прямо с деревянных причалов, необходимо было дождаться огромных люлек приводящихся в движение при помощи многочисленных рабов. Люльки были разных размеров. Одни служили для поднятия грузов, другие — горожан и приезжих купцов. Все торговые и административные учреждения, были построены прямо на спокойных водах жемчужной лагуны. Аргоские мастера ухитрились вбить сваи на глубину до десяти метров и на них соорудить нечто вроде настила.

По преданиям, раньше плато Арсоса, было покрыто густым лесом. После вырубки древесины на хозяйственные нужды, оно собственно и стало тем безлюдным пустырем огромнейших размеров, чем сейчас и являлось.

Понтифик велел расчистить от навесов центральное место, что до недавнего времени являлось базаром. Деревянный настил, был покрыт коврами хунской работы, которые источали тонкий дразнящий аромат. Посреди устланного коврами пространства, был установлен огромный деревянный стол. Его высота была рассчитана на то, что такое существо, как Гетрана, могла бы с максимальным удобством принимать участие в пире, в то время, как остальные, восседали на больших табуретах. Если не считать Михруаба, все приглашенные восседали практически на одном уровне с кенской императрицей. Яства были разнообразны и что называется на любой вкус, даже если учесть, что такое существо как невр употреблял в пищу исключительно свежее мясо, а вурд кровь. Перед первым были поставлен чан с дымящемся от крови кровавыми кусками плоти. Возле второго, восседал человеческий раб, которому сегодня было уготовано судьбой стать вурдской пищей. На пир были приглашены правители всех рас за исключением Сургов и панов. Последние вообще решили проигнорировать волю своего бога. Они решили встретить конец

этого мира, под стопами восточного хребта. Паны не выставили на последнюю битву ни одного воина. Сургов не пригласили, по той простой причине, что у этой полу разумной расы, просто не было предводителя. Была основная самка, которая и порождала этих уродов, но она была таких размеров, что даже при всем своем желании, не смогла бы здесь поместиться.

На совете присутствовали: понтифик Аргоса — Атэй, царица Гивейна — Гимина, новый неврский вожак — Быстрый клык, император Сида — Мадгир, императрица Кентавров — Гетрана, представитель вурдов — Аллэуар, глава торговой гильдии хунов — Михруаб, представитель прайда с лучшим генным пуллом — Арест, князь восточного домена — АтхНор, старший Демон — Иштар, Конунг минотавров Парту, несколько племенных вождей человеческой расы — индов, степняков и людей из Извечных топей, старейшина гремлинов — Иххтар и конечно же Ахиллес.

Расположились гости согласно своим бывшим геополитическим пристрастиям. Ахиллес например по правую от себя сторону восседал с гивейнской владычицей, по левую от него находился Мадгир. Еще вчера при личной встречи, он передал Мию этому немолодому, но воинственно выглядящему старцу. Они оба не смогли удержать слез радости. Теперь Мадгир смотрел на ахейца как на родственника, и обещал выполнить любую из его просьб, в чем бы та не заключалась.

Прямо напротив голубоглазого воина, возлежал на большой лавке Арест. Рядом с ним находился Михруаб. Все остальные, благоразумно расположились от херувима на почтительном расстоянии. Сидеть рядом с существом, который принадлежал к расе победителей огнедышащих рептилий, ни кто не хотел. Все понимали, что во время пира могут возникнуть ссоры. И оказаться в это время рядом с клыкастой пастью крылатого льва, побаивались практически все правители Аль-Азифа. Херувим как только встретился со взглядом ахейца, мысленно предупредил, что бы тот держался от него на расстоянии. Здесь было чересчур много существ наделенных способностью читать чужие мысли и обмен любезностями между такими существами, как херувим и человек, могли быть восприняты, как заговор. Первые минуты пиршества, все присутствующие чинно набивали свои утробы тем, что считали для себя приемлемой пищею. За столом повисла гнетущая тишина. Ахиллес с удивлением взирал на всю честную компанию и невольно подивился своей судьбе.

'Ну кто еще скажи на милость хоть когда то, мог похвастаться своим участием в таком застолье?'

Однако по его мнению тихий час, начинал нервировать не только его. Налив в кубок немного гивейнмкой настойки, он

приподнялся и попросил внимания. На него посмотрели по разному. Кто с ненавистью во взгляде: например невр и Аллэуар. Кто-то с интересом АтнНор. Кто-то с теплотой — Мадгир и Арест. Михруаб, тот вообще смотрел на ахейца, как на воплотившегося в материю бога. Ведъ именно после возвращения к себе на родину, когда торговец поведал о своем личном знакомстве с самим Абсолютом, он стал самым удачливым торговцем своей расы

(Хуны возвеличивали тех соплеменников, которые не накапливали материальных благ, а кто своей торговой деятельностью привносил большую часть прибыли в общую казну их расы. Так что после подсчета чистой прибыли от реализации своих товаров и пожертвования в общую казну, исчислявшуюся в весовом метало эквиваленте, шустрого гоблина провозгласили лучшим торговцем всех времен.)

Владыки! — казалось, что в мире наступило полное безмолвие. Неслышны былы даже крики чаек. — Я чужой в этом мире. Но за неполных четыре месяца своего здесь пребывания, мне довелось познакомиться со многими интересными личностями. С некоторыми, мое знакомство завершилось пролитием крови. — Он посмотрел в сторону Бысрого клыка и Гетраны. — С некоторыми тесной дружбой — Он кинул взгляд в сторону Ареста, а потом покосился на хмуро сидевшего Аллэуара. — Но что бы нас всех не ждало через два заката, хочу, что бы вы все знали одно. Честь и доблесть понятия, которые идентичны в любых мирах. Поэтому я выпью за то, что сейчас присутствую среди существ, которым эти понятия ведомы.

После этих слов, за столом словно сняли неведомую преграду. Всем без исключения пришлись по душе слова голубоглазого человека. Владыки чьи расы употребляли горячительные напитки, стали с удовольствием наливать в свою посуду все чем только могло разжечь в них кровь. Более того, каждый из них, пытался угостить своих соседей. Даже Гетрана высыпала в медное блюдо своей сушенной травы и запалив травяной порошок, стала вдыхать дурманящий аромат наркотического зелья. После того, как ее взгляд заволокла пелена грез, она настояла на том, что бы к ней подсел лично херувим и на своем примере убедился, насколько хорош этот дурманящий дым. Тот осторожно повел носом перед медной тарелкой, чихнул и поблагодарив императрицу отошел на свое место. Когда вся честная компания была уже изрядно навеселе, оказалось, что даже такие существа как невр и вождь болотного народа, сумели найти общий язык. Каждые делился своими домыслами и

предположением на счет того, представители какой расы станут карающей дланью изначального. Некоторые из присутствующих стали философствовать.

Ахеец решил присоединиться именно к последней группе. Ее составили Гимина, АтхНор, Арест, Михруаб и Иштар. Ахилл с любопытством рассматривал демона. До сих пор он еще ни разу не встречался с представителями этой расы, хотя наслышан про них был изрядно. Иштар был, как и все демоны невысокого роста. Его перепончатые крылья выглядели словно человеческий плащ. Красивое нечеловеческое лицо, портили зубы гремлинов и глаза вурдов. Вспомнив, что эта раса питалась исключительно человеческой плотью, ахейцу сразу расхотелось сближаться с этим типом. Тем не менее именно демон более всех, размышлял по поводу грядущего.

Жалко мне все таки этот мир. Каким бы он ни был плохим с точки зрения Богов, он все таки стал родным домом для многих элемнентариев. —

Вы Иштар считаете, что в других отражениях Бытия все по другому? — удивилась Гимина.

Конечно царица. Наша раса, как и раса древних вурдов, пришла в этот мир извне. Мы гости Аль-Азифа. Хотя само название этого мира и означает Мир Демонов, мы не его дети. По нашим преданиям, в других гранях Бытия все по другому. Вот например, как я понимаю, в мире откуда родом Абсолют — демон выразительно уставился на ахейца — там доминируют люди. Других элемнтариев, как я понял у них нет.

Все посмотрели на ахейца. Тот кивнул и заявил, что толком ничего не помнит, но уверен что это так. Тем временем гивейнская царица задала вопрос, ответа на который интересовал всех без исключения.

Неужели боги уничтожат весь мир и не оставят ничего из того, что бы поведало тем, кто унаследует Аль-Азиф после нас, о нашем существовании. О том, как мы жили, к чему стремились и как встретили свой последний бой.

Так оно и будет царица. Та информационная составляющая, что останется после нас в астрале, никуда не денется. Астрал по сути это то, что люди называют Геей. Богиней земли. Наши души безусловно отойдут в лоно Бога, плоть истлеет превратившись в прах, но наши деяния, на всегда останутся запечатленными в энергетике этого мира. Раса или расы, которые унаследуют после нас эту плоскость, рано или поздно научаться подключать свое сознание с астралом. Именно в нем они смогут узнать о том, что предшествовало до их создания и о том что их рано или поздно ждет в грядущем.

Пир завершился поздней ночью. Когда к пристани причалило несколько триер, для того, что бы отвезти всех владык на берег, до рассвета оставалось всего несколько часов. От такой услуги отказались лишь Парту и АтхНор. Все простились если уж и не друзьями, то по крайней мере существами, которые теперь научились уважать мнение своих извечных врагов.

Тем временем огненое око Изначального, стало настолько огромным, что по своим размерам сравнилось с ликом владычице ночи. И тогда все поняли. Рано или поздно, его ужасный лик, коснется земли и не оставит ни каких шансов, ни одному из живущих здесь существ.

Когда на небосводе появились первые лучи солнечного диска, все гигантское плато было покрыто громадным скопищем воинственных существ. До начала последней битвы, оставалось всего лишь одни сутки. Битвы, исхода которой с любопытством ожидал весь божественный пантеон этого странного мира.

АРМАГЕДОН.

Ахиллес был облачен в новые доспехи, изготовленными для него лучшими гивейнскими кузнецами. Они в точности копировали вооружение, с которым ему довелось начать в этом мире, свой боевой путь. Даже форма и размеры щита были идентичными.

Для того, что бы обьеденить все людские ресурсы, ахейцу пришлось почти целый день объяснять тактику, и необходимость фалангового построения единого войска, при котором у человеческой расы, был шанс показать свою доблесть. Ахилл конечно осознавал, что выиграть эту битву не удастся. Что бы уметь воевать в строю, для этого одного желания мало. Для этого, необходимы годы тренировок. Но покрасней мере пешие воины всех рас, не стали бы легкой добычей нелюдей. Мадгир согласился сразу. Темнокожую царицу пришлось убеждать намного дольше. Гимина продержалась до рассвета. С первыми лучами солнца, она уступила напору голубоглазого воина и наконец передала все командование своей армией в руки ахейца. Степнякам и остальным воинским формированиям вообще было все равно под каким командованием встретить неизбежное.

То, как решил ахеец расположить огромное пешее войско, насчитывающее теперь сорок тысяч полноценных воинов и около двадцати тысяч вспомогательных отрядов и подразделений, поразило не только людских владык, но и как выяснилось в дальнейшем, всех их противников. Фалангу состоявшею из

чернокожих гивейнцев и плебеев Сида, он установил в центре. Причем в первых шеренгах его тяжелой пехоты он поставил именно сидцев. Их длина пик и размеры деревянных щитов, по мнению ахейца должны стать внушительной силой об которую разбились бы натиск даже таких существ, как Сурги. Гивейнцы были поставлены в задние шеренги. По его мнению они превосходили желтокожий воинов в физической силе и должны были своей массой напирать на впереди стоящие ряды, создавая тем самым искусственное давление. Фаланга насчитывала тридцать тысяч человек и была разбита на пять равных прямоугольника. Перед тяжелой пехотой, ахеец разместил многосичленых лучников из Извечных топей и гивейнских метателей дротиков. Эти воины должны были первыми начать битву. После того, как они прольют первую кровь врага, пельтасы должны были просочиться через разрывы фаланги и сгруппироваться позади ее строя, после чего боевое построение, должно было слиться в еденный строй. По мере того, как будут таять первые шеренги тяжелой пехоты и между наседающими врагами и ними окажется допустимое расстояние для стрельбы из луков и метания дротиков, эти подразделения, должны устроить над головами наседающего противника, настоящий смертельный дождь из стрел и дротиков. На левом фланге обьединеного войска, располагались степняки и инды. Более того именно там Ахеец распределил всех людских шаманов и колдунов. По правую от фаланги сторону, находились сидские наездники и сам Ахиллес с тремя тысячами лучших гивейнских 'мечника', вооруженных своими продолговатыми черными щитами и медными боевыми серпами.

Нелюди Аль-Азифа были разьеденены на отдельные войска. По центру располагались десять тысяч сургов. Против правого фланга человеческого войска выстроился знаменитый кентаврский клин и неврская стая. Кенов было приблизительно восемь тысяч. Невров небольшие двух тысяч. На левом фланге против степняков расположились низкорослые гоблины, со своими боевыми големами. Големов было не так уж и много. Не больше тысячи, зато численность хунских пращников просто не поддавалось подсчету. Херувимы в количестве ста двадцати особей, расположились в стороне от всего этого огромного скопища двуногой живности. Их старший самец решил первоначально уничтожить вурдскую сотню, что хмуро косились с расстояния в пятниста шагов на двухтысячную толпу крылатых торитов.

Альбиносы не выставили на плато ни одного своего война. У

них был свой враг. Пикты и минотавры. Хотя именно последние, были если можно так сказать, невольными союзниками красноглазых людей. Их немногочисленное каре в шестьсот воев, расположилось прямо посреди деревянного настила великого аргоского базара. Все постройки были бесжалосно преданы тяжелым минским секирам и сейчас плавали на поверхности лазурной лагуны, ставшей темной от тел земноводных легионеров.

Все ждали сигнала. Каждому оракулу своего народа Боги объявили, что битву придется начать по сигналу Изначального.

С начала в воздухе появилось знамение. С неба стали падать маленькие звезды. Их приземление сопровождалось красивым огненным хвостом и громким свистом. Чем больше падало звезд, тем сильнее становился свист переходящий в монотонный гул. Все без исключения элементарии уставились в располосованное огненными трассами небо.

Огненное небесное око, теперь находился так близко, что казалось протяни руку и ты прикаснешся к его телу. И тут звездопад прекратился и землю окутала зловещая тишина.

***

Первыми в атаку ринулись Сурги. Эти двухметровые твари, издали такой рев, что казалось само небо обрушилось на грешную землю. Если бы не глубокий строй фаланги, желтокожие пикинеры Сида, пожалуй бы тут же пустились кто куда горазд. Но так, как деваться было решительно некуда, фаланга ощетинилась пиками и со страхом в глазах стала ожидать первого столкновения. Когда несущуюся толпу сургов и лучников Извечных топей, разделяло всего сто пятьдесят шагов, в небо, взвились первые стрелы. Затем настал черед дротиков. Первые две шеренги беснующихся тварей, были сражены на повал. Они повалились на каменистую почву плато, внеся в общую массу своей стаи сумятицу. Задние спотыкались о тела своих впереди падших сородичей. Образовалась кратковременная свалка. Она и позволила легко вооруженным пелтасам, ускользнуть от устрашающих челюстей и лап полуразумных ящериц. Но уйти из под удара удалось естественно не всем. Когда схлестнулись первые ряды человеческой фаланги и толпы сургов, по всему плато, прокатился еденный раскат боли, ненависти и страха. Людям еще повезло, что их численность намного превышало численность сургов, иначе бы при равных условиях, их не спасли

бы даже длинные пики и большие прямоугольные щиты. Сурги не даром считались полуразумной расой. Каждая особь в отдельности, представляла очень молниеносного и изворотливого противника однако в огромной толпе, эти твари превращались в стадо хищных животных, которые могли перегрызть глотку не только своему противнику, но и своим же соплеменникам.

Первые две шеренги были нанизаны на сидские пики словно мотыльки на булавку. Но сурги были живучи. Пронзенные ящеры, не смотря на боль даже будучи пронзенными насквозь, все равно пытались подобраться к первому ряду фаланги. И за считанные мгновения им это удалось. Уже умирая, каждый из них производил по два три удара своих лап, разрывая в клочья как деревянные щиты, так и человеческие тела. Так один за другим, фаланга стала терять своих бойцов. Но первый удар, она все же выдержала.

Гремлены с шумным гиканьем устремили бег своих длинноногих птиц в сторону степняков. Те в свою очередь, пришпорив своих огромных шакалов, так же стали стремительно приближаться навстречу своему противнику. Первыми понесли потери люди. Невысокие гремлины еще до сближения выпустили на полном ходу, целую тучу своих небольших заточенных бамбуковых дротика. При первом залпе, погибло не меньше пятидесяти степняков. Когда обе массы столкнулись, положение кардинально изменилось. Огромные шакалы туже принялись рвать в клочья длинношеих страусов. При этом их седоки, явно не отставали от своих клыкастых коней. Своими длинными медными палашами, они родили направо и на лево. Гремленский воевода, видя к чему может привести долгое противостояния его всадников с столь грозным противником, приказал трубить в рог, обозначая ложное отступление. Нелюди тут же развернули своих птиц и понеслись в сторону откуда и начинали свою атаку. Обладая колоссальной скоростью, страусы легко оторвались от медлительных шакалов. Отступая, каждый из гремлинов выпустил в преследователей не меньше одного дротика. Десятки степняков со своими зубастыми тварями, тут же повалились наземь, утыканные небольшими дротиками.

В это время стали сближаться гоблины и индские войска. Когда между хунами и коричневыми людьми оставалось не больше ста шагов в небо взвились тысячи небольших каменных снаряда. Пращники били не целясь. В такую объемную цель, захочешь не промажешь. Отполированные снаряды покосили при первом же залпе почти половину индов, которые вышли на

последний бой, без щитов. Когда к остальному войску, ощетинившейся бамбуковыми срезнями, подошли боевые гоблинские големы, воевать особо было не с кем.

Двухметровые создания, выращенные только для войны были вооружены огромными дубинами. Если первая шеренга големов и понесла кое какие потери, то последующие ворвались в толпу индов, как коршун в стаю болотных уток. Дубины мерно и как бы не хотя, вновь и вновь опускались на головы речного народа. Всюду стоял стоны и предсмертные крики изувеченных созданий. Остатки индов спасли маги и шаманы стоящие за их спинами. Общими усилиями они произвели на свет объемную иллюзию. Оно походила на недавно прошедший огненный дождь. Големам показалось, что на их головы стали сыпаться раскаленные камни. Они тут же забыв об истреблении своих противников присели и прикрывая свои головы огромными лапищами, жалобно завыли. Пока длиннорукие гиганты разбирались что по чем, в их тыл ворвались степняки, которые не догнав своих противников, решили подержать своих изрядно потрепанных союзников. В конечном итоге, все перемешалось в одну сплошную толпу, где уже не разберешься где север, а где юг, откуда ты пришел и в какую сторону стремился.

Надо отдать должное человеческим магам и шаманам. Они хоть и не влезли в эту грандиозную свалку, но зато обогнув поле битвы с левой стороны, стали своей магией отгонять от места схватки пришедших в себя гремлинов.

Вурды первым делом приступили поливать стрелами своих низкорослых крылатых противников. Большинство из стрел не достигли своих целей, так как демоны передвигались по воздуху с исключительной скоростью. Буквально через несколько мгновений они оказались над головами длинноухих вурдов и в дело вступили торритские кистени. Вурды схватились за свои длинные анки. Несмотря на то, что демоны были в воздухе и к тому же преобладали численным превосходством, соотношение сил было равным по той простой причине, что реакция кровососов ни чем не уступала природной изворотливости торритов. К тому же, за дело в серьез взялись защитницы двух кланов и около десяток кандидатов на эту должность. Небо над вурдскими головами, тут же заметно проредилось. Высоко подпрыгивая, защитницы кромсали кхэшами все окружающее пространство. Неизвестно, как бы все повернулось, если бы в эту быстро перемещающуюся толпу, не вклинились тяжелые тела херувимов.

Первым делом они стали разрывать на части тела кровососов. В этом единоборстве сильнее всего досталось именно самцам. Самки херувимов были намного легче, а по тому им пришлось биться с торритами. Быстроногими же вурдам судьба уготовила честь закончить свой жизненный цикл, в противоборстве именно с крылатыми самцам перворожденных.

Когда между кентаврами и сидскими наездниками оставалось двести шагов, кенские лучники выпустили на свободу свои первые стрелы. Их роговые луки били может и не так далеко как вурдские, зато их убойная сила, была поистине ужасна. Несмотря на то, что все сидские наездники были облачены в некое подобие костяных доспехов, толстые стрелы кенов пронзили насквозь не только всадников, но и их ездовых ящеров. Потом настал черед уже дротикам желтокожих людей пожинать свою кровавую жатву. Когда кенский клин схлестнулся с ровными рядами сидских наездников, завертелась такая круговерть, что понять кто есть кто не было ни какой возможности. В рукопашной по не многу стали одолевать все таки люди. Помимо того, что все наездники были вооружены продолговатыми копьями, и могли поражать, как туловища, так и крупы кенов с безопасного расстояния, в дальнейшей кровавой рубке, немаловажную роль сыграли сами тулы. Они не уступали своим всадникам ни в кровожадности ни в искусстве ближнего боя.

Во все стороны летели фрагменты тел.
Кровь всех цветов, лилась нескончаемой рекой.

Три тысячи под предводительством ахейца, сближались с племенем Волкогоновых. Фаланга шла упругим строевым шагом. Она не была отягощена длинными копьями. По тому, закаленным в многочисленных боях темнокожим ветеранам, не составляло труда держать свой строй. Невры, как известно не знали никакого построения. Они перли не организованной толпой и при этом выли так, что у людей закладывало уши. Ни те, ни другие противники, не имели застрельщиков, и по тому безбоязненно сближались. Когда оба войска столкнулись, воздух наполнился первыми предсмертными криками и завываниями. Да, в индивидуальном бою, каждый из невров был на три головы лучше любого человека, но когда дело доходит до кучности массового сражения, это качество уже даже не вторично. В масштабной битве, где на одном месте сошлась хотя бы одна тысяча существ, индивидуальное мастерство уступает место умению держать строй, силе и выносливости, а также способности фаланги,

быстро перестроить свое построение и лишь за тем идет индивидуальное мастерство каждого из воинов. Не имея оперативного пространства, неврам было очень сложно причинить серьезный урон гивейнскому строю.

Боевые серпы темнокожих сами по себе предназначены для рубящих ударов. Фехтовать таким оружием было не удобно, так как оно в принципе для этого и не предназначено. Прикрывая туловище продолговатыми черными щитами, темнокожие, размерено вырубали ряд за рядом, сея среди Волкогоновых растерянность и ужас. Шаг за шагом еденный строй стал теснить неврскую толпу и уже через пол часа после столкновения их армий, стало понятно, неврам в этой резне не выжить.

Как только прекратился вой огненного дождя, мины увидели, как вспенилась лазурная поверхность бухты и из глубины стали появляться на поверхность легионеры нейрид. Своими мощными задними конечностями, пикты в считанные мгновения преодолевали расстояние в десять метров и с фырканьем выскакивали на деревянный настил великого Аргоского базара. Их было не счесть. По мере их появления, мины все теснее сплачивали свое каре в ожидании приказа своего Конунга. Когда количество пиктов стало превышать количество рогатых воев, Конунг наконец отдал приказ о наступлении. Пикты лезли со всех сторон и Конунг выбрал тактику круговой обороны. Действительно, каким бы ни был устрашающим монолит атакующего каре, сейчас силе рогатых, было противопоставлена численность безумных земноводных, количество которых вполне хватило бы на то, что бы просто столкнут каре в лазурные воды лагуны. В среду, где ни у кого из них не будет ни малейшего шанса противостоять этим клыкастым тварям.

И тут началось.

Первые ряды пучеглазых уродов взмыли в воздух и в печатались в поднятые над рогами огромные деревянные щиты. В туже секунду заработали тяжелые минские секиры. Вжжик….и сразу два, три тела валяться под бочкообразные ноги минотавров с разчлененными конечностями. Угг — Угг….вырывалось из глоток легионеров при каждом нанесенном ими ударе. Когти голубого впивались в древесину щита обитую бронзовыми пластинами и тут же на землю падала очередная отсеченная лапа.

Вжик…вжик.

Угг-Угг. — раздавалось над местом поединка силы и количества. Мужества и тупого пренебрежения к смерти.

В скором временем, от пролитой голубоватой крови пиктов,

под ногами минов стало скользко, как на вершинах внешних хребтов. Конунгу пришлось отдать приказание о наступлении. Парту понимал, на таком катке, долго не устоять. Стоит только хоть раз провалить глубину построения и среди минов начнется паника. Получив приказ о наступлении, каре пришло в движение. Для того, что бы пройти каких-то десять метров, каре потребовалось целый час. С верху, с права, с слева — отовсюду падали, ползли, рвались к ним богомерзкие создания с единственной целью. Ценой своей жизни, хоть как-то навредить своему противнику.

АтхНор пребывал со своими воинами на средней глубине перед входом в аргоскую лагуну. Он только что отдал мысленный приказ всем родовым воинам, сосредоточиться и соеденить свои сознания.

Для того, чтобы управлять столь огромными легионами, двадцати нейрид, явно не хватало. Поблизости теперь не было даже женских особей, которые издавна отличались от своих мужчин тем, что легко управлялись в одиночку там где их самцам приходилось объединять сознания сразу трех сущностей. Все они по приказу императора еще пол месяца назад были отосланы с китами восточного домена к стопам этого мира. АтхНор знал суть данного приказа и был солидарен с решением императора. Если есть возможность сохранить их вид, то почему бы не попытаться этим воспользоваться. А его участь, это судьба героя. Князь всю жизнь стремился своими деяниями воссоздать ореол бойца, о деяниях которого будут слагать множество легенд и преданий. Что ж, он добился того, к чему стремился всю свою жизнь.

Приказание было выполнено и огромные массы пиктов приступили к штурму надводного деревянного строения. Бой с минотаврами начался, теперь нужно было подготовить все необходимое для атаки на Аргос.

'В перед войны восточного домена'

Два нейрида остались следить за сознанием атакующих пиктов, десять, во главе с князем, припустили своих коней в сторону самого Аргоса. У каждого из воинов, при себе были лишь по два коротких дротика. Подплыв прямо под нависающие гнезда аргоских строений, все воины вытащили из ила по одной длинной остроге. К ее толстому древку толщиной с человеческую руку, к заднему концу, было приспособлено кольцо. Через него проходил канат, сплетенный из волокон морских водорослей Кну, что произрастали в глубинных водах Мрака. Конец каната прикреплялся прямо к выступам скалы. На острие острог

находился наконечник длиною в два локтя. Они были с зазубренными краями и изготовлялись из шейных позвонков морских драконов. Таких острог было около пятисот штук. Их заблаговременно подготовили еще за три дня до начала битвы. Каждый воин выдернул по одной остроге и по приказу Князя, все ринулись к поверхности воды. При максимальном разгоне, морские кони могли выпрыгивать на пяти метровую высоту от поверхности. Здесь, среди кишащих вод легионеров и не слишком глубоких вод, никто из коней не смог бы набрать достаточной скорости, но этого в принципе и не надо было делать. Вырвавшись из объятий лазурных вод на два метра, морские кони, как бы зависали в мертвой точке полета, после чего их всадник со всей силы бросал свою острогу. Отметив свой полет росчерком молнии, толстые древка с шумом проломили перегородки самых низких гнезд. После броска, всадник с плеском уходил под воду за новой острогой и все повторялось с начала. Как только бамбуковый пол аргоских строений, стал утыкан несколькими десятками острог соединявших при помощи толстых канатов морскую гладь и древний человеческий город, по ним начали карабкаться два легиона пиктов. Они были очень проворными и покрывали пятьдесят метровую высоту за каких то две минуты.

Аргосцы ничего не могли поделать с таким положением дел. Пока одни пытались каменными молотами выбить наконечник острог, другим приходилось скидывать с верху упорно ползущих пучеглазых тварей. А тем временем все больше и больше острог впивалось в новые гнезда. Теперь бой шел на всем нижнем ярусе. Защитники Аргоса, что располагались на верхних ярусах, как могли помогали своим сородичам. Они метали дротики, стреляли из лука, но ни что не могло остановить нескончаемый поток зубастых легионеров. От убитых тел пиктов, вскоре вся поверхность лагуны стала запруженной. С верху создавалось такое впечатление, что под ногами вода лазурной лагуны по мановению волшебного посоха мага, вдруг превратилась в жутко зловонное и вязкое болото. Тела пиктов имели странную особенность. После смерти они не шли на дно, а качались на волнах будто их пятидесяти килограммовое тело весило как гаранский пух. Через пол часа непрекращающейся битвы, весь первый ярус был под властью легионеров. Альбиносы мгновенно сообразили, что для предотвращения полного истребления их может спасти сейчас только крайний шаг. И они его совершили. Все мосты и другие ажурные переходы были в один миг преданны огню. Жители со страхом взирали на то, как пылал весь нижний

ярус. Ведь теперь даже при желании, спуститься на воду смог ли бы лишь единицы. И то только те, кто бы отважился прыгнуть в низ головой с пятидесятиметровой высоты. Огонь с большой охотой пожирал все до чего только мог дотянуться. Бамбук, утварь, пиктов, растерзанных аргосцев. Все то, что через еще пол часа, обрушилось черными головешками в некогда лучезарные воды жемчужной лагуны.

***

Все начало боя Михруаб провел в центре своего войска. Големами командовать не надо. Их дело убивать того, на кого показывает им старший брат. Старшим был Михруаб и цель своим двухметровым воинам он уже указал. Пока все чистые хуны осыпали никчемных коричневых людишек своими каменными снарядами, големы или младшие братья, рвали их тела в клочья. Прошло почти три часа боя и вот когда казалось бы все уже предрешено и оставалось только выбрать нового врага, в толпу гоблинов ворвались остатки степняков. Их огромные степные волки, от обилия крови и мяса, были настолько невменяемы, что кидались даже на своих же сородичей. Но когда они оказались среди свежего двигающегося мяса, у них словно выветрились последние крохи мозгов. Шакалы принялись уничтожать ради забавы, опьяненные своей силой, кровью и качеством свежей плоти.

Огромные клыки прервали жизнь Михруаба, как раз в тот момент, когда невысокий гоблин, понял одну вещь. Жизнь он прожил не зря и много в ней добился, но воевать нужно было все таки на стороне людей.

Мия, весь бой пыталась держаться по правую от отца сторону. Ее тул, плохо слушался команд и вместо того, что бы разрывать на части тела кентавров, то и дело норовил откусить своей же наезднице правую ногу. Мадгир бился как бешенный. В горячке боя, он позабыл о всем на свете. О дочери, о стратегии. Обо всем! Ему хотелось только одного — убивать! Не стать лучшим, а просто убивать тех, кто всегда являлся врагом людского рода. Тех, перед кем он до сих пор часто преклонял если и не колени, то по крайней мере голову. Теперь же он ликовал. Настал день, когда ты лично можешь поквитаться с теми, кто всегда унижал честь твоих предков.

На Мию наседал один из представителей белой аллы. Это был самец, но по видимому не обремененный боевым опытом. Его

боевая палица снова вспорола воздух, не зацепив ни Тула ни его всадницу. Мия, что было силы рубанула наискось с левой позиции. Попала в поясницу. Не успев развернуться, кен погиб пронзенный чьей-то длиной пикой.

Урррарррр — издал предсмертный крик ее Тулл и повалился наземь обрызгав мозговой массой свою бывшую хозяйку. Принцесса едва успела высвободить ноги и стремян. Но приземлилась она все-таки не удачно. Но это ее и спасло. Огромная дубина с бронзовыми шимами лишь слегка чиркнула по ее копне волос. Здоровенный клок, остался на шипах палицы, зато голова осталось целой. Извернувшись, Мия полоснула своей саблей по копытам ближайшего Кена, и начисто срезав тому передние конечности, заставила того повалиться в противно хлопающею кровавую субстанцию. Встав на ноги, она снова едва успела уклониться от брошенного в ее сторону дротика. Из-за спины послышалось сиплое дыхание. Мия развернула и автоматически полоснула воздух саблей. Обезглавленный тулл без своего седока сбил черного кена и вместе с ним повалился на громоздящиеся кучу трупов. Затем она услышала победный рев. Голову ее отца, с пронзенной в глазнице стрелой, гордо подымала кенская императрица. Сущность принцессы парализовало всепоглощающая жажда мести. Забыв, где она находиться и кто вокруг нее, она сломя голову бросилась к Гетране.

Перед тем, как солнечный свет померк в ее взоре, она полоснула саблей по тонкой лоснящейся черной кожей. Она запомнила, как от туловища императрицы отлетела правая грудь и часть кисти, и как из ее открытого рта, вырвался предсмертный крик, после чего, наружу вылезло древко сидского дротика.

Под острыми лезвиями гивейнских боевых серпов, водопадом стрел и дротиков сурги погибали десяток за десятком. Они давно уничтожили сидскую половину фаланги, но когда дело дошло до сзади стоящих чернокожих воинов их продвижение остановилось. Их когти с трудом пробивали древесные щиты Маол. К тому же после четырех часов непрекращающейся битвы, силы стали покидать не только людей. Устали и полуразумные ящеры. Их численность таяла с каждой секундой и немаловажную роль в этом сослужили сзади стоящие лучники и метатели дротиков. Правда, когда перед изрядно поредевшей фалангой оставалось всего каких-то полторы сотни, в тыл прорвались гремлены. За считанные минуты они вырезали всех легковооруженных воинов. Не щадя понятно ни детей ни женщин. Когда с ними было покончено, гремлены ударили в тыл фаланги. По рядам еще все-таки большого гивенского построения, прошла сумятица и вот

уже через несколько минут, единый организм военного построения, распался на глазах. Теперь уже вырезали не люди, а людей.

Понтифик Аргоса пребывал в эйфории. Он был опьянен боем. Сам конечно он в боевых действиях не участвовал. Его главное гнездо покоилось на самой высокой точке отвесной скалы. Оно было настолько огромным, что в нем пожалуй смогли бы расположиться до пятисот человек. Атэй трижды имел шанс перевалиться за высокий борт гнезда. Его спасли телохранители. Несмотря на тучность и отдышку, правитель Аргоса с высоты своего гнезда управлял ходом битвы. Его голос подчас перекрикивал могучий гул сражения. Именно Атэй приказал сжечь первый ярус. Теперь воины и все кто имеет в руках силу держать боевой багор, метать дротики и копья и стрелять из лука, перемещались на предпоследний ярус, остальное население перебиралось на два яруса выше где раньше располагались зажиточные аргоские гнезда и проживала высшая аристократия. Гнезд было на треть меньше чем на предпоследнем торговом ярусе, зато они были намного более вместительными. Все население Аргоса с замиранием в сердцах стало ожидать, что же предпримут нейриды и их легионеры. То что их не оставят в покое, на этот счет, ни у кого не возникало ложных иллюзий.

АтхНор был в бешенстве. Да и как ему было быть спокойным, когда штурм Аргоса провалился. Вся лагуна была покрыта трупами легионеров. В скором времени стоило ждать появления акул и других падальщиков. А это опять проблемы. К тому же проклятые мины, ну ни как не хотели подохнуть и не смотря на то, что их осталось всего восемьдесят особей, они уже положили по меньшей мере треть его армии. Нужно было срочно искать выход из создавшегося положения. Уже прошло пол дня с начала битвы. Через несколько часов на землю опуститься огненное око и своим яростным светом, превратит все живое в пепел, а воды внутреннего моря станут настолько горячими, что все живое всплывет верх пузом и приобретет красный оттенок. Так по крайней мере гласило пророчество. На время, через своих воинов он, приказал передать пиктам приказ, опуститься на дно лагуны. Сквозь кровавую воду, князь наблюдал за приготовлениями альбиносов и старался придумать, как бы покончить побыстрее, как с минами, так и с красноглазыми людьми.

'Вот если бы у меня было столько же мощи, как у этого огненного глаза изначального, что с каждым мгновением становиться все больше и больше. Подожди ка. Огненный глаз

сожжет все вокруг! А что если и мне сделать то же самое, как с аргоскими постройками, так и с базарным настилом. Если последний, может и будет гореть с не охотой, то вот просохший на солнце бамбук, вспыхнет от одного только уголька. А если их будут десятки!'

ЭриНор ко мне. — послал он сигнал в ультразвуковом диапазоне.

Тут же появился нужный воин, восседавший на своем морском коне, озверевшим от крови и плавающей плоти.

Слушай мой приказ. Мы сейчас проделаем ту же самую операцию, что и до сих пор, но на этот раз наши остроги должны впиваться рядом с выступами скал, где опали красные зерна и пурпурные цветы растущие на останках аргоских строений. Пока большинство будут выполнять этот приказ, я и еще два война внушат пиктам дальнейшие действия.

Парту истекал собственной кровью. С каждым мгновением его огромная секира становилась все тяжелее. Он умирал с чувством выполненного долга. Еще ни одному конунгу Минов не посчастливилось участвовать в такой великой битве. Его армии удалось вырезать почти пять тысяч пиктов. Сейчас минов осталось не больше восьмидесяти особей. Все без исключения минотавры, остались без своих щитов. Большинство, потеряло их в гуще боя и теперь, рвали на части наседающих легионеров, своими голыми руками.

Один из пиктов больно полоснул своими когтями по правой ноге. Парту упал на правое колено и не силах больше поднять свое тяжелое оружие боднул ненавистную рожу своей головой. Позолоченные рога пронзили глазницу и череп пучеглазого пикта. В левый бок впились острые зубы еще одного легионера.

' Все это конец' — подумал конунг и вдруг боль ослабела. Кто то из близ стоящих воина, ударом своего кулака, разнес череп земноводной твари на несколько кусков.

' Надо же! У некоторых осталось даже сила в руках'

И тут, непрекращающаяся атака, продолжавшаяся почти пять часов, замерла. Легионеры больше не вылазили из кровавых вод лагуны, а пикты, кто еще оставался на деревянном помосте, попрыгали в кровавую соленную воду.

Мой господин, что происходит? — спросил конунга один из близ стоящих воина.

Парту с трудом поднялся на ноги и осмотрел место боя. По всюду грудами кровоточащих тел, лежали тысячи легионеров. Тел минотавров не было видно. Все кто погибал, становился пищей этих бестий.

Наверное, их хозяева готовят какую-то хитрость. — Парту шатаясь и спотыкаясь об тела поверженных легионеров, подошел к кромке деревянного настила. Все водное пространство было так же запружено тысячами тел. Казалось, что по ним, можно было смело пройтись от одного берега лагуны до другого.

Господин смотрите, что делают нейриды.

Конунг оглянулся и увидел, что один из его воинов тычет в сторону Аргоса. Около семи подводных повелителя, выпрыгивали на своих конях из расчищенной от трупов водной глади и метали свои остроги в выступы, где догорал первый ярус Аргоса. Те белыми тенями, прочертили свой стремительный полет и с глухим стуком впивались в плоть серых скал. Как заметил Парту, они впивались намного ниже места где раньше располагался первый ярус аргоских гнезд.

'Почему они метят так низко. Ведь до второго яруса остается не меньше десяти метров. Мало того, что легионеры в такой позиции были легкой добычей для аргоских стрелков, так еще ведь все выступы были охвачены огнем, который пожирал остатки бамбуковых строений.'

В скором времени, Парту стала ясен замысел подводного князя и он подивился мощи магии нейрид, что заставила пиктов подчиниться помимо своей воли, исполнить этот невыполнимый по своей сути приказ.

Легионеры ловко карабкались по натянутым тросам. Большинство было убито еще в воздухе, но тем немногим кому довелось добраться до скальных уступов, совершили с точки зрения водных существ, невероятный поступок. Они брали прямо в лапы огеные угли или горящие бамбуковые лучины и что было силы швыряли из на второй ярус Аргоских построек. С десяток метко брошенных головней, сделали свое черное дело. Нижний ярус вспыхнул, как будто только этого и ждал все эти тысячелетия. Бамбуковые стволы были полыми и потому из-за отличной вентиляции и доступа к чистому кислороду, вспыхивали в мгновении ока. В скором временем огонь стал распространяться и на последующие ярусы. Альбиносы конечно, как могли боролись с первозданной стихией, но поделать, так ни чего и не смогли. Обезумевшие люди в панике бросались в мутные воды лагуны и там становились легкой добычей прожорливых легионеров. За считанные минуты, город был сожжен вместе с людьми и их утварью, домашними животными и всеми огромными богатствами, что издревле копилось в этих стенах.

Огромными огненными кусками, Аргос провалился на воды

некогда прекрасной жемчужной лагуны.

Господин смотрите в сторону вод моря.

Парту посмотрел куда ему посоветовали и радостно встрепенулся. Весь вход в открытое море, был отмечен передвижением огромных плавников. Это были безжалостные касатки. Хищные киты, которым не было равных в открытом море. Они пришли для того, что бы поучаствовать в самом грандиозном пиршестве, которое когда либо выпадало на их долю. Парту знал, если касатки охотятся в верхних водах, то постоянно следующие за их миграцией морские драконы, орудуют сейчас на дне лагуны и мелководье. Что ж, это хорошо. Очень хорошо для минов. И тут среди малочисленной группы минов, послышались вопли ужаса. Северная часть настила была обьята пламенем. Проклятые нейриды подобрали с волн падающие останки горящего бамбука и с безопасного расстояния забросали то, что раньше называлось морским базаром Аргоса.

АтхНор видел, как быстро занялось пламя на деревянном строении красноглазых людей. Как беспомощно метались минские воины в попытке унять страшную красную стихию. Как затем их малочисленное каре бросилось в воду и там нашло свою погибель в острозубых пастях его земноводных легионеров.

Неожиданно князь получил сигнал тревоги посланный ему, его же собственным конем. Стэй учуял грозящую опасность. АтхНор стал разворачивать своего скакуна в сторону возможного появления противника и тут же увидел, что на него надвигается огромная пасть. Пасть усеянная огромными треугольными зубами, которые с легкостью расчленяли даже древесные борта минских кораблей. Пасть, которая теперь стала для него его последним воспоминанием.

Все тело Арест, а было покрыто многочисленными порезами, полученных им от тонкотелых лезвий анков. Он метался по полю, словно в него вселился сам бог войны. С правого бока торчало две длинных стрелы. Херувим физически ощущал, как неотвратимо иссякала жизненная сила из его обескровленного тела, а потому, пытался разорвать в клочья, как можно больше противников. Наконец перед ним остался стоять одинокий вурд. Он обладал сухопарым телом и как и все кровососы, был наделен потрясающей реакцией. Остатки херувимов вместе с другими воинами всех рас, сейчас были смешаны в одну огромную толпу.

Толпу, в которой каждый убивал каждого. Окинув взглядом своего последнего противника, херувим атаковал. На его глазах, тело вурда, вдруг странным образом трансформировалось, и теперь перед ним возвышался неведомый монстр. Монстр от сущности которого изводили первозданные эманации смерти и ужаса. Арест понял, в силовом противоборстве, ему не выстоять и тут же сменил направление прыжка. Приземлился он от странного вурда, в нескольких метрах. Когтистая лапа древнего полоснула воздух. Аресту удалось извернуться и избежать соприкосновения этих длинных когтей со своей шкурой. Лапа по инерции ударила в нагромождение мертвых тел, которые ту же осыпались кучей пепла.

'Да это же сам древний! Вот значит каково твое истинное обличье, вурдалак.!'

Что ж, сегодня день, когда в мире чествуется смерть, а не победа. И умереть в противоборстве с таким легендарным противником!?? Это ли не самый достойный удел?

Херувим отсек свое сознание от происходящего вокруг и тут же почувствовал, как между его золотистых глазниц, образуется невидимый обыкновенному зрению, бесцветный шар.

По видимому вурд узрел опасность и решил, что в магическом поединке участвовать сейчас не имеет смысла. Как бы там ни было, Иллауар бросился на херувима с широко расставленными в сторону руками.

Арест представил, как сформировавшийся шар устремляется на его противника и с силой отбрасывает того в сторону. Херувим даже закрыл глаза для лучшего сосредоточения. Когда он открыл правый глаз, то увидел, что двухметрового монстра отбросило на добрых три метра. Падая он прожег своей спиной тела ранее поверженных существ и произвел на свет устрашающий рев. Медлить было нельзя. Арест ощутил, что сил осталось на еще один трюк. Не больше. И он пошел в атаку. Пока монстр поднимался на свои лапы, херувим воспроизвел самую простую иллюзию. Он послал своего вообразимого двойника на встречу древнему, а сам тем временем, стал скачками передвигаться в правую сторону, заходя истинному вурду в тыл. Его маневр удался. Озверевшее чудовище восприняло иллюзию, как реальность и ринулось на встречу своему несуществующему противнику.

Когда ментальный образ и вурд соприкоснулись иллюзия рассеялась и Иллуар с удивлением уставился на место, где по его

мнению, сейчас должно было корчить огромная туша крылатого льва. Потом он ощутил исходившую из-за спины опасность и стремительно развернулся вокруг своей оси.

Но было уже поздно.

Большая когтистая лапа полоснула по вурдской шее и оторванная голова древнего словно гивейнский мячик, покатилась по кровавому полю брани, оставляя за собой струйки испаряющегося пара. Из шеи вурда, в верх ударил черный поток. Опадая, он прожег в полуметре от себя все близ лежащие тела.

Херувима поразила острая боль. Уже проваливаясь в небытие он успел заметить, как от его лапы теперь остался лишь жалкий огрызок обугленной плоти.

Ахиллес криками приказал единому построению не втягиваться в организовавшуюся свалку. Теперь каждый бился с каждым. В одной большой толпе перемешались все, кто только смог выжить после непрерывного семичасового боя. Невры, кентавры, сурги, гремлины, сидцы, херувимы, торриты и вурды все перемешались в одну сплошную массу. Остатки построения гивейнцев, находилось сейчас с правой стороны от места побоища.

Гимина погибла от неврских клыков. И теперь все чернокожие войны с замиранием сердца ловили каждый выдох своего голубоглазого командира. То что они выжили под ударами невров, стрелами кенов и пиками гремлинов, было поистине чудом. Несмотря на то, что от их трех тысячного войска, остались лишь две сотни бойцов, они все еще были единым целым и теперь только отражали атаки изредка наседавших на них нелюдей. Когда количество нелюдей стало приблизительно равным, ахеец приказал идти в наступление. Он сейчас находился в центре второй шеренги и его приказы тут же передавались по цепи войнов с молниеносностью полета вурдской стрелы.

Когда в последней битве столкнулись последние четыре сотни разумных элементариев, по небу прошелся еще один огненный дождь. Под вой падающих звезд последние войны этого мира вырезали друг друга в надежде оказаться теми тремя, кому будет удостоена честь, стать обладателем вечной телесной оболочки. Тела, которое при желании души его владельца, возможно будет возрождать в материи до бесконечности.

Пока противниками фаланги были двуногие, ряды чернокожих воинов таяли с очень медленной скоростью, но как только перед уставшими людьми выросли тела херувимов и

кентавров, смерть стала посещать единый строй, все чаще и чаще. В конечном итоге несколько крылатых демонов приземлились в самый центр построения и орудия своими шипастыми кистенями, заставили единый организм распасться. За считанные мгновения все перемешалось и уже ни что не могло спасти темнокожих людей от своей неминуемой участи.

Некоторое время Ахиллес все еще бился плечом к плечу с двумя шеренгами, но бросив беглый взгляд назад, он еле слышным голосом отдал последний приказ.

Раз сосредоточиться. И да поможет нам Афина.

***

Посреди огромного плато, на коленях стояла одинокая фигура. Ни кто не смог бы теперь сказать, кем было это существо до того, как началась это последнее волеизъявление Изначального. У него было перерублена правая конечность. По всему телу были заметны кровавые рванные раны. Правая ступня была перегрызена чьими-то острыми зубами. Отсутствовал правый глаз. Его левый зрачок, взирал на мир в полной прострации.

'Кому все это было нужно?'

И все таки, это был человек. Вернее то, что раньше гордо носило имя Абсолюта. Ему оставалось жить несколько секунд. Все сознание ахейца, переполняло великое и пожалуй самое страшное чувство — ОПУСТОШЕННОСТЬ. С такой душевной болью не могло бы сравниться пожалуй ни какие физические раны причиненные его телу в ходе сражения. Одинокая фигура равнодушно взирала своим единственным глазом на кровавый небосвод от куда со страшным ревом приближалось огромное красное око ИЗНАЧАЛЬНОГО.

Его гнев и его Суд.

Окружающий воздух стал нагреваться до нестерпимой температуры. Затем на землю обрушились небеса. Огненная раскаленная глыба с громоподобным треском врезалась в самый центр внутреннего моря. От удара была поднята вся его соленная масса. Она с ревом и свистом, прошлась по тому, что некогда здесь называли Аль-Азифом — Миром Демонов. Водная стихия поглотила одинокую фигуру, которая за секунду до этого, бездыханным мешком повалилось на тела своих поверженных

врагов.

***

От удара огромного астероида, раскроилась верхняя кора мира и огненная масса первичной материи, поглотило все живое в раскаленных объятиях извечного НИЧТО.

Сознание снова обрело покой и умиротворение. Оно покоилось в лоне откуда и проистекало все сущее. Его душа стремилось слиться воедино с этим Абсолютным блаженством. Стать его частью. Стать Единым со вселенной, познать ее истоки и принципы. Стать в одно и то же время малой частью и одним большим целым того, что все элементарии называют БОГОМ. Но лоно воспротивилось такому объединению, хотя БОГ и принял его мятежную душу, но он не спешил познать его знание. Решение было принято.

Слова появлялись ни откуда и пропадали в ни куда. У них не было ни начала, ни конца потому, что в начале было СЛОВО. Слова появлялись в нем самом. Он понимал. Не смотря на то, что СЛОВА были его частью, они пока не принадлежали его сущности.

Тебе, первоначальному антиподу, суждено стать тем, к чему так стремиться древние духи. Стать независимым и постоянной увеличенной материи. Стать карающей дланью для всего сущего в материальной плоскости единого БЫТИЯ. Стать моим карающим оком.

Но я не хочу этого Творец. Я хочу остаться в тебе и обрести покой. Разве я этого не заслужил? — удивилась его сущность.

Знания, обретенные твоими прошлыми перерождениями ценны, но они лишь мизерная часть того, что я постоянно получаю посредством познания своих детей. Зато твое ЭГО огромно. В то время, как все мои малые и старшие дети, (души и духи) стремятся ради ЕДИННОГО возродиться в материи, для обретения новых знаний, ты всегда стремился к статистическому покою. Тебе ни когда не было дел до Тонкого мира, так как ты по своему строению единственный, кто остался от моего первоначального противоборства в первичном хаосе. Ты есть моя противоположность, причем одна из последних и потому, ты для меня самый ценный инструмент познания материи. Развоплощение твоей сущности, не принесет для НАС удовлетворение, тогда как твое вечное перерождение есть благо. Ты тот, чью сущность в Тартаре прозвали Вельзевулом, Сатаной и

Антихристом.

Он пребывал в растерянности.

— Зачем же я тебе нужен. Ведь попадая в материальный мир, я вызываю в элементариях чувства, которые воспитывают в них чувство индивидуальности и твои дети, превращаются в твои антиподы?

И потому я существую. И по тому моей высшей целью, является сохранение тебя, как противовес всему, что так мне дорого. И по тому существует разум во вселенной. Если не станет тебя, рано или поздно наступит первоначальный ХАОС и все повториться с начала. В этом нет смысла, хотя когда ни будь, быть может это и произойдет. А пока, возьми с собой две души и возвращайся в ТАРТАР.

— Зачем мне те, кто уже перерожден и ничего о себе не помнит.

— Ты прав, в этом нет смысла и потому я держу до сих пор в своем сомне, все души элементариев, попавших вместе с тобой в мое лоно после Армагеддона Аль-Азифа. Выбирай…Время не ждет.

— А разве для тебя время имеет значение?

— Для меня нет, для познания, а значит разума — ДА!

— Тогда это будут души тех, что в миру носили имена Сайра и Арест.

— Да будет так АМИНЬ.